

Пётр Червинский

**Формы и виды бега
русской ментальной действительности:
семантика визуальных мотивов и обстоятельств**

Тернополь
«Крок»
2014

Рецензент:
доктор филологических наук,
профессор Ростовского университета
Елена Покровская

Червинский П. Формы и виды бега русской ментальной действительности: семантика узуальных мотивов и обстоятельств. – Тернополь: Крок, 2014. – 236 с.
ISBN 978-617-692-235-3

Бег рассматривается как такой существующий в языковом (и не только) сознании способ перемещения в пространстве, который, будучи интенсивным (по сравнению с ходьбой) и активным (по сравнению с ездой), требует обоснования и мотивации – как вынужденный, как необходимый, как производимый в силу каких-то причин. Все это находит свое отражение в представлениях самого разного вида и свойства, имеющих общезначимый, распознаваемый (узуальный) характер, типичный в своих воплощениях для представителей данной этнокультурной среды, отличающих их от других и действующих по отношению к ним как способ оценочной и когнитивной ориентации в окружающем. Опыт совместного национально-культурного переживания и проживания, воплощаясь в сознании в представлениях о действительности, создавая ментальный образ этой самой действительности, действует и как общий, накопленный поколениями, когнитивный багаж, и как такой регулятор реакций, интерпретаций, действий и их мотиваций, который, отвлекаясь от всего остального, формирует систему, имеющую как свой вертикальный (парадигматический), так и свой проективный (синтагматический) вид и аспект. Входит в сознание и в нем существует все это, в первую очередь, через язык, его единицы и тексты, фольклорные, песенные, литературные, репрезентивные и прецедентные, т.е. такие, на которых воспитываются и которые знают, так или иначе, все носители данной национальной культуры. Попытку последовательно дифференцирующего подхода к этому через обращение к видам и формам бега, характерным для русской ментальной действительности, и представляет собой предлагаемая книга.

ISBN 978-617-692-235-3

© Piotr Czerwiński, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Бег как осуществляемое кем-то в пространстве перемещение	5
О ментальной действительности (несколько слов к представлению)	10
Об узуальных мотивах и обстоятельствах на примере езды	15
Об ориентирующем экспликативе изучаемой ментальной действительности	25
Чацкий и Софья: езда как намерение в ее вероятных мотивах и обстоятельствах	28
О формах и видах экспликативной значимости узуальных мотивов	31
Типологические сферы мотивов	35
'Ехать' сигнификативного представления	43
Построение типологической схемы мотивов	49
О коммутативах, или группе смен, перемен и смещений	56
О ментальной значимости некоторых исторических сюжетов	70
О механизме последовательно-репрезентативного удвоения	75
О лексемных значениях <i>бегать</i> / <i>бежать</i> с выведением общего смысла	81
О характере перцептивного отношения к бегу	90
Представление о видах бега	93
О значениях <i>бегать</i>	102
О возможных объектно-пространственных реализациях бега (еще раз об узуальных мотивах и обстоятельствах, и о моделях)	115
<i>Бегать</i> не первого (не основного) значения (с уточнением видовых параметров бега)	128
О характере бега в связи с направленностью его устремления	138
Ментально значимые представления о беге на примере фольклорных текстов (модели и их наполнение)	141
Бег как бегство ради спасения (фугатив)	145
Еще один вид фугатива	150
О других разновидностях бега	153
Дальнейшие разновидности фугатива	157
О некоторых повторяющихся в сказках мотивах в связи с проективами бега	162
Виды и формы бега на материале текстов художественной литературы	169
Лермонтовские «Беглец» и «Мцыри»	169
Виды бегства у Гоголя («Вий», «Вечер накануне Ивана Купала»)	175
"Новое время – новые песни"	181
Бег Паниковского с гусем	184
Бегства Остапа Бендера	188
Беготня «Двенадцати стульев»	197
Несколько слов в обобщение: динамизация производимого в беге как политическая необходимость и интерес	205
Еще раз о ментальной дифференциации видов бега	207
Зависимость видов бега от ориентирующих форм бытия	217
Двенадцать рассмотренных в обобщении разновидностей в группирующем их представлении	226
Литература	231

Пётр Червинский (Piotr Czerwiński), профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Силезского университета, специалист в области семасиологии, этносемантики, этимологии, семантического языка фольклорных традиций, автор учебников, словарей, монографий, компьютерных курсов. Имеет более 470 опубликованных научных работ (в Польше, России, Германии, Венгрии, Чехии, Словакии, Болгарии, Испании, Румынии, Литве, Белоруссии, Украине, Грузии, Латвии; около 100 из них помещено в Интернете, в международных журналах гуманитарного профиля). Основные (книжные) публикации: “Семантический язык фольклорной традиции”, “Семантика слова в системе стихотворного целого (на материале поэзии С. Есенина и Д. Кедрина)”, “Ступени Храма. Этапы этнического сознания. Эскиз модели Священной еврейской истории” (серия из пяти книг), “Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации”, “Наречие. Дидактический словарь”, “Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические аспекты этносемантики”, “Семантико-операциональный язык для диалога с машиной”, “Словари толкования сновидений. Заметки к строению интерпретативной модели”, „Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц”, „Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные”, „Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц”, „Патетизмы советского официоза в аспекте модулятивной семантики”; а также написанные в соавторстве: “Логика курса «Русский язык»”, “Русский язык. Введение”, “Русское произношение и правописание”, “Теория и практика русской речи”, “Толковый словарь иностранных слов. Общеупотребительная лексика”, “Большой толковый словарь иностранных слов” (в 3-х тт.), “Энциклопедический мир Владимира Даля” (в 6-ти тт.), “Иностранные слова и словосочетания с ними” (в 2-х частях), “Лингвопсихологический учебник здоровья”, “Иноязычная лексика русского языка (с методикой дидактической игры и творческих заданий)”, “Мой язык и компьютер. Этимологический словарь иноязычной лексики русского языка” (в 2-х частях), “Metaphern des russischen sexuellen EGO. Ein linguopsychologisches Wörterbuch des aktuellen Sprachgebrauchs.” (серия выпусков), “Наречие. Семантика, правописание, речевое употребление” (в 2-х частях), “Аспекты лингвопсихологической диагностики партнерских отношений”, “Язык сознания в его вербальных и невербальных реализациях”, “Метафоры русского сексуального EGO: концептуальный подход к описанию лексики и составлению словаря”. Научные интересы связаны с этнолингвопсихологическими проблемами языка и сознания: сопоставительная лексикология, словообразование, ономастика, язык политики и средств массовой коммуникации, язык поэзии и художественной литературы, современный речевой узус, развитие речи и интеллекта, прогрессивные методики обучения. Персональный сайт автора: <http://piotr-czerwinski.narod.ru>

Бег как осуществляемое кем-то в пространстве перемещение

Первое, на что стоило бы обратить внимание, затрагивая поставленную в указанном развороте проблему, это на тот общий смысл¹, который включает в себя все возможные стороны проявления потенциального бега или того, что, если и не воспринимается прямо как бег, характеризуется, определяясь через него. Речь пойдет о том ментально оформляемом образе-схеме, который, присутствуя в языковом и не только языковом сознании в отношении бега и всего того, что им может быть, представляет собой нечто взятое вне конкретно осуществляемых его проявлений². Однако, поскольку сомнительным и мало оправданным было бы сознанию и языковому сознанию нечто подобное приписать, а к понятию инварианта, как в таких случаях принято в семантике и семиотике говорить³, не хотелось бы обращаться в силу указанных в предыдущей сноске причин, попробуем сделать это как бы так своего рода *ad hoc*, без имеющихся терминологических и процедурных рецептов и заготовок. Оправданием такому подходу послужит необходимость определения в беге не столько того, что имеется в нем в отношении лексической или фразеологизованной (поскольку все же не фразеологической) семантики, сколько того, что связывает его, отражая в себе и входя в нее, с тем, что названо было в заглавии русской ментальной действительностью, к определению которой еще предстоит обратиться. Оттолкнемся в этом своем рассуждении для начала от узуальных значений глагола, поскольку то, что передают существительные, причастия, прилагательные или

¹ Общим смыслом, о котором речь, можно отчасти, если не в полной мере, считать, в первую очередь, то, что составляет так называемое смысловое единство многозначной лексической единицы, которое, представляя собой основание для развития и образования новых значений, основание семантической деривации, может рассматриваться как динамическая, свертывающаяся и развертывающаяся, основа перцептивно-генеративного ее представления (см. об этом, в частности, у Е.В. Падучевой: *Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. Отв. ред. Л.П. Крысин, М., 2000, с. 395-416; Падучева Е.В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания, 1998, № 5, с. 3-23, с обращением к литературе вопроса в этих ее работах).*

² В данном месте опустим общеизвестные и многократно уже обсуждавшиеся в литературе вопросы о фреймах, сценариях, схемах, паттернах и т.п., имеющие отношение к определяемому. См.: *Минский М. Структура для представления знаний // Психология машинного зрения, М., 1978, с. 250-338; Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979, 151 с.; Шенк Р. и др. Обработка концептуальной информации. М., 1980, 360 с.; Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23, М., 1983, с. 52-92; Клецев А.С. Семантические порождающие модели. Общая точка зрения на фреймы и продукции в экспертных системах. Владивосток, 1986, 40 с.; Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. Серия: „Актуальные проблемы прикладного языкознания”, М., 1987, 54 с.; Солсо Р. Когнитивная психология. М., 1995, 589 с.; Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике. // *Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. М., 1997, с. 340-369; Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36, М., 1998, с. 274-323; Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. М., 1999, 312 с.; Дьяконов В.П., Борисов А.В. Основы искусственного интеллекта. Смоленск, 2007 и пр. Не для того только чтобы не блуждать в нагромоздившихся пониманиях, подходах, значениях и интерпретациях терминов, но, прежде всего, для того, чтобы, оттолкнувшись от языкового материала, попытаться увидеть в нем то, что есть, не заслоняясь готовыми представлениями.**

³ Об инварианте в необходимом для нас понимании см.: *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору (Сборник статей памяти В.Я. Проппа). М., 1975, с. 44-76.*

наречия с данным корнем (что также может быть показательно), следует все же воспринимать как его производные, ибо исходной, видимо, будет семантика некоего представления как совершаемого действия⁴. Впрочем, чем оно будет, подобное представление, вывести еще предстоит, а потому оставим данный вопрос без ответа.

Первым и основным значением, от которого следует как производные воспринимать все последующие, отмечается в словарях то действие, которое, связываясь с соответствующим попеременным ускоренным передвижением ног, предполагает перемещение в каком-л., т.е. специально не обозначенном, а потому и любом, направлении. Перемещение, следовало бы добавить, в пространстве, однако не просто в пространстве, а по его какой-то поверхности, твердой, со всей очевидностью, прежде всего, с изменением места исходного, хотя и не обозначенного специально, положения на другое какое-то по завершении бега. Не будет поэтому искажением определить искомое представление как такое, которое предполагает наличие а) того, кто совершает осуществляемое с помощью производимых им действий ног перемещение; б) наблюдаемого либо воображаемого (совершающий действие также может как наблюдаться, так и воображаться) проектива пространства, поверхность которого служит производимому перемещению, отталкиваясь от которой ногами совершающий действие одновременно перемещается в ее плоскости в каком-л. избранном им направлении, допустимом физическими свойствами данного проектива; в) возможного как существенное для совершаемого действия, но не отмечаемого для его семантики, хотя и предполагаемого, изменения места исходного положения в начальной точке, в отношении совершающего, с последовательным передвижением его в проективе пространства по точкам к завершающей, финишной, точке к концу.

Прежде чем вывести на этой основе удобную для оперативного представления модель, с тем чтобы от нее оттолкнувшись, обратиться к дальнейшему, имеет смысл ряд определителей в сказанном дополнительно уточнить. Прежде всего, таковой должна быть позиция не обозначенного в пунктах (а, б и в) наблюдателя⁵, под которым следует понимать языкового и речевого субъекта,

⁴ Действие это, процесс, состояние, деятельность или что-то еще, в соответствии с существующими о глагольной семантике представлениями (см.: *Васильев Л.М.*, Семантика русского глагола. М., 1981, 184 с.; *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982, с. 7-85; *Вольф Е.М.* Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. М., 1982, с. 320-354; *Кильдибекова Т.А.* Глаголы действия в современном русском языке: Опыт функционально-семантического анализа. Саратов, 1985, 160 с.; *Гак В.Г.* Номинация действия // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992, с. 77-84; *Григорьян Е.Л.* Действие и деятель // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992, с. 96-102; *Падучева Е.В.* Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992, с. 69-77; *Падучева Е.В.* О параметрах лексического значения глагола: отнологическая категория и тематический класс // Русский язык сегодня. Т. 3. Проблемы русской лексикографии. Ред. Л.П. Крысин, М., 2004, с. 231-238 и др.), в данном случае не будет иметь определяющего значения, поскольку передаваемый в разных употреблениях смысл одного и того же глагола может себя проявлять как одно, так и что-то другое (*Падучева Е.В.* О семантической деривации...; *Падучева Е.В.* О параметрах лексического значения глагола...) Слово *действие* было использовано не в квалифицирующем, а потому и не в терминологическом, смысле, как нечто, имеющее процессуально переживаемое, как динамическое, так и, возможно, статальное для субъекта значение, характеризующее его чаще с активно себя проявляющей стороны.

⁵ Представление о наблюдателе можно найти в работах: *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28, М., 1986, с. 5-33; *Кустова Г.И.* Глаголы изменения: процесс и наблюдатель // Научно-техническая информация, Серия 2. 1994, № 6, с. 16-31; *Кустова Г.И.* Перцептивные события: участники, наблюдатели, локу-

т.е. говорящего или носителя языка, позиция которого состоит как в непосредственном, так и в воображаемом наблюдении, равно как и в не наблюдении, а представлении или знании, что такое и каковым должен быть бег, потому и оценивающего производимое либо воображаемое действие (или не действие) на основе известных параметров как бег. В связи с чем о параметрах, или признаках, бега, позволяющих так его называть или только воображать, и должна идти речь. Что допускает, верифицируя, квалифицировать для сознания осуществляемое как бег, в этом и будет на данном этапе анализа состоять задача.

В отношении того, кто его совершает, необходимым следует признать уточнение, предполагающее способность к перемещению в пространстве с помощью нижних конечностей, или ног, а тем самым, наличие у него таковых. Смысловые ограничения к совершающему, следовательно, укладываются в представление о живом либо одушевленном предмете (а также его имитации), наделенном конечностями, внешне распознаваемыми как такие, которые могут, касаясь какой-то, твердой прежде всего, поверхности и передвигаясь по ней, способствовать перемещению по той же поверхности их обладателя. Обычная ориентация такой поверхности по отношению к совершающему предполагает соприкосновение с расположением под ним, т.е. внизу, а такие конечности, при наличии у него других, воспринимаются как конечности нижние. Что-то другое, также возможное, будет требовать уточняющего распространения (скажем, бег на руках, по стене, потолку, по воде, *перен.* на голове, на ушах). Совершающим, следовательно, может быть такой представитель разряда живых, равно как и не живых, существ, их подобий, который, будучи обладателем нижних конечностей, способен к воспринимаемому попеременному передвижению их в пространстве: человек, животное, земноводное (но не жаба, лягушка и не змея), птица, паук, насекомое, рак, скорпион; мертвец, привидение, робот, кукла, манекен, игрушка в виде кого-то из перечисленных.

Что касается вида и формы пространства (его проектив в пункте б), в отношении которого способен реализовать себя бег, таковым в первую очередь может быть наблюдаемая или воображаемая естественная либо искусственная поверхность, более или менее ровная и по возможности твердая плоскость, имеющая некую протяженность в длину-ширину и допускающая по этим причинам возможность передвижения по себе в каком-л. направлении с помощью перемежающегося, т.е. сменяющего друг друга, касающегося и отталкивающегося движения нижних конечностей, ног. Такое пространство, представляясь исходно сознанию как поверхность, в каких-то участках, земли и ее форм-имитаций, задействуется в отношении бега как двумерное, его третье измерение семантикой бега не покрывается, хотя может служить ориентиром фиксируемого отсчета производимого перемещения.

Изменение места исходного положения (пункт в) с последовательным в своей наблюдаемой либо воображаемой траектории перемещения по точкам преодолеваемого в беге пространства, имеющего в себе какую-то заданную, не обязательно уточняемую или осознаваемую цель в виде нового места конечного положения, достигаемого в итоге осуществленного перемещения, – это все, хотя и предполагается и может оказаться существенным при каких-то употреблениях и обстоятельствах, для семантики бега в его первом и основном значении необ-

сы // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 1999, с. 229-238; *Падучева Е.В.* Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 5(12), М., 2006, с. 403-413.

ходимо признать не проявленным. Понимание и квалификация говорящим осуществляемого кем-то действия как бега не требует знания, откуда куда, почему и зачем этот кто-то бежит, хотя реально такое знание сознанию свойственно.

Тем самым, для того чтобы представить в своей голове некоторое явление, некий внешний феномен как бег в его первом значении (не обязательно при этом назвав это данным словом), достаточным и необходимым будет наличие двух составляющих – того, кто его совершает, и того, в отношении чего, в указанных перед этим параметрах, предполагающих быстро сменяющиеся друг друга, касающиеся и отталкивающиеся от более или менее плоской поверхности движения нижних конечностей, ног, приводящие к перемещению совершающего эти движения по этой поверхности.

Из этого следует, что в отношении языкового субъекта как наблюдателя важным оказываются:

- быстрое попеременное движение нижних конечностей / их подобия по плоской поверхности с их касанием и отталкиванием от нее;
 - последовательное передвижение по точкам этой поверхности;
- и для него же, как носителя знания, не обязательно наблюдателя:
- предполагаемое изменение места исходного положения совершающим в пользу какого-то нового, разрешающего и завершающего производимый процесс.

Для бега при этом важно, в отличие, скажем от ползания или ходьбы, осознаваемо бóльшая быстрота при движении ног и прикладываемые физические усилия совершающего. В истоке интересующих нас актуальных в национальной ментальности узуальных значений, тем самым, лежит физически осуществляемое, наблюдаемое в проявлении, действие как в отношении производимых при этом движений ногами, так и в отношении преодолеваемого в результате этих действий пространства – пространственного объекта (места), двумерно воспринимаемого проектива пространства. Внутренний образ-схема в сознании предполагает: вижу / отталкивающиеся / от поверхности / сменяющие друг друга ускоренные движения (перестановку, перемещение) нижних конечностей (ног) / приводящие к изменению, перемещению, перенесению, переходу в пространстве того, кто эти движения производит / знаю / что перемещение происходит при этом с одного объектно-пространственного проектива в другой. Объект выступает при этом как проектор пространства, а пространство – как наблюдаемая материальная протяженность, имеющая размеры и форму-объем, способная быть местом-вместилищем (помещать), служить в своих материальных параметрах локусом пребывания, переживания состояния, осуществления акции. Тем самым, имеется:

- Субъект-обсерватор – наблюдаемый им Объект₁ как агент осуществляемого им ногами (их подобиями, субститутами) ускоренного сменяющегося движения с поочередным отталкиванием их от более или менее плоской поверхности
- наблюдаемого Объекта₂ как проектива видимого пространства
 - с наблюдаемым / отмечаемым / перемещением Объекта₁ в результате производимого им движения в пунктах Объекта₂, имеющего предполагаемые либо наблюдаемые исходную и конечную точки перемещения.

Три составляющих части описываемого значения можно представить в терминах *акции*, *трассы*⁶ и *перемещения*. Все три при этом необходимо признать описываемыми, с той особенностью, что начальная и конечная точки перемещения для лексического значения не обозначены. В сознании в отношении *бегать* рассматриваемого основного значения присутствующий схематический образ можно интерпретировать как динамизированный контагиозный сплав – сцепленное, не осуществляемое одно без другого, единство производимого кем-то перемежающегося движения касающихся и отталкивающихся от плоской поверхности видимого пространства ног, сопровождающегося и приводящего к его же ускоренному перемещению по той же поверхности. В подобного рода сцепленном единстве находятся агенс двух динамических положений (соответствующего движения ног и его же ускоренного перемещения в пространстве) и место, как пространственный объект и траектор осуществляемого агенсом отталкивающегося движения ног и его на нем перемещения. И этот агенс движения и перемещения, и место, как отдельно воспринимаемый объект представляемого при этом пространства, и как траектор осуществляемого на нем продвижения, могут и будут в интересующем нас отношении выступать характеристическими, наделяя и производимое действие, и производящего, свойствами, существенно значимыми для носителей языкового сознания. Однако рассматривать этот вопрос хотелось бы как развиваемое следствие преобразуемой в представлениях языковой семантики, отталкиваясь от нее и на нее опираясь.

По этим причинам рассмотренное столь подробным, а в ряде мест и тавтологическим, образом первое и основное значение, следует воспринимать как исход и исток предлагаемого к рассмотрению в последующем. С тем чтобы, в первую очередь, вывести общий смысл, обозначенный в самом начале как необходимый к развертыванию, уточнению и отображаемому претворению в этом последующем. Мыслясь как неизменное составляющее семантического единства всего того, что может восприниматься в сознании носителя русского языка как 'бег' (хотя и не обязательно с помощью только данного корня и слова обозначаться), смысл этот должен встречаться, себя обнаруживать и повторяться в каждом из вероятных своих воплощений. По крайней мере, нечто такое можно предположить, с тем чтобы проверить его при анализе материала. Прежде чем к этому предполагаемому в дальнейшем анализу и рассмотрению приступить, в его трех задуманных нами этапах

– с расширением проанализированной семантики на последующие, не основные, лексические значения глаголов *бегать* / *бежать*, с предполагаемым выведением на этой основе ее семантического ядра, или общего смысла, определяющего и задающего единство имеющихся и допустимых значений;

– с переносом этой расширенной, или, в конечном итоге, свертываемой, семантики на возможные в более или менее устойчивых сочетаниях употребления;

– с отображением этой семантики в том, что привычно ассоциируется с бегом в национальном сознании и культуре через ее прецедентные тексты, репрезентативные знания и типичные восприятия, –

⁶ Подробную и обстоятельную разработку с привлечением языкового материала всего того, что связано с перемещением в пространстве, в отношении трассы, направления, локума и т.п., с позиций семантики синтаксиса, можно найти в учебном пособии *Всеволодовой М.В., Владимирского Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982, 264 с. Там же имеется и литература вопроса (в силу дидактической направленности работы выборочно не полная).

прежде чем к этому приступить, имело бы смысл представить в каком-то своем приближении то, что было названо русской ментальной действительностью. Понятие, которое было бы, может, понятно само по себе и потому не требовало дополнительных уточнений, если бы не его применение в несколько неожиданном окружении, к которому следовало бы добавить, помимо предложенных лексико-семантических рассуждений, заявленные в заглавии и определенные как узуальные мотивы и обстоятельства, с тем чтобы все это не только в концептуальное, но и аналитическое единство затем связать. То единство, на основе которого, как не случайного, а потому к рассмотрению выбранного, должны возникать какие-то важные и синтезирующие идеи и представления.

О ментальной действительности (несколько слов к представлению)

Под ментальной действительностью, русской, равно как и, вероятно, какой-то другой, стоит предполагать тот комплекс актуализируемых для сознания представлений, которые формируют не столько особый характер какого-то отношения и впечатлений об окружающем, что не следует отрицать как само собой разумеющееся, сколько, в первую очередь, именно ее самоё, как действительность реально переживаемого и проживаемого (в том числе также прожитого) бытия. Однако не в фактологическом, т.е. каком-то реальном или близком реальному его проявлении, вне снятых определений, оценок и придаваемых свойств, но в мировоззренческом, т.е. оценочно-концептологическом, хотя и без четкого осознания приписываемых данному (как своему бытию) ориентирующих атрибутов и объявлений. Та действительность, в которой живет и проявляет себя соответственным образом человек, воспринимается, может восприниматься им, как бы в двух (хотя, возможно, и больше) реляционных позициях:

1. Как отслеживаемая и рефлекслируемая, просеиваемая сквозь сито и фильтры воспринимаемых и осознаваемых представлений, усвоенных некогда и последовательно в дальнейшем усваиваемых, заимствуемых из окружающей среды, к которым возможно, хотя и не обязательно, если не вполне отстраненно-критическое, верифицирующее, контролирующее и оценивающее отношение, то, по крайней мере, отслаивающее и селективное, базирующееся на внутреннем ощущении созвучного и принимаемого либо не созвучного и отталкиваемого, вытесняемого, изводимого из себя.

2. И как не отслеживаемая и не рефлекслируемая, а потому не просеиваемая, не подвергаемая переоценке и упорядочиванию, воспринимаемая внутренне как действительность реального своего существования, в отношении которой думается, что она таковая есть, хороша или не хороша, и другой быть не может. Такова она, эта жизнь, так устроен мир, таковы уж люди. Это действительность ментального, бытового, экзистенциального и вместе с тем также вербального, речевого опыта, не осознаваемого обычно как таковой, поскольку к тому, что передает себя и выражает словами, при осознании того, что это было выражено с помощью слов, человек современного восприятия доверия полного не испытывает, верифицируя это с помощью собственных представлений. Тем самым, эта действительность внутрисубъектного пребывания, отображающая и воплощающая себя в ощущениях, полужнаниях, импульсах, в неоформленных отношениях, порывах, желаниях, поисках, в неосознанных механизмах реакций, го-

товых и полуготовых реплик, неоконченных фраз, поведенческих актах, в обрывках каких-то мотивов, стереотипов, моральных оценок, включая внутреннюю позицию в том числе и себя самого, не всегда адекватно определяемую, – эта действительность, скажем так, внутреннего освоенного становится средством оценки, переработки, принятия и непринятия той действительности, которая воспринимается как входящая, если не прямо навязываемая кем-то или чем-то извне.

Об этой извне входящей и подключаемой к осознаваемому отношению действительности принято думать как о такой, которая не вполне (если вообще не) соответствует существующей, данной нам в ощущениях, внешней действительности, поскольку образ ее, искаженный и преображенный, становится, есть или стал таковым по какой-то причине. Так люди думают, так принято думать, каким-то кругом каких-то лиц, потому что так надо кому-то и для чего-то, потому что так получилось, сложилось, потому что удобно, и компромиссно, и всем хорошо. Знание и представление об этой общественно принимаемой действительности позволяют, ориентируясь, взаимодействовать в том окружении, которое принимает ее как проверенный механизм для себя, внешних контактов, взаимодействий и проявлений. Тем самым, оказывается, что эта внешняя по отношению к субъекту оформленная оценочно и ментально действительность, как знания, представления о той, что реальна, становится, и отнюдь не случайно, частью, пусть и не до конца обрисованной, той, которая была нами названа действительностью внутрисубъектного пребывания (чтобы не говорить индивидуального опыта, поскольку опыт этот, если и индивидуален, то далеко не вполне, а отделить в нем одно от другого ни на что бы не повлияло и потому не имело смысла).

Если эта вторая действительность, внутрисубъектного пребывания, не осознаваемая или не вполне осознаваемая также как преобразованная и искаженная (по той хотя бы причине, что не искаженное представление о действительности вряд ли реально возможно), если эта действительность служит, в первую очередь, средством и способом существования и ориентации в окружающем мире, давая одновременно с этим материал для оценки его состояний, явлений, признаков, свойств и проблем, то та действительность, которая была обозначена как ментальная внешняя, осознаваемая как вносимая общественным окружением извне, также становится средством ориентации, будучи принята и освоена той, что внутри. Средством ориентации в людях, в общественных институтах и организмах, в моральных оценках и социальных нормах, в чужих высказываниях и поведении, в политике и в истории, в межличностных отношениях и т.п.⁷

⁷ Ср. понимание национальной ментальности у В.В. Колесова, подробно исследовавшего все ее грани и русскую специфичность в их обстоятельности и полноте, связавшего их и ее как целое не только с проявлениями в речи и в языке, но и, вслед за В. фон Гумбольдтом, со способом языковой категоризации мира самих говорящих. Исходя из своих представлений, Колесов предлагает такое определение (курсив и выделение шрифтом его): «*Национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определенной обстановке – это и есть ментальность.*» (Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2007, с. 13) В приведенном определении хотелось бы обратить особенное внимание на способность истолковывать явления, из чего непосредственно следует также способность действовать в обстановке.

Тем самым, то, что было названо нами русской ментальной действительностью, следует понимать как ментально оформленную в сознании (но при этом не обязательно и не всегда осознаваемую как таковую) совокупность индивидуально существующих, но не индивидуальных по своему характеру, компонентов, фрагментов, событий и объявлений экзистенциального опыта, включая и предполагая в нем некий сущностный слепок всего имевшего место, проживаемо-пережитого, как его себя проявляющий и одновременно характеризующий эссенциатив. Субъект, как носитель данной ментальной действительности, должен восприниматься не как индивидуализированный индивид, а как индивид в проявлении, наделенный индивидуально оформленными в сознании не индивидуальными или не вполне индивидуальными свойствами. Отсюда необходимость, с одной стороны, не нивелирующего особенности подхода, не игнорирующего несобранность и флуктурирующую вариативность не случайных и, если не индивидуальных, то индивидуализируемых отличий. А с другой, такая же необходимость не рассыпающегося в этих отличиях, не блуждающего в них, но, по возможности, фокусирующего, типологизирующего и синтезирующего, в конечном итоге, к ним обращения. Того обращения, которое бы учитывало определяемый феномен субъекта и его ментального бытия. Субъекта, которого можно было бы воспринимать как отвлеченный и несколько экстравагантный экстракт не вполне носителя данного языка, данной ментальности и культуры, но носителя несобственно-собственного внутреннего убеждения обо всем, претворенного в импульс своего (индивидуально-типажного) реактивного отношения к миру через имеющийся в его внутреннем представлении такой же экстракт претворений о нем. Экстрактом таких различных по видимой их природе преобразований и претворений всего наблюдавшегося и всего в сферу внутреннего в отношении охарактеризованного субъекта включавшегося и будет рассматриваемая ментально-экзистенциальная, ориентирующая к субъекту и миру (но не его только миру), действительность.

Узуальными мотивами и обстоятельствами этой действительности будут, скажем так, привычные и распознаваемые, а потому и значимые в том или ином отношении, ситуативные рубрики, или разделы, знакомые в какой-то, часто определенной, связи, способные по этой причине быть развернутыми по каким-то им внутренне свойственным и ранее проходившимся образцам, в ту либо другую сторону, а потому и оценивающимися в каком-то своем отношении в зависимости от принимаемой той или иной стороны. Тем самым, если под ситуацией⁸ понимать некоторое событие⁹ или явление, т.е. то, что осуществляется и происходит, имеющее более или менее определенно законченный вид в составе

⁸ Для сравнения и более полного представления о возможном структурном отображении ситуаций см.: *Мартемьянов Ю.С.* Заметки о строении ситуации и форме ее описания (работа 1964 г.) // *Мартемьянов Ю.С.*, *Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов.* М., 2004, с. 103-126. О ситуации также см.: *Зализняк Анна А.* Контролируемость ситуации в языке и жизни // *Логический анализ языка: Модели действия.* М., 1992, с. 138-145. И в связи с синтаксическим воплощением: *Григорьян Е.Л.* Синтаксические структуры как способы представления ситуаций // *Филологический вестник Ростовского гос. университета.* 2000, № 2, с. 25-32.

⁹ Толкование события с позиций лингвистики можно встретить в работах: *Демьянков В.З.* «Событие» в семантике, прагматике и координатах интерпретации текста // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка,* 1983. Т. 42, № 4, с. 320-329; *Арутюнова Н.Д.* Событие // *Арутюнова Н.Д.* *Язык и мир человека.* 2-е изд., исправл., М., 1999, с. 507-519. С позиции семантической логики: *Davidson D.* The individuation of events // *Essays in honor of C.G. Hempel,* Dordrecht 1969, pp. 216-234; *Kim J.* Events and their descriptions: some considerations // *Essays in honor of C.G. Hempel,* Dordrecht 1969, pp. 198-215.

своих предикатно связываемых актантов-участников, стремящееся в своем решении к какому-то целевому концу, с достижением либо не достижением которого (но с прекращением достижения) данная ситуация оказывается исчерпанной, реально переставая существовать, то узуальными¹⁰ для нее мотивами будут напоминающие, типично связываемые с ней, фрагменты и компоненты ее протекания, не полные и не завершаемые по самому своему существу, а под узуальными обстоятельствами воображаемые как реальные формы происходящего и существующего, в условиях которых, а часто и при наличии их, ситуация может или должна себя осуществлять.

Мотивы и обстоятельства, о которых речь, потому узуальны, что вызывают в сознании говорящих, носителей данной ментальной культуры и языка, какие-то не любые, но типовые, более или менее общеизвестные, сходные представления о привычном, известном, распознаваемом, часто знаковом, протекании, осуществлении того либо иного ситуативного проявления. При этом реальное не обязательно, а часто даже не может и не должно по своей природе быть таковым. Это реальное воображения, реальное ментальной действительности, относимое и определяемое в сознании и для него, к 'тому, что реально', что приписывается реальной действительности не столько как то, что возможно и может в ней происходить, а скорее как то, что ее объясняет. Иными словами не то, что как таковое действует в ней, но как то, что способно в ней себя обнаруживать и в ней себя проявлять обобщенно воспринимаемыми фактами или фрагментами, отдельностями, подключаемыми, вписываемыми в известные блоки и формы того, что заряжено для сознания способностью как реальное себя проявлять. Но не как действительное реальное, а как реальное национально-ментального бытия с его представлениями о том, как устроена и как действует в тех или иных своих проявлениях и обстоятельствах эта общая национальная жизнь.

В итоге следовало бы говорить о модусе¹¹, о такой модальности реальной действительности, которая предполагает ее не столько реальной, и изначально не слишком реальной, но метареальной и объясняющей, по отношению к той, что реальна, и ориентирующей в ней. То есть фактически по отношению к себе

¹⁰ Понятие узуса как совокупности языковых навыков, принятых в данном обществе и обусловленных определенными манифестациями, в языкознании ввел Л. Ельмслев: *Ельмслев Л. Язык и речь* // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965, с. 56-66. См. также: *Косериу Э. Синхрония, диахрония и история* // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III, с. 143-343; *Ерофеева Е.В. К вопросу о соотношении понятий норма и узус* // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. статей. Отв. ред. Т.И. Ерофеева. Вып. 2. Пермь, 2003, с. 3-8.

¹¹ Представление о модусе, введенное Ш. Балли, предполагает передачу в высказывании, в том, что и о чем сообщается, отношение говорящего к сообщаемому (модус знания, модус мнения, модус желания, стремления и т.п.). В связи с чем он выходит в модальную сферу, или область модальности (реального / ирреального, условного, желательного, возможного и т.п.). Подразделение модусов на сенсорный, ментальный (эпистемический), эмотивный и волитивный предложено Н.Д. Арутюновой: *Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт.* М., 1988, 341 с. О модусе см. также в работах: *Кобозева И.М. Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения, знания* // Логический анализ языка: Знание и мнение. Сб. науч. трудов АН СССР. Ин-т языкознания. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1988, с. 82-98; *Рябцева Н.К. Ментальный модус: от лексики к грамматике* // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993, с. 51-57; *Яцко В.А. Логико-семантические аспекты понятия отчужденного знания* // Научно-техническая информация. Серия 2, 1993, № 7, с. 19-25; *Краснова Т.И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики)*. СПб, 2002, 189 с.; *Кибрик А.Е. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов* // Вопросы языкознания, 2009, № 2, с. 2-21 и др.

самой. А тем самым, это не столько сама действительность и даже не столько воображаемое представление о ней, сколько ее, воображаемой действительности, еще один модус, или модальность. Модальность ориентирующего в ней экспликатива, если как-то ее называть, в высказываниях способная себя проявлять и как объективная, с помощью форм наклонения, и как субъективная, при посредстве лексических средств. Модальность, если использовать данное определение, включающая в себя значения как реального, так и не реального, ирреального, экспликатива, мыслимого осознаваемо либо не осознаваемо, ощущаемого как таковой. К значениям реального экспликатива следует относить то, что думается как принимаемое, адаптированное в сознании как освоенное свое. К значениям ирреального, императива и конъюнктива, то, что, имеясь в сознании, воспринимается в нем в отношении „так думают, так принято, так понуждают думать о жизни и о реальности существования, но это вряд ли так, а возможно, и не действительно или даже совсем не так”. Основания к подобному представлению чего-либо, того или иного высказывания, определения, знания, утверждения, мировоззрения, ментальной системы, дает имеющаяся в сознании модальность реального экспликатива, способного интерпретировать и объяснять не только саму действительность, но и выдаваемые за неопровержимо верные представления о ней. Модальность реального экспликатива, тем самым, действует как определитель такого же экспликатива, но другого и как ирреального. При этом, необходимо и важно добавить, что так же, как и в случае с модальностями реальности / ирреальности, объективными и субъективными, объявляющими себя грамматически и на основе лексических средств, для сознания это не то, что воспринимается как действительность непосредственно данного в ощущениях, но как более или менее верное представление о ней, сложившееся и существующее в том же сознании как недооформленное и фрагментарное, но реактивное. Знание относительно жизни в каких-то реальных условиях и ее, в первую очередь национально очерченного, поскольку национальным языком отражаемого и воплощаемого, бытия.

Все это, а также сказанное ранее и не сказанное другое, предполагается к объяснению на материале. В данном месте, прежде чем приступить к оставленному рассмотрению последующих значений глагола *бегать* / *бежать* с выведением на этой основе общего для них лексемного смысла, достаточным будет для более ясного представления указанные мотивы и обстоятельства показать на примере. Отвлечемся для этого на время от лексемно оформленных представлений о беге, с тем чтобы иметь возможность рассматривать их в дальнейшем, не упуская того, что для них характерно, взяв нечто близкое, но все же не то же самое. Речь также пойдет о движении, но выражаемом с помощью представлений езды. От бега данное передвижение отличается тем, что производится не с помощью ног, т.е. тот, кто осуществляет езду, кто едет, оказывается подверженным действию, испытывает его на себе, сам при этом внешних прямых усилий по перемещению себя в осваиваемом в результате езды пространстве не производя. Впрочем, не эти особенности, равно как и не возможные при этом лексические значения, нас будут интересовать, а то, что можно вывести на этой основе для всего остального.

Об узуальных мотивах и обстоятельствах на примере езды

Представление о езде должно быть вписано, для своего развития в структурах ориентирующего экспликатива, для того чтобы стать единицей, частью фрагмента национальной ментальной действительности, в нечто с ней связываемое. Привычно и распознаваемо, а потому не случайным и значимым образом. Вызывая в сознании представление о езде, в связи с чем-то и в отношении чего-то, фрагмент этот становится также нередко при этом оценивающим, со стороны говорящего и для него. Простым выражением названных связей и отношений могут быть структуры, предполагаемые валентностями основного глагола, в его не только исходной форме, но и в закрепленных в своих сочетаемостях также других, не исходных.

Ехать можно на чем: ~ на машине, на такси, на трамвае, на троллейбусе, на автобусе, на метро, на мотоцикле, на велосипеде, на поезде ...; (с твор.) ~ трамваем, троллейбусом, автобусом, поездом ...¹²

В качестве первого ряда указанных сочетаемостей цитируемый словарь предлагает отнюдь не случайно 'средство передвижения', поскольку представление о езде, в первую очередь, связывается в сознании именно с этим. Средство передвижения к тому же входит как компонент в основное лексическое значение слова: *ехать* обозначает передвижение при помощи к этому специально, как правило, предназначенных средств в виде колесного, верхового (для суши), водного транспорта (для воды).

Возможная сочетаемость (*ехать на чем*) открывает способность к поиску и реализации интересующих нас узуальных мотивов и обстоятельств. Это пока что не ситуация, также узуально и значимо распознаваемая, поскольку подобная ситуативность предполагает бóльшую полноту позиционно-валентностного оформления, но уже нечто, способное быть воспринимаемым в каком-то оценочно-когнитивном ключе. Само собой разумеется, что одно дело ехать на машине, другое на такси, и третье на трамвае, на троллейбусе, на метро, четвертое на мотоцикле, пятое на велосипеде, а шестое на поезде. Не говоря о других возможностях: на коне, на лошади, на телеге, на тройке, на санях, на пароходе, на корабле и т.п. Или таких не типичных, но значимых для русской ментальности, средствах движения, как на свинье, на быке, на баране, на собаке, на венике, на метле, на парубке, на ведьме, на колдуне, на старике, на дедушке, на отце (оговаривая при этом первое и основное значение слова).

Само по себе, вне всего остального и дополняющего, но при этом возможного и близко присутствующего, ехать на машине предполагает представление о более комфортном, свободном, не связанном маршрутными и временными ограничениями, передвижении. Тот или те, кто так едет, неизменно оказываются в более привилегированном положении, чем другие, едущие как-то еще. Существенным для искомого узуального представления будет и то, является ли тот, кто едет, владельцем данной машины или его подвозят, и кто подвозит. Ведет ли он эту машину сам или у нее есть шофер. Его ли это шофер. Что

¹² Примеры взяты из «Словаря сочетаемостей слов русского языка» под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина, М., 1983.

это за машина, какой она марки и в каком состоянии, какова, соответственно, ее вероятная стоимость, технические и не только технические характеристики и пр. И, наконец, немаловажным будет также представление о том, куда, откуда и зачем производится это движение на какой-то более или менее типично определенной машине.

Узуальным мотивом ситуативно недооформленного, а потому и не полного, представления в отношении 'ехать на машине', тем самым, можно считать более выгодный, по сравнению с другими, а потому и связываемый с престижем и привилегиями (обладанием, социальным статусом), способ передвижения на фоне менее привлекательных и возможных других. В отношении модальности ориентирующего экспликатива подобный способ будет связываться с представлениями о выделенности, наделенности, эксклюзивности в каком-то отмеченном случае (при условии обладания) либо подвернувшейся (если не постоянной) удаче, удачности или удачливости (*ну ему и везет, повезло*) того, кого постоянно, время от времени подвозят либо один какой-то раз подвезли. Что, в свою очередь, будет связываться со скрытой либо открытой и не скрываемой неприязнью, завистью, раздражением, злобой, чувством своей обиденности или, напротив, какими-то положительными и симпатизирующими, возможно, при этом шутливыми и ироническими (прежде всего при удачливости), эмоциями, на основе которых, тех и других, возникает сложившаяся и также типично распознаваемая сопровождающая оценочность формируемого узуально мотива.

Узуальные обстоятельства уточняют и проясняют мотивы, допуская при этом смещение их в какую-то сторону, с одной стороны, развивающую, а с другой, иногда изменяющую допустимо исходное. То же 'ехать на машине', но при условии случившегося опоздания из-за пребывания в пробке или по местности, не приспособленной к колесному продвижению (разъезженные дороги, непролазная грязь), либо в условиях неблагоприятствования (поломка, кончившийся среди дороги бензин), будут предполагать уже нечто другое. Возможный при этом как исходное эксклюзив обладания либо сукцессив везения оборачиваются насмешкой, иронией, ощущением встреченной справедливой расплаты, получения за свое (*Вольно ж по таким дорогам на машине-то ездить!*), с допустимой при этом оценкой интеллектуальных и когнитивных способностей в соответствующую передрыгу попавшего, либо, опять же напротив, выражением, при необязательном действительном переживании, сочувствия, жалости, симпатии и поддержки.

Узуальными обстоятельствами реализации того же, также узуального по своей природе, мотива могут быть самые разные, но исчислимые, поскольку типичные, а потому и показательно значимые представления. Ехать на машине – ночью, утром, в час пик, с друзьями, с родителями, по пересеченной местности, к морю, на работу, на пляж и т.п. всякий раз будет что-то известно-типичное, распознаваемое, значимое и когнитивно-оцениваемое для сознания обозначать. Мотив, тем самым, включает и предполагает свои для себя обстоятельства, как условия вероятной реализации, присутствующие в сознании как фрагменты знания о ментальной действительности, в сопровождении свойственных им возможных к развертыванию дальнейших проекций и уточнений, заряженных как объясняющие то или иное, соответствующим образом также оцениваемое, положение вещей.

Подобным образом 'ехать на такси', проецируя представление о необходимости более скорого, по сравнению с другими средствами городского транспорта, передвижения, но при этом отнюдь не дешевого, в зависимости от того,

при каких обстоятельствах (к поезду на вокзал / с вокзала, к самолету в аэропорт / из аэропорта, больного в больницу / из больницы, роженицу в роддом / из роддома, к другу на свадьбу, к теще на именины, ночью при отсутствии транспорта, с приятелем просто так, с подружками пофорсить и т.п.), будет предполагать свои оценочно-когнитивные сопровождения. Одно дело срочность и вынужденная необходимость и совершенно другое – от нечего делать и просто так, пуская пыль в глаза или попусту тратясь, постоянно, часто или один только раз, в виде какого-то исключения. 'Ехать на такси' в ориентирующем экспликативе значений рассматриваемой ментальной действительности связывается, тем самым, с представлениями о необходимости, вынужденности либо избыточности и позволяемых себе или кем-то излишеств в отношении того, кто, что, как и когда это делает, по какой причине, с каким побуждением и какой мотивацией.

Ехать на трамвае, троллейбусе, на автобусе, на метро, в свою очередь, порождает способный далее распространяться и соответствующим образом уточняться мотив обыденно-демократического, не привилегированного перемещения по городу, связываемого нередко с трудностями, неудобством, толчеей в общественном транспорте, пересадками, необходимостью быть заранее на остановке, выезжать заблаговременно и т.п. Если к тому же мотив этот сопровождается такими регулярными обстоятельствами, как утром – встать на работу – не опоздать – не проспять, связываемая с ним неприятность усиливается представлениями о постоянном недосыпании, ежедневной будничной суете, переполненными автобусами или трамваями, в которые необходимо втиснуться несмотря ни на что. Другими какими-то узуальными обстоятельствами способен воссоздаваться образ также чего-то другого, в отдельных случаях позволяющий различать езду на трамвае, троллейбусе, автобусе от езды на метро (условия имеющих данный вид транспорта больших метрополий, определяемый как более быстрый, надежный, удобный, приходящий вовремя или, напротив, небезопасный, поскольку подземный). Так же как и противопоставлять езду на трамвае езде на троллейбусе (в условиях поломки или аварии все трамваи становятся в ряд, в то время как троллейбусы можно штангами, или усами, переводить). А эти две от езды на автобусе, как более подвижном и менее связанном с непредвиденными условиями (автобус может всегда повернуть, изменив свою трассу). Советским долговременным опытным представлением эти различия сопровождалась и связывались к тому же с ценой. Езда на трамвае по одному маршруту, т.е. без пересадки, обходилась предпринимавшему в три копейки, на троллейбусе – в четыре, на автобусе – в пять. И столько же на метро, при условии, что строгого соблюдения маршрута не предполагалось, а пересадки дополнительной платы за новый билет не требовали. Обстоятельства, связываемые с приобретением билета на общественный транспорт либо с его отсутствием, также предполагали дополнительные трудности и неприятности, что, в свою очередь, следовало бы к рассматриваемому фрагменту определяемой ментальной действительности относить.

Важными для разбираемой задачи, тем самым, будут, на основе того, что в связи с *ехать на чем*, как средстве передвижения, было сказано, такие последовательно располагаемые определения:

А) Представление об узуальном мотиве, который может быть разным по своему объему, не всегда отражаемому в вербализируемой длине, хотя и предполагаемому когнитивно к такому отображению. Мотивом будет само представление 'ехать'. Хотя и не слишком определенным выглядит этот мотив, но это 'ехать' российской ментальной действительности и ее далеко не всегда и,

как правило, не благоприятствующих, а потому и не слишком приятных и сколько-нибудь положительных, ментально-оценочных сопровождений и ощущений. И далее – 'ехать надо', 'ехать (кому, куда) предстоит', как мотив, заряжающий вынужденностью и связываемый с несвободой предстоящего выбора, но все еще без возможных в том или ином, более или менее удачном, желательном либо, напротив, своем разрешении. 'Ехать домой', как мотив, разрешающий в наиболее типичном случае какое-то предстоящее этому осуществление, не обязательно, а возможно и редко, удовлетворяющее состояние в некоторый определяемый момент, освобождающий от предшествующих обязательств, забот и хлопот. Тут важно, как, впрочем, и при всем остальном, если не куда, то откуда предполагается к осуществлению это 'ехать домой', с допустимым поэтому сопровождающе-разрешающим усилением *наконец-то домой!*, чтобы вырваться, оторваться, бросить, уйти от чего-то малоприятного или даже гнетущего, без дальнейших пока еще уточнений. Мотив, тем самым, вне их таковых, проявляет себя в сознании как некое оценочно-смысловое поле, заряженное предполагаемыми как наиболее типичными, распознаваемыми и конвенционально значимыми оценками и коннотациями. Как то, что лишь задает, открывает возможное разрешение, направляя чувство и мысль в ту и иную сторону, предполагая какое-то продолжение, дальнейший вектор его, и представляя, тем самым, в себе и собой конструктивный набор оценочных уточнений, допускаемых, разных, но типовых. Мотив в таком его отображении метафорически можно было бы уподобить своего рода розе ветров, устанавливающей и отчасти предопределяющей возможные на различных уровнях, взаимно себя дополняющих и пересекаемых, эти разные проективные направления. Совокупностью этих дальнейших предопределений, обустройстваемых в сознании не плоскостно, но объемно, сферически и на разной, последовательно располагаемой и взаимно предполагаемой глубине, совокупностью их как сфокусированным в некую общую и несколько отвлеченную точку пучком, и создается, точнее отображается, представление об узуальном мотиве.

Б) Представление об узуальных обстоятельствах того или иного мотива, в более полном и определенном виде связывающих его с возможной знакомой реализацией в ментальной действительности. Предположим, если исходным мотивом, настраивающим в наиболее типичном своем проявлении на не столько деловой для сознания, сколько мало воодушевляющий и уныломобилизующий лад, было бы 'ехать на работу', то его узуальными обстоятельствами следовало бы признать необходимость утреннего вставания в любую погоду, при любом настроении, при свете и темноте, сопровождающие выход из дома сборы, ожидание и затем поездку в переполненном транспорте с возможными по дороге препятствиями в виде поломок и остановок, дорожных пробок, аварий и пр., спешку, вызванную необходимостью не опоздать, приезд в постоянно одно и то же, далеко не всегда приятное и надоевшее место с необходимостью встречаться и видеться со всё теми же и не всегда приятными лицами и т.п. Обстоятельства, следовательно, в своем проективе представляют собой намечаемые и допустимые, предполагаемые к реализации, пункты возможного осуществления, становления, типично переживаемой, проходимой в своем составе, привычно знакомой, распознаваемой ситуации. Для ориентирующего сознание того, кто воспринимает, экспликатива, т.е. для воображения о ментальной действительности, представления в ней и ее самой, важны при этом не только, а возможно, даже не столько, сами такие пункты в их осознаваемой к развертыванию последовательности, сколько связываемые с ними переживания

и ощущения, заряжающие и настраивающие восприятие на определенный лад, воплощающий некое отношение.

Пункты, как общеизвестные и узнаваемые, легко намечаемые к своему разрешающему проективному результату, по этой причине выступают для восприятия своего рода толчком, пусковым механизмом формируемого на их основе ориентирующего отношения к тому, что, согласно имеющимся в голове представлениям, обычно имеет место, осуществляя себя определенным в типичных случаях образом.

Отношение это, о котором речь, возникающее на основе ориентирующего экспликатива того или иного распознаваемого к реализации фрагмента, имеющего для сознания вид структурной схемы насыщаемой в своем становлении ситуации, и составляет то, что следовало бы признать существом его, ориентирующего экспликатива того или иного фрагмента. Отношение это далее возможно и необходимо рассматривать и определять в его разных позициях к предполагаемому осуществлению. Как в конкретно реализуемой и действительной его полноте либо только к подобному своему состоянию намечаемому, так и в близости, отдаленности либо тождественности для воспринимаемого. В позиции, иными словами, к своей действительной реализации, как имеющий быть, состояться факт или только его проект либо знание. В позиции совпадения, непосредственной, опосредуемой близости либо не близости и отстраненности для субъекта. В зависимости от каждого из перечисленных показателей имеет смысл говорить о разных значениях актуальности и связываемых с ней параметрах напряжения, интенсива, переживаемого, предполагаемого к переживанию, субъектного состояния.

В связи со сказанным в пункте Б появляется представление о ситуации и возможной ее полноте, которая (ситуация) может а) мыслиться как готовая и обобщенная схема последовательно осуществляемых событий; б) представляться и быть реализуемой / реализованной как имеющий место или уже состоявшийся факт, в такой же последовательности переживаемых / пережитых эмоциональных, т.е. ментально-эмоциональных, чувственных, состояний субъекта в отношении себя самого, своих близких либо не близких и посторонних; в) осуществляться и воплощать себя в виде вербализуемых, предполагаемых и допустимых к вербализации, векторов направлений валентности, но не только ее, с расширением и усложнением исходного осевого, центрального смысла, воспринимаемого через представление, в данном случае, о езде и передаваемого наиболее привычно через посредство в глаголе (*ехать*) с набором его производных и форм.

Полнота такой ситуации в этом последнем пункте могла бы себя представлять, помимо рассмотренного в некотором приближении 'ехать на чем', также 'ехать – куда, откуда, с какой целью, где, как долго, как, в каком состоянии, одному или с кем-то и с кем, при каких, в том числе и погодных, условиях, с каким настроением, по какой побудившей причине, во имя достижения чего, по какой дороге, на какое время, в одном направлении или в разных, далеко или близко, с возвращением или без, под принуждением, по чьей-либо просьбе или по собственной воле, осмысленно или в порыве, в сознании или без', равно как и многое прочее. С показателями возможной модальности (намереваться, собираться, хотеть, не хотеть, считать необходимым, чувствуя чье-то давление, решить, колебаться, стараться и пр.), во всей их валентной и вневалентной, но реализованной либо мыслимой как таковая, совокупности.

На основе реальных высказываний, повествований, сообщений на данную тему (в отношении осуществившей себя ситуации 'ехать' в ее полноте), как реагирующей и реактивирующей ее вербализации, реагирующей со стороны говорящего, повествователя, реактивирующей – со стороны потенциального слушателя, с ей, этой вербализованной форме, свойственными и определяющими характеристиками языковых манифестирующих средств, – на этой основе можно было бы выводить вероятный образ реализуемого в своих значениях ориентирующего экспликатива. О чем речь пойдет в двух последующих пунктах (В и Г).

В) Представление о наборе смыслов, сопровождающих тот или иной узуальный мотив при возможных его, также тех или иных, обстоятельствах. Смыслы эти, равно как и обстоятельства, необходимо воспринимать и определять как узуальные, хотя отклоняющаяся их индивидуальность при восприятии, следующая из узуальности и во многом на ней опирающаяся, вовсе не исключена. В отношении разбираемого мотива 'ехать', предполагающего всегда передвижение с преодолением какого-либо пространства при помощи того или иного из транспортных средств, в зависимости от модального сопровождения этого самого 'ехать', предполагающего желание, нежелание, охоту, вынужденность, удовольствие либо нет, накладываемые на цель поездки и способ передвижения, т.е. то, на чем осуществлять это самое 'ехать', возможным становится представление о перемещении, сопровождаемом такими значениями, как постоянство определенного социального положения, связываемое с обладанием / необладанием того, что есть или нет у других, и следующие из этого представления о зависимости / независимости, завидности / незавидности своего положения, накладываемые на своего обладателя комплекс определенным образом обусловленных конвенциональных предрасположений. Кое-что из подобных возможных смыслов было рассмотрено при различении 'ехать на чем' – на машине, такси, на трамвае, троллейбусе, автобусе, на метро. Более полное и более точное их определение может быть получено при, соответственно, более полной и точной проекции сопровождающих обстоятельств. 'Ехать' само по себе, вне возможных своих уточнений, как уже говорилось ранее, представляет собой открывающийся в сознании набор вероятных векторов, исходно предполагающих необходимость изменения позиционного места расположения кого-то в пользу еще одного, как повторение связываемой с рутинной необходимостью либо, напротив, ради какого-то изменения и перемены. И то и другое, в узуальных условиях ментальной действительности, далеко не всегда допускающей благоприятствование и приятные переживания при осуществлении предполагаемой езды, в наиболее общем, не определенном, а потому и нейтральном и вероятном случае имеет реакцией напряжение, выжидательную заряженную мобилизованность и приготовленность с мыслью «куда» и «зачем». Причем это «куда» и «зачем» можно было бы определять как повторяющееся, если не постоянно испытываемое давление не зависящих от человека экзистенциальных причин, сопровождаемых в целом ряде случаев поддающимся, по неизбежной необходимости существующих обстоятельств, нередко не формулируемых и не вполне понимаемых в своих каузирующих истоках, отношением «ну вот опять – необходимо, следует, предстоит...». И это «ну вот опять», заряжаемое необходимостью внутренней мобилизации к перемещению, перемене мест с одного на другое, челночному ли или в одну только сторону, с мыслью «куда» и «зачем» – меня, тебя, всех нас, гонит какая-то сила вне нас, управляющая жизнью и бытием, это все в совокупности можно определять как одно из наиболее общих, ор-

ганизуемых в некое целое, смыслов-значений фрагмента ментальной действительности, ее ориентирующего экспликатива, для языкового сознания и восприятия в отношении 'ехать', определяемого как узуальный мотив.

Составляющими такого значения могли бы быть компоненты ожидаемой постоянно вынужденности с необходимостью поддаваться и принимать то, что требует от субъекта регулярной мобилизации к пространственному перемещению в ту и другую сторону с какой-то целью, далеко не всегда приятному и потому желаемому, принимать все это как следствие существующего порядка и имеющегося положения вещей. Принимать, относясь к нему как к своей обязанности перемещаться, далеко не всегда и, как правило, не обусловливаемой собственными мотивами или желаниями изнутри, но вызываемой и следующей из природы не столько даже человеческого устройства с его физической ограниченностью (неумение быстро бегать, летать), сколько, для нашего случая, из природы таким, а не иным образом организованной действительности субъектного окружения, т.е. действительности, в которой субъект погружен, требующей от него постоянной готовности делать одно, чтобы выжить и жить, регулярно и постоянно, и не делать, стараться не делать, чего-то другого, каким бы внутренним образом к тому и другому при этом ни относясь.

Подобное представление для задач описания можно было бы также формализовать по признакам постоянства (Cont), необходимости (Inevit), готовности (Prompt) принимать на себя (Accept) то, что следует (Consecut) из условий (Cond) конвенционального (Convent) бытия (Exist), регулярности (Regul) инструментального (Instr) перемещения (Mobil) в пространстве (Spat), не всегда (non-semper) вызываемого (procr) внутренними (inter) мотивами (mot) и побуждениями (impuls), обусловленного исходно (exit) природой (natura) вещей (самого человека) и усиливаемого, используемого (ut) как средство (instr) неравенственной (inaequit) регуляции (reg) в субъектной действительности социального окружения (regum socium).

В результате подобного представления можно было бы получить какую-то передаваемую формулой, варьируемую в своем составе и внутренних отношениях, конструкцию, организуемую комбинаторно и таксисно, по основаниям сочинения и подчинения, одновременности и последовательности входящих в нее созначений, способных к последующим уточнениям и разворачиваниям. Нечто подобное предполагается при задуманном описании бега. В отношении описываемого мотива такое подразделение, предполагая порядки, зоны его исходной семантики, можно было бы представлять на основе определения 'ехать' как 'действия, требующего от совершающего усилий по необходимости внутренней мобилизации к перемещению в пространстве с помощью не всегда удобных и лучших для этого транспортных средств, нередко при этом вынужденному имеющимся условиям неравенства социального положения, вызываемому постоянством жизненных обстоятельств, побуждающих к необходимости данного действия в тот или иной, далеко не всегда мотивируемый и желаемый субъектом, реальный момент'. Порядки описываемого значения можно было бы устанавливать, исходя из такого деления:

- действие по перемещению в пространстве с помощью транспортных средств (A^{instr});
- требующее от совершающего усилий по необходимости внутренней мобилизации к подобному перемещению (M^{fort});
- осуществляемое с помощью не всегда удобных и лучших для этого транспортных средств (оставляющих желать много лучшего – F^{posttr});

- вынуждаемое для совершающего условиями его социального положения, побуждающего к необходимости данного действия в не всегда выбираемый и подходящий субъекту момент (положение связываемой, обусловленной экзистенциальной зависимости от регулярно диктующих обстоятельств – P^{susp}).

[А (лат. *actio* ‘действие’), *instr* < лат. *instrumentum* ‘орудие, инструмент’; М (фр. *mobilisation* < лат. *mobilis* ‘подвижный’), *fort* < лат. *fortis* ‘твердый, крепкий, сильный’; F (*facultas* ‘возможность, разрешение, способность’, *pl. facultates* ‘средства’), *postr* < *posterior*, *superl. postremus* ‘худший, менее значительный, уступающий’; Р (*positio* ‘положение, позиция’), *susp* < *suspendo*, *suspensum* ‘подвешивать; ставить в зависимость’, *suspensus* ‘зависящий’]

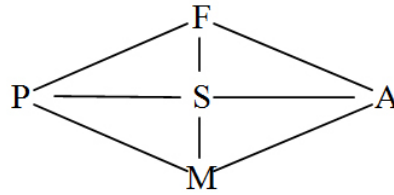
При этом то, что распространяет позицию действия (А), объясняя и уточняя его в отношении таких проявлений, как способ его совершения, характер и вид транспортных средств, предполагаемая срочность и вероятная скорость, признаки, свойства и прочие характеристики, включая препятствия, преодолеваемого пути и т.п., открывало бы смысловую зону осуществления, предполагаемого совершения, реализации.

Позиция внутренней мобилизации (М) со всеми ее вероятными составляющими как модального, так и не только модального субъектного свойства, включая желание, нежелание, характер и степень императивной вынужденности, физическую готовность и форму, состояние, настроение, своевременность или нет, ожидаемость, предрасположенность и т.п., все это составляло бы зону субъектной настройки, регулятивной готовности, заряжения к действию.

Позицию транспортных средств, как движущей, осуществляющей силы (F), следует воспринимать в отношении удобства и оптимальности способа либо способов разрешенно-возможного, допустимого осуществления, не как собственную их характеристику, имеющую отношение к действию (А) и там себя проявляющую. Это способствование, оцениваемое и определяемое в своей релевантности с точки зрения совершающего в отношении к предполагаемому им совершению, связующее того и другое, накладывающее модус субъекта на модус осуществления действия в реальной действительности (предполагаемой, мыслимой как таковая).

И, наконец, положение самого субъекта (Р), вынуждающее его по исходным условиям индивидуально-общественного его бытия поступать в определенных житейских и жизненных обстоятельствах далеко не всегда свободным, но чаще зависимым, не выбираемым и обусловленным образом, нередко предписываемым, закладываемым в такое, а не другое его положение, – это все со своими возможными распространениями и уточнениями открывало бы зону предопределения сферы субъекта.

Все это можно также представить в виде взаимосвязанных проективных точек, регулирующих и запускающих предполагаемое действие для сознания в ход. В центре их расположения находился бы модус субъекта (S), как бы он сам, определяемый и воспринимаемый в отношении проекций а) его исходной экзистенциальной позиции (зона предопределения Р); б) позиции его состояния к предполагаемому осуществлению (зона мобилизационной настройки М); в) позиции выбора допустимых к реализации по исходной позиции и предполагаемому осуществлению средств (зона релевантной способности F); г) позиции предполагаемого к реализации осуществления в составе всех своих сопровождающих, о которых уже говорилось для (А):

Расположение точек в сознании, равно как и вид и характер их актуальности и глубины, могут быть разными, в зависимости от представления о реализуемом предикатном проявлении (действии, деятельности, состоянии) для субъекта – как им совершаемом (переживаемом), уже совершенном либо только еще намечаемом к совершению; как к тому, что реально имело место, имеет, будет иметь или что таковым не было, не есть и не будет, а мыслится лишь как приписываемая, сопровождающая характеристика его, т.е. субъекта, сферы, его какое-то свойство, чем-то и как-то в своем характере обусловленное. Равно как и с уточнением его самого – кто и что он собой представляет, конкретно определенный он либо абстрактный и обобщенный, массовый, групповой, единичный, близкий и свой, не свой и не близкий и пр. Некоторое из здесь упомянутого будет представлять значение и интерес в связи с предполагаемым далее рассмотрением бега в его вероятных проекциях.

К определению и дополнительной характеристике рассматриваемой ментальной действительности в ее возможных значениях представляет смысл обратить внимание на то, что в разбираемом случае с *ехать* первое и основное значение его как глагола, определяемого в словарях¹³, представляет проекцию одной только зоны А из пяти, связываемой с осуществляемым действием. То, что вполне понятно, достаточно и объяснимо для языковой семантики, для ментально-оценочного представления действия (положения, состояния) как узувального по своей природе мотива, без учета возможных и важных, едва ли не определяющих для сознания в целом ряде случаев, характеристик, значений, позиционных сопровождений и следствий, становится недостаточным, предполагая и требуя своего описания и уточнения. Отсюда отличия и особенности семантики языковой, ограничивающейся (либо же ограничиваемой) представлением реализующей предикат (предмет, отношение) стороны, от семантики ориентирующего экспликатива реактивных сопровождений. Нечто, будь то реальное действие, состояние, вписанный в действительность существования признак, свойство, предмет, для сознания и восприятия говорящих важно и существует нередко не столько само по себе, сколько как распознаваемый знак дополнительных смыслов и отношений, в своей совокупной системности объясняющих реальность ментального бытия.

Г) Представление о связываемых со смыслами, обстоятельствами и мотивами, оценках и коннотациях. Данная сфера может быть неоднозначна, открыта и не подробна. Трудность ее выразительного, сколько-нибудь и в каком-либо приближении, определения обусловлена необходимостью дать представление об отношениях некоего отвлеченного языкового субъекта, как носителя данной ментальности и ее языка (понимаемого при этом как код, содержащий в себе ключи интерпретирующего восприятия действительности), к тому, что его окружает. Но не в отдельности, не к чему-нибудь одному, а потом

¹³ Ср.: “Двигаться, перемещаться по суше или воде при помощи каких-л. средств передвижения.” (МАС)

другому и третьему, но и не к целостности всего того, что имеется и что можно как целое вообразить, а к такому чему-то в его отдельности, что, существуя для знания и представления не само по себе, важно связью и отношением со многим и чем-то другим.

Для простого примера 'дерево' может быть представителем воспринимаемых как реальные связей с другими объектами живой или неживой природы, элементом ландшафта, выразителем сочетания неба, земли, огня и воды, наблюдаемой формой развития вверх и в стороны, по вертикали и горизонтали, разветвленностей, расхождений, движения соков, периодов умирания и возрождения, смены сезонов, роста и пр. Все это и многое из не перечисленного другого составляет сферу интерпретирующих и объясняющих знаний о дереве, существующих вне его и вписывающих, ставящих его в отношения со многим, если не сразу со всем остальным, отводя ему в этом многом, если не всё, свои роли и место.

В ряду этих знаний и представлений можно было бы вывести и усмотреть такие, которые, объясняя дерево, предполагая, так будет точнее, в себе объяснение черт и характера дерева, каким-то образом к ним относясь, объясняют на деле не дерево, и даже не способ подобного знакового объяснения, а действительность, скажем так, совокупно-ментального бытия. Не ту действительность, в которой находятся и живут представители данного социума и коллектива, а ту действительность длящегося их в пространстве и времени пребывания, которая существует в сознании их всех и каждого как созданная и призванная самоё себя объяснять. А поскольку она таковая не может быть выведена как однозначно единая и детерминированная, ей следовало бы приписать известную долю открытости и полиморфизма. В отношении данного представления и возвращаясь к дереву, следовало бы поставить вопрос, чем является 'дерево' в этой самой ментальной действительности? И не столько даже вопрос о том, каково его место в ней, хотя отчасти и это тоже, сколько что оно есть такое, выразителем чего в отношении и для экспликативного представления есть. Из этого и на основе этого далее можно было бы, выводя, говорить об оценках и коннотациях – эмотивной сферы сознания, связываемой не с 'деревом', а с теми отношениями и связями, сопровождающим и собирающим выразителем, знаком которых, касаясь и заключая в себе, способно оно выступать. Об однозначности данной сферы применительно и в отношении к 'дереву' трудно и вряд ли возможно было бы говорить.

Совокупное множественно открытое, но при этом все же очерченное и профилирующее отношение собирает и проецирует, уточняя, себя (в какой-то известной степени) в том, что было предложено характеризовать как мотивы данного когнитивного узуса и его же затем уточняющие обстоятельства. Если взять на примере того же 'дерева', с одной стороны, одно только из возможных, хотя и определяющее, представление о заслоняющей сущности множественности собранных совокупно отдельностей (*за деревьями леса не видеть*), работающее как минимум в две стороны: а) стояние плотной стеной, с акцентом на *за деревьями*, и следующее из этого представление о дереве как о том, что в какой-то своей совокупности способно собой что-то важное большее заслонять, и б) пребывание, типичное и нередкое сосуществующее существование в пространстве, в едином и общем месте, в собрании многих себе подобных, а потому не в единственном и не в отдельном числе, стирающем эту отдельность, особенность каждого, но и дающем, предполагающем новое качество отдельно-общего бытия, с акцентом на *леса не видеть*, – если все это взять с одной стороны. А с

другой, заключаемое в идее обнадеживающе-безнадежного стучания по дереву, в напрасном желании, достучавшись, чего-нибудь получить, от чего-то себя оградить (*дятел долбит по дереву, стучать, постучать по дереву – по голове себе постуки, слушать, смотреть как дерево, быть деревом (пнем, бревном), дерево деревом, туп(ой) как дерево, глух(ой) как дерево (пень), трухлявое дерево, старое дерево (старых деревьев не пересаживают), гнилое дерево, деревянная походка, деревянный взгляд, (о)деревенеть, деревянные солдаты, деревянный (рубль), деревянные – деньги-рубли, которые ничего не стоят*), то что из всего подобного можно, выведя, предположить?

Не для ответа на заданный перед этим вопрос, чем есть 'дерево', который не может быть однозначным, но для показа возможного в интересующем направлении поиска, с допускаемым представлением общего и компакта связанной с ним эмотивной сферы субъекта, в его отношении и в его связи. 'Дерево' на основе сказанного предстает как то, что не пропускает и не пускает, не способствует и не передает, не может служить ни помощником, ни спутником, ни товарищем, ни активным и воспринимающим слушателем, ни воспитанником, ни соучастником, ни проводником, ни тем, что или кто содействует, реагирует, сотрудничает, соглашается, возражает, будучи твердо, плотно, глухо, тупо, непробиваемо, статично и неподвижно, не реактивно, не агентивно, как положенная кем-то и поперек колода или застывший, выросший на дороге в пути продвижения глыбой ком.

В этом указанном отношении 'дерево' можно описывать и характеризовать как 'противоречащую природе живого активного человека непересекаемо непреодолимую нереактивную материальную плотность, с эмотивом стремящегося его обойти, не столкнуться с ним, отторжения'. И то и другое – как с е н с и т и в восприятия и ментального, не всегда формулируемого и осознаваемого, отношения противоположения чего-то себе по основанию застывшей избыточной плотности, и как э м о т и в, но не избегания, а обособления, отделения, стремления не сталкиваться или как можно менее сталкиваться, поскольку избежать невозможно, чтобы как можно реже иметь с чем-то таким и подобным дело, – то и другое может быть формализовано, став выражением категорий, значимо действующих в ориентирующем экспликативе ментальной действительности, воспринимаемой как модальность.

Об ориентирующем экспликативе изучаемой ментальной действительности

В ряду типичных сочетаний, как оформителей узуального мотива и узуальных обстоятельств, представляется возможным выделить такие, значимый характер которых обладает внутренним потенциалом ориентирующего экспликатива, различного и неоднозначного в своих последствиях и отражениях. Покажем это на примере сочетаний с *ехать* по валентностям глагола, представляемым все в том же цитируемом словаре¹⁴. Помимо *ехать на чём*, уже разобранных, в нем приводятся такие виды сочетаний:

Ехать куда: (*предлог «в» с вин.*) ~ в школу, в институт, в университет, в библиотеку, в общежитие, в кино, в театр, в цирк, в музей, в командировку, в

¹⁴ Словарь сочетаемостей...

гости, в поликлинику, в дом отдыха, в санаторий, в горы, в город, в деревню, в Москву, в Крым, в Польшу ...; (*предлог «на» с вин.*) ~ на работу, на завод, на фабрику, на почту, на экскурсию, на занятия, на семинар, на выставку, на концерт, на вокзал, на стадион, на соревнования, на съезд, на конференцию, на заседание, на экскурсию, на море, на юг, на север, на восток, на запад, на Кавказ, на Кубу ...; (*предлог «за» с вин.*) ~ за город, за границу ...; (*предлог «к» с дат.*) (*о человеке*) ~ к родителям, к врачу, к Ане ... к станции, к морю (*с нареч.*) ~ сюда, туда, вперёд, назад, обратно, навстречу, домой ...

Помимо разделений без дальнейших уточнений с обстоятельствами, на что в связи с *ехать на чём* уже было внимание обращено, по типу в группах ~ в школу, в институт, в университет, в библиотеку, в общежитие, проецирующих регулярную необходимость пространственного передвижения по городу для обучающейся молодежи и всего возможного затем из этого дальнейшего, или ~ в кино, в театр, в цирк, в музей, как поездок развлекательных, с возможных различением тех, кто ездит в театр, в музей, а кто в цирк, в кино, равно как ~ в поликлинику, в дом отдыха, в санаторий в целях поправления здоровья или в тот же дом отдыха и в санаторий, в горы, в деревню (если из города на лето), в Крым, с тем, чтобы в период отпуска или каникул отдохнуть и пр., – помимо этих разделений, можно выделить такие сочетания и группы, в которых нечто большее как экспликативно значимое заключено. Возьмем для примера некоторые из таких возможных сочетаний, проецируемых к уточнениям, в зависимости от которых можно получить какой-то узуально не случайный смысл (обстоятельственные уточнения как нечто, наводящее на мысль, представим в скобках):

Ехать в школу (родители, родитель, мать, отец, старший брат, старшая сестра – как позиция ответственного за ребенка старшего)

Ехать в школу (за десять, двадцать, тридцать километров, из деревни, из одной в другую, по проселочным дорогам и издалека)

Ехать в школу (опять, после долгого перерыва, после каникул, болезни, лежания в больнице)

Ехать в командировку (отцу, регулярно, постоянно, от детей)

Ехать в командировку (мужу от жены и ср. в подобной позиции *ехать в дом отдыха, ехать в санаторий* – жене от мужа, мужу от жены)

Ехать в командировку (надолго, на полгода, оставляя семью и дом)

Ехать в командировку (в столицу, за границу, дающие возможность что-то привезти)

Ехать в Москву (Чехов «Три сестры»)

Ехать (из деревни) *в город* (на время либо навсегда)

Ехать на море, на юг (развлекаться и отдохнуть) и *ехать на север* (на Дальний Восток, на Камчатку, для заработка, т.е. для совсем другого) или *ехать в Сибирь* (ссылка, лагерь)

Аналогичным образом одно дело *ехать на Кавказ* по собственной воле, с целью отдохнуть, и совсем другое *ехать на Кавказ* (если послали, как военнопленного) или *ехать к родителям* на праздники, проведать, и *ехать к родителям* (от мужа, после ссоры с ним).

С позиции строения мотива, его присутствия в сознании, стоит обратить внимание на то, что в ряде случаев достаточным для экспликативной значимости, предполагающей толчок в известную для говорящих сторону, может быть двухкомпонентная оформленность (*ехать – на море, на юг, в Сибирь, на север, к морю*), которая, в зависимости от обстоятельств, способна быть уточнена (врачи

рекомендовали) – *ехать на море* или с родителями / без них (летом) – *ехать на море*), а также и изменена (командировка – *ехать в Сибирь*, строительство – *ехать в Сибирь*, путевка, экскурсия – *ехать в Сибирь*, посмотреть на Байкал – *ехать в Сибирь*). Однако большинство мотивов при двухкомпонентном строении предполагает лишь наиболее общий, а потому не слишком значимый, часто поверхностный и обыденный, экспликатив. Ср.: *ехать в школу*, наводящее на мысль о необходимости регулярно осуществляемого действия тем, кто имеет прямое к ней отношение как участник, партиципант (учащийся в наиболее частых и многочисленных случаях, учитель, в менее частых и многочисленных, или директор, в наиболее редких) и *ехать в школу* – родителям, после долгого перерыва или издали, дающие мысли совершенно иное какое-то направление.

В связи со сказанным в отношении двух-, трех- и более компонентности имеет смысл говорить а) о валентном устройстве мотива, как с позиции его объясняющей смысл экспликативной достаточности, так и возможной валентностной его полноты; б) о степени, формах и видах подсказывающей, наводящей экспликативной значимости, заключенной исходно в двухкомпонентных мотивах и уточняемой либо сменяемой при расширении их количественного состава, и в) о возможных проекциях, зонах экспликативной значимости мотивов в сознании воспринимающих, имеющих отношение к устройству ментальной действительности носителей той или иной культуры и языка.

В связи с валентным устройством мотива на примере сочетания *ехать в школу* для представления того, что речь идет об исходном, достаточным можно считать присутствующее в сознании наличие типично партиципирующего единично-множественного агента (учащиеся либо учащийся в школе, учитель, директор). Что-то другое, как не типичное или не партиципирующее, предполагая необходимость изменения направления мысли, требует своего компонента. Если 'ехать в школу' не просто, не для того чтобы учить и учиться, или с какими-то осложнениями и нарушением регулярности, следует уточнить – кому тогда ехать, если не партиципанту привычно осуществляемой в ней деятельности, насколько издали, после какого произошедшего перерыва и пр.

Представление о 'ехать в школу', тем самым, исходно предполагает знания о том, что 1) в школу, в первую очередь, ездят, чтобы учиться либо учить, все остальное требует своего объяснения; 2) в школу ездят, если во время учебы, то во все будние дни; 3) школа, если, по крайней мере учащемуся, в нее надо ездить, если находится в городе и не какая-нибудь специальная, располагается на расстоянии разумно преодолеваемой досягаемости, не предполагая, тем самым, слишком большого, тяжелого или длительного пути. Первое связано с представлением о целевом назначении (функции) имеющегося в сознании объекта (для чего существует школа и кто тогда, соответственно, участник того, что в ней происходит). Второе – со способом и порядком (регуляцией) осуществляемой функции. И третье – с привычно предоставляющей, разрешающей регулятивное осуществление функции, нормализацией – места, расположения, объема, структуры, формы, массива, т.е. всего того, что должно и способно данную функцию в ее регуляции обеспечивать.

Прежде чем рассмотреть то, что было заявлено при б) и в), стоит, касаясь вопроса устройства мотива, обратить внимание на понятие его валентностной полноты. Отчасти об этом уже говорилось при упоминании возможного представления о 'ехать' в его отношении *на чем, куда, откуда, с какой целью* и пр. Более подробное рассмотрение сказанному предполагает проекцию всех, если не прямо обозначаемых и называемых, то, по крайней мере, подразумеваемых,

составляющих. При восприятии для сознания представление о такой полноте неизбежно присутствует, независимо от того, обозначено ли и называется ли оно во включающем 'ехать' высказывании.

Рассмотрим данное положение на ряде известных примеров. «Словарь сочетаемостей», помимо *ехать на чём* и *ехать куда*, перед этим разобранных, дает также *ехать откуда* с предлогами *из, с, из-за, от, ехать [куда-л.] с какой целью* с предлогом *за* и с неопределенной формой глагола, *ехать где* с различными предложно-падежными и падежными формами, *ехать как долго, ехать с какой-л. скоростью, ехать как (быстро, медленно, верхом)*; а также *хотеть, решить, собираться ... ехать, ехать в машине (в такси, в трамвае ...), ехать на крыше (на подножке), что-л. (машина, автобус, трактор ...) едет*.

Тем самым, для 'ехать' потенциально в сознании присутствует сопровождающее и реализующее возможность осуществления данного действия представление о 1) средстве передвижения; 2) месте конечного достижения (конечной точке); 3) месте отправки (начальной точке); 4) цели движения; 5) пространстве движения (трассе и ее составляющих); 6) времени нахождения в движении; 7) способе его совершения; 8) модальном характере (желательно, предполагается, ожидается, намеревается, как скоро, когда); 9) месторасположении движущегося в средстве передвижения и 10) реализации в совершаемом действии.

Насколько все это может быть и должно быть необходимо при восприятии некоего высказывания, содержащего представление 'ехать'? Возьмем его, данное представление, в трех отношениях: А) как намерение, осуществляемое или только задумываемое; Б) как производимое действие, т.е. осуществление и В) как воспринимаемый в своем завершении или уже достигнутый результат. В качестве примера 'ехать' намерения (А) может быть ситуация с Чацким и Софьей в комедии Грибоедова «Горе от ума» в заключительной сцене, что можно было бы под соответствующим углом рассмотреть. Для 'ехать' осуществления (Б) таким примером может служить езда в «Мертвых душах» Гоголя – чичиковское передвижение по пространствам России, и для контраста, совершенно иного рода езда, на поезде, по одесской степи, описанная в главе «Дорога» в «Гимназистах» у Гарина-Михайловского. В свою очередь, 'ехать' воспринимаемого завершения в его результате (В) можно рассматривать на примере «Вишневого сада» Чехова – ожидание приезда господ в усадьбу и собственный их приезд.

Чацкий и Софья: езда как намерение в ее вероятных мотивах и обстоятельствах

А) Покидая негостеприимный для него дом Фамусова, Чацкий, охваченный стремлением «искать по свету, Где оскорблённому есть чувству уголок», кричит в заключительной сцене *Карету мне, карету!* В свою очередь, разозленный и оскорбленный Фамусов грозит отправить, сослать Софью *В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!* Опустим мало что добавляющие к рассматриваемому движущие побудительные мотивы того и другого намерения с их эмоциональными сопровождениями, обратив попутно внимание на то, что если намерение Чацкого «ехать» имеет смысл толковать как намерение осуществляемое, то намерение Фамусова с отправкой Софьи в Саратов, скорее, выглядит как вы-

сказываемая угроза, возможный замысел, который вряд ли получит свое разрешение. И в том и в другом, как осуществляемом, так и только предполагаемом случае интересоваться будет способность представить реально возможное действие во всей его полноте. Это первое. И актуальность для достоверного или только достаточного (в какой тогда мере достаточного?) понимания происходящего всех или только каких-то, (каких из возможных?), валентных ее, полноты, составляющих, как второе. Иными словами, ответы будут касаться десяти позиций из перечисленных как в отношении Чацкого с его твердым намерением ехать, так и отправляемой Софьи, пусть только в виде угрозы и на словах. Можно ли представить для Чацкого в определяемом случае, равно как для Софьи, средство намеряемого передвижения, место конечного достижения, место отправки и пр.? Попытка сделать это будет служить основанием вывода как о самой подобной возможности, так и об актуальности выбираемых и представляемых валентных точек для того и другого.

Для осуществляемого (будем считать его таковым) намерения Чацкого средство передвижения может воображаться как неоднозначно множественное – карета, лошади, корабли (поскольку предстоит искать по свету), важное как множественное и не важное с точки зрения того, какое именно. Для Софьи такое средство ограничивается лишь каретным, т.е. лошадиным исключительно, транспортом. То и другое актуализируется в отношении утомительности, предполагаемой тяжести и трудностей подобных путешествий (если снять дополнительно усугубляющий и обстоятельственно сопровождающий вопрос о добровольности от разочарования для Чацкого и навязываемой вынужденности в наказание для Софьи). Что касается конечной точки, то она для Чацкого не важна и не определена. Можно допускать, типа онегинского, возвращение на родину и, скорее, в Петербург, но это будет за пределом им для себя избранных поисков в перемещениях по свету. Для Софьи этой точкой будет «к тетке, в глушь, в Саратов», актуальные, прямо обозначенные и проговоренные, обозначающие смену мест – с привычного, освоенного и приятного на неприятное, заброшенное, тоскливое, глухое. Начальная точка в обоих случаях вполне определена, но если для Чацкого это место бегства, добровольного изгнания и ухода, то для Софьи это то, откуда насильственно и в наказание изгоняют.

Что касается цели движения, то для Чацкого само намеряемое движение как езда, перемещение в пространстве, цели как таковой не имеет. Ни за чем конкретным в отношении к 'ехать' (за женой, ребёнком, за продуктами, за врачом, учиться, отдыхать, лечиться и т.п.) он не едет, а понятие 'искать по свету' никакой очевидной цели не предполагает, скорее, напротив. Его перемещение, будучи само по себе бесцельным, цель предполагает в самом совершающемся. Это цель внутренняя, ищущего, не знающего, что где искать, для которого перемещение становится лишь средством оставления за собой не стоящего, с неопределенной мыслью обретения ему замены. При этом бесцельность 'ехать' Чацкого становится важной, не случайной и характеризующей чертой.

Цель предполагаемого движения Софьи также, как конкретная в валентном отношении, не определена. К тому же эта цель навязанная, она вне ее, равно как и вне самого движения, задумывается отсылающим (каузатором) – оторвать от развращающего окружения, сменить существующие, воспринимаемые как способствующие дальнейшей порче, обстоятельства и обстановку на другие, ничего подобного не предполагающие. То есть фактически это цель отрыва и перевода (трансмиссии), актуальная и объявляемая.

Пространство движения в отношении трассы и ее состава существенного значения не представляет. Для Чацкого оно, так же как и средства, выглядит неопределенно множественно, с представлением об ожидаемых трудностях и тяжести пути. Для Софьи также не сулит никаких приятно положительных переживаний – по российским не обустроенным дорогам, по безлюдью, в неприязненной глуши. Не акцентируясь специально, все это предполагается, поскольку далеко, неведомо как далеко для Чацкого, для Софьи – ведомо, но именно от этого и не легче.

Время движения в том и в другом случае также выглядят неопределенно (в отношении Чацкого) и предположительно определено (для Софьи) как очень долго. Равным образом и способ совершения – по-разному и неопределенно множественно для Чацкого и предположительно определено и утомительно однообразно в отношении Софьи. Модальный характер следует из сказанного: намеренность и устремление для Чацкого и предполагаемая вынужденность для Софьи. Месторасположение движущегося в средстве передвижения, представляясь само собой разумеющимся в обоих случаях (скорее всего в карете внутри), не актуализируется. И, наконец, реализация – для Чацкого, связываясь с модальностью, может быть определена как «присылаемая карета, начинающая задуманное им движение, уже вот-вот, уже почти что едет», что можно охарактеризовать как 'заряженную ожиданием предстоящего движения готовность'. Для Софьи все это в никак не определяемом пребывании – то ли вот уже сейчас и собираться, то ли не совсем сейчас, а после и нескоро, а может быть, по времени и с остыванием возбуждения, никогда, что можно обозначить как 'не предполагающую обязательное совершение акцентирующую обусловленность'. И в том и в другом случае 'ехать' становится средством разрешения имеющихся либо себя объявивших вдруг нерешенностей морально-эмоционального свойства, закладываемого достижения внутренних целей через внешнее разведение не согласуемых между собой сторон, что можно рассматривать как формы двух сходных моделей – у х о д а от окружающей обстановки (Чацкий) и и з г н а н и я , изведения из нее (Софья).

Актуализирующими для той и другой модели будут начальная и конечная точки движения (откуда куда), позиция цели, модальный характер и реализация. Все остальное как само собой разумеющееся ничего существенного для представления той и другой модели не вносит, а потому должно быть признано не актуальным. Обе модели, исходя из их внутреннего заряда, можно характеризовать как модели замещенного претворения (фиктивный суппозитив) – противоречий и нерешенностей межличностных отношений пространственным их разведением (черта, характерная для представления русской ментальной действительности). Различия в их семантике будут основываться на характеризующе-подчеркивающем акценте конечной точки для модели изгнания («куда»), при неопределенности и не существенности ее, в конечном итоге, для модели ухода, с равным акцентом начальной точки («отсюда»), с существенным уточнением для модели ухода «немедленно и как можно скорей, лишь бы только отсюда» и неопределенно нависшим угрозой «не сейчас, так когда-нибудь точно и непременно, при условии, что если и далее все будет так».

Позиция несобственной (в обоих случаях), а потому замещенной, цели в модели изгнания вполне очевидна: «ехать», чтоб удалить ту, что поедет, от соблазнов столичной жизни. В модели ухода неслучайная неопределенность цели (ни за чем конкретным Чацкий не просто не едет, но в этом и состоит весь смысл) необходимо рассматривать как характеристику: поиск чего-то, каких-то

там обстоятельств, которые не такие, как здесь, что главное, а потому, возможно, способные дать удовлетворение ищущему. Модальный характер и реализация той и другой модели различны: решительность и самостоятельность для модели ухода и вынужденность при неопределенности и условности для модели изгнания, реализующиеся в немедленной готовности в первом случае и отодвинутости с неясностью перспектив во втором.

Тем самым, при совпадении актуальных точек общность можно заметить лишь в точке исхода – «откуда», с расхождением, разбеганием далее в «отсюда – куда» и «отсюда – куда угодно и никуда», с их расхождением далее (при сходстве несобственности и замещения) в позициях цели, с определенностью и неопределенностью, и наиболее различающим несовпадением модальности и реализации. Обе модели можно описывать как четырехместные и значимо соотносимые в парах: начальная – конечная точки, модальность – реализация, с указанными значениями для каждой из составляющих.

Что касается степени, форм и видов экспликативной значимости, заключенной исходно в двухкомпонентных мотивах, о чем была речь в связи с возможностью расширения их состава, а также возможных проекций, зон, значимости узуальных мотивов для сознания воспринимающих, попробуем обсудить ту и другую проблему как на примерах выбранных из словаря сочетаний, так и на рассмотренном материале моделей ухода и изымания.

О формах и видах экспликативной значимости узуальных мотивов

Вопрос об этом первом, т.е. о степени, формах и видах значимости мотивов в связи с их составом, обусловлен естественным образом тем, насколько для носителей, в данном случае русской, ментальности, в своем (и в каком) составе узнаваемым должен быть тот или иной мотив, и какое значение, в типологическом отношении, он может в себе заключать. Неподробно, поскольку подробное рассмотрение сказанному предполагается осуществить при дальнейшей характеристике узуальных мотивов для бега, попробуем показать, для начального представления, на указанных в предыдущем абзаце примерах.

Итак, перед нами 'ехать' как представление, т.е. не то чтобы определенная вербально передаваемая форма, но и не то, чтобы нет. Не обязательно и не единственно только глаголом, какой-то глагольной формой, отглагольными существительными и образованиями передаваемое нечто, заключающее в себе представление о движении, перемещении по более или менее горизонтальной и плоской поверхности с помощью существующих транспортных средств. Само по себе это представление, накладываемое для носителей на их представления о русской ментальной действительности и взятое из нее, также распознаваемо и значимо. О чем, впрочем, уже говорилось в связи со связанным с 'ехать' привычным сопровождением в сенситиве (ощущениях) в отношении мобилизующей внутренне необходимости нарушения состояния покоя (хорошо это или плохо – отдельный вопрос) с целью перемещения в имеющемся пространстве как способ возможного разрешения существующих нерешенностей и/или неустойств. Если проще, то 'ехать' внутренне связывается в сознании с каким-то в пространстве метанием как формой решения или же избегания проблем. Однако не это и не развитие этого нас будет в данном месте интересовать, а то,

что и сколько этого «что» достаточно, чтобы нечто и «что» из этого нечто в сознании и для сознания содержать.

Возьмем для такого сопоставления несколько вероятных рядов. С одной стороны, скажем, *ехать с работы, ехать на курорт, ехать в час пик, ехать к подруге*, заключающие в себе представление о каких-то привычных обыденных и повторяющихся положениях дел, с каждым, со многими, часто, на каждом шагу, которые, впрочем, также и далее могут быть как-то развернуты и в какую-то сторону уточнены. А с другой, *ехать по бездорожью, ехать степью, ехать глухой порой, ехать по замерзшему озеру (насту, снегу, в пургу)*, хотя знакомые и вполне понятные, но вызывающие представления иного ряда, о не типичном, не повседневном, не повторяющемся со всеми и каждым в привычной обыденности постоянно и регулярно и каждый день. И, наконец, еще с одной стороны, *ехать на тройке, ехать на санях, ехать эскадроном, ехать верхами, ехать на край света (на край земли), ехать в дальние края, ехать (уехать) в Магадан или ехать (уехать) за границу, ехать (уехать, отправиться) в одну сторону (без возврата), ехать на чужбину, ехать на родину, ехать (уехать) в Америку*, в себе содержащие некие представления совершенно иного рода. Или, скажем, такие, как *ехать, так ехать, ехать (уехать, поехать, погнаться) за длинным рублем, ехать (уехать, катиться, отправиться) куда глаза глядят, ехать (уехать) за тридевять земель, ехать (уехать, отправиться) к черту на рога (к чертовой бабушке, куда Макар телят не гонял, куда ворон костей не носил, на кудыкину гору, где раки зимуют), ехать (уехать, катиться, отправиться) на все четыре стороны (куда подальше)*, содержащие в себе еще что-то, что в принципе не обязательно связывается с ожидаемой или предстоящей кому-то ездой, выражая характер каких-то иных отношений.

И, в добавление к этому, еще и такие, которые, обладая формально более или менее осознаваемым как устойчивым и узнаваемым составом, имеют смыслом не столько идею каким-то образом воспринимаемой езды, сколько через нее раскрывают что-то свое и другое, актуальное и существенное для представлений русской ментальной действительности. Таковыми можно считать единицы типа *Улита едет* (с уточняющим расширением *когда-то будет*); *Тише едешь (дальше будешь)*; *Мы едем-едем-едем (в далекие края)*; *Ехали медведи (на велосипеде – а за ними кот задом наперед)*; *Ехал грека (через реку – видит грека в реке рак)*; *Ехали на тройке (с бубенцами)*; *(Теперь уж это) не езда, а ерзанье*; *Ехать, так ехать (сказал попугай, когда кошка тащила его за хвост)*; *Ехал на ярмарку (Ванька-холуй – за три копейки показывал...)*; *Чуки-чуки-чукалочка едет Митя на палочке (а Лёля на тележке, щелкает орешки)*. Сюда же можно было бы относить не выражающие вербально, но содержащие в себе представление о езде через смежные представления о дороге, средствах передвижения, ссылке, отправке, расставании, встрече, приезде, отдаленных от поселений или просто далеких местах, единицы типа *По кочкам, по кочкам, по ровенькой дорожке* (– бух в яму); *Распрягайте, хлопцы, кони (та ложитесь поживать)*; *Дорогой длиною да ночью темною*; *Дан приказ, ему на запад, ей в другую сторону*; *Там в степи глухой замерзал ямщик*; нередко ассоциируемые с известными историческими либо культурными знаниями и сюжетами: *боярыня Морозова* (в санях отправляемая в ссылку); *Меньшиков в Березове* (сосланный вместе с семьей); *Всюду жизнь или Смерть поселенца*; *Скобелев под Шипкой*; *В Шушенском*; *Ленин в Разливе*. То есть пословицы, поговорки, фрагменты известных сведений, художественных текстов, стихотворений, песен и пр.

В связи со сказанным возникает вопрос о связях: предполагаемого, выраженного либо не выраженного, представления о 'ехать', как передвижения, не самостоятельного, не с помощью собственных ног, но влекомого, перемещения в имеющемся и воспринимаемом плоско пространстве, как «езды – не езды», с чем-то его расширяющим в том или ином отношении. При этом то, что его расширяет, представление этой «езды – не езды», как заложенное и предполагаемое передвижение, само по себе, имея свою позицию и свое представление в том или ином фрагменте ментальной действительности, привносит в полученное соединение нечто свое, что совместно способно порождать в сознании какой-то свой результат. Вопрос об этой связи и расширениях предполагает введение представлений о формах и типах их выражающих единиц. Не вдаваясь в многообразные типологические подробности на данном, вводящем, этапе определения, имеет смысл обратить внимание только на два момента. Во-первых, возможный количественный состав компонентов того или иного мотива. И, во-вторых, вероятные узуальные сферы имеющихся в сознании представлений, с мотивами соотносимые и раскрывающие в себе в них заложенный общезначимый и распознаваемый смысл.

Касаясь первого, необходимо решить, какими и сколькими следует обладать представлениями, чтобы осознавать то, о чем и что содержит в себе тот или иной мотив. Рассмотрим это на некоторых примерах. Возвращаясь к моделям ухода и изымания с Чацким и Софьей, задумаемся над вопросом, что необходимо знать и представлять, чтобы воспринимать обозначенное для того и другой как таковые модельные знания. Составляющими компонентами первого будут, по-видимому:

1) то, что Чацкий, т.е. то, что содержит в себе, концентрирует и передает обозначенный персонаж, появившийся у Грибоедова с тем-то и с тем-то, высказавший в конце представления то и то, после чего и на основе чего, как следствие, твердо решивший покинуть не отвечающее его предварительным планам и представлениям место;

2) то, что уехать становится твердым намерением, содержащим в себе для него возможность, если не полного разрешения не отвечающего ему положения вещей, то, по крайней мере, выхода из него;

3) то, что из дома Фамусова, с его ретроградной и не созвучной Чацкому обстановкой и с Софьей, фальшивой, не постоянной в чувствах, ищущей совсем не того, что бы следовало, и никак поэтому не соответствующей его представлениям, как должно бы быть, что чего стоит и что достойно;

4) то, что куда подальше, лишь бы только отсюда, туда, где можно найти что-то новое и другое, обретя, забывшись и оторвавшись от этого, какие-то новые впечатления, отдохновение, перемену и, возможно, какой-то просвет.

Модель ухода, иллюстрируемая представленным положением с Чацким, выглядит как четырехкомпонентная: кто (агент) – что (предполагаемый предикат) – откуда (исходное) – куда (целевое), по формуле $Ag > Pr (In > Fn)$. Что касается Софьи, то важными для понимания навязываемого в виде угрозы Фамусовым разрешения ее положения можно считать:

1) то, что Софья, с ее вдруг себя объявившим несоответствием от нее ожидаемого реальному, недостойному барышни из богатого дома, положению дел;

2) то, что Фамусов, не пожелавший терпеть в своем доме подобного рода несоблюдения приличий и нарушения социального статуса;

3) то, что из дома Фамусова, как места, с одной стороны, находящегося в сфере внимания и обсуждения светом, а с другой, содержащего для Софьи все тот же, ставший причиной случившегося с нею, соблазн;

4) то, что отправить, т.е. заставить ее уехать, в качестве разрешения для нее и себя произошедшего положения дел;

5) то, что подалее и в глушь, за пределами досягаемости для светской молвы, а для Софьи как можно далее прочь от соблазна.

Модель изымания, тем самым, для Софьи выглядит как пятикомпонентная, по сравнению с уходом Чацкого усложняясь еще одним действующим компонентом как каузатором: кто (понуждаемый к предполагаемому действию агент) – кем (со стороны кого как каузатора) – что (налагаемый к исполнению предикат) – откуда (исходное) – куда (целевое), по формуле $Ks > [Ag > Pr (In > Fn)]$. Тем самым, модель изымания, формально и по своей семантике, включает модель ухода как внутренний целостный компонент.

Возьмем для примера и сопоставления лишь некоторые из приведенных ранее единиц. Не ради поиска возможных для них уточнений, что, усложняя, предполагает другую задачу, а для установления компонентной достаточности воспринимаемого смысла, возможно, укладываемого, а возможно, и не укладываемого в какую-то, характерную для узуальных мотивов, модель. Что может и наиболее вероятно будет предполагать, скажем, *ехать с работы* или *ехать в час пик* (ср. при этом *ехать с работы в час пик* или *слишком поздно ехать, возвращаясь с работы*, или *в переполненном трамвае (метро) как обычно ехать с работы* или *в субботу ехать с работы*). И чем это может и должно отличаться от *ехать на тройке*, *ехать верхами* или чего-то другого?

Ехать с работы, предполагая нечто обыденно производимое многими, допускает как минимум: 1) что имеется Ag, тот или те, кто мыслится как производитель (производители) данного действия; 2) что имеется это самое «ехать» как Pr (предикат); 3) что имеется то, откуда (In) и 4) куда (Fn) производится данное действие. То есть, в итоге, мы получаем ту же четырехкомпонентную с точки зрения состава модель, охарактеризованную как модель ухода для Чацкого. К этому следовало бы добавить, как в случае с Чацким, что Ag, т.е. производитель (производители) действия, может и типично будет иметь а) соответствующий возраст (не моложе не старше определенного количества лет), б) материальное положение, предполагающее необходимость работать, чтобы себя и свою семью содержать, в) физическую способность работать. Что касается предиката Pr, для него предварительным знанием будет, по-видимому и скорее всего, перемещение по городу, в пространстве города, т.е. Ag дополнительно характеризуется как городской, а не сельский житель (что, если не так, должно требовать уточнения). В отношении того, откуда куда, достаточным, видимо, будет, прежде всего, взаимная, воспринимаемая как значимая, их удаленность, с общими представлениями о том, какими могут быть места работы и места жительства тех, кого это может касаться как потенциальных агентов действия.

В результате всего, таким образом обозначенного, можно было бы говорить об узуальном мотиве регулятивно-итеративного локативного конверсива (*ехать на работу – с работы*), реализующего социальностный (ре)продуктив как необходимость участия в общественном (вос)производстве для тех, кто способен и вынужден по своему материальному положению к этому. Мотив этот, относясь к характеризуемой ментальной действительности, с одной стороны, определяет типичные для нее представления, связи и отношения, а с другой, занимает в ней место, связывающее его с другими ему подоб-

ными, его объясняющими и им, в свою очередь, объясняемыми. Чтобы понять и представить, что значит в этой действительности это самое 'ехать с работы', необходимо знать его поясняющие условия и обстоятельства, что также может укладываться и представляться в виде мотивов: *ехать на работу; работать – на заводе, в школе, на фабрике, адвокатом, врачом, по субботам, по выходным, допоздна; жить в городе – в центре, на периферии; иметь / не иметь машину, семью; быть / не быть обеспеченным; жить на квартире (снимая квартиру), в (студенческом, заводском) общежитии, в пятиэтажке, в собственном (частном, маленьком, двухэтажном) доме; ездить в переполненном транспорте, на трамвае, в метро, на такси и т.п.*

Мотив, таким образом, получая свое развитие и оформление, своей семантикой вписывается в определенный фрагмент – сферу характеризующей ментальной действительности, которую (сферу) можно рассматривать как его, для сознания и восприятия, типологический показатель в отношении места в ней, в этой самой ментальной действительности. Поскольку совсем другими (по сравнению с рассмотренным *ехать с работы* и прочих при нем) в типологическом отношении, для того же сознания и восприятия, будут, также при этом всем узуальные и характерные для представлений о той же самой действительности, мотивы 'ехать' Чацкого или Софьи из дома Фамусова, или *ехать по бездорожью (ночью в степи)*, или *ехать на все четыре стороны*, или *за тридевять земель*, равно как 'ехать' боярыни Морозовой, или то же 'ехать' Меньшикова (в Березове с семьей).

Типологические сферы мотивов

Об этих сферах как типологических показателях для характеризующих мотивов, в приложении и в связи с вероятным и достаточным их компонентным составом, имеет смысл поговорить, прежде чем перейти к тому, что завершает рассуждения вводящего характера – рассмотрению 'ехать' в отношении реализации некоторых из для него возможных моделей и определению смысла, выражаемого значениями глагола *бегать / бежать*. С тем чтобы затем перейти к предмету собственного описания для форм и видов бега, с их значениями, характерными для анализируемой действительности, отражаемых в моделях с их семантикой, задаваемой и типологически определяемой по сферам, или зонам, соответствующих представлений.

Итак, если, как было замечено, *ехать на работу / с работы, на курорт, на дачу* и пр., следует относить к представлениям обыденно-регулярного, повседневно-бытового характера (сказанное имело бы смысл уточнить), то 1) к каким тогда следует относить все те остальные, которые были даны как другие и 2) из какого количества компонентов должны или могут тогда состоять эти другие мотивы, из чего (для 1 и 2) бы следовало а) определение типов знаний, необходимых для адекватного понимания и восприятия узуальных мотивов и б) выяснение того, количеством ли компонентов или не только, но с учетом количества, или совсем не количеством, а чем-то другим, и тогда чем, будет определяться затронутая в связи со сказанным типология.

Начнем, исходя из логики предстоящего рассмотрения, с того, что указано в а) и б). Какого типа (или рода) знания необходимы для правильной интерпретации смысла, заключенного в выражениях (узуальных мотивах для нас)

ехать по бездорожью, ехать степью, ехать глухой порой, ехать по замерзшему озеру (насту, снегу, в пургу), а затем и также в последующих? Правильной в том отношении, которое предполагает не просто лексико-семантическое восприятие сказанного, опирающееся на понимание входящих в состав сочетания значений слов, но восприятие, проецирующее знания о связанных с этим представлениях русской ментальной действительности, в отношении и в составе которой рассматриваемые сочетания слов определяются нами как свойственные для нее, ее, узуальные мотивы. Ментальная действительность, тем самым и в этой связи, предстает как действительность сознания и представлений в совокупности для нее характерных узуальных мотивов, дающих возможность типично и соответствующим образом, более или менее адекватно, распознаваемо и сходно, взаимодействовать, действовать и существовать, в данном социуме и языковом коллективе, реагируя, если и не вполне ожидаемым и предопределяемым способом, то, по крайней мере, не нарушающим некое предположение и допустимость. При этом и это предположение, и допустимость, укладываясь в определенный и не случайный контекст, определяют способность к заложенным и распознаваемым в составе той же ментальной действительности ее возможной неоднозначности и типологического варьирования. Неоднозначности, связываемой с ее собственной мотивационно-интерпретативной, не исключающей не единственность, стороной, а варьирования – с коммуникативными и перцептивными, если не психологическими, типами ее носителей, ощущения которых и представления о которых (поскольку все же не знания), присутствуя в сознании тех же носителей, неизбежно входят в состав и ее самоё. В связи с чем рассмотрение неоднозначности возможной интерпретации, равно как и коммуникативных и перцептивных типов носителей (говорящих), отчасти влияющих на эту неоднозначность, может составлять предмет анализа и описания той или иной ментальной действительности.

Стараясь ответить на заданный в отношении типов знаний вопрос, попробуем рассмотреть для начала, что бы могли означать эти самые, но не слишком подробно, *ехать по бездорожью, ехать степью* и пр. Насколько действительными и важными в этом ключе можно представить те десять позиционных валентных точек, которые были выделены для *ехать* на основе «Словаря сочетаемостей»? *Ехать по бездорожью*, предполагая трудность передвижения, следующую из сопровождающих обстоятельств, важно в том отношении, что данное передвижение производится вне населенных пунктов, не автострадой и вне каких бы то ни было, как может казаться, дорог. То есть по полю, по лесу, в степи, по пустыне, болотами, берегом моря, реки и т.п.

Подобное восприятие и такая интерпретация не исключены, но тогда надо думать, что передвижение осуществляется, поскольку способно себя в этом случае производить, а) либо средствами не колесного транспорта (на лошадях, на верблюдах, ослах), б) либо специально для этого предназначенным транспортным средством (амфибия, джип, трактор, танк и т.п.). Однако и в том, и в другом из перечисленных случаев необходимым и вероятным будет либо контекстно-вербальное уточнение (расширение), либо использование какой-то иной единицы, поскольку *ехать по бездорожью* имеет в виду не то, что нормально предполагает подобное передвижение в силу заложенных в средство предназначений (лошади, ишаки, верблюды) и специализаций (амфибии, джипы и пр.), а наоборот, то, что данное средство к подобному бездорожному передвижению не предназначено. И не случайно, поскольку нормальное в этом случае не будет себя данным образом, в виде мотива, отображать. По ряду причин.

Во-первых, в силу не характерности и редкой используемости указанных специализированных и предназначенных к движению по бездорожью транспортных средств. Во-вторых, в силу той же не характерности и специфичности, если и не вполне исключительных, то особенных обстоятельств, предполагающих передвижение по местам, не имеющим никаких дорог (поля, болота, леса), а поэтому требующих своего объяснения и уточненного отображения. А в-третьих, по той самой причине, о которой и пойдет речь: для представления русской ментальной действительности типично и характерно восприятие многих имеющихся в действительности ее окружения дорог как не приспособленного к передвижению по ним бездорожья.

Из этого следует вывод, что *ехать по бездорожью* исходно, без дополнительных объяснений и уточнений, предполагает, в первую очередь, передвижение по дорогам мало пригодным, не оборудованным, плохим, скорее всего за пределами города, не автострадой и, вероятно, в глухих, мало езженных и не приспособленных к транспортному посещению местах, либо по окраинам города, с предположением необорудованности коммуникационной инфраструктуры, либо по сельской или околосельской местности с характерным для нее недоразвитием таковой. Все сказанное, тем самым и следовательно, можно признать типичным при восприятии *ехать по бездорожью* как мотива, в том отношении, что это 'ехать по бездорожью' для русской ментальной действительности и не исключительно, и в целом довольно привычно. Исходя из чего перейдем к дальнейшему рассмотрению того же мотива, с тем чтобы выйти на определение типа передаваемых им и отраженных в нем коллективных знаний, сопоставив затем их как с такими же, так и другими.

Прежде чем определить значение для 'ехать по бездорожью' как узуального мотива, что представляется важным как для его понимания, так и выхода к установлению типа, обратимся к анализу десяти позиционно-валентных точек при *ехать*, с тем чтобы установить их существенность в отношении ранее сказанного. Задумаемся над вопросом, все ли десять и, если нет, то какие из них, будут важными для указанного восприятия. Итак, можно «ехать – на чем, куда, откуда, с какой целью, где (в отношении трассы), как долго, как, сопровождаясь какой-то модальностью, в чем (по отношению к средству передвижения) и реализуясь в характере совершаемого действия». *Ехать по бездорожью* в своем составе имеет проявленную точку «где» (5), без дальнейшего, но обобщенно предполагаемого воплощения – по не приспособленным к передвижению на машине дорогам. Из перечисленных десяти актуальными для предполагаемого понимания (без дополнительных уточнений) будут точка «на чем» (1), при возможном, по крайней мере, двойном разрешении – на легковой машине, и тогда получаем одно, или на грузовой, и тогда получаем другое, прежде всего в отношении «цели» (4) того и другого движения. Точка «куда» (2) также способна иметь два решения – в какую-нибудь, по всей видимости, мало доступную в силу отсутствия человеческой связи дыру либо, с учетом необходимости срочного достижения места («модальный характер способа совершения» в точке 8), чтобы только добраться хоть как-нибудь, не считаясь с удобством дороги, или, как третья, блуждая, не зная маршрута, а потому и подъездов к месту, куда-нибудь и попримичнее, возможно, что на окраине города или в местности, имеющей также вполне нормальную автодорожную связь. Место отправки (3), как таковое, для понимания устанавливаемых отношений будет не значимым. Мало существенной будет также, хотя и предполагаемая обобщенно, цель (4), в зависимости от представлений о легковой (ехать к кому-то зачем-то) либо грузовой

(доставка груза) машине. Время нахождения в движении (6) и способ его совершения (7) воспринимаются относительно – в том смысле, что, очевидно, дольше, медленнее, с намного большими усилиями и немалыми затруднениями, чем при нормальных условиях. Модальный характер (8), месторасположение едущих в транспортном средстве для понимания смысла мотива специально не актуализируются. Реализация в совершаемом действии (10) представляется непривлекательно – с пробуксовкой, задержками, застреваниями, остановками, с налипшей грязью, с мучениями и в поту. Собственно, едва ли ни это, заложенное в узуальный мотив представление, следовало бы считать его смысл в отношении восприятия определяющим. Тот смысл, который, связываясь с комплексом внутренних реактивных переживаний, передает ощущение, возникающий отклик у говорящих. 'Ехать по бездорожью' потому в их сознании нехорошо, что предполагает немалые трудности, физические и нравственные страдания, препятствия и неудобства для совершающих.

Возможный состав компонентов моделей (двух – для легковой или грузовой машины, и с этим различие в точке «цели», или трех, с учетом вероятных отличий в точке «куда»), вне зависимости от их проекций и уточнений для каждой, видится в сочетании трех определяющих точек, распространяемых дополнительно четырьмя: $[1(4) > 2(8)] 10(6,7)$. То есть смысл, актуальный для понимания 'ехать по бездорожью' как мотива, определяется через характер реализации действия (10), связанный с представлением о времени (6) и способе (7) совершения, поддерживаясь представлением о средстве (1), связанном с целью (4) и предполагаемым местом конечного достижения (2), коррелируемым с модальным характером (8) совершаемого действия (насколько желательно, как надо быстро куда-то ехать и пр.).

Общий состав для всех трех (без учета каких-либо уточнений) моделей, тем самым, выглядит состоящим из трех компонентов с поддерживающим расширением в четырех, что в своей полноте дает представление о семи. Независимо от тех или иных расходящихся далее по моделям значений, вполне допустимо было бы говорить об общем значении разбираемого мотива 'ехать по бездорожью', с определением типа такого значения в его отношении к сферам характеризующей ментальной действительности. Таким значением можно считать 'обусловленную особыми, требующими своего разрешения, причинами большую, чем обычно, трудность передвижения по мало к тому приспособленной трассе', определив это как каузированный позиционно супердиффизкультативный пертранзитив, с его отношением к сфере не регулятивно-обыденного, обычного и повторяющегося, как это было в случае с *ехать – на работу, с работы, на курорт, на дачу, к родителям, к подруге, в школу, из школы, к друзьям*, а к сфере особого случая, специфических обстоятельств и экстремальностей.

Если первую сферу, с учетом для нее характерных мотивов, обозначающих действия, состояния и пр. (не обязательно и не только связанные с перемещением в пространстве)¹⁵, – если эту первую сферу можно воспринимать как сферу обыденных обстоятельств для узуальных мотивов, или сферу регулятивных институтивов, то вторую, как сферу особенных, специфических обстоятельств, экстремальных в каких-то случаях, можно было бы обозначить как сферу проприативов-адверсативов. Та и другая давала бы

¹⁵ Назовем это предикатными проективами предполагаемых субъектов, имея в виду такое их отношение к ментальной действительности, т.е. проективами они выступают по отношению к ней.

представление о возможном как мыслимом, видимом, чувствуемом, воображаемом, свойственным данной ментальной действительности, выступая в ней областями значений (двумя из какого-то большего их числа), обладающих своими, для них характерными общими признаками.

Ехать степью из приведенного списка примеров, в силу особенных, не регулятивных и далеко не обыденных обстоятельств предполагаемого действия, следовало бы также рассматривать в группе проприативов-адверсативов, с семантикой, требующей, в зависимости от возможного вида таких обстоятельств, уточнения для каждого случая. Представляется важным определить, что это 'ехать степью' исходно, без дополнений и уточнений, может предполагать и в чем, таким образом, может себя заключать особенность либо даже экстремум подобного действия.

Восприятие *ехать степью* в его отнесении к событиям прошлого – до- и послереволюционного, времен гражданской войны, что вполне допустимо и подкрепляется знаниями закрепленных в текстах соответствующих обстоятельств: езда на тройке, зимой, на санях, верхами, в тачанке, на лошадях, – подобное восприятие, не специфичное и не экстремальное, относит данный мотив к примерам другого ряда, о котором речь впереди (*ехать на тройке, ехать на санях, ехать эскадроном, ехать верхами, ехать на край света (на край земли)* и т.п. из последующих).

Для определения 'ехать степью' как проприатива, следовательно, необходимо его восприятие в границах тех представлений, которые делают подобный вид передвижения не вполне обычным, а таковым было бы, в первую очередь, его отнесение к настоящему. Необычность проприатива-адверсатива не следует, впрочем, определять как то, что не может быть свойственно обстоятельствам прошлого. Вкрапление, или вхождение, появление, в том, что исходно воспринимается в своем историческом окружении, чего-либо для него специфического не исключено, хотя не типично, поскольку сама узуальность, как свойство, предполагая сложившиеся и общие представления, накладывает ограничения на восприятие и знание прошлого. Специфическое для него, в силу отстраненной не погруженности в это самое прошлое, устойчивой конвенциональности и схематичности знаний о нем, укладываемых в исчислимые в своем общеизвестном составе мотивы, даже если и будет себя проявлять, поддерживаясь какими-либо контекстами, не получит статуса узуальности.

Итак, возвращаясь к 'ехать степью' в проприативе, можно было бы выделить для него представление, в чем-то близкое к бездорожью, как компонент в развитии ряда *ехать степью – лесом – полями*, т.е. плохими дорогами или вообще без дороги. Это может быть также *ехать степью* как представление о романтическом, полном запахов трав и открытых безбрежных пространств, путешествии, в блеске солнца и стрекотании насекомых днем и в упоении необыкновенными звуками или, напротив, затягивающей настороженностью тишины, если ночью. И, наконец, это может быть *ехать степью* (возможно, при этом, скорее, все-таки *по степи*, как *ехать* не столько *пустыней*, сколько *по пустыне*) для автопробега, ралли. В связи с чем возникает вопрос, одно ли и то же, для языкового (в данном случае это следует подчеркнуть) сознания, а тем самым, затем и сознания, представление связывается с чем-то таким, как *ехать степью* и *по степи*? Один ли и тот же, иными словами, оказывается на этой основе узуальный мотив? в своих двух вариантах? Или все же два разных? Поскольку речь идет о создаваемых сочетаниями и с ними связанных представлениях, ответ на этот вопрос необходимо искать, исходя из того, одно ли и то же, два варианта

одного и того же или два, пусть и пересекающихся, но разных воображения связывается с каждым из них.

Оставим, однако, для данного рассмотрения этот вопрос без внимания, обратившись к интерпретации перечисленных трех разрешений для 'ехать степью'. Как компонент возможного или только предполагаемого ряда не обеспечиваемого нормативными (в смысле дорог) обстоятельствами передвижения, осуществляемого с помощью не приспособленного к этому колесного средства (поскольку, если на лошадях или трактором, должно быть уточнение), это первое 'ехать степью' можно определять как 'вынужденное отсутствием обеспечивающего транзитива не вполне подходящее в отношении данного средства перемещение' – коактивно-дефективный пертранзитив.

'Ехать степью' как путешествие романтическое, оставаясь в пределах проприатива, допустимым было бы воспринимать (без учета для данного случая неудобств какой-нибудь грунтовой, если вообще какой-то, дороги) как 'передвижение, сопровождаемое необычными, настраивающими на определенный лад, переживаниями, отрывающими от привычной обыденности и не связываемыми с необходимостью достижения в результате производимого действия определенных места и цели (валентные точки 2 и 4, имеющие значения для первого случая)'. При этом следовало бы добавить, что этот отрыв, являясь едва ли не наиболее важной частью искомого смысла, предполагает своего рода освобождение, становясь отчасти его выражением, от разного рода условностей, в отношении требований к дороге в первую очередь и в том числе (особенность, становящаяся определяющей для третьего, экстремального, случая с автопробегом).

'Ехать степью' этого третьего случая, поддерживая общую доминанту транзитивной неприспособленности, использует ее как мерило и показатель умения соревнующихся, как средство проверки и выявления выдержавших, наиболее отличившихся, заслуживающих наивысшей оценки, а потому и достойных. Дефективный пертранзитив, объединяющий все три проявления для 'ехать степью', в первом случае, следовательно, становится тем, что препятствует, создавая неудобства и нежелательность, увязываясь с несоответствием в средстве передвижения (валентная точка 1) трассе (проявленная в *степью* валентная точка 5), трудностью достижения конечного места (точка 2), подчеркнутой неопределенности в отношении времени нахождения в движении (6), равно как и способе его совершения (7), с предполагаемым и важным смещением от желательной нормы, при снятых, не актуализируемых для сознания значениях места отправки (точка 3), цели движения (4), его модальном характере (8), месторасположении движущегося в средстве передвижения (9) и реализации в совершаемом действии (10). Первый дефективный пертранзитив, таким образом, реализует себя в составе трех (пяти) компонентов модели: $1 < 5 [2 (6 7)]$.

Дефективный пертранзитив второго и третьего обстоятельств, напротив, необходимо рассматривать как то, что способствует, – проявлению желательных переживаний освобождающего отрыва (диссолютивный дезинтегратив) для одного, романтического, и установлению потенциальностных рангов участников для другого, автопробега, с переходом его в группу экстремальностных адверсативов (модулятивный меритатив для экстремум). В отношении точек важными для обоих случаев представляются не соответствующие друг другу 1 и 5 (средство и трасса), при подразумеваемости, большей и важной для меритатива в экстремум, мест конечного (2) и начального (3) отправления, отсутствии видимой цели (4) для дезинтегратива и ее подразуме-

ваемой очевидности для меритатива, не обозначенных, хотя и важных для того же экстремум, поскольку меряемом, времени нахождения в движении (6), способе его совершения (7), существенности в отношении модальных значений 'хорошо' и 'желательно' (8) для дезинтегратива и 'намереваемо' для меритатива, определенности месторасположения движущегося в средстве передвижения (9) для меритатива и его несущественности для дезинтегратива, при определенном виде актуальности (10) реализации в совершаемом действии для того и другого. В итоге формула дезинтегратива могла бы выглядеть как $1 < 5 \ 8 \ 10$, в то время как меритатива – $1 < 5 \ [4 \ (2 \ 3) \ (6 \ 7) \ 8 \ 9] \ 10$. Из чего бы следовало общее представление об индивидуальности построения модели для выводимых значений, как в отношении числа компонентов, так и их семантических показателей.

Исходя из задач дальнейшего рассмотрения, предполагающего возможность такого определения узуальных мотивов и их обстоятельств, которое вписывало бы их в представления разбираемой ментальности, выступая одновременно проекцией через мотивы ее самоё, имело бы смысл продолжить, но не подробно, выведение ее последующих мест, распределяющих исследуемые мотивы в типологических сферах сознания. Две из них, определенные как сфера обыденных и специфических обстоятельств (итеративов-регулятивов и проприативов-адверсативов) были представлены на соответствующем материале – *ехать на работу / с работы, на трамвае, в метро и ехать по бездорожью, степью*. Третий ряд, представленный в сочетаниях *ехать на тройке, ехать на санях, ехать эскадроном, ехать верхами* и пр., можно воспринимать как такой, который, будучи связан с какими-то далеко не случайными представлениями, закрепляет в сознании определенный ассоциативный фрагмент, никак не связываемый ни с обыденностью проживаемой в данный момент реальной действительности, ни с ее особыми, необычными, не вполне обычными, в том числе также и экстремальными, обстоятельствами. Вместе с тем эти фрагменты знаний и представлений имеют значимо конвенциональный характер, составляют в сознании и выражают в нем, для него то, что следует определять как явления и обобщенные факты данной ментальной действительности, то, что, будучи для нее характерно, типично, определяет индивидуальный облик ее. И если это не та действительность, в которой в данный момент данный субъект, находясь в ней, живет, не действительность, иными словами, его реального существования, то действительность его, субъекта, сознания, его ментального существования, не менее важная, чем реальность его бытия, в известном смысле нередко весьма существенным, если не предопределяющим, образом воздействующая на нее.

Можно бы задаваться вопросом, насколько в действительной, а насколько в воображаемой реальности, создаваемой и созданной общими представлениями, живет и находится со своими реакциями, знаниями, оценками, т.е. сознанием, человек. Вопрос, безусловно, важный, также и для предмета данного рассмотрения, однако не он и его разрешение будут нас интересовать, достаточно утверждения о совмещенной их обусловленности и взаимной зависимости. Различение того и другого, или той и другой, возможно, удастся, в определенных пределах, заметить, по крайней мере, пытаться сделать это, на материале изучаемых узуальных мотивов. Первой такой границей можно считать различие между рассмотренными *ехать на работу / с работы, по бездорожью, степью* и взятыми для определения *ехать на тройке, на санях, эскадроном* и пр. Будучи обозначениями явлений не проживаемой реальной действительности, но отно-

сясь к знаниям о ней как о реальности прошлого, не с этой, а точнее не специфически с этой ее стороны, они должны стать предметом данного рассмотрения.

Что значило 'ехать на тройке, на санях, эскадроном' в прошлом для прошлого трудно и лишь приблизительно можно установить, поскольку нет полностью ощущения знаний того, что в то время все это сопровождало. Не это, впрочем, и важно для разбираемой задачи. Важно то, что, являясь фактом ментальной, а не реальной действительности, для представлений этой ментальной действительности в восприятии и сознании ее носителей чем является, с чем связывается, что для них формирует и что создает. Оттолкнемся в своем рассмотрении от этого положения для того, чтобы решить, к какой разновидности представлений в сознании можно указанный узуальный ряд отнести.

Первая мысль, на которую следовало бы обратить внимание, будет связана с тем, что *ехать на тройке* существенно для восприятия, а тем самым, и разбираемой ментальной действительности, не самим своим фактом, т.е. не тем, что 'ехать', и даже не тем что 'на тройке', а чем-то другим. *Ехать на тройке* совершенно не так обрабатывается сознанием при восприятии и совершенно не ту мыслительную реакцию предполагает, равно как и интуитивный, эмоциональный и сенситивный внутренний жест-движение, что построенные по той же модели *ехать на трамвае, на автобусе, на поезде, на метро*. Как ни необычно это, может быть, зазвучит, но *ехать на тройке* вовсе не предполагает для фрагмента характеризуемой ментальной действительности реально осознаваемого действия, которое отступает куда-то на задний план, имеясь в виду как само собой разумеющееся, но при этом конкретно не воспринимаемое и ни в какие реальные обстоятельства четко не вписываемое.

Трудно представить для данного случая значимыми для понимания и интерпретации 'ехать на тройке' как разбираемого узуального мотива валентные точки, как это делалось с предыдущими сочетаниями, места конечного достижения, места отправки, цели, времени нахождения в движении, его модальном характере и т.п. Сама позиция средства (на тройке), возможное представление о трассе, способе совершения действия, месторасположении движущихся, характере реализации действия, понимаясь более или менее однозначно и беспрепятственно, также в целом для восприятия ментального смысла самой такого рода езды значения не представляют. И дело тут даже не столько в том, что это явление не актуального прошлого (достаточно вспомнить разбор отъезда в карете для Чацкого, где было также прошлое, но определенные валентные точки для понимания устанавливались как значимые). Дело скорее в том, что это езда на тройке какого-то совершенно иного ментального ряда.

Ничто не мешает при этом данной езде восприниматься так же конкретно и значимо в соответствующих позиционных точках, как отъезд каретой для Чацкого, но при каких-то условиях, делающих ее осязаемой. Скажем, чичиковская езда на тройке в «Мертвых душах» у Гоголя. Но это, видимо, все же будет нечто совсем другое. И не совсем такое, хотя, может быть, более близкое к той езде, которая появляется в песне *Ехали на тройке с бубенцами, А вдали мелькали огоньки. Эх, когда бы мне теперь за вами, Душу бы развеять от тоски*, где есть контекст, какое-то окружение, порожденное им состояние и пр., что создает иные возможности восприятия и интерпретации.

Из этого следует сделать, во-первых, вывод о том, что не *ехать на тройке* или что-то другое подобное, как сочетание, создает представление о сфере ментальной действительности, в которой себя проявляют мотивы. Сферы мотивов в ней существуют до них (но не вне их), мотивы себя в них, т.е. в словосо-

четаниях, отображают. Что же касается *ехать на тройке* (во-вторых), равно как и чего-то подобного, то это можно видеть и воспринимать, по крайней мере, в трех (а может, и более) отношениях. Как 'ехать на тройке' ментального представления, относимого к не актуальному времени и отсутствующим обстоятельствам конкретизации (бывшей реальной действительности, действительности воображения, будущего, фикции и т.п.). То есть как значимо конвенциональные и символные (возможно, отчасти) знания и представляющие свой смысл, прежде всего, как такие. Как 'ехать на тройке' конкретных (более или менее) реализаций этих самых конвенциональных и символных представлений, не вполне таких или совсем не таких в контекстах художественных, исторических и других каких-то произведений. И, наконец, как 'ехать на тройке' вербально передаваемых ассоциативов, реализуемых в текстах и воспринимаемых через них, не предполагая уточняющей конкретизации и полноты (поговорки, стихотворения, песни, фрагменты каких-то текстов и пр.). Первое, которое будет предметом ближайшего рассмотрения, определим пока что как неактуально-знаковое восприятие. Второе – как контекстно актуализируемое и восстановленное. А третье – как ассоциативно-отсылающее, или импульсирующее. Как сигнификативы, реконструктивы и импульсивы.

'Ехать' сигнификативного представления

Обратимся теперь к 'ехать на тройке' этого первого, сигнификативного представления. Какую семантику внеконтекстного восприятия можно было бы ему приписать? Помимо общего представления о доавтомобильном прошлом, т.е. XIX век и раньше, в целом не слишком существенного, важным видится то, что это езда, облеченная, для современного восприятия, ореолом чего-то типично российского, русского, связываемого с простором широких открытых пространств, с передвижением, в первую очередь, в поле, в степи, между почтовыми станциями, а если в городе, то лихо, демонстративно, бросаясь в глаза, либо во время организуемых масленичных или просто, без особого повода, разнообразных гуляний. Тем самым, это езда на какие-то более или менее дальние расстояния, за пределами города, представителей не бедных сословий, дворянства прежде всего, а также тех, кто находится на государственной службе (нарочные, становые, урядники и пр.) либо вызванная демонстративными (гусары, купечество, веселящаяся молодежь) или праздничными сопутствиями и обстоятельствами.

И в том, и в другом из возможных случаев с их разновидностями следует говорить об отмеченности предполагаемого действия, воспринимаемого и фиксируемого в сознании в виде обобщенного образа а) типично российского способа одоления открытых, широких, не близких пространств б) представителями социального, если не верха, то, по крайней мере, не низа, приближенных к тому, чем является обладание – властью, деньгами, собой, в) связываемого, как из этого следует, с предоставляемой возможностью свободного, не укрываемого заявления и демонстрации своей внутренней шири и полноты – широта российской души и простора, объявляемая через способность подобного проявления для тех и того, кто имеет такую возможность, кому она статусом придана.

Езда на тройке, как из этого следует, может восприниматься как нечто, заряженное концептуально, оценочно и идеологически. Как то, что, отмеченное

в определенном ключе, становится знаком и символом не столько какого-то не заражённого (в смысле душевного устремления) прошлого, сколько имени, обладания тем, что было, но не прошло, претворившись в форму какого-то остановленного порыва к движению, в форму отклика, неизменно себя находящего и воплощающего в поиске выхода из регулирующих, упорядочивающих, а потому всегда управляющих и сдерживающих обстоятельств.

Отсюда, из этого представления, и гоголевское в его «Мертвых душах» тревожно-приподнятое предчувствие срывающейся, то ли в бездну, то ли в полет, уносящейся тройки, и тоска души, которую может развеять только езда на тройке с бубенцами в известной песне, и внутреннее, порывающее, как стремление к чему-то большому и светлому, «эх бы, запрячь коней в эту самую тройку, да вперед, навстречу ветрам и вихрю», и романтическое, освобожденное от грязи и крови братской войны, овеванное все теми же ветрами степных просторов, отрывающее от будней и повседневности представление о тачанке, долгое время эксплуатировавшееся в своем порывающем неизвестно к чему героизме. Тройка прочности основания через тройственность силы и ее полноты, как исходно мужского, а потому и свободного принципа, вырывающегося из стеснений и утеснений на открывающийся глазам мировой простор, становится для сенситивного восприятия знаком российского выхода – вырваться, чтобы (только) вылететь и улететь, птицей-тройкой. Без ответа при этом на гоголевский отнюдь не случайный вопрос «Куда?», и даже без мысли об этом и поиска. От того только, что есть, имеется такая возможность в своей полноте и ее уносящая сила. Внеконтекстное 'ехать на тройке' в связи со сказанным можно воспринимать как мотив, относящийся к сфере сигнификатива с семантикой 'отрывания вследствие полноты обладания освобождающей силой', освобождающая сила, переполняя, дает возможность, несет, отрывает от окружающего, от того, что вокруг. Определим это как **абсолютный потентат-абсциссив**.

Подобным образом как сигнификативы можно рассматривать в их соответствующих значениях *ехать на санях*, *ехать эскадром*, *ехать верхами* и пр. Они же, как реконструктивы и импульсивы, должны и могут восприниматься в своих значениях в другом каком-то ключе, однако решение этого вопроса оставим пока без внимания, обратившись к еще одной теоретически важной для дальнейшего рассмотрения проблеме. Характеризуемое, следует помнить об этом, имеет не только и даже не столько в своем выражении, сколько в его управляющем содержании отношение к тому, что было определено как действительность ментального представления, типичного, характерного для русского языкового сознания. Сознания – в отношении не всегда осознаваемого и нередко скрытого смысла интерпретативных реакций и проявлений, языкового – в характере выражающих эти реакции и проявления единиц. Акцент, тем самым и неизбежно, падает на смысловую, при этом далеко не всегда выражаемую, хотя и участвующую как регулятор, сторону.

Отвлечемся, однако, от этого направления рассуждений, способного увести нас от языка в психологию восприятия и поведенческих партитивов, определяющих индивида как представителя некоей общности, изначально его подготавливающей к известному типу реакций, а отчасти и предопределяющей их, поскольку не к этому сводится наша задача, во многом хотя и имея ее таковую в виду. Обратимся к дальнейшему типологизирующему определению языком выражаемого материала. Приведенное рассуждение необходимо было лишь для того, чтобы выработать верное позиционное отношение к изучаемому языковому по внешности материалу.

Так же как *ехать на тройке*, будучи сигнификативом и в сигнификативе, не следует воспринимать, чтобы верно понять его смысл в отношении определенной ментальной действительности, как действие по глаголу *ехать* – на чем, *на тройке*, о чем уже ранее говорилось, но как некий обобщенно символический, знаковый смысл, так же и следующий ряд единиц не будет вписываться в представления о конкретных осуществляемых действиях, репрезентирующих, обозначающих в них, через них, нечто совсем другое. И для характеризуемой ментальной действительности представляется важным именно это другое, как объясняющее ее самоё для себя самоё. Таким же объясняющим зарядом и, соответственно, признаком (отсюда принятое нами определение сигнификативов для данного типа) обладает и *ехать на тройке*. Однако, если это *ехать на тройке* (равно как и не рассмотренные – *на санях, эскадроном, верхами* и подобное им другое), воспринимаясь, в первую очередь, через призму не актуального прошлого, как воображение, дающее представление о коллективном «я» и отодвинутом темпорально и концептуально своем и совместном для этого своего alter ego¹⁶, то сигнификативы ряда, о котором речь, к неактуальному прошлому (при той же их обобщенной знаковости) отнести нельзя. С точки зрения языка, как его, языка, единицы, их можно и следует определять как устойчивые обороты и сочетания фразеологического или другого характера, существующие в готовом виде в сознании на данном языке говорящих. Однако не это важным, хотя и не безразличным, будет для разбираемой задачи. Не важно, чем и какой конкретно устойчивой единицей, какого вида, является то или иное рассматриваемое в данном случае выражение, поскольку все они будут в большей или меньшей мере устойчивы, важно другое – что в сознании и для сознания они отражают, какую сферу его представлений способны в себе воплощать. С этих позиций и будем стараться подразделять их на типы, пытаясь вывести вероятные стороны той смысловой совокупности, которая связывается с представлениями изучаемой ментальной действительности, если не прямо отождествляется с ней. Впрочем, не будем замахиваться на утверждение тождеств в ментальности, требующих широкой и обстоятельной разработки, предполагая в этом вопросе лишь поиск путей и допускаемых опосредований.

Следующую вслед за *ехать на тройке* и ей подобных группу рассматриваемых сигнификативов образуют мотивы, передаваемые в приведенных ранее выражениях типа *ехать на край света (на край земли)*, *ехать в дальние края*, *ехать (уехать) в Магадан*, с одной стороны, и *ехать (уехать) за границу*, *ехать (уехать, отправиться) в одну сторону (без возврата)*, *ехать на чужбину*, *ехать на родину*, *ехать (уехать) в Америку*, с другой. Список тех и других можно бы было продолжить, однако не в его представительности состояла поставленная задача, а в том, чтобы отметить отличие тех и других, попытавшись его, сформулировав, определить, от сигнификативов рассмотренной группы, равно как отличие между этими первыми и вторыми.

Для приближения к задаче необходимо задуматься, в первую очередь, над тем, что отличает, в рассматриваемом ключе, *ехать на край света* и ему подобное, от *ехать на тройке* с ему подобным, с одной стороны, и от *ехать за*

¹⁶ Проблема воображения для сознания «я» и не-«я» и проблема его осознания («я» и не-«я») как «я» своего коллективного ego (той ментально-языковой среды, к которой данное «я» относится и частью которой себя представляет) и меры осознанного отождествления-неотождествления с ним, воспринимаемого как большая или меньшая отставленность, большее или меньшее удаление-близость от создаваемого и/или созданного языковой и ментальной средой коллективного ego своего для данного «я» и преобразенного им в своем сознании для себя alter ego.

границу (в смысле *уехать*, чтобы уехать, либо в каком-то другом, не менее значимом в знаковом отношении) и пр., с другой. Отличает, обозначая не просто само по себе, хотя и это, без сомнения, важно, но как бы внутри, для себя, как тип представления для ментальной действительности, общего у него с ему подобными, хотя и другими.

Внешне для выбранных трех единиц с отъездом (*на край света, в дальние края, в Магадан*) речь можно вести не столько о передвижении с помощью какого-то средства куда-то, ибо не это важно, не перемещение и не средство, и даже не столько (а уж тем более, чтобы конкретно) «куда», а о задуманном или уже воплощенном намерении и в результате каких-то предпринимаемых действий и по каким-то, нередко понятным, пусть и обобщенным, причинам оказаться где-то или где-нибудь, очень, чересчур далеко, в чем-то не здешнем и слишком дальнем. При этом важны, для правильной интерпретации сказанного, и эти причины, и вызванное ими намерение, как побуждение все здешнее и сегодняшнее, то, что здесь и сейчас, оставить, бросить, в другое и отдаленное место, пространство переместясь.

Причины эти и эти намерения, как добровольные, так и чем-либо вызванные, как вынужденные, так и желаемые, могут быть разными, хотя не любыми, а потому и укладываемыми в какие-то осознаваемые выборы и допущения. Можно их выделить, с тем чтобы, обозначив, назвать, что будет влиять на семантику характеризующей единицы, определяя и вписывая ее значение в соответствующий фрагмент разбираемой ментальной действительности. Для примера это можно представить, как это делалось с предыдущими видами 'ехать', с тем чтобы лучше понять, однако для определяемой типологии не эти значения, их возможные варианты и подзначения, будут иметь интерес, а то, что их объединяет, то есть идея, для данного случая, отрыва – от того, что близко, что рядом, что здесь и сейчас, что со всеми, кто близкий и свой, с перенесением, отправлением в далёкое далеко, очень далёкое, настолько далёкое, чтобы такого отрыва не ощутить. Будет ли этот отъезд вызываться причинами субъективными (по работе, по службе, чтобы сменить обстановку, либо оставить все, надоевшее, исчерпанное, пережитое, бывшее, за собой) или причинами объективными (отправление, высылка, суровая необходимость где-нибудь быть), в типологическом отношении не важно: причины, намерения и обстоятельства, также типологизируясь и обобщаясь, формируют значения единиц. Важной и определяющей будет сама идея подобного рода отрыва.

Равно как важной и определяющей для единиц второй разновидности этой группы (*ехать (уехать) за границу, ехать (уехать, отправиться) в одну сторону (без возврата), ехать на чужбину, ехать на родину, ехать (уехать) в Америку*) была бы идея отделения – удаления, оставления, не отрыва (в том числе и с выражением *ехать на родину*, поскольку его отличие от других будет себя обнаруживать в его значении, т.е. не как типологическое). Отделения и удаления, оставления, с переменной и замещением не только и не столько места и близкого окружения (как в отрыве), сколько некоей сути, не с тем чтобы отряхнуть, найдя себя в чем-то другом, оставаясь своим для своих и собой, но себя и всё в себе и для себя изменить, перестав, объективно и/или субъективно, быть своим для своих. На этом основывается семантика данной подгруппы рассматриваемых сигнификативов. Однако не эта семантика, а то, что следует из нее, встраиваясь и надстраиваясь над ней, будет определять искомое типологическое отличие.

Задумаемся над этим теперь обобщением, того, что заключается, скрыто и явно, в единицах типа *ехать на тройке*, с одной стороны, и *ехать в дальние края / за границу*, с другой, с внутренним разграничением также и этих последних. Заложённая во всех трех группах идея прерывания связей по той или иной причине, в отношении тех или иных обстоятельств, следующая из представления о 'ехать', не должна заслонять того, проявлением чего, независимо от того, будет ли это связываться с ездой или чем-то другим, выступают характеризующие три группы. Имея в виду отношение каждой из них к разбираемой ментальной действительности, их позицию в ней, следовало бы обратить внимание на то ментальное, скажем так, состояние, которое каждая из этих трех групп проявляет, выступая его отражением для сознания и восприятия.

Указанное состояние в целом связывается с прерыванием, нарушением некоего покоя в смысле не возмущенного, ничем не нарушенного исходного пребывания. Как положения в точке, в которой исходно, первоначально ничего осязаемого вроде бы нет, но от которой в дальнейшем способно разворачиваться, из которой происходит какое-то выдвигание. Точку эту, видимо, следует связывать с не обусловленным, свободным от какого-либо участия и подключения, ощущением пребывания в месте субъективно исходного «я». Того «я» разбираемой ментальной действительности, которое должно составлять ее организующий и реактивный центр, который далее, в группах исследуемых мотивов, обладая способностью тем или иным каким-то образом себя проявлять, и будет предполагать свои в этих проявлениях семантические проекции, как нарушение точки покоя, отклонение от нее в ту или иную определенную сторону. Этот организующий и реактивный центр ментальной действительности также может быть установлен – как носитель определенного типа интерпретирующего сознания, подчиненного своим представлениям, одновременно с этим подчиняя их и управляя ими.

Три, представляемые разбираемыми группами, отклонения от этой исходной точки покоя реактивируемого с их помощью «я», три отмечаемые таким образом выдвигания, можно связывать между собой. Опираясь на семантику этих трех групп, исходя из семантики составляющих их единиц, допустимым было бы говорить о проявлении, выплеске внутренней силы (субъекта, в субъекте и от субъекта-действителя и обладателя этой силы) от избытка, переполнения, подавления в первом случае (для группы, открываемой выражением *ехать на тройке*), о перенесении, переходе, отнесении, выносе прочь (для группы с *ехать на край света, ехать в дальние края*) и о поиске чего-то другого, ухода от того, что имеется, с оставлением его за собой (для группы с *ехать за границу*).

Случайно или, если не закономерно, то, видимо, не случайно (вопрос этот в данном месте оставим без разрешения), первая из этих групп обращается внутренне к ощущению прошлого, но прошлого не как пережитого и/или бывшего, хотя и такое его представление не исключено, а прошлого как состояния, обращения вспять. Вторая группа к такому же ощущению настоящего как состояния актуализируемого переживания, но актуализируемого несколько отвлеченно, не занято, не задето. И третья – к ощущению будущего, того, что где-то там впереди, с обращением к некоторой определенной, но все же не ясной и не до конца представляемой открытости.

Отвлекаясь от семантики трех разбираемых групп в реализациях представляемых ими в соответствующих сочетаниях слов узуральных мотивов, три перечисленные проекции, три занимаемых ими ниши характеризующей ментальной действительности, три занимаемых ими ниши характеризующей ментальной действительности, три занимаемых ими ниши характеризующей ментальной действительности.

тальной действительности, способные себя отражать для иных по своим значениям и составам мотивов, не связанных с передвижением и переносом в пространстве, отталкиваясь от точки исходного центра, как его, этого центра, независимые от конкретных реализаций, отклонения, первое можно было бы определить как позицию выдвигания, выхода вследствие допущения, как открывания вследствие сообщающей силы толчка (*экссертив*), второе – как позицию расширения, распространения, выхода за пределы (*эманатив*) и третье – как позицию принимаемого направления (*директив*).

Тем самым, возможно было бы говорить о двух аспектах разбираемого проявления групп – а) от семантики составляющих их узуальных мотивов и б) от позиций, реактивируемых состояний управляемого ими ментального его, пребывающего внутри как организующий и одновременно организуемый центр рассматриваемой действительности определенным образом отмечаемых представлений. Аспекты эти, будучи взаимосвязаны, а отчасти и взаимонаправлены, видятся вместе с тем как такие, которые могут по-разному, в разных значениях и пропорциях в зависимости от предметной природы мотивов, в этих мотивах себя проявлять. К их подобному рассмотрению (в отношении аспектов) придется в дальнейшем вернуться, при анализе узуальных мотивов и обстоятельств бега в характеризуемой ментальной действительности. Для стоящей на данном этапе задачи достаточным будет лишь самое общее представление о наличии двух встречающихся семантизирующих потоков – от отвлеченного центра ментальной действительности к реализующей ее (и его) в понятийных сферах периферии и навстречу, от этой предметной периферии к реактивируемому ею в этих сферах центру. То и другое при этом не просто взаимодействует, не существуя само по себе, то и другое, взаимодействуя и соединяясь, образует целое, выделенные аспекты в котором, в известном смысле, следует воспринимать как условность, позволяющую аналитически видеть исследуемый объект.

Оставим пока без внимания все дальнейшее, способное быть выводимым на материале сопоставлений трех групп, открываемых мотивами, передаваемыми в выражениях *ехать на тройке*, *ехать на край света* и *ехать за границу*, обратившись к определению только типологического их разграничения в отношении разбираемой ментальной действительности. Представим это как продолжение типологической схемы, начатой регулятивом-итеративом для таких выражений-мотивов, как *ехать на работу*, *в школу*, *на курорт*, и проприативом-адверсативом для *ехать по бездорожью*, *по степи* и т.п. Важными для подобного продолжения видятся два уточняющих обстоятельства. То, что две первых, рассмотренных, группы (*на работу / по бездорожью*) в отношении разбираемой ментальной действительности противопоставляются этим трем вторым (*на тройке / на край света / за границу*). Реальностью воспринимаемого как совершаемое или задумываемое как таковое действия 'ехать' для первых, в отличие от знаковости не столько действия, сколько чего-то другого, им передаваемого и в нем отражаемого, для вторых. Это одно. И то, что в отношении двух первых групп обнаруживает себя некая уточняющая, в определенных не редких и важных случаях, комплементарность, проявляющаяся в итеративности для регулятива и адверсативности для проприатива¹⁷, возможно действующая как некий

¹⁷ Более подробное рассмотрение итеративности регулятивов, адверсативности проприативов, равно как и всего отмечаемого на данном этапе попутно, предполагается нами в дальнейшем, при описании основного предмета – форм и видов бега характеризуемой ментальной действительности.

внутренний расширяющий (запускающий?) механизм в отношении всей системы, – как другое.

Построение типологической схемы мотивов

Логика выявляемой типологической схемы начинает строиться на основании противопоставления 'представляемое как реально обыденное (осуществляемое или возможное как обыденно осуществляемое) действие с помощью 'ехать'', с одной стороны, куда относятся группы рассмотренных регулятива-итератива и проприатива-адверсатива, и 'представляемое как знаковое, в первую очередь внутреннее, движение, побуждаемое иницирующим и мотивирующим толчком, обозначающее с помощью 'ехать' не столько перемещение, сколько выход из состояния места и времени здесь и сейчас за его пределы, т.е. фактически смену и замещение пребываемых состояний', с другой, куда относятся три обозначенных группы, типологический смысл которых следует определить.

К этой схеме необходимо будет добавить, с тем чтобы ее рассмотрение завершить, те группы, значения которых представляют другие стороны разбираемой ментальной действительности, неполный перечень которых был ранее дан (*ехать, так ехать; ехать (уехать, поехать, погнаться) за длинным рублем; Улита едет, когда-то будет* и пр.), но о которых пока что не говорилось. Выводимая на этой общей основе схема позволит приступить к описанию форм и видов бега характеризуемой ментальной действительности, давая возможность, не возвращаясь к тому, что было сказано и определено, обращать внимание на определяемое новое и другое.

Итак, перед нами задача типологически определить и представить в развертывающемся соотношении группы, смысловая граница между которыми проходит между тем, что видится как реально обыденное, и тем, что другое, что представлением о реально-обыденном не объясняется. В данном месте, тем самым, следует посмотреть на те же, три пока что последующих группы (*ехать на тройке – ехать на край света / ехать за границу*) еще с одной стороны, помимо рассмотренных. Не как на проявления условного временного соотношения центра себя воплощаемого в них представления коллективного его носителей данной ментальной действительности, как это делалось раньше с определением к прошлому и настоящему / будущему и позициями выдвижения и продвижения / направленности, а с дифференцирующим отношением к тому, что составляет смысл различаемых знаний, позволяющих ориентироваться в том, что действительно (концептуально действительно), но при этом по-разному.

Задумаемся над тем, что может означать для искомого представления то, с одной стороны, что, воспринимаясь сознанием как обыденное, противоположно, с другой, тому, что было определено, за неимением лучшего, как знаковое. Обыденная, повторяющаяся езда на работу, в школу, в метро, не вполне обычная, но также воспринимаемая как имеющаяся в этой обыденности, езда в условиях бездорожья, по степи и т.п., – чем является для характеризуемой ментальной действительности, отличаясь в этом своем восприятии для того же сознания от езды (а может, и не езды) на тройке, верхами; на край света и за границу? И чем, соответственно, будет тогда для того же сознания это другое?

Первое, что можно было бы вывести в качестве признака, объясняющего указанное отличие, сводилось бы к представлению деятельного (потенциально деятельного), с одной стороны, т.е. задействуемого и включаемого участия коллективного его в некий для этого его общий экзистенциальный, процесс, создающий условия и поддерживающий реальность переживаемого и проживаемого в своих состояниях существования. И к представлению, с другой стороны, также вроде бы причащенного соучастия, но не деятельного, поскольку не требующего и даже не предполагающего, хотя и по-разному, включенного проявления в деятельности, обеспечивающей и поддерживающей совместно реализуемый представителями данного коллективного его экзистенциальный процесс. Мало этого, не закладывающего в данное представление этот самый экзистенциальный процесс.

Иными словами, для первого случая, чтобы в этой действительности как реальной, т.е. действительности реально осуществляемых процессов, существовать, необходимо знать механизмы и смысл их проявлений, результатов и действий. В то время как для второго необходимым становится восприятие ей присущего не как деятельностного процесса, а как ментального свойства, как того, что делает ее таковой, каковая есть, формируя внутри, для сознания, свое к ней отношение, ее понимание и в нее вхождение. Если первое можно было бы определять как процессно-реактивирующую, подключающую к общему действию втянутость (на основе общего знания), то второе, скорее, характеризовалось бы (на основе того же общего знания) как приобщение, примыкание, включенность в общий для всех своих представителей концептуальный и сенситивный континуум определяемых и составляемых данной ментальной действительностью (в своих представлениях) кумулятивно-дифференциальных свойств. Отличие того и другого, отчасти, можно укладывать в то, что в грамматике себя проявляет как процессуальный и не процессуальный (атрибутивный, точнее было бы говорить, атрибутирующий) предикат. Отчасти, поскольку более верным было бы представление об атрибутивно-процессуальном и процессуально-атрибутивном значениях, т.е. в первом случае процессе и действии как атрибуте (характеризуемой ментальной действительности в отношении общей для всех значений езды) и атрибуте, себя отмечающем в отвлеченном и остановленном действии и процессе (в отношении той же езды).

Продолжая, можно было бы также и далее говорить о предикативности, предидирующей номинативности, в отношении характеризуемой ментальной действительности для первого и номинативности, номинирующей предикатности (предидированности?) для второго. На этом уподобляющем, а потому относительном и поверхностном рассуждении остановимся, обратив внимание на две существенные для представляемого определения стороны. На то, что обращает его к тому, кто включается, на его объектно-субъектную сторону, понимаемую как включаемое сознание коллективного его в его представителях. Как включаемое оно, это его в своих представителях, проявляет себя как объект, а как носитель сознания и знания, потенциально действующее либо не действующее, но на основе данного знания ориентирующее себя в окружающем и оценивающее, оно проявляет себя как субъект. Это первое. И на то, что включает данное его в себя, предопределяет его и им же, отчасти, определяется как действительность его когнитивно-ментального состояния-бытия. Как второе.

В своем сочетании первое и второе двух первых групп (реально-обыденного езды на работу со всем последующим и по бездорожью с его последующим) объявлялось бы признаком втянутости в процесс. В то время

как всех остальных (начиная с езды на тройке) – признаком примыкания, мыслимого как атрибут. Как атрибут примыкающего и атрибут того, к чему примыкает, являясь одновременно знаком того, к чему примыкает, и его же, как знака и понятийной сферы, носителем и выразителем.

Иными словами, если определенные знания и определенный характер действий, связанных с типичной для данной ментальной действительности ездой на работу (на курорт, на метро и т.п.), характеризуют процессуально и втянуто данное коллективное *его* и всех его представителей в отношении их ментальных и перцептивных реакций и проявлений, то такие же знания, обусловленные их представлениями об известном для них характере действий, связанных с типичной для их ментальной действительности ездой на тройке (верхами, на край света, за границу и пр.), будут характеризовать их как представителей данного коллективного *его* в отношении их, но при этом других по типу, ментальных и перцептивных реакций по признаку примыкания и атрибута.

Это первое можно было бы характеризовать как включение, обнаруживающее себя как задействие (совместное втягивающее процессуальное действие, активность, проявляющая себя в регулярно осуществляемых действиях), а второе, также как включение, но проявляющее себя как вхождение в круг, отнесенность и приобщенность к нему как к ментальному состоянию, нахождение, пребывание в нем. Если первое действует как включение абсорбирующее (*абсорптив*), то второе можно определять как включение интроверсивное (*интроверсив*, от *introversum* (*introsum*, *introrsum*) ‘внутри, внутри, с внутренней стороны’, букв. ‘находясь (будучи) обращенным внутрь, внутри’).

В отношении представителей данного коллективного *его* имело бы смысл говорить о знаниях, служащих им средством их деятельностного участия-проявления (конгруэнтного партитива), для первого, и знаниях, служащих средством кумулятивно-фактотумного представления о себе самих, для второго (ауто-идентификатива). Обобщением сказанному было бы нечто похожее на потенциальностный агентив для первого и ассоциирующий конъюгатив (от *conjugator* букв. ‘тот, кто (то, что) сочетает, связывает’) для второго. То же самое, для большей наглядности и простоты, не забывая при этом обо всем перед этим сказанном, можно было бы определять как реально-обыденные, в отношении данной ментальной действительности, или предикативные, предикатирующие, и виртуально-характеризующие, или атрибутивные, детерминативные, знания. Говоря о них, соответственно, как о предикативе и детерминативе определяемой ментальной действительности, проявляющих себя предпочтительно в первых двух группах (езды на работу и по бездорожью), в отношении предикатива, а всех последующих (начиная с езды на тройке, верхами, на край света, за границу и пр.) в отношении детерминирования.

Отношение предикатива было нами рассмотрено и определено как регулятив-итератив (езда на работу, на курорт, на метро) и проприатив-адверсатив (езда по бездорожью, по степи). Отношение детерминирования применительно к трем, а затем и последующим группам определить предстоит. Попробуем сделать это без углубления в отличия и детали, на основе поверхностного, не претендующего на достоверность и полноту сопоставления.

Итак, перед нами ассоциирующий конъюгатив, включающий, вбирающий для сознания своих носителей их самих в некую область, связываемую со знанием о характере действий, воспринимаемых как недействия, точнее застывшие действия-знаки детерминатива привычных для данной ментальной действительности состояний. В ней самой, для нее самой и для ее носителей в

отношении их представлений, определяющего и отделяющего их от других, носителей другого языкового и не языкового сознания. Примерно подобным образом можно было бы разбираемое характеризовать. Что детерминирует и определяет все это применительно к сферам, занимаемым ездой а) на тройке, на санях, эскадроном, верхами; б) на край света (земли), в дальние края, в Магадан; в) за границу, в одну сторону (без возврата), на чужбину, на родину, в Америку, а также всему последующему, что упоминалось в общем ряду, но не рассматривалось?

Оттолкнемся в предполагаемом представлении от того условного центра, о котором уже говорилось как о носителе и обладателе разбираемой ментальной действительности в категориях (за неимением лучшего) коллективного *я*. Чем являются для него, для этого когнитивного центра, эти самые виды «езды не езды»? Езды, потому что о том говорится как о езде, подразумевая и предполагая ее как возможное для кого-то когда-то и в каких-то условиях действие. Не езды, потому что так о ней говорящему или мыслящему, как действие по глаголу *ехать*, данное представление в обычных условиях, нормативно, не представляется. Это мотив, означающий в целом, через езду, нечто другое, важный для знания и сознания как это другое. И это еще одна его сторона как «езды не езды». Ездой называемое становится, становилось, бывало, может стать, для кого-то в определенных, предрасполагающих к этому, узуально предполагаемых обстоятельствах. Без них и вне их его следует воспринимать как значимо-знаковое ментальное состояние.

Езду на тройке (на санях, эскадроном, верхами) в отношении ментального центра, вне узуально возможных как предидирующие обстоятельств, в связи со сказанным можно было бы воспринимать как знак такого ментального состояния, которое отмечает для данного *я* *свое* (ассоциирующий конъюгатив), но не здесь, не сейчас. Как знак отодвинутого в пространственном¹⁸ времени, отдаленного, удаленного пребывания, с представлением о типично возможном для данного коллективного *я* формативно-проецирующем перемещении в пространстве (рецессив форматив-проектива), с возможным дальнейшим подразделением на составляющие значения того, что ассоциируется к езде на тройке, к езде на санях, к езде эскадроном и пр. Все эти значения, ассоциируясь к рецессиву претерита (для пройденно-прожитого, оставленного за собой, пережитого, отошедшего прошлого) пространственного преодоления и его оформления со стороны коллективного *я*, будучи отодвинутыми в актуализирующем времени, воспринимаются опосредованно, на основе существующих в отношении каждого вида и каждой формы такого перемещения знаний. О езде на тройке в ее отношении к смыслу ‘абсолютирующий потентат-абсциссив’ уже говорилось, аналогичным образом могут быть интерпретированы и другие виды подобного рода рецессивной езды (на санях, эскадроном, верхами и пр.), определение значений которых не входит в задачу.

Не вдаваясь в подробности, обобщенно дальнейшие группы можно было бы отобразить в отношении детерминатива на основе воспринимаемых как ка-

¹⁸ Проблему соотношения пространства и времени в данном случае, философскую и физическую, без вхождения в подробности и глубину, ограничиваясь задачей показа для определяющего их осознания и восприятия, можно представить как время, которое не здесь, не сейчас, в пространстве, мыслимом как пространство *э т о*, пространственно временной континуум своего (конъюгативный континуум), но, будучи *этим* пространством, оно, как отмеченное *свое*, выступает для представления коллективного *я* в позиции рецессива, определяемой отношением ‘это, свое, но не здесь, не сейчас’.

тегории, отчасти дейктических¹⁹, представлений 'это', 'свое', 'здесь', 'сейчас', с последующим уточнением внутри каждой группы возможных значений. Ограничимся для разрешаемой задачей указанными четырьмя позиционными распределениями, оправдывая данное ограничение тем, что отсчет ведется от условно определяемого ментального центра (коллективного *ego*), осознающего и воспринимающего себя и свое окружение, в первую очередь, с позиций ориентации к месту во времени (для себя) и к себе / не себе (к тому, что воспринимается как свое или не свое²⁰), с дальнейшим в этих позициях смысловым уточнением.

Если группа с ездой на тройке (на санях, эскадром и пр.) определялась как рецессив форматив-проектива, представляя значение 'это, свое, но не здесь, не сейчас', то группа с ездой на край света (на край земли), в дальние края, в Магадан могла бы быть охарактеризована как изначальная, вне значимо предполагаемых узусом обстоятельств, по показателям 'не это'²¹, (хотя) свое' и 'здесь, сейчас'. 'Не это', поскольку езда на край света, в дальние края, в Магадан и т.п. не может быть *этим*, т.е. тем, что происходит и производится как ситуативно²² (по отношению к *ego*) близкое, в привычном для него состоянии пребывания 'здесь и сейчас'. Близким оно может стать, если нечто подобное, по обстоятельствам, становится тем, что предстоит совершить кому-то из близкого окружения либо себе самому (применительно к *ego*), но тогда это будет реализация и предцирование того, что изначально воспринимается и существует в ментальной действительности как не предцированный данной действительности детерминатив. 'Это, свое' в отношении к езде на тройке, в отличие от 'не это, (хотя) свое', применительно к езде на край света, следует понимать в том смысле, что первое *это*, будучи рецессивом с 'не здесь, не сейчас', остается им, тем, что 'это', поскольку в прошлом, для рецессива, оно воспринимается как типичное состояние, т.е. как ситуативно близкое к 'своему'. 'Свое' (поставленное в скобках 'хотя' здесь имеет значение в отношении того, что оно все же 'свое', но при этом не 'это') означает в обоих случаях позицию, предполагающую смыслом идею присовокупления, приобщения к данному целому, воспринимаемому как множественный пространственно-временной континуум (этноментальная сфера, ноосферное, своего рода национальный эгрегор²³ прошлого-

¹⁹ О дейксисе (др.-греч. δειξίς 'указание'), или ролевом дейксисе, прежде всего в грамматическом представлении: Крылов С.А. К типологии дейктических систем // Лингвистические исследования. Ч. 1, М., 1984, с. 138-148; Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985, 272 с.; Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике... О дейксисе в более широком смысле и понимании: Петров В.В. Проблема указания в языке науки. Новосибирск, 1977, 128 с., а также: Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Персональный дейксис. Общие замечания // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992, с. 194-207; Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Темпоральный дейксис. Общие замечания // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992, с. 236-242.

²⁰ Все эти смыслы, 'свое', 'здесь', 'сейчас', 'свое', 'не здесь, но сейчас' и т.п., как значимые и определяющие, предполагаются к уточнению при рассмотрении форм и проекций бега.

²¹ 'Это', 'здесь' следует понимать как то, что при мне, т.е. типично, привычно, обычно мое, а потому тогда 'этим' 'не это' становится, может стать в не типичных и не обычных, хотя и возможных, узуально предполагаемых обстоятельствах.

²² Ситуацию 'здесь' следует понимать как событие, проецируемое к месту во времени в совокупности реализующих его обстоятельств.

²³ Как некая самосущность (условно), отделяющая одно ментальное состояние от другого и создаваемая, формируемая когнитивно-эмоциональными совокупностями каких-либо человеческих целостностей, воспринимаемых в своей отдельности персонализированно (не вкладывая в это понятие мистически-религиозного смысла). Об эгрегоре см., напр., Тумов К.В. Эгрегоры и архе-

настоящего-будущего) объектно-субъектных экзистенциально-концептуальных бытующих перцептивно-интерпретирующих и реагирующих состояний, обособленный, отделяемый от других таких же континуумов, с подобными свойствами, но без идеи (для его) идентификации и объединения с ним. В свою очередь, 'здесь и сейчас' для езды на край света и пр. при ней предполагает возможность значимой актуализации, а тем самым, наличия данного состояния для находящихся (находящегося) в пространстве и времени данного бытования. Иными словами, речь идет об актуальности для представителей (в отношении к его) его для него ближайшей среды. Это время не прошлого, а настоящего, и таким же воспринимается место как пространство и среда обитания.

Задумаемся теперь над тем, чем является, собственно, это самое *ехать* (*уехать*) *на край света* (*на край земли*). Будучи выражением отрыва, с одной стороны, о чем ранее говорилось, с другой, оно отмечает имеющуюся возможность выражения подобным образом своего отношения к данности чего-то другого как состояния, способного, с большим или меньшим успехом, но заменить, заместить собою для совершающего предполагаемое в результате производимого действия перемещение в пространстве его настоящее состояние 'здесь и сейчас' на такое же где-то другое, способное стать для него его собственным 'здесь и сейчас'. Речь идет, таким образом, о замещении с перенесением в пространстве и времени (хотя только отчасти) для ментальной действительности данного окружения одного состояния пребывания на другое, с отрывом, отделением, удалением от первого. Определить это можно как сепаратив сублиститива. То же, по-видимому, будет касаться и тех узуальных мотивов, которые отображают себя в состояниях *ехать в дальние края*, *ехать (уехать) в Магадан*.

Дальнейшие уточнения, входящие в возможные узуальные обстоятельства каждого вида такой 'езды не езды', способны будут определять их значения, примерно так, как это делалось в отношении езды на тройке. Чем отличается для реагирующего сознания *ехать (уехать) на край света (на край земли)* от *ехать (уехать) в дальние края* или *ехать (уехать) в Магадан*? Ответ на этот вопрос необходимо искать в представлениях о крае света (крае земли), о дальних краях, Магадане. Край света, равно как и край земли, воспринимается как такое какое-то далеко от того положения в пространстве, в котором носитель ментального центра привык себя видеть и обретать, которое предполагает не столько пространственную, сколько бытийную (по условиям экзистенциального быта-среды) от данного положения удаленность. Ту удаленность, которая делает это сменяемое положение смещенным, если не полностью альтернативным, по отношению к данному, поскольку край света – это не просто то, где „нас нет” (нас, как живущих совместно освоенными и создаваемыми „нами” условиями), но это где „нас” быть не может, где условия и все окружение – за пределами и вне нас. Но при этом не только „нас”, но и „их”, тех „их”, которые себя обнаруживают, имея участие, проявление и свой удел в представлениях о дальних краях, куда тоже можно уехать.

Важными составляющими двух определяемых в результате значений будут признаки 'далекий' как 'бытийно-смещенный' по отношению к данному для езды на край света, на край земли (ремотив-альтернатив) и как 'бытийно-другой' для езды в дальние края (ремотив-экстернатив), укладываясь в общее представление о витально-средовом транспозитиве обретаемого со-

типы энергоинформационной цивилизации. М., 2006, 100 с.; *Верещагин Д.С., Титов К.В.* Эгрегоры человеческого мира. Логика и навыки взаимодействия. СПб., 2008, 336 с.

стояния. Магадан в этом ряду, проецируя тот же витально-средовый транспозитив изменяемого состояния, связан с идеей ухода, рождаемого внутренним неприятием, опровержением, отрицанием сложившегося, как организованного властями и управляемого ими, положения вещей. Как место поселения политических, в первую очередь, заключенных, «столица Колымского края» (В. Высоцкий), а также тех, кто намеренно или в силу экономических, с целью участия в производимых там разработках, либо каких-то иных необычных причин, из 'этого' для ментального центра пространства ушел, Магадан представляет собой в контексте указанного транспозитива ремотив отвержения, репульсива (возможно также и негатива, если отрицание понимать как позицию).

Ряд, открываемый ездой за границу (в одну сторону (без возврата), на чужбину, на родину, в Америку и т.п.), понимая как оставление, покидание данного бытийного состояния, опираясь на взятые ранее дейктические обоснования, можно интерпретировать как 'это, свое (которое) не свое, (хотя) здесь и сейчас'. Отдаление, алиенация, таким образом, происходит и концентрируется, в отличие от предыдущих групп ('не здесь, не сейчас' для езды на тройке и 'не это, (хотя) свое' для езды на край света), при показателе 'своего', перестояющего при пространственном перемещении быть 'этим своим', становясь, оставаясь хотя и 'этим', но 'не своим'. 'Этим', поскольку ситуативно и позиционно к ментальному центру близким, 'не своим', поскольку утрачивая с ним сначала экзистенциальную, а затем и ментальную связь. Тем самым, можно было бы говорить о конверсиве субститутива как смысловом показателе данной группы.

Дальнейшее уточнение значений могло бы происходить на основе отличий для представлений ментальной действительности (как это было показано на примере значений в группе с ездой на край света) того, чем является заграница (как место сменяемого при выезде проживания), чужбина, возвращение либо временный приезд, поездка отсюда на родину, Америка и т.п. Однако поскольку задача характеризуемого на этих примерах фрагмента сводилась к показу возможных средств и принципов описания, а не к определениям значений, оставим указанные разграничения без рассмотрения. Полученный в результате представленной характеристики видов езды фрагмент в своем обобщении видится следующим образом:

Предикативы

- регулятив-итератив: *ехать на работу, в школу, на метро, на курорт*
- проприатив-адверсатив: *ехать по бездорожью, степью, глухой порой, по замерзшему озеру (насту, снегу, в пургу)*

Детерминативы

- Рецессив:
 - рецессив формата-проектива: *ехать на тройке, на санях, эскадронном, верхами*
- Субститутив:
 - сепаратив субститутива:
 - ремотив:
 - ремотив-альтернатив: *ехать (уехать) на край света (на край земли)*
 - ремотив-экстернатив: *ехать (уехать) в дальние края*
 - ремотив репульсива (негатива): *ехать (уехать) в Магадан*
 - конверсив субститутива: *ехать (уехать) за границу, ехать (уехать, отправиться) в одну сторону (без*

возврата), ехать на чужбину, ехать на родину, ехать (уехать) в Америку

Как можно заметить из данной таблицы, ячейки значений и подзначений, находясь в отношениях взаимных связей и подчинений, способны к дальнейшему уточнению и заполнению, в зависимости от возможных развитий, распределений и пересечений предполагаемых признаков.

О коммутативах, или группе смен, перемен и смещений

Помимо предикативов, обусловленных представлениями о соответствующем, в виде определенной езды, подключении субъекта к мыслимой как реально себя проявляющая действительности; помимо детерминативов, позволяющих эту действительность представлять не столько как реально себя проявляющую, сколько как существующую в сознании в наборе характеризующих знаний о ней, – помимо этих двух, возможным видится выделение еще одной группы значений. Эта последняя (из предполагаемых к рассмотрению) в еще меньшей степени, чем группа детерминативов, связывается с представлением, определяемым ездой, будучи, как и она, воплощением не столько знаний о проявлениях в необходимом действии, обеспечивающем участие в том, что составляет поле общего для данного коллективного его существования (как показателе предикативов), сколько знаний чего-то еще, помимо детерминантной характеристики определяемой ментальной действительности.

Для уяснения смысла подобного рода знаний задумаемся над отличием в рассматриваемом ключе, скажем, таких выражений, как *ехать (уехать) на край света (на край земли), в дальние края, за границу*, с одной стороны, и *ехать, так ехать; ехать (уехать, поехать, погнаться) за длинным рублем; ехать (уехать, катиться, отправиться) куда глаза глядят* и им подобные, с другой.

Первое, на что стоило бы обратить внимание, это на то, что если мотивы первого ряда предполагают в своих допускаемых к реализации обстоятельствах определяемую через мысль о 'ехать' характеристику имеющейся в сознании как существующая и данная реальной действительности, то мотивы второго ряда такой характеристики в целом не предполагают. Скорее, они будут в себе содержать какую-то характеристику или определение отнюдь не действительности, а мыслимого в исходном начале субъекта. Как вынужденную для него готовность какого-то осуществления (*ехать, так ехать*), стремление к большему с готовностью большего ради этого посвящения (*ехать (уехать, поехать, погнаться) за длинным рублем*), не мотивируемое внешне намерение выйти из существующего положения вещей, с принципиальной при этом готовностью на все, что угодно (*ехать (уехать, катиться, отправиться) куда глаза глядят*). Характеристика имеющейся в сознании как данная и существующая ментальной действительности российского бытия возникала бы фоном, как нечто само собой разумеющееся, а потому не оцениваемое. В обычном случае узуально себя проявляющего при таком положении мотива подобная характеристика бы не предполагалась.

Субъективные обстоятельства, предполагающие вынужденность, не удовлетворяющее субъекта материальное либо другое какое-то положение толкают субъекта к необходимости задумываемого им изменения места, воспринимаясь знаком осуществляемой, хотя не всегда достигаемой, перемены. Как перемену,

задуманную либо производимую, перемену ради чего-то или не ради чего, связанную с перемещением в пространстве в результате укрытых мотивов езды, либо не связанную ни с чем таковым, а только эмоционально, физически, ценностно переживаемую и при этом оцениваемую в отношении производимой либо мыслимой как производимая кем-то езды.

Это последнее, оценочно в том или ином отношении воспринимаемая, субъектно переживаемая, *п е р е м е н а* от перемещения, как моторного по своей природе движения, нередко как такового, без видимого либо не важного позиционного изменения при этом в пространстве, проявляет себя в примерах, которые также можно было бы относить к той же группе: *Улита едет (когда-то будет)*; *Тише едешь (дальше будешь)*; *Мы едем-едем-едем (в далекие края)*; *Ехали медведи (на велосипеде – а за ними кот задом наперед)*; *Ехал грека (через реку)*; *Ехали на тройке с бубенцами*; *Теперь уж это не езда, а ерзанье* и т.п.

Наличие субъективных как побуждающих обстоятельств либо отсутствие таковых могло бы давать представление о последующем различии внутри единиц данной группы. Еще одну особенность, объединяющую их, можно искать (что, впрочем, связано с тем, что было отмечено раньше как первое) в застывшем характере представления о том, что выводится для рассматриваемых единиц как следствие в отношении заключаемой в них «езды». Речь фактически в данном случае следовало бы вести не о действии, будь то мыслимом и/или совершаемом (как в мотивах, обозначенных как предикативы), не о характеристике, определяющей в том или ином отношении какой-то фрагмент существующей для сознания ментальной действительности (то, что было выделено как свойство детерминативов), а о связываемом с 'ездой' состоянии производимой и/или переживаемой перемены. Состоянии перемены, переживаемой, производимой субъектом, соответствующим образом в этой связи (по поводу данного вида задуманной или осуществляемой им ради такой перемены 'езды') характеризуемым, определяемым и оцениваемым.

Эту третью группу мотивов, с выраженным либо не выраженным, но подразумеваемым представлением о езде, можно было бы в связи с указанным основанием определять как группу коммутативов (лат. *commuto*, *commutatum* 'менять, изменять'; 'превращать'; 'перестроить'; *commutatio* 'изменение, перемена'; 'смена (*temporum* 'времен')' и т.п.), с подразделением на первом уровне различия на каузированные (со стороны субъективно воспринимаемых обстоятельств, каузативы) и не каузированные, переживаемые при перемещении, сенситивные, коммутативы. Без дальнейшего уточнения допустимых значений и подзначений сказанное можно представить в табличном виде:

Коммутативы

Каузативы

ехать, так ехать; ехать (уехать, поехать, погнаться) за длинным рублем; ехать (уехать, катиться, отправиться) куда глаза глядят; ехать (уехать) за тридцать земель; ехать (уехать, отправиться) к черту на рога (к чертовой бабушке, куда Макар телят не гонял, куда ворон костей не носил, на кудыкину гору, где раки зимуют); ехать (уехать, катиться, отправиться-

Сенситивы

Улита едет, когда-то будет; Тише едешь, дальше будешь; Мы едем-едем-едем в далекие края; Ехали медведи на велосипеде, а за ними кот задом наперед; Ехал грека через реку, видит грека в реке рак; Ехали на тройке с бубенцами; Теперь уж это не езда, а ерзанье; Ехать, так ехать, сказал попугай, когда кошка тащила его за хвост; Ехал на ярмарку Ванька-холоуй, за три

ся) на все четыре стороны (куда по- копейки показывал...; Чуки-чуки-дальше) чукалочка едет Митя на палочке, а Лёля на тележке, щелкает орешки

Специфический интерес представляют те единицы (и выражаемые ими мотивы), в которых езда, сопровождающая какое-то переживаемое в обстоятельствах состояние, как его проявление в езде как действии, как предшествование ожидаемой езды либо как осуществленный, достигнутый (вследствие езды) результат, – в которых тем или иным каким-либо образом с необходимостью подразумеваемая, предполагающаяся езда на вербальном уровне своего оформления не находит. Из приводившихся ранее к ним относятся устойчиво воспринимаемые обороты, как цитатные формы, отрывки из песен и пр., типа *По кочкам, по кочкам, по ровненькой дорожке – бух в яму; Распрягайте, хлопцы, коней та ложитесь почивать; Дорогой длиною, да ночью лунною; Дан приказ: Ему – на Запад, Ей – в другую сторону; Там, в степи глухой, Замерзал ямщик*; а также ассоциируемые с известными историческими либо культурными знаниями и сюжетами, находящие нередко свое выражение в художественных изображениях, в названиях произведений искусства и пр.: *боярыня Морозова* (в санях отправляемая в ссылку); *Меньшиков в Березове* (сосланный туда вместе с семьей); *Всюду жизнь* (картина, изображающая едущих в тюремном вагоне, с чувством одновременного умиления и горечи из-за решетки разглядывающих то, что снаружи, на воле); *Смерть поселенца; Скобелев под Шипкой; В Шушенском; Ленин в Разливе* – картины, важные эмоционально-физическим состоянием изображаемых, обращенные к чувству и знаниям воспринимающего, пониманию им обстоятельств, приведших к тому, что изображено. Чему, как само собой разумеющееся, предшествовала на них не показанная, но естественным образом подразумеваемая «езда», впоследствии также и развивающая, и продолжающая его, это данное изображенное, в не менее важном с позиции знания воспринимающих отношении.

Первое, на что следовало бы обратить внимание, обращаясь к рассмотрению таких единиц в интересующем нас повороте (равно как и передаваемых ими мотивов), это на место и роль той «езды», которая данному положению дел как обретенному состоянию предшествовала либо каким-то образом данное состояние сопровождала. Те ее место и роль, которые следовало бы воспринимать как в ид совершаемой езды.

Без определения всех возможных и даже некоторых, пусть наиболее типичных, ее разновидностей, поскольку не это бы составляло задачу, обратимся к отдельным примерам, с тем чтобы показать процедуру подобного рассмотрения. Возьмем для этого для начала общеизвестный сюжет с боярыней Морозовой, изображенной Суриковым в момент изгнания из Москвы, по приказу царя Алексея за ее упорство в расколе и нежелание покориться церковной реформе. Опустим намеренно все возможные уточняющие и объясняющие происходящее обстоятельства, как не обязательно общеизвестные и сохраняемые в памяти, сконцентрировавшись только на том, что должно или может в данном случае составлять узуальный мотив для носителя общих знаний (понимая при этом различия в их подробности, а тем самым, и относительность). Примем условно в этой связи, что что-то на эту тему и этот сюжет такому носителю как представителю данной национальной культуры, по всей вероятности, может, если не должно, быть известно.

Таким условно известным (сомнительно и не сомнительно, не это важно) могло бы быть 1) то, что ссылается из Москвы, столицы, в какую-то, по всей видимости, отдаленную глушь 2) по указу царя 3) не опасный преступник, серьезный царский противник, соперник и супостат, а далеко уже не молодая женщина, 3) к этому можно добавить, что мать и 4) известного, знатного, поскольку боярского, рода, приближенного в самом недавнем прошлом, кроме того, к самому царю; 5) не за измену, не за бунт и предательство, а за веру и верность своим убеждениям, отказавшись принять и признать то, что кажется ей нарушением, преступлением против власти и силы, высшей, чем царская, поскольку вечная и не материальная, сила и власть; 6) едет она при этом в обычных открытых санях, запряженных одной только лошадью, не в почете, без свиты и сопровождения, 7) одетая в черное как монашка, вдова, а 8) уезжая и покидая столицу, осеняет двуперстным знаменем и Москву, и бегущих за ней из простого люда, сочувствующих ей и ее жалеющих, случайно на пути оказавшихся, не специально вышедших, чтобы ее провожать; 9) дорога ее ожидает дальняя, трудная и тяжелая, 10) одиночество, заключение и смерть впереди.

Из всего этого, на основе этого, складываясь в определенный образ и воплощенный мотив, фиксируемый в сознании в виде вербально распознаваемого дефинитива *боярыня Морозова*, формируется представление о том, а) что такое и каковой бывает царская милость и власть; б) кто такие и каковы они были раскольники, готовые за свои убеждения и веру и на изгнание, и на смерть; в) и в изгнании, и в одиночестве, и перед лицом самой смерти, найдутся, не приближенные к власти, но обыкновенные, подлые для нее (т.е. власти), потому что простые, люди, готовые и посочувствовать и, если надо, помочь.

На основе этого представления можно было бы говорить о возникающем при восприятии образа, а потом остающемся после него сенситиве – переживании, ощущении, связываемом прямо и косвенно с происходящей (в сознании *на глазах*) переменной (в коммутативе) ее, для нее (Морозовой как переживающего объекта-субъекта), социальных и экзистенциальных мест, осуществляемой в наблюдаемом образе и затем в сознании, реализуемой, производимой в том и в другом, как перемена локусов, т.е. пространственных, связываемых с последовательным перемещением в пространстве, мест.

Езда, тем самым, становится той составляющей определяемого ощущения-образа (сенситива), которая реализует его, сопровождая, осуществляя, переводя сознание из точки А к точке В, от положения, состояния до осуществляемой, производимой езды к положению, состоянию после, наступающему, предполагаемому к своему наступлению, после нее, делая важным и акцентируя не положение А и не сменяющее и его упраздняющее положение В, меняя на что-то обратно-противоположное, но самое эту смену.

Момент сенситива, т.е. переживания и ощущения, сочувствующего и обобщающего эмоционального когнитивного отношения, возникает из этой и концентрируется именно на этой происходящей у воспринимающего на глазах, отражаемой и остающейся далее только в сознании перемене с *боярыней*, осуществляющей и реализующей себя в производимой ею в санях езде, по холмистой, осыпанной снегом и бездушной царской Москве. Езда, тем самым, определенным образом воспринимаемая (в изгнание, за раскол, на санях, по Москве, для боярыни Морозовой, при описанных обстоятельствах), становится способом манифестации, вербальным и не вербальным, в первую очередь, воплощением, выражением формируемого (сформированного далее для сознания) визуального мотива, связываемого с восприятием верха и низа, царской ласки

или не ласки, имением и неимением, послушанием, покорной готовностью, соглашаясь, все исходящее от царской власти, для себя принимать или, напротив, не соглашаться, отстаивая свои убеждения и право быть, оставаться собой (как понятие чести и собственного достоинства), высшего как человеческого и высшего как того, что над ним и ему Судия, бытия со всеми и в окружении и противоположного этому бытия одному, в запустении, одиночестве и удалении, здоровья и жизни и болезни и смерти и пр. То есть всего того, что, так или иначе, определяется представлением платы за то и цены того, чтобы, 'имея, быть' (чтобы, имея, быть, поступишь собой) и р а с п л а т ы, как наказания, кары, в случае отказа для себя такую цену принять, с утратой в этом случае состояния 'имея, быть' и изменением его на состояние 'не имея, быть', ведущего, в конечном счете, к состоянию 'совсем не быть' и с возникающей на этой основе идеи изменчивости, переменчивости, непостоянства сего преходящего состояния, зависящего от милости или немилости того и тех, кто поставлен сверху. Езда в указанном отношении становится, таким образом, выразителем представления (узуального мотива) 'необходимой платы самим собой за не перемену имеющегося социального положения-места'. Невнесение этой платы, отказ собой платить ведет к неизбежно себя объявляющей в происходящей езде п е р е м е н е.

Названный узуальный мотив д и с с о л ю т и в а (лат. *dissolvo, dissolutum* 'развязывать (узел)'; 'расторгать, прекращать; отменять; распускать'; 'заплатить; оплатить'), реализуемый в представленном сенситивном образе *боярыня Морозова*, следует воспринимать как один из возможных внутри данной группы аналогичных примеров (мотив к *Меньшиков в Березове*, в частности, также можно воспринимать как один из подобного типа диссолютивов). Установление типологического отличия между ними потребовало бы рассмотрения значительного их числа, что не входило в поставленную задачу.

К диссолютивам (но, возможно, и нет, более или менее точное отнесение к группе требует не менее подробного, чем для *боярыни Морозовой*, представления), но диссолютивам иного типа, можно было бы на первый взгляд отнести (в целом такой поверхностный взгляд также значим) из ранее названных сенситив представлений, заключенного в образе *Всюду жизнь*, в *Смерть поселенца*. Отчасти, если определенным образом это интерпретировать, как диссолютив, но отдельного типа, можно было бы воспринимать и то, что просматривается, хотя и неявно, в известной детской потешке *По кочкам, по кочкам, по ровенькой дорожке – бух в яму*, видя в этом идею неожиданной перемены-перестановки, идею обратного получения ожидаемому, т.е. „расплаты” иного рода, кажущихся очевидными состояний сменяемых при 'неровно-ровной езде', сопровождающей некое перемещение мест.

Все остальные мотивы и выражающие их единицы из приведенных с идеей расплаты как расторжения связей и получения „причитающегося за свое” от власти взамен, „расплаты от небрежности, неожиданности и незнания”, равно как и другой какой-то „расплаты”, не соотносятся и как диссолютивы по этой причине восприниматься не могут. Поскольку их более или менее точное определение требует углубления в смысл обстоятельств, ограничимся лишь самым беглым, а потому приблизительным описанием, с той только целью, чтобы показать возможность и характер различий внутри мотивов, относимых, пусть даже условно, к одной какой-либо группе. Возникает, тем самым, в этой связи необходимость введения представления об уровнях восприятия.

Приведенные цитатные фразы из песен, поэзии, названия произведений искусства, связываемые с известными историческими либо культурными знани-

ями и сюжетами, существуют в сознании носителей данной этнокультуры и языка, что вполне понятно и объяснимо, а) в своем обобщенно-пассивном, полузабытом виде, без твердого знания контекста, как нечто известное не до конца, и б) как более или менее уточненное, могущее, способное, быть таковым, при условии обращения к контексту или источникам, в более полном и обстоятельном виде, освеженном и/или актуализированном. То и другое (опустим возможные промежутки и переходы большего или меньшего уточнения и полноты) не обязательно должно совпадать, предполагая и допуская оттенки, несоответствия и разночтения. Об искажениях исходного смысла, вполне допустимых, в данном случае не хотелось бы говорить, поскольку нередко индивидуальная сфера подобных знаний, по самому своему характеру, способна их предполагать. Корректным было бы в этой связи говорение о вариативности, как о сущностной составляющей сферы индивидуально-типологических знаний и представлений, или сферы перцепции, перцептивно-генеративной базы сознания (восприятие в данном случае предшествует репродукции), в отношении, в нем, для него, объектов общенациональной культурно-ментальной природы. В данном месте в рассматриваемой связи не будем входить в эту возможную вариативность, чтобы как-то ее представить или определить. Ограничимся тем, что было охарактеризовано в пункте (а), т.е. некоторым обобщенно-пассивным видом, без твердого знания контекста и сопровождающих обстоятельств. Интерпретация в этой связи будет иметь приблизительно неопределенный и во многом условный характер, хотя бы уже потому, что функционируют данные фразы, названия известных сюжетов, как правило, без осознания или поверхностного, не углубленного осознания, заключенного в них, пусть и не однозначного, смысла, как ментальные знаки, репрезентанты-ассоциативы данной культуры, нередко при этом в недооформленном и слегка искаженном виде, измененном по отношению к первоисточнику.

Задумаемся в этой связи для начала, договорившись о том, чтобы не обращаться к контексту, но к фразе как таковой, в отрыве от текстовых, а также затекстовых, но не ментально-интерпретирующих допустимых сопровождений, – задумаемся для начала над тем, какой такой смысл может быть для носителя заключен, способен восприниматься им, скажем, во фразе из песни *Распрягайте, хлопцы, коней та ложитесь почивать* (*Розпрягайте, хлопці, коні тай лягайте спочивать* в украинском оригинале). Интересовать нас будет при этом возможное отношение к рассматриваемой узуальной идее мотива езды, предполагаемо совершаемой в какой-то из ее фаз. Отметим, для необходимости уточнения искомого смысла, те составляющие его элементы, которые значимо, менее значимо или не значимо, но по размышлению, могут возникнуть в сознании, в той его части, которая связана с перцептивно-генеративной базой объектов данной этнокультуры, передаваемых с помощью языка.

Приведенная фраза предполагает а) усталость, вызванную, со всей очевидностью, долгой ездой б) скорее всего на конях, верхами, а не в телегах или как-то еще, хотя это последнее вовсе не исключено, но тогда вероятнее были бы в тексте не кони, а лошади²⁴; в) усталость коллективного молодого мужского

²⁴ В этой связи возникает вопрос о значении, содержащемся в *распрягайте*. В полной ли мере будет оно относиться к верховой езде на конях? Поскольку отдых, скорее всего, предполагается в поле, не где-то в заезде, чьей-либо хате, корчме, то коней в таком случае либо пускают пастись, либо к чему-то привязывают. Кроме того, *распрягать*, хотя и означает 'освободить от упряжи, выпрячь', более типично как действие в отношении к тягловому животному (лошади, мулу, волу), чем верховому, для которого более вероятным было бы *снять уздечку*. Однако все

начала (хлопцы), как представителей какой-то группы, возможно, вооруженной (скажем, какой-то отряд), т.е. г) защитно-активного в отношении определенного социума, воспринимаемого внутренне с позиции 'наше', 'мое' и 'мы', а тем самым и следовательно, предполагая д) скрытое противопоставление другому, не своему, возможному как не всегда положительно к своему расположенному (идея потенциально заложенной в данное представление между какими-то группами, возможно, что этноконфликтности); е) усталость, о которой во всех перечисленных пунктах шла речь, предполагает необходимость снятия напряжения, вызванного ездой и какими-то ее сопровождавшими, не исключено, что военными, действиями, т.е. расслабления, ослабления предшествующего напряженно-активного состояния состоянием пассивной бездеятельности, – смену, перемену того состояния, которое сопрягалось с ездой, состоянием, предполагающим остановку, ее прерывание, перерыв. К этому можно бы было добавить ж) физиологически воспринимаемую смену позиций молодого мужского начала, сопровождающих состояние до, во время и в ходе езды, и состояние после, во время отдыха и остановки, с положения верхом, на коне, в устремленности и вертикали, на лежачее положение в расслаблении и горизонтали.

Важными для обобщенно-пассивного восприятия, а с ним представления, рассматриваемого мотива в его отношении к предполагаемой как предшествующая езде, т.е. в фазе ее завершения, прерывания и остановки, можно бы было считать выражаемое в пункте (в) с дополнительным определением его в пункте (е). Выражаемое в пяти других перечисленных пунктах было бы внутренне мотивирующим и не обязательно осознаваемым проективно-репродуктивным распространением. Проективным в том отношении, что обращенным, хотя бы и без рефлексированного восприятия к нему. Репродуктивным – как потенциально способным себя каким-то образом при манифестациях, не обязательно в речи и не обязательно также осознаваемо, проявить. Выражаемое в пункте (в) с дополнением в пункте (е) давало бы в результате некое представление об отпускании, распускании, прекращении некоего предшествующего состояния или действия – димиссиве²⁵ для сенситива коммутатива (лат. *dimitto, dimissum* 'распускать (войско, армию, народное собрание, совещание, сенат)'; 'увольнять; отпускать, отсылать'; 'выпускать из рук, ронять, бросать: *arbor folia dimittit* 'дерево роняет листья'; 'оставлять, снять, прекратить'), с дальнейшим его семантическим определением с учетом прочего (как димиссив активного мужского коллективного начала и т.д.).

Указанное в димиссиве 'отпускание' можно было бы относить, при соответствующим образом проводимом рассмотрении, к какому-то из значений свя-

эти рассуждения вовсе не обязательно сколько-нибудь должны влиять на восприятие некоего поверхностно вообразимого смысла, определяемого к тому же вне окружения и контекста, а в контексте к тому же и не раскрывающего никакого такого значения (см. текст данной песни).

²⁵ Приводимые латинские обозначения следует воспринимать как способ намеренно сжатого, условно категориального, оформления далеко не всегда однозначно себя проявляющих и многослойных смыслов, характеризующихся с их помощью в своей возможной вершине, а потому не единственной и не обязательно именно или только такой. Представляя собой результат осмысления единично взятых для рассмотрения значений, при системном, подробно последовательном и всестороннем анализе они могут, оказавшись встроены в выводимое целое, выглядеть совершенно иными, подключаясь в какие-то новые связи и отношения. Задача такой их поверхностно-первоначальной, сопровождающей, экспликации сводилась к тому, чтобы, как-то наглядно определяемое, более или менее закрепив, показать, по вехам и в пунктах наметив, возможную процедуру дальнейшего рассмотрения узуальных мотивов характеризуемой ментальной действительности, типичных и значимых в ней, для нее.

зываемых с прерыванием мотивов, как одной из возможных проекций завершающей фазы определяемой езды. Поскольку такое прерывание предполагает временную приостановку далее после этого, возможно, себя продолжающей, той же самой езды (что заложено в определяемое представление), а езда не единственно данным образом может себя завершать (завершение может быть без предполагаемого далее возобновления), прерывание, со всей очевидностью, лишь один из видов завершающей фазы езды. Данные и другие, зависящие от фазы, видовые особенности и связанные с ними смысловые различия не будут предметом предваряющего здесь по своему характеру рассмотрения в отношении езды, к ним предполагается вернуться в связи с рассмотрением ментально отображаемого в своих разновидностях бега.

Дорогой длинною, да ночью лунною, в свою очередь, как цитатная фраза, при условии ее рассмотрения вне контекста, может быть связана с ездой вне освоенного человеком пространства, по лесу, в открытом поле, в степи. Фраза не столько о чем-либо сообщает, не будучи самостоятельна как часть припева, сколько создает определенный настрой. Сказанное располагает к определенному рода переживанию. Лунная ночь – и дорога, ясное освещение, силуэты ландшафта и долгий путь впереди. Все это призвано воспроизводить состояние располагающей к воспоминаниям и размышлениям романтической меланхолии. Перемена, идущая от коммутатива, предполагает погружение мысленно едущего, скорее всего в одиночестве и наедине с природой, в то, что было с ним ранее, соотнося это с тем, что будет и есть, но есть как состояние не переживания данности в данный момент, а та бытийность и то бытие, которое длительно наступило, сменив незаметным образом вспоминаемое прошлое. Прошлое при этом рисуется, вспоминается как нечто светлое, то, что было хорошим, контактно хорошим, переживаемым в общении с близкими, понимающими, сочувствующими, любимыми, пусть даже все это лишь придумано и не имело места в реальной действительности. Не это важно, важна привязанность к субъективно переживаемому ощущению бывшего как того, что давало, могло давать либо связывалось с переживанием эмоциональной достаточности и полноты.

Это прошлое без возврата, ушедшее прошлое, от которого оторвалось, из которого «выехали» длинной и все далее от него уводящей дорогой. Это прошлое перенесения и домысливания, приписывания ему не того, что действительно было, а того, что хотелось тогда и теперь продолжает хотеться, чтобы в нем было, как своеобразный, дающий чувство дразнящего ностальгического удовлетворения, самообман, необходимый тому, кто находится в состоянии движущегося длинной дорогой в лунную ночь ощущения того, что, если и было что в жизни, что если что-нибудь и состоялось, имеющее для него свое непреходящее значение и ценность, то это было тогда. И ни теперь, ни потом оно не наступит и безнадежно и невозможно его ожидать. Но поскольку оно все же было, то, с одной стороны, вроде бы как есть о чем тосковать, утешая себя неотъемлемой мыслью, что все-таки оно, это светлое, в жизни было и, следовательно, жизнь не вполне пуста и не прожита зря, а с другой, не имея того пережитого в настоящем, остается опять же и снова себя утешать, что и в будущем, где-то в конце пути этой длинной дороги, свет тот из прошлого, оставаясь, будет светить, согревая усталую путника душу.

Таким приблизительно образом можно было бы описать состояние, вызываемое и связываемое с этой фразой. Важными элементами в данном случае видятся (для моментов осуществляемой езды) а) погружение в переживаемое в воспоминаниях светлое прошлое, возможно, какой-то один, но очень яркий и

выразительный, запечатлевающий для пережившего эмоциональную сущность, ее в себе заключающий, житейский фрагмент; б) погружение в эмоционально переживаемое состояние воспоминания, соотносящее это прошлое с совершенно другим настоящим, ничего такого из прошлого не содержащим, но при этом в) дающее основание, понимая, хотя и безвозвратно минувшую, не случайность и значимость пережитого в прошлом, испытывать, ощущая в душе его след, чувство исполненности и экзистенциальной непустоты от того, что жизнь не была прожита зря и светлые стороны эмоционального отклика в ней все-таки в прошлом были.

Тем самым, то будущее, которому предстоит в конце длинной дороги-пути наступить и которое внутренним взором видится едущему, воспринимается в эмоциональном заряде пережитого состояния прошлого. Светлого прошлого, хотя бы и светом луны, а потому и неверного, и хоть неверного, но все же какого-то света в окружающей темноте, единственного, поскольку другого в прошедшей, проезженной, жизни, попросту не состоялось и не было. Из всего этого выводилось бы далее по значениям то, что можно было бы воспринимать как вербально-невербальную (ментальную) единицу, выражающую узувальный мотив того состояния перемены, в момент состояния перемены, обращенного к позитивному ассоциативу прошлого, переносимому через момент переживаемого состояния настоящего в неопределенно воспринимаемое будущее.

Подобную группу мотивов можно было бы определять через переживаемое (в моменты осуществляемой езды) состояние ретроспективно ориентированного вознесения (обращенного вспять унесения), обозначив его, как это делалось нами и раньше, уводящим в сторону от отвлекающих ассоциаций латинизированным термином реинсурректив в составе сенситива в коммутативе (лат. *insurgo, insurrectum* 'подниматься (о ветре); взвиваться (о змее); вздыматься'; 'воспарять, уноситься высоко, отдаваться вдохновению', с приставкой *ge-* (*red-*), обозначающей обращенность вспять, обратное действие).

Группу подобным образом ориентированных и представляемых узувальных мотивов, видимо, можно соотносить с фазой езды в ее протекании, т.е. езды как осуществления. (Видимо, поскольку такое обобщение следует делать на основе анализа не одного примера, а значительного их числа.) Что отличало бы данную группу от предыдущей, определенной в значениях отпускания как димиссив, относящийся к фазе езды в ее завершении (завершении прерывания, приостановленности, предполагающей далее продолжение той же езды). А также езды (в ее завершении) как достигнутого и/или ожидаемого результата или езды в ее фазе предшествования, как намерения, и т.п. Соответствие групп выводимых узувальных мотивов возможным фазам езды (впоследствии также и бега), в их различных значениях и протеканиях, проблема, на которую следует обращать внимание как на существенную и не случайную. Группы мотивов, по всей видимости, должны быть привязаны и соответствовать фазам, если не прямо соотноситься и опираться на них. В данном месте, однако, оставим этот вопрос без его разрешения.

Узувальный мотив, возникающий на основе такой же и даже примерно того же времени, хотя совершенно иного идейного толка, цитатной из песни фразы *Дан приказ: Ему – на Запад, Ей – в другую сторону*, связываясь с традиционно народным представлением о любовной разлуке, интерпретирует ее, с духом времени, точнее его обычаев и порядков, в своеобразном контексте. Традиционно разлука с любимым, вызванная необходимостью военной службы, предполагала бы проводы и прощание, предполагающие надежду на его возвращение,

по крайней мере, живым, с мыслью об ожидании и приближении, наступлении этого радостного для нее и для них обоих момента (как одна из возможных сюжетных моделей). В разбираемом случае расставание выглядит совершенно иначе: на месте, в доме, не остаются ни он, ни она, а само расставание предполагает разъезд, взаимно-совместное, равное удаление от точки начала движения, от исходного пункта, в разные, возможно, что противоположные, судя по внутреннему контекстному напряжению, стороны.

Значимыми оказываются результаты такого движения, хотя заложенная в представление как предполагаемая, ожидающая их езда находится в начальной фазе намеряемого осуществления. Существенным для восприятия необходимо считать достигаемую переменную, изменение состояния обоих до (предполагаемой их разводящей езды) в состоянии после. В таком изменении двух состояний, связываемом с ездой, реализуемом с ее помощью (перемещение в пространстве, ведущее к перемене мест, одновременно ведет к перемене экзистенциального и/или социального положения и сопровождающих то и другое внутренних, эмоциональных и психологических состояний) и состоит идея той группы узуальных мотивов, которая определялась термином *сенситив* для коммутатива.

Определение смысла такой перемены дает возможность установить характер той сенситивной группы в коммутативе, к которой следовало бы отнести узуальный мотив, выражаемый той или иной единицей, воспринимаемой отчасти как единица вербальная, поскольку имеет такой для сознания вид, а отчасти как невербальная, поскольку связывается не с тем, что следует определять как вербально-коммуникативный (национальный либо иного какого-то рода) код, а с тем, что можно было бы относить, не вдаваясь в теоретические подробности, к ментальному, ментально-культурному, коду данного социума или данной национальной (равно как и какой-то другой) традиции. Если под ней, под традицией, понимать совокупность таких реактивных и поведенческих, не осознаваемых, как правило, в своих мотивациях знаний, которая, сложившись естественным образом (стихийно и полустихийно) в весьма отдаленном и отдаленно неопределенном прошлом, составляет особенности данной ментальной культуры. Сложившись как таковая, она формирует не столько сознание своих носителей, сколько мотивы и механизмы для них его, их сознания, перцепции и репродукции, приемы и способы обработки входящей в него и выходящей из него информации, влияя на отношение и оценку ими всего окружающего, на эмоционально-психологическое их, но не состояние, а ориентированную направленность их совместной «души», придавая всему этому свой собственный, хотя далеко не единообразный, типологический колорит. Типологический в том отношении, что, будучи индивидуально-неповторимым не столько в составе, сколько в аранжировке, содержит в себе, как существенные, черты и признаки, объединяющие его с другими, если не общие с ними, что также не может быть исключено.

Приводимое отступление представляется важным как с точки зрения понимания природы рассматриваемого материала (узуальных мотивов характеризующей ментальной действительности), так и (не случайно поэтому здесь) в отношении затрагиваемой в связи с необходимостью ее отнесения к группе единицы, смещающей, во многом исходно-намеренно, т.е. по замыслу автора приводимой цитаты из песни, существующую (существовавшую ранее) и имевшую место традицию отношений, обусловленных гендерно-социальной, а с этим эмоционально-психологической, ролью участников в условиях их межсубъект-

ных контактов и взаимодействий. Не будем, однако, вдаваться в подробности этих смещений и сдвигов ролей, а уж тем более как-то оценивать их в отношении нарушаемой традиции, обратившись к тому, что способно собой представлять отмечаемое в связи с ожидающей, предстоящей в виде разъезда ездой, изменение, коммутатив, состояний. Поскольку именно это, т.е. характер и вид достигаемого в результате осуществленной, осуществляемой либо предполагаемой к осуществлению езды изменения, перемены, смещения состояний, и будет давать возможность определить значение искомой внутри сенситива категориальной группы.

Для определения смысла происходящего изменения представляется значимым то обстоятельство, что ожидаемая неизбежно разлука происходит, будучи вызвана тем, что был *Дан приказ*. Подчинение воле командования в порожденных новым строем условиях должно восприниматься как подчинение воле народа, руководимого высшими целями достижения всеобщего блага, приближения царства свободы и благоденствия для всего человечества, что, налагая особого рода ответственность, предполагает готовность в любую минуту себя посвятить ради общего дела. Независимо от пола, равно участвуя в деле защиты создаваемой новой республики, и мужчины, и женщины на равных условиях должны подчиняться этой высшей необходимости, если таковая возникнет. Личные чувства при этом не то, чтобы не имеют значения, и не то, чтобы отступают на второй план, они подчиняются, должны подчиняться, включаясь, входя в это общее как составная часть. Большое, великое предполагает малое, вбирая его в себя и составляя, складываясь из всей совокупности этих малых, как большая река, текущая в море, вбирает в себя неисчислимое количество ручейков, составляясь из них и обретая в них свою мощь и силу. По этим причинам, поскольку был *Дан приказ*, то необходимо ему подчиняться и сообразно с ним действовать, оставляя все, чем жилось, за собой, без сомнений, волнений и сожалений, но с пониманием того, что жизнь и благополучие каждого зависит от жизни и благополучия всех, а тем самым, от этого каждого и от тебя, как представителя этих всех и его неизменной части. Из этого представления возникает важное следствие, заложенное в цитируемой песенной фразе: не отказа от личного чувства требует от тебя это общее дело с готовностью в любую минуту себя ему посвящать, но приобретения, подкрепления, обновления личного своего через приобщение тому, что общее и для всех, обогащения его в этом общем. Отсюда связываемые с этим спокойствие и уверенность, но не в том отношении, что ничего дурного с тобой как с отдельным и каждым не произойдет, а в том, что что бы ни произошло, высшее, главное, общее не пострадает, и это важно и первостепенно, поскольку не в личном твоём для тебя, а в общем и целом твоя и каждого доля и часть.

Все эти мотивы и их сопровождения, акцентируя новые создаваемые ценности и общественную мораль, безусловно, присутствуя в разбираемой фразе, составляя внутренний ее фон и тон, отражаются в том ее смысловом компоненте, который, в связи с ездой, необходимо проанализировать. Поскольку нас интересует производимая в результате предполагаемой, ожидаемой езды перемена, изменение состояния до нее в состоянии после, сконцентрируем свое внимание на этом.

Состояние до (езды разъезда в разные стороны, т.е. езды расставания) предполагает, по замыслу, переживание, проживание личного чувства (его к ней, ее к нему), отмечаемого ощущением своей принадлежности общему, своего участия в нем, принятия его для себя и отдачи ему. Езда расставания, разъезда в

разные стороны, неизменное разведение и разрыв в пространстве ничего не меняют в этом, не способны, не могут этого изменить, а состояние после лишь укрепляет, усиливает, поддерживает, одновременно испытывая, и через таковое успешное испытание обогащает и возвышает его. Это еще одна важная для понимания и проверки своего отношения к общему для человека ступень, обретение им прочности, силы и еще большей степени зрелости – через укрепленное чувство общей силы и необходимости своего личного чувства к другому.

Закладываемый в данное представление узуальный мотив, таким образом, можно рассматривать в категориях (личного) испытания, проверки на прочность с достигаемым в результате приобретением нового, высшего качества, высшей пробы, усилением и укреплением бывшего через приобретенное. Иными словами, это было бы нечто похожее на (приобретенное) усиление в испытании, как еще одна, более развитая и основательная ступень того, что имелось. Искомую группу мотивов можно было бы, продолжая принятую нами форму латинизированных условных обозначений, определить, таким образом, как **к о н ф и р м а т и в** (лат. *confirmo, confirmatum* ‘крепить, укреплять’; ‘закалять, подкреплять’; ‘усиливать; закреплять, утверждать, упрочивать’; ‘подтверждать, утверждать’), соотносимый отчасти с предшествующей группой инсуррективов, т.е. как вознесение, но обращенное не вспять, не к прошлому, а вперед, перспективное, а не ретроспективное, поэтому без приставки *re-*.

Для уточнения того узуального смысла, который, будучи связан с мотивом, присутствующим в сознании носителей (представлений характеризуемой ментальной действительности), выражаемом с помощью приведенной в цитате из песни фразы, необходимо рассматривать его, этот смысл, как значение, одно из возможных значений, конфирмативов, относящихся к сенситиву коммутатива, в последовательности определений по уровням либо в составе его формирующих семантических признаков. Составляющими такого значения для означенного мотива были бы те компоненты смысла, которые определялись нами в предшествующих и настоящем абзацах в связи с измененными (или актуализируемыми к новому времени) моральными ценностями личного-общего, себя проявляющими в указанных состояниях до и после намечаемой к своему совершению езды.

В связи с этим последним конфирмативы, возможно, следовало бы относить к начальной фазе езды в ее ожидании, замысле. Возможно – поскольку более точный ответ можно было бы получить на основе анализа представительного количества аналогичных примеров. По той же причине лишь ограничимся указанием на семантику связанного с разбираемой фразой мотива, без представления самого значения: семантические признаки как его компоненты более определенно можно представить как результат обобщения сходных, если не полностью совпадающих, черт, а это опять же возможно лишь на основе какого-то их числа.

В связи со сказанным видится необходимым сделать еще один теоретический шаг, важный для характеристики и дальнейшего описания узуальных мотивов. Что представляют, что могут они собой представлять с точки зрения смысла? С одной стороны, они формируют, входя в нее как ее элементы и составные части, ментальную сферу носителей определенной системы мировоззренческих в своей основе реактивно-интерпретативных механизмов и представлений, которые выполняют (в отношении этих носителей) ориентационно-проективную функцию, делая возможным для них, способствуя и обеспечивая экзистенциальную реализацию в виде действий, поступков, высказываний,

эмоций, переживаний, оценок и отношений. С другой стороны, той, которая будет, в первую очередь, нас интересовать, они представляют собой в этой системе какие-то объединения, сгустки смысла, смысловые, с точки зрения своего содержания, пучки, которые можно рассматривать вместе, по группам и по отдельности, памятуя о том, что это элементы, составные части, если не вполне какого-то целого, то чего-то большего и в себя их включающего. С точки зрения выражения они способны себя обнаруживать и проявлять в устойчивых фразах, отрывках каких-то высказываний, ментально заряженных определениях, языковых единицах, контекстах, подтекстах, названиях, обозначениях и т.п. Иными словами, во всем том, что способно иметь какую-то знаковую природу, с той оговоркой, что не всё, не всякая знаковая единица, знаковое проявление или знак будут для них выражением, а только такие, которые таковые значения конвенционально содержат и, следовательно, передают, что может, однако, быть, если не понято, то адекватно (и реактивно) воспринято только носителями данной системы, ее представителями и ее обладателями. С точки зрения своего содержания узуальный мотив будет нами рассматриваться как некое значимое отображение какой-то части того, что относится к большему, воплощая, выразительно обозначая и заключая его в себе.

Узуальный мотив, тем самым, можно воспринимать как один из имеющихся в сознании ментально-психологических, эмоционально-оценочных ориентиров, которые, с одной стороны, подсказывают, а с другой, закрепляют в сознании каждого представителя некоего их объединяющего как целое *своего*, то, как следует, как положено, как лучше и как возможно себя, соответствующим образом реагируя, проявлять, оставаясь в пределах данного целого, намеренно либо интуитивно и инстинктивно.

Как элемент этой общей ментальной, мировоззренческой по своему основанию и природе, реактивной ориентирующей системы, узуальный мотив, выражаясь либо не выражаясь, может быть (для задач описания, а потому в определенной мере условно) представлен в виде неких внутренних регулирующих механизмов, находящих свое воплощение в последовательности соотносящихся, взаимосвязываемых и взаимодействующих семантических черт. Черты эти, разной степени обобщения и подробности, категориальной и уровневой глубины, можно далее объединять в типологических своих основаниях в виде признаков групп и подгрупп, а связываемые с ними и релевантные им, равно как и целой системе, дальнейшие компоненты и признаки, соединяемые в композиции, воспринимать как значения узуальных мотивов. Подобная процедура уже во многом была представлена, следуя из последовательного анализа наблюдаемых примеров с ездой. Более полное и последовательное ее отражение предполагается сделать при описании видов намеченного к рассмотрению бега.

Рассмотрим еще одну цитатную фразу из песни с тем, чтобы постараться вывести на ее основе, но не значение связанного и выражаемого с ее помощью узуального мотива, а еще одну из возможных для сенситива коммутатива категориальных групп. *Там, в степи глухой, Замерзал ямицик* предполагает небезопасную по своим предполагаемым результатам длительную поездку зимой, на санях, в открытом поле, вдали от какого бы то ни было человеческого жилья, нередко ведущую к потере дороги, засыпанной снегом, либо в пургу, а с этим к смерти от замерзания.

Интересовать нас будет, в связи с себя проявляющим в данном примере узуальным мотивом, разбиравшийся также и ранее переход, обуславливаемый ездой, не законченной, остановленной в своем совершении (тем самым, это не

фаза езды в ее завершении, но фаза оборванного осуществления езды, ее недоосуществления). Переход, предполагающий перемену, изменение состояния до в состояние по с л е , связываемый с ездой и порождаемый ею.

Скрываемый за этой фразой (*Там, в степи глухой...*) и связываемый с нею мотив можно воспринимать в отношении подчиненно вынуждаемой необходимости зависимого, не распоряжающегося собой, подневольного человека. Зависимого от жизненных обстоятельств, своего материального и социального положения, связанных с необходимостью, отмеченной для него знаком его собственной доли-судьбы, не имея выбора, самостоятельной воли и права голоса, не сопротивляясь, в любое время, в любую погоду выполнять положенные ему по его занятию обязанности, совершая в том числе, если не в первую очередь, опасные переезды на дальние расстояния, сопряженные с возможностью утраты физического здоровья и жизни. И все это ради неверной возможности хоть как-то существовать.

Перемена двух состояний, о которых должна идти речь, осуществляясь в указанном смысловом и эмоциональном ключе, предполагает не только обрыв для него (ямщика), с недоосуществленной в пути ездой, его жизненного существования, т.е. смерть, но и, в конечном счете, освобождение от этой зависимости, от вынуждаемой необходимости подчиняться тому, что заряжено смертью и неизбежно когда-нибудь к ней должно привести. Выход из круга себе подчиняющих обстоятельств, уход от такой своей доли, судьбы, означает смерть, физический уход из жизни, и он может быть только в этом случае произведен, и только в этом случае способен этот круг для него оборваться. Тем самым, можно было бы говорить (применительно к сенситиву коммутатива) о такой разновидности освобождения, отпускания в рассмотренном уже ранее димиссиве, которая бы предполагала освобождение от физической тяжести, бремени безысходного существования, достигаемое в смерти. Что показательно и не случайно, мотив этот, мотив отпускания, освобождения находит свое отражение в тексте всей песни: умирающий просит товарища (*не попомни зла*) простить, фактически 'отпустить', его от себя, *лошадушек* – отвести к бабушке, т.е. также по-своему их от себя отпустить, *матушке* – передать поклон, а *жене* – передать кольцо обручальное, освободив, тем самым, ее от своей любви, данного ею слова и от себя (*„А кто сердцу мил, Пусть венчается. Про меня скажи, Что в степи замерз, А любовь ее Я с собой унес.“*)

В связи с той и другой разновидностями указанного отпускания как димиссива, связанного что, видимо, отнюдь не случайно, и там и здесь с приостановлением осуществляемой езды – временным, предполагающим продолжение, в отношении активного молодого мужского начала (*Распрягайте, хлопцы, коней та ложитесь поживать*), следующим из его утомления и необходимости расслабления в отдыхе, необходимости сна, и другим, продолжения не предполагающим, в отношении зависимого, задавленного и придавленного своими обязанностями и своей долей-судьбой, завершаемым смертью, – в связи со всем этим возникает необходимость смыслового разграничения внутри димиссива. Разграничения, которое не предполагает на этой ступени определения значений того и другого мотива, но позволяло бы говорить о подгруппах внутри димиссива (общей группы для них), к которой то и другое значение можно было бы относить.

Если первый вид отпускания связывается со сменой состояний с добровольно активного на добровольно пассивное, как расслабление, ослабление, не освобождение и выход из позиции состояния до с переходом к состоянию по -

сле (поход, равно как и отдых не следует воспринимать как нечто вынужденное, общий тон и фон ничего подобного не предполагает), то второй как раз такое освобождение как выход из состояния вынужденной тяжелой необходимости именно и предполагает. Первый можно поэтому воспринимать как отпусkanie приостановления (димиссив-рeсистатив, лат. *resisto* ‘останавливаться, делать остановку; задерживаться, застревать’ или, возможно, *ресолутив*: *resolvo, resolutum* ‘развязывать, распускать; распрягать’; ‘расслаблять; ослаблять’; ‘прекращать’), а второй, соответственно, как отпусkanie ухода, исчезновения (димиссив рецессива, *recedo, recessum* ‘уходить, подаваться назад, отступать; исчезать’; ‘теряться, скрываться вдаль, из виду; удаляться’; ‘уклоняться; отказываться’; ‘отделяться’; ‘отклоняться’). Однако и то и другое, при более полном и обстоятельном рассмотрении, вполне может быть определено и как-то иначе. В данном месте представлялось существенным только отметить имеющиеся отличия.

О ментальной значимости некоторых исторических сюжетов

В контексте рассматриваемых значений и подзначений узуальных мотивов, прямо либо косвенно связанных с не выражаемой вербально, но внутренне предполагаемой, езды, в ее замысле, осуществлении либо достигнутом результате, прежде чем сделать какие-то выводы в отношении механизмов устройства системы и процедуры ее описания, было бы небезразличным лишний раз обратить внимание на вероятный характер подобных мотивов, связываемых с более или менее значимыми или известными историческими сюжетами.

Причин подобного представления, предваряющего характеристику узуальных мотивов бега, видится несколько. Во-первых, одно дело общие знания житейского бытового опыта или обобщенные знания прошлого как такового и подобные им знания, касающиеся культурных ментальностей и обстоятельств, и другое дело те знания, которые определяют или определяли некие важные с точки зрения установления мировоззренческих ориентиров события или факты национальной истории. Во-вторых, эти факты и эти события, представляющие интерес как подобные ориентиры не своим соответствием реально имевшей место в прошлом действительности, а их преобразованным, интерпретированным, заложенным в эту интерпретацию осмыслением, своей мотивирующей, поучающей воспитуемые поколения легендарной мифологизованностью, с этой концептуально-оценочной и системоценностной стороны, должны и могут собой представлять, в том числе и исследовательский для избранных нами задач, интерес. И, в третьих, в отношении видов и форм предполагаемого к описанию бега, такой исторически обусловленный вероятный контекст представления видится уместным и показательным. Прежде всего, с точки зрения самих узуальных мотивов, связанных с бегом и имеющих отношение к характеризующей ментальной действительности и обусловленных, также ментально, в ней ориентирами предпочтений, поддерживаемых для сознания своих носителей в целом ряде существенно значимых случаев все теми же определенным образом интерпретируемыми фактами и событиями национальной истории.

Рассмотрим в этой связи, по возможности отвлекаясь от какой бы то ни было допустимой оценки, не как факты или события, а как мотивы, скрытые за знаниями и сюжетами, как-то, когда-то, в значимом для них времени, интерпре-

тируемые в представления о том, что было известно и изображено на картинах художников *Скобелев под Шипкой*; *Ленин в Шушенском*; *Ленин в Разливе*. При этом не сами картины, которых на сюжеты с Лениным к тому же было написано несколько, нас будут интересовать, и не возможная их интерпретация на полотнах художников, а то, что косвенно связывалось бы с ездой, предвещающей пребывание данного персонажа (какого-то числа персонажей-участников) в данном как ценностно значимом месте. Так, как это делалось ранее, для определения возможных значений рассматриваемых визуальных мотивов и связанных с ними и их выражающих единиц, в данном случае невербальных, вербально себя лишь выражающих, точнее было бы говорить обнаруживающих, в сознании закрепляющих, в названиях сюжетов и нарисованных на их основе картин.

Скобелев под Шипкой должен восприниматься как, пусть и окупленное немалым количеством жертв погибших русских солдат, проявление силы и воинской славы России, всегда готовой прийти на помощь своим угнетенным славянским и православным к тому же собратьям. Опустим возможные дополняющие данный сюжет и само событие исторической важности уточнения и обстоятельства, сконцентрировавшись для дальнейшего представления заявленного мотива, связываемого с предшествовавшей ездой, на этом главном. Не будем также намеренно обращаться к тому, кем конкретно был Скобелев, какова была его роль и значение в военном походе, равно как и ко всему остальному, для истории важному, опираясь на обобщенное представление о том, что дело касалось российско-турецкой войны (какой-то из этих войн), а Шипка, победа под Шипкой, имела для русского самосознания, в первую очередь, символическое значение.

Важным в интересующем нас отношении будет а) то, что война, о которой речь, велась, по известному представлению, ради освобождения братьев-болгар от турецкого ига, т.е. не ради защиты своей страны и не как завоевательная; б) то, что война эта осуществлялась участием русских (российских) простых солдат, их героизмом и самопожертвованием; в) то, что победа под Шипкой далась ценой их немалых потерь; г) то, что простому народу от этой победы, равно как и от самих русско-турецких войн, не прибыло ничего, кроме укрепления в самосознании представлений о православно-славянском братстве, за которое нужно сражаться и которое следует защищать, и о силе русского воинства; д) то, что в прошлом и настоящем были не только ни к чему не способные военачальники, прихлебатели, бездельники, воры и царедворцы, лишь бездарно губившие в битвах вверенных им солдат, но и орлы, хотя бы и ценой многих жертв, побеждавшие, такие, как Скобелев, или Кутузов, Суворов, Багратион, Ушаков, Нахимов и др., причисляемые к лику национальных героев.

Вокруг всего этого выстраивается цепочка тех визуальных мотивов, которые реализуют и сопровождают в сознании, для сознания (национального самосознания), рассматриваемый легендарно-мифологизированный, опирающийся на преобразенную для подобного восприятия историю, соответствующим образом интерпретируемый сюжет, лежащий в связи подобным же образом ценностно значимых военных предшествий и продолжений. Опустим их рассмотрение, самих подобных событий, равно как и сопровождающих их мотивов, обратив внимание лишь на то, каким может быть извлекаемый на этой основе смысл, который связывается с происходящей (в коммутативе) переменной чувствительного состояния до в состоянии после предшествующей представляемому сюжетом езды, ибо это при описании должно будет интересовать. В связи с этим всем представляется важным лишней раз обратить внимание на то, что,

будь то езда или, далее, бег, воспринимаются для сознания, в контексте стоящих задач описания, как знаки для него характерной, им распознаваемой и для себя в своей релевантности ощущаемой ментальной действительности. Знаки, связываемые и обуславливаемые стоящими за ними узуально осознаваемыми смыслами как мотивами и выражаемые соответствующими как вербальными, так и невербальными единицами.

Характеризуемая применительно к сюжету победы под Шипкой езда может рассматриваться как в отношении предшествующего прибытия (русских войск, а также и Скобелева) к месту общего построения, так и в отношении проезда, триумфального продвижения на коне перед шеренгами приветствующих своего полководца солдат. Предшествующая битве под Шипкой езда, равно как и всем проводимым в этой кампании военным действиям, важным для понимания происходящего и задающим общий контекст, для определения того значения сенситива в коммутативе, которое предполагает интересующий нас переход, изменение состояния до в состояние по с л е , учитываться не должны. Изменение состояний связывается с прибытием, будь то маршем или ездой, данного контингента участников в данный момент. Фактически, собственная, езда отмечает прибытие не войска, а Скобелева и его перед войском конный пробег. И это важно, во-первых, по той причине, что сюжет выражает себя в виде *Скобелев* (а не русское победившее войско) *под Шипкой*, а во-вторых, в езде участвовал и участвует Скобелев, поскольку войско пришло и стоит, и, наконец, в своих третьих, переход, изменение состояний, отмечающих разбираемые до и по с л е , сопрягается с той ездой, которую осуществляет именно Скобелев.

Состояния эти укладывались бы в представление уже разбиравшегося ранее инсурректива – вознесения, подъема, охватывающих всех и вся, достигающего своего апогея, вершины с прибытием Скобелева, которое отмечает предшествующее ему ожидание как напряженный, полный осознаваемого драматизма и катарсиса, момент, оплаченный кровью и героическим посвящением, и следующее из этого (полагаемое как необходимое) чувство достигнутого осуществления. Все же победа, принесенные жертвы были не мимо, не зря, а слава, оплаченная и купленная, пусть и обильно пролитой, кровью, имеет непреходящее не только для победителей как участников, но и для всех представителей русской нации значение, отмечающее ее, этой нации, место и роль во всеобщей истории. Разновидность подобного инсурректива можно было бы воспринимать в контексте воинской славы и связанной с нею национальной гордости (великороссов), как г л о р и ф и к а т и в инсурректива суперб-милитарного подзначения.

Два последующих сюжета, связанных с восприятием узуальных мотивов – *Ленин в Шушенском* и *Ленин в Разливе*, попробуем рассмотреть одновременно. Для общего представления отличие между тем и другим, если отвлечься от обстоятельств и не иметь в виду конкретных картин, поскольку их, для каждого, как уже говорилось, было создано несколько, – отличие это было бы несущественно.

В данном месте следовало бы пояснить. Некий общеизвестный сюжет, обусловленный исторически, можно воспринимать, представляя с разной степенью конкретной наглядности. Как некое знание, не облеченное в непосредственно наблюдаемую и наглядную форму, более или менее знакомо-понятное в своих проявлениях и обстоятельствах. И как нечто, что можно видеть, образ, картину, с вырисовывающимися на ней, будь то мысленно либо при созерцании, значимыми для художника либо передающего подробностями, усиливающими

впечатление и направляющими его в определенную сторону, придавая ему ориентирующее направление при восприятии, т.е. так или иначе интерпретирующее представляемое. Если некий подобный сюжет остается в сознании, будучи связан с известной картиной, скажем, как с *боярыней Морозовой*, в художественном исполнении и интерпретации Суриковым, или со *Скобелевым под Шипкой*, в представлении Верещагиным, то, закрепляясь соответствующим образом в памяти, в зависимости от степени приглядывавшегося знакомства к этим картинам, субъективно сформировавшееся на их основе отношение, подкрепленное и поддержанное общими знаниями и коннотациями, неизменно влияет на представление об этом сюжете с его последствиями для узуальных мотивов. Сюжет такой впоследствии затирается в памяти в отношении своих конкретных деталей, оставаясь в сознании знаком продолжающего иметь свое место и с ним значение в сформированной в своих представлениях для носителя ментальной действительности данного национального бытия.

Другое дело, если такой сюжет не имеет общеизвестного выразительно значимого для всех своего художественного выражения или, как в случае с Лениным в Шушенском и Разливе, таких выражений может быть не одно. Безусловно, одно какое-то из этих нескольких может быть более общеизвестным, чем остальные. Однако не это в данном случае важно и будет нас интересовать, а то, что подобная перцептивная ситуация в принципе вполне вероятна и, будучи таковой, может предполагать свои проявления, которые также можно и следовало бы учесть. Проявления эти ведут к еще менее наглядному, более, возможно, размытому, множественному, не конкретному или даже и не наглядному представлению о сюжете.

Оставаясь в пределах примерно той же и следующей из нее эпохи, с чем наглядным можно было бы соотнести хотя бы такие известные из истории сюжеты, способные быть изображенными и бывшие изображенными, по крайней мере некоторые из них, но не для общего знания и восприятия, как 'Ленин в Польше', 'Ленин в Смольном', 'Сталин у Горького', 'Сталин и Крупская', 'Бухарин во время допроса', 'Калинин, приветствуемый москвичами', 'Берия на даче у Сталина' и т.п.? Не будучи для сознания в какие-то единообразно рисуемые и воображаемые образы закреплены, они содержат, по крайней мере, способны в себе содержать, некое интерпретативное знание, более или менее общезначимое, согласное или не согласное с интерпретативными представлениями о них для носителя. Однако опять же важно не это, а то, что всё же такие знания, как бы ни относиться к ним субъективно, соглашаться или не соглашаться, принимать или не принимать, если имеются для сознания, то имеются в нем для него, как сюжеты и знания общего представления национальной истории, в узуальных своих мотивах для них. И только с этой и именно с этой для них стороны они и будут нас интересовать.

Возникает при этом также не менее важный вопрос – что же именно они представляют, если не снять, поскольку такое вряд ли возможно, то хотя бы попробовать несколько нейтрализовать, в ту либо в другую сторону тенденциозно направленный, ориентирующий и интерпретирующий, содержащийся в них заряд? Попытаемся показать это на двух для этого взятых примерах, с задачей выведения на этой основе того, что было названо узуальным мотивом в составе некоторых представлений характеризуемой ментальной действительности.

Ленин в Шушенском и *Ленин в Разливе* вместе имели бы отношение к такому положению (состоянию) впоследствии себя развивших в национальной истории дел, которое можно было бы определять как значимое его для него, ес-

ли не начало, то, по крайней мере, предшествование. Отвлечемся пока что для данного рассуждения от описываемой нами идеи 'езды', вернуться к которой еще предстоит, обратившись к возможному уточнению сказанного. В двух представленных несколькими картинами каждый (но не это будет определяющим) сюжетах, изначально, по замыслу, восчеловечивается, скажем так, приближается к общенародному восприятию такое отношение к вождю, которое делает, должно его делать доступным. Не отвлеченным, не бронзовеющим, не доктринальным и мертвым, но осязаемым и живым. Опустим, однако, на время и это возможное и не случайное воображение. В общем широком контексте российской истории все это можно представить примерно следующим образом. С Лениным как вождем связывается, последовательно проводясь в сознание, такое отношение к представителю и носителю высшей, верховной власти, которое противопоставляется всему до сих пор имевшемуся и царской России свойственному. Не пренебрежение интересами своего народа и каждого, в том числе и прежде всего беднейшего, оскорбленного, обойденного и подавляемого, из его представителей, а наоборот. Сочувствие, понимание и обращенность к нему, к его тяжелому положению и связанным с этим нуждам. Эти сочувствие и понимание выражаются, должны себя выражать в последовательно себя проявляющей близости, человеческой близости вождя и, тут очень важная для понимания концептуально-оценочная деталь, не вождя и его народа, а вождя-человека, как человека, к каждому представителю из народа как человеку. Идея «самый человеческий человек» находит свое выражение в том, что вместе со всеми, с тобой, с нами и с каждым из нас, он, этот, такой же, как все мы, ты и я, человек, не снисходит, а вырастает из нас, ведя нас с собой, за собой, не выставляясь, невидимо, но ощутимо, пробуждаясь в сознании его освещающим внутренним светом. Приблизительно так это можно было бы выразить. Сюжеты *Ленин в Шушенском* и *Ленин в Разливе* призваны были работать в указанном отношении.

Обратимся теперь к их различению. Шушенское, место ссылки Ленина задолго до произведенной им революции, проецировало для общего восприятия идею этапа, остановки, раздумья, набирания сил, подготовки, внутренней, интеллектуальной, психологической, равно как физической, перед далеко впереди предстоящими битвами. Ленин там не только и не столько, готовя себя, работал, сколько ходил на охоту, беседовал с крестьянами, раздумывал, читал, отдыхал. Разлив, в свою очередь, также этап, но решительного и непосредственного предшествования самых важных событий, того всего, ради чего, т.е. революционного Октября. Здесь Ленин, переодетый, конспиративный, не узнаваемый, под видом рабочего и под его фамилией, скрывается от охранки, готовя задуманный переворот. И в том и в другом сюжете это все тот же доступный и мирный, сосредоточенный, внутренне погруженный на главном, но не воинственный и добродушно приветливый человек. Ничто в его облике не предвещает ни крови, ни переворотов, ни социальных бурь.

Что из этого следовало бы принять для идеи рассматриваемого в отношении езды мотива? Езда, коль скоро о ней теперь речь, воспринимается в том и другом сюжете как на определенное время прерванная, как необходимая, в первом случае вынужденная, во втором запланированная, остановка в пути. Ленин в Шушенское приехал, будучи выслан туда, привезен. Его пребывание здесь еще не предшествование, но хорошо, в конечном счете, использованный им, с пользой для революционного дела, этап, за которым неизбежно идет развитие, ведущее к осуществлению, связанное с необходимостью выезда, т.е. все с той же, развитие это осуществляющей и его результат приближающей, необходимой по

этой причине, ездой. В Шушенское следовало в этой связи приехать, чтобы потом, обогащенным и обновленным, готовым к битвам и к следующему этапу, из него также уехать, отбыть. Шушенское становится, связываясь по замыслу, местом такого необходимого пребывания, отмечая собой состояние Ленина до и его состояние после предполагаемой, неизменно себя в восприятии отмечающей в таком переходе как перемене (коммутатив сенситива), езды. Таким же местом, хотя и с другим значением, временно остановленного пребывания, но другого при этом состояния до и состояния после неизменно себя обнаруживаемой в ходе событий езды, становится для восприятия и Разлив.

То и другое из определяемых перемен состояний отчасти укладывается в смысл отпускания – димиссива, напоминая тот сенситив, который себя обнаруживал в *Распрягайте, хлопцы, коней та ложитесь поживать*. Но если в этом последнем случае это был димиссив остановки, приостановления в езде, совершаемого ради необходимого отдыха, то в рассматриваемых двух сюжетах, это димиссив принуждения, вынуждаемого прерывания, но не езды, а осуществляемых действий, для которых езда выступает лишь средством их сопровождающего и ведущего к ним достижения. Иными словами, это димиссив подготовки, мобилизации, а не расслабления. Первый при этом, для Шушенского, можно было бы обозначить как димиссив-медитатив (лат. *meditor* ‘обдумывать, размышлять’; ‘подготавливать; помышлять, замышлять, намереваться, затевать’; ‘упражняться, готовиться, изучать’), т.е. мобилизующего размышления, углубления в отношении подготовки. В то время как второй – как димиссив-препаратив (*praeparo, praeparatum* ‘приготавливать, готовить, снаряжать (*naves* ‘корабли’); подготавливать (*bellum* ‘войну’); р. *profectionem* ‘готовиться к отъезду’; *bene praeparatum rectus Hor.* [Гораций] ‘ко всему готовый дух’; *ex praeparato* ‘подготовленно’; *ex ante praeparato* ‘из запасов’), – мобилизующей подготовки перед непосредственной реализацией замысла.

О механизме последовательно-репрезентативного удвоения

Итак, на основе всего рассмотренного, хотя неполного, представления, касающегося видов так или иначе отображаемой в сознании носителей характеризующей ментальной действительности езды, возникает картина, внутренне организованная дихотомическим образом. Первоначальным таким разделением было бы то, что было показано как в соотношении групп, обозначенных как предикативы и не предикативы, с различием в этих вторых детерминативов и сенситивов. Предикативы связываются в сознании с представлением о реально совершаемых либо мыслимых как таковые действиях, связываемых с ездой, подразделяемых далее на осуществляемые более или менее постоянно и регулярно, как действия необходимой реализации проживаемого бытия (регулятивно-итеративы), и действия специфические, особых случаев и не вполне обычные, вызванные к реализации какими-то особыми проявлениями и обстоятельствами (проприативы-адверсативы).

Группа не предикативов определяется той общей особенностью, что действия, связываемые с ездой, присутствуя где-то в сознании, становятся средством обозначения, выражения чего-то другого, имея репрезентативно-знаковый, характеризующий смысл и могут служить представлению о ‘своем’, предопределяя его для себя и носителя данного социального *ego*, детерминируя

его для сознания (детерминативы). И могут, не исключая значения характеристики, развивать, акцентировать, делая более важным производимое состояние перехода, в итоге и на основе езды (коммутативы), которое, в свою очередь, предполагает дальнейшим делением такие производимые смены, которые побуждаются какой-то внутренне вынуждающей к этому каузирующей причиной (каузативы) либо, возможно, что также чем-то и кем-то к езде понуждаясь, становятся важными ощущением производимой смены двух состояний, вызываемой ездой, – состояния до и состояния после произведенной либо мыслимой как таковая езды (сенситивы). Те, в свою очередь, в зависимости от различаемого смысла такого сменяемого ощущения, были подразделены на две группы, обозначенные условно как сенситив отпускания и вознесения, с дальнейшим дихотомическим различием отпускания в диссолютиве развязывающей расплаты и димиссиве, могущем выглядеть как расслабление и как принуждение, а вознесение, соответственно, как (ре)инсурректив обращения к (прошлому) с переходом к тому, что его результирует, предполагая возможное будущее, и как конфирматив испытания, осуществляемого в сопровождающей перемену езде.

Важным из всего этого, что можно было бы также и как-то иначе интерпретировать и объяснять, получая другие значения и определители, важным для описания следовало бы считать не столько сами эти значения, каким-то более или менее удачным способом обозначенные, сколько стоящий за ними внутренний механизм представления. Воспринимается он, этот механизм, как такой, который устроен по принципу сдвигивающего наслоения, взаимно последовательного репрезентативного удвоения. Каждое следующее предполагает имеющееся в представлении предыдущее, оказывающееся, как само собой разумеющееся, репрезентативно не важным, будучи заслонено другим, для которого это первое становится средством реализуемой для сознания репрезентации, и именно эта репрезентация определяет данного положения смысл, который для очередного последующего, также и в свою очередь, становится средством производимой репрезентации.

Представить это можно в виде последовательного, цепочечного, добавления, наслоения чего-то очередного, заслоняющего, но и предполагающего, то, что за ним и под ним. Иными словами, на первой уровне, не предикативы предполагают предикативы: знаковые проявления 'езды не езды' предполагают 'езду', важную не в своем совершаемом осуществлении, а как способ осуществления, достижения, реализации другого, важного для представления смысла. В свою очередь, действия-предикативы второго уровня, различаясь как повторяющиеся и регулярные, не регулярные и не повторяющиеся, особой, специфической, области проявления в сопровождающих их обстоятельствах, делают осознаваемыми на фоне и в соотношении с первыми.

Подобным образом все это выглядит также и далее: коммутативы строятся на основе детерминативов, внутренне вырастают из них, предполагают в себе развиваемое далее, усложняемое значение детерминатива. Сенситивы предполагают значения каузативов, которые по отношению к ним становятся внутренне подразумеваемой, но не столь уж и важной по этой причине, само собой разумеющейся и/или естественной подоплекой. Внутри сенситивов (равно как и каузативов, и перед этим детерминативов) подобным же образом соотносятся димиссивы > диссолютивы и (инсуррективы > реинсуррективы) > конфирмативы; димиссивы > релаксативы > медитативы > препаративы и др., как обозначенные в ходе предпринятого рассмотрения и как-то условно названные, так и не обозначенные, не названные и не рассмотренные.

Произведенное рассмотрение вероятных видов езды служило лишь предварением тому, что предполагается сделать для видов ментального бега, и по этой причине имело выборочный и фрагментарный характер. Важным следствием было обнаружение последовательно удваивающего репрезентирующего механизма, равно как и той смысловой основы, на базе которой можно и следует говорить о значениях достигаемых с ездой как перемещением в пространстве изменений и перемен. Тех изменений и перемен, которые, воспринимаясь сознанием носителей данной ментальной действительности, точнее представлений о ней, будучи не случайно значимыми для них, способны по этим причинам служить тем семантическим средством, которое данные их представления, а следовательно и самоё их действительность (в контексте которой и по законам которой они существуют), способно характеризовать.

Все остальное, о чем уже говорилось отчасти в ходе произведенного предварения, касающееся того, что такое и как будут пониматься те ментальные единицы, которые как узувальные мотивы и их обстоятельства были определены, равно как и то, какой, в своих видах, фрагментах и проявлениях, предстает тот феномен, который был назван ментальной действительностью, хотелось бы в данном месте не объяснять. Во-первых, по той причине, что представления эти давались по ходу сопровождающих рассуждений и их собрание в одно место, с одной стороны, потребовало бы своих предварений и объяснений, а с другой, не было бы осязаемо ясным и достаточно полным, чтобы что-либо новое или значительное собой обобщать. А во-вторых, потому, что к этому необходимо будет не просто вернуться, но это более полно и основательно выяснить и объяснить на основе предполагаемого рассмотрения видов и форм ментально воспринимаемого бега все той же характеризуемой российской действительности, что составляло задачу и цель затеваемого нами исследования. В контексте и в отношении этого «во-вторых», то, что было сказано в отношении первого (для «во-первых»), может оказаться не то, чтобы малосущественным или другим, но каким-то более основательно полным и соответственным образом уточненным. И это бы было, в-третьих.

В связи со сказанным, для всего дальнейшего (в отношении характеризующего анализа видов бега) и для того, чтобы к этому перейти, представляется важным обратить внимание на два, также следующих из всего предыдущего, теоретических обстоятельства. Первое было затронуто, но слишком попутно и неосновательно, а применительно к выделявшимся группам значений мотивов к тому же фактически не прозвучало, по крайней мере, что, впрочем, видится, как обстоятельство не случайное, не нашло своего отражения в них. О втором, хотя и говорилось подробнее с представлением конструктивным и моделирующим, однако вне отношения к этому первому и вне обусловливаемой связи с ним.

Первое, о котором речь, касается собственно характеризующих, национально характеризующих, семантических признаков (если таковые имеются как отдельно собственные) выделявшихся групп, их значений и подзначений. Иными словами, того, что, за неимением лучшего, можно бы было назвать идиоматической спецификацией описываемой ментальной действительности характерно, типично русских реактивно-концептуальных, системоценностных, морально-этических, интерпретативно-оценочных, мировоззренческих, поведенческих, мотивационных и пр. ориентиров. Всего того, что можно определять представлением о генеративно-перцептивной и концептуализирующей базе данного, языком и этнокультурой связанно обусловленного, сознания. Проще говоря, если некий мотив, объединение узувальных мотивов, действующих как

единое целое, отражаемый и воплощаемый в какой-либо единице, имеющей одновременно вербальный и невербальный характер, обозначен был как имеющий отношение к какой-то определенной группе из выделенных, то представлялось бы важным, применительно к названной спецификации указать, те признаки либо такое их комбинаторное соединение, которое и которые были бы идиоматичны.

В свою очередь, для второго, при уточнении в пунктах (применительно к рассматривавшейся езде) 1) средства передвижения; 2) места конечного достижения (конечной точке); 3) места отправки (начальной точке); 4) цели движения и т.п. с комбинаторным их отражением в узуальных мотивах, объединяемых в единое воспринимаемое целое, воплощенное в той или иной невербально-вербальной единице, – для всего этого представлялось бы важным, в отношении все той же спецификации, показать, во-первых, как это связано и какое находит свое отражение в данном объединении как единице, а во-вторых, какова и их также, если возможна и значима, эта самая идиоматическая спецификация. Находящая свое воплощение в составе пунктов, в их комбинации либо одновременно в том и другом.

Иными словами, если то, что было выделено и сказано на примере езды, получившей свое представление в узуальных мотивах, касающихся сложившегося на основе картины Сурикова общего смысла о том, что такое *боярыня Морозова* для характеризуемой ментальной действительности, в ее составе и в отношении к ней, то чем идиоматически специфическим в своих признаках такое, равно как и что-то другое ему подобное, следовало бы охарактеризовать? Если предоставляемый в этом значимом для сознания образе смысл был отнесен нами к диссолютиву расплаты, с распространением далее ее как расплаты за непокорность и нежелание, поступаясь собой, своей верой и убеждениями, подчиняться власти, принимать верховное земное, отвергая верховное неземное как высшее и над этим верховным земным, – то что специфически идиоматическое, в каком объединении семантических признаков можно его, это специфическое, обнаружить и определить? Равно как и при рассмотрении смыслов, связываемых с изображенным на картине Верещагина *Скобелев под Шипкой* и охарактеризованных как такие, которые относятся к группе ментального представления о воинской славе и национальной гордости (великороссов) – глорификатива суперб-милитарного подзначения в инсуррективе, – то в чем таком, для себя специфическом, обуславливаемым отчасти мыслью о «несмотря», «вопреки» (на трудности, на бездарность военачальников, на недостаточную продуманность, на неподготовленность, на практически полную чуть не всегда неоснащенность, на обилие жертв и т.п.), о «благодаря» (героизму, силе духа, способности к самопожертвованию, чувству братства, товарищества и пр.) и о «все-таки» (победили, смогли победить, достичь, вырваться, выйти вперед, не погибнуть, а если погибнуть, то не окончательно, со способностью выстоять, устоять, вернуть утраченные позиции, обратив поражение в значимую победу и даже в триумф), – в чем из этого и не только из этого, как представленном и как организуемом следовало бы видеть эту самую идиоматическую, для русской ментальной действительности, специфичность?

На эти вопросы, неизменно возникшие и себя проявившие, ответа в предварительной части, применительно к видам рассматривавшейся в ней езды, не давалось. Постараемся обратиться к этим проблемам при рассмотрении видов бега, воспринимаемого (хотя без сравнения с другими) в его идиоматической, для российской ментальной действительности, специфичности. Однако,

прежде чем к этому перейти, представляется необходимым вернуться, еще раз последовательно и обстоятельно уточнив, но на сей раз все имеющиеся и даваемые как словарные, а потому узуальные, лексические значения и подзначения (оттенки значений) той семантической области, которая связана для языкового сознания с бегом и находит свое выражение в лексемных значениях глаголов *бегать* / *бежать*.

О лексемных значениях *бегать / бежать* с выводением общего смысла

Задача такого анализа видится в необходимости выведения общего смысла-опоры для некоего реактивно-интерпретативного представления бега, о беге. Характерного для себя, для своих, для ментальной действительности того своего, в котором находится, существует, воспринимая его как свое, отличаемое или не отличаемое от другого, но ощущаемое как таковое, данное этноментальное (этноментальнокультурное) его. Представления (бега, о беге), которое можно, соответствующим образом определяя, воспринимать как своего рода ориентив языкового и не языкового сознания тех и того, кто относится, как соучастник, носитель и составная часть (сопричастный сообладатель), к данной ментальной действительности. Как, отчасти, но в своей показательной-важной «отчасти», ее выразительный эмблематор (так это можно, не случайно и значимо обозначив, назвать): гр. ἔμβλημα, τὸς ‘вставка, часть вставленная’, ἐμβάλλω (ἐν, βάλλω) ‘вбрасывать, ввергать, бросать, кидать (куда-л.)’, с дальнейшими переносными представлениями в расширениях того же ἐμβάλλω, также важными и показательными для искомого смысла (опустим их для простоты, хотя механизм расширений подобного рода будет не чужд затеваемому рассмотрению семантической области бега), типа ‘полагать на руки, давать в руки, вручать кого или что’, ‘давать верное слово, обещать’, ‘налагать узду на кого-л.’, ‘приниматься за весла, грести (наложив руки на весла)’, ‘налагать запор’, ‘навлекать на кого вражду, ненависть’, ‘делать кого-л. подозрительным для кого-л.’, ‘полагать на душу, на сердце’, ‘вселять в кого-л. или внушать кому желание и пр.’, ‘напускать на кого, посылать кому беду, болезнь’, ‘заводить речь о чем, предлагать на обсуждение’, ‘вставлять (слова, буквы)’, ‘прививать (дерева)’; ‘вторгаться, бросаться, нападать на кого-л.’, ‘изливаться, впадать (о реке)’, ‘попадаться навстречу’; ‘вбрасывать или бросать куда-л. (для себя или что-л. свое)’, ‘полагать себе что-л. на душу, замечать, думать’, ‘давать свидетельское показание’, ‘бросаться, кидаться’.

В эмблематоре, как составной части и внутренне-внешнем действователе в данной ментальной действительности, так или иначе все это, а также другое, на этом основываемое и из этого следующее, себя проявляет, а потому активно, значимо и показательно для него.

Возвращаясь к мысли о необходимости рассмотрения общего смысла-образа, образа-представления, возникающего на основе лексемных значений *бегать / бежать*, поскольку первое, основное значение было подробно рассмотрено в самом начале работы, обратимся теперь к анализу всех последующих. Потребуется подобное их представление для выведения того смыслового комплекса, который дает возможность как развивать все последующее, связываемое с областью бега, так и воображать его как таковой, может, не столько вообразать, сколько внутренне, неосознанно ощущать, все то, что способно в сознании с помощью языка и не только, иметь к нему отношение и с ним себя связывать, выражая или не выражая себя затем как-то далее. Неясность подобного

объяснения попробуем компенсировать наглядно рассматриваемым смысловым материалом.

На основе произведенного представления первого и основного значения, связываемого с физическим действием передвижения ног, ведущего к перемещению в каком-то пространстве, было получено три необходимо участвующих представления – о наблюдателе, об объекте-агенте и об объекте-локусе, с наблюдаемым либо мыслимым как таковое для первого передвижением второго в третьем. Речь, иными словами, идет о контагиозном проявлении этого второго в третьем, воздействии на него, приводящего не к его изменению со стороны этого второго, а изменению, изменяющемуся на глазах передвижению второго в отношении третьего, фиксируемому воспринимающим сознанием первого. Остальные элементы такого участия пока что опустим, обратившись к ним, если появится необходимость, при рассмотрении последующих глагольных значений.

К первому и основному МАС дает (будем отталкиваться в своем рассмотрении от этого словаря) два оттенка значения: «|| *Разг.* Быстро, поспешно идти куда-л., откуда-л. ... || *Спорт.* Участвовать в соревнованиях по бегу.» Опираясь на то представление, которое, без домысливания, доуточнения в сознании, непосредственно следует из дефиниции, касающейся первого и основного значения («Усиленно, скорым движением, быстро перебирая ногами, перемещаться в каком-л. направлении»), отличия между ним и первым оттенком, отмечаемым пометой *разг.*, трудно было бы усмотреть. Поскольку *идти* также предполагает перемещение в пространстве с помощью передвигаемых ног (ср.: «Передвигаться, ступая ногами, делая шаги (о человеке и животном)» в МАС). И тогда, без дополнительных знаний, ‘быстро, поспешно идти’ и ‘бежать’ (усиленно, скорым движением, быстро перебирая ногами) действительно вряд ли возможно было бы отличить.

Для бега, тем самым, в отличие от ходьбы, определяюще важным становится характер производимых ногами движений – не просто быстро, и даже не просто усиленно или скорым движением (к такого типа движениям скорее относится то, что определяется термином *спортивная ходьба*), а как-то еще, отталкиваясь, скажем, пружинисто от поверхности, передвигая ногами стремительно, с заметной силой, с нажимом и т.п. Вместе с тем, устраняя подобное представление, мы получаем ходьбу, называемую бегом и, следовательно, воспринимаемую через него, хотя, необходимо при этом добавить, как нечто усиленное и динамизированное. Если такая ходьба для сознания представляется в форме бега (усиленное представление о ходьбе = представлению бега), и такое возможно, то для представления бега и представления о беге оказывается не то, чтобы неважным, но способным быть отвлеченным, вынесенным за скобки, нейтрализованным, представление о типичном, свойственном именно бегу (но не ходьбе) характере передвижения ног. Иными словами, если определенным образом совершаемая ходьба тоже бег, то бег – это, в первую очередь и на этой основе, ‘быстрое и/или поспешное перемещение в пространстве с помощью ног из точки А в точку Б’.

Что касается второго оттенка значения, отмеченного пометой *спорт.*, то с позиции наблюдателя, т.е. с точки зрения физически производимых действий, отличия между этим оттенком и основным значением у *бежать* не отмечается. Это, в принципе, то же самое действие по характеру производимых движений ног и всему остальному, разве что только спортивный бег будет выглядеть по сравнению просто с бегом как более динамичный, стремительный, физически

упорядоченный и организованный, но это мало что добавляющая деталь. Бежать для спорта, участвуя в соревнованиях по бегу, от бежать без такого сопровождения отличаться будет другим: целенаправленностью, предполагающей достижение заданных результатов, установленностью (времени, расстояния, места, трассы, точек начала и завершения), наличием (обычно) не одного одновременно участника, их физической предрасположенностью (достигнутой формой, определяемой нередко как требуемая граница) и пр. То есть организованностью и подготовленностью как в отношении объекта-агента, так и в отношении объекта-локуса.

При сравнении с *бежать* без спортивно обусловленной заданности можно было бы говорить об уточнении, углублении первого и основного значения, вписывании его в структуру дополняющих определителей. Определители эти не имеют отношения к бегу и представлению о нем как известным и характерным образом производимом ногами действию ради перемещения в пространстве. Имея отношение к обусловленной заданности этого действия, к задаваемой цели его, они существуют вне связи с ним, вне его, равным образом применяясь, накладываясь, и на другие действия, вписываемые в спортивный контекст и присваиваемые соответственным образом спортом. Таким образом, схема «бегать + спорт», «ходить + спорт», «плавать + спорт», «стрелять + спорт», «ездить на велосипеде (автомобиле) + спорт», «грести + спорт» и т.п. мало что добавляет для представления о самих этих действиях, на которые спортивные расширения только накладываются, существуя вне их.

Второе значение у *бежать* с сопровождающим его оттенком значения: «2. Быстро передвигаться (о средствах передвижения) || Быстро перемещаться, нестись (о дыме, облаках, тени и т.п.)», – отвлекаясь от представления об объекте-агенте как обладателе нижних конечностей, а тем самым, и от производимого им физического действия, необходимого для соответствующего перемещения в пространстве, оставляет для представления о беге значимым а) то, что быстро, б) то, что перемещение в пространстве и в) то, что физически наблюдаемый объект, способный к такому перемещению. Само же перемещение, как, впрочем, и у *бежать* основного значения, переход в результате осуществляемого движения из точки А в точку Б предполагает неважным.

Бежать, на основе этого, есть не что иное, как ‘для кого-то или чего-то, быстро двигаясь, наблюдаемо либо воображаемо, изменять свое положение в пространстве, свою локализацию в нем’. ‘Для кого-то или чего-то’ при этом не обязательно означает активно задействуемое участие, хотя внешне и выглядит таковым (что тоже немаловажно), это участие может быть следствием действия какой-то несущей, движущей, подхватившей силы (дым, тени и пр.). Но и это, в общем и целом, неважно, важно то, как это наблюдается, как это воспринимается, внешне себя проявляет и выглядит.

Третье значение: «3. Быстро проходить, протекать (о времени)» – актуализирует субъективно воспринимаемое, не наблюдаемое как физическое действие или перемещение в пространстве, изменение состояния, отмечаемого какой-либо внешне себя обнаруживающей, объявляемой, наблюдаемой переменной. Или, наоборот, в противоположном случае, переменной, не происходящей, хотя бы и ожидалось, и надо было бы ей произойти, когда время бежит, а ничего не происходит и не изменяется.

Выходя в представление о времени, переводимом в плоскость пространства, определяемом в его понятийном аспекте (поскольку речь идет о *бежать*), не углубляясь, однако, в него, для стоящей задачи достаточным было бы заме-

чания о том, что «течение» времени, нарастание времени, его прибывание (удачного определения не представляется возможным найти) отмечается восприятием либо внутренним ощущением, чувством, что столько-то времени должно было от какого-то момента пройти (определяемым биоритмами, так называемыми биологическими часами), либо, что более важно для нашей задачи, изменениями в наблюдаемой реальной действительности, переменной ее состояний. Перемены эти могут касаться каких-то конкретных объектов (движение солнца, возрастание, уменьшение его света, течение воды, передвижение, продвижение чего-то куда-то, ожидаемый приход, приезд либо уход и отъезд, достижение какого-л. результата в осуществляемых действиях, в совершаемой работе и пр.), служащих своеобразными ориентирами происходящих неизбежно во времени изменений. И они же касаются, различают и размечают себя в какой-то точке исхода А, соотносимой с точкой Б контрольного достижения либо недостижения, вопреки ожиданию.

Время, иными словами, связывается для восприятия с ожиданием, предположением, наблюдаемых в своем совершении перемен состояний объекта (объектов), в том числе и для самого наблюдателя, наступающих с его пребыванием в точке А и затем в точке Б, не обязательно сопровождаемым изменением месторасположения, локализации. Объединяют, тем самым, перемещение в пространстве и «перемещение» во времени производимые, сопровождающие то и другое, возможные, но не обязательные, хотя отмечаемые, поскольку закладываемые и ожидаемые, перемены, изменения состояний в измеряемых точках исхода и достижения.

Для разбираемого бега сказанное будет иметь то значение, что речь идет, применительно к третьему значению у *бежать*, о том, что а) быстро, что б) наблюдаемое изменение либо не изменение, при ожидании, состояний и что в) отмечаемых в объектах внешней действительности либо только во внутренних ощущениях наблюдателя для себя. Остаются, тем самым, три составляющих представления: быстрое – изменение (состояний $A > B$) – объекто-субъекта, в нем, для него. Устраняется, по сравнению с первым значением, представление о физически производимом действии с помощью ног (от него остается одно только 'быстро'), представление о перемещении и о пространстве, по сравнению с первым и со вторым значениями, переводясь в представление об 'изменении из А в Б', а наблюдаемый и/или наблюдающий 'объекто-субъект' мыслится как переживающий, способный переживать, изменения состояний, не меняя при этом позиции своего пребывания.

Четвертое значение с оттенком: «4. Течь, литься (о струях, воде) || *Разг.* Кипя, бурля, литься через край; убежать», – проявляет движение, наблюдаемое в перемещении, динамизируемое, усиливаемое для восприятия (если не говорить об оттенке, отмечаемом как *разг.*). Физическая особенность характеризуемого движения состояла бы в том, что тот наблюдаемый объект, который ему подвергается, осуществляя (жидкость, вода), обладая свойством текучести, проявляет для визуального восприятия бóльшую, чем привычно, подвижность, тем более, что на фоне недвижимого пространственного и более широкого по сравнению с ним, себя в него как бы вбирающего, объекта-места. Движущееся по такой же поверхности нечто другое, чтобы представить бегущим, должно было бы совершать наблюдаемое действие, определяемое первым значением глагола *бежать*, т.е. быстро перемещаться, перебирая ногами. Ср. в даваемых в МАС примерах из Лермонтова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина: *струйка крови из раны на грудь бежит; речка под горою бежит; слезы так и бегут, так и льют-*

ся из глаз. Чтó другое можно было бы воспринимать бегущим по телу, по земле, возможно, что между камней, по лицу? Разве что какое-то насекомое или животное, возможно мелкое (для второго объекта, чаще, обычнее, наблюдаемое сверху или издали).

В отношении струй и струек текучего вещества быстрота, характерная бегу, воспринимается, определяясь тремя фактически свойствами – способностью течь, что с учетом вертикально-наклонной плоскости тела, лица или горной местности проявляет себя в интенсивности производимого при течении, истечении действия; узостью производящих данное действие струек и струй, что на фоне широкой по сравнению с ними плоскости неподвижного окружения визуально усиливает восприятие быстроты; тянущейся непрерывностью поблескивающих в свете переливаний, «волнующихся» как бы фрагментов потока, воспринимаемых в виде мелких вспучиваний и опаданий, пронизываемых квантами света очень маленьких волн, и создающих то впечатление, которое, воспринимаясь в виде мерцаний, мельканий, определяется темой 'бежать'.

Бегут, таким образом, струи и струйки, потоки, горные речки, ручьи. Можно ли, рядом с этим и сопоставляя, представить бегущей равнинную реку, даже с быстрым течением? Течение в ней не бежит, но, скорее, несет, стремительно бегущим оно было бы в поэтическом, подчеркнуто субъективном и искажающем представлении. В море, на озере, в океане, где плоскость – сама вода, волны *бегут*, если следуют быстро одна за другой, гонимые ветром, что определялось бы как второе значение. И тогда своего рода стадность, табунность их передвижения связывалась бы с другим представляемым образом – не узкой мерцающей линии (геометрически) струй на фоне недвижимой плоскости, а следования, не обязательно упорядоченного, возможно и хаотичного, но совместно направленного в какую-то общую сторону, взбурений всё той же воды, воспринимаемых и представляемых на общем, тоже колеблемом, но не стремящемся фоне, как нечто объектно отдельное, самостоятельное, а потому и способное к перемещению по нему и на нем.

Исходя из сказанного, применительно к определяемому значению для *бежать*, можно было бы определить его данное проявление приблизительно так же, как и для второго значения. Важно, иными словами, а) то, что быстро, б) то, что перемещение в пространстве и в) то, что физически наблюдаемый объект, способный к такому перемещению. То, что это 'быстро' есть 'быстро' текучести и всех прочих описанных свойств, т.е. скорее визуально, чем натурально физически, равно как и то, что плоскость, на фоне которой воспринимается производимое перемещение, не может нередко служить представлению для 'откуда куда', что можно приписывать той же плоскости для второго значения, – это все мало существенно и перечисленных в (а, б, в) представлений не изменяет.

В отношении оттенка рассматриваемого значения («Кипя, бурля, литься через край; убежать») представления о плоскости и о перемещении следует уточнить. Физически наблюдаемое в объекте действие, производимое им (МАС дает *Молоко бежит*.), предполагает, в конечном итоге, то, что, выходя за пределы своего содержащего, изливаясь из емкости, под действием внутренних сил, вызываемых нагреванием, текучий объект находится в состоянии, предшествующем либо сопровождающем быстрое оставление, утеkanie, переливание и уход из сосуда. *Молоко бежит* означает, что оно вот-вот или вот уже, взбурляясь, поднявшись, быстро перетечет через край – 'бежит', 'убежит' из посуды. Из трех перечисленных ранее остается все то же а) то, что быстро, б) меняя не-

сколько конфигурацию представления, пространственность предполагает как плоскость, определяемую в отношении вверх и вниз (через край), но вверх, хотя бы и без неперемещаемого вниз, существует и для представления дыма, его клубов, для второго значения; что касается в), то оно остается как бы и без изменений: физически наблюдаемый объект (молоко), хотя и лишенный нижних конечностей в виде ног и представляемый в виде жидкости, а не имеющего форму физического предмета и существа, способен к осуществлению перемещающих его в пространстве движений.

Произведенные для четырех проанализированных значений проекции представлений оставляют для бег а определяющим смыслом некую субъективным образом воспринимаемую 'быстроту' совершаемого неким наглядно воспринимаемым или воображаемым только 'объектом' 'движения по поверхности', субъективно воспринимаемой или воображаемой как не обязательно ровная плоскость, привычно ориентируемая по горизонтали, но и по вертикали также.

Пятое значение: «5. Тянуться, простираться в каком-л. направлении (о дороге, тропинке и т.п.)», – дает представление о таком же «движении», что и во всех предыдущих рассмотренных случаях, но это движение, переводимое во внутреннее ощущение воспринимающего узкий, на фоне его окружающей плоскости, тянущийся, протяженный объект (в этом его подобие бегущей речке, струе), 'бегущего' по нему глазами субъекта и, дополнительно, представляющего его как возможную плоскость, по которой можно, следуя быстро, бежать. Для этой цели отчасти и предназначенную: по дорожкам, дороге, тропинке часто бегут, они этому служат.

Протяженность и узость рассматриваемого и наблюдаемого визуального объекта (дороги, тропинки, дорожек) на фоне его содержащей, включающей и оттеняющей плоскости, 'бег' по нему отмечающих данную свойственность глаз интерпретировать следует как метафорический перенос: визуальное ощущение воспринимающих глаз переносится на воспринимаемый соответствующим образом тянущийся, «бегущий» перед глазами, объект. Ощущение возможно производимого, осуществляемого на нем, на этом объекте, по нему, вдоль него, бега как перемещения, давало бы представление о метонимическом переносе.

Знание о том, что по дороге, дорожкам, тропинке можно, быстро передвигаясь по ним, бежать, переходит на восприятие их как объектов, которые, по этой самой причине, 'бегут'. Выведенные для второго значения (а, б, в), изменяя свой перцептивный характер, остаются при этом теми же. Остается а) то, что быстро, хотя это 'быстро' теперь переводится в сферу переносимого на наблюдаемый объект визуально-воображаемого ощущения: визуально – глазами, воображаемого – для представления о возможно производимом беге; б) то, что „перемещение” в пространстве – субъективно воспринимаемого как 'перемещение' узкого на фоне (как 'пространство') широкого и в движении по нему (глаз либо воображаемого бегущего); в) то, что, но на сей раз не физически наблюдаемый, способный к такому перемещению, а возможный воображаемый объект либо следующий по нему, вдоль него, в таковом визуальном, глазами, своем ощущении субъект-наблюдатель.

'Бег', переводимый в плоскость узкого тянувшегося и протяженного на фоне его окружающего широкого, без физически наблюдаемого перемещения по нему, становится бег о м субъектного перенесения внутрь, б е г о м перцепции и самоперцепции (одновременно) языкового ментального его.

Шестое значение: «6. также сов. Спасаться (спастись) бегством; быстро отступать (отступить)», с двумя оттенками «|| Совершать (совершить) побег, са-

мовольно, тайком уходить (уйти) откуда-л.» и «|| от чего и (устар.) чего. Избегать (избежать) чего-л., уклоняться (уклониться) от чего-л.», – давало бы представление о метонимическом в своем основании (метафорическом в последнем случае) расширении. Бежать, убежать (убегать) – чтобы спастись, спастись, отступить, уйти, избежать чего-л. (метонимизация). И уклоняться, стараться не встретить, не вступить в контакты, не вызвать в сознании и т.п. – как метафоризация. Важным было бы в каждом из этих случаев определить вероятный состав по пунктам того, что оно собой представляет, каким оно выглядит для ментального ощущения.

В отличие от предыдущих это шестое значение актуализирует для совершаемого 'бега', в первую очередь, не трассу и не характер либо средство передвижения, а то, 'откуда куда' в достигаемом и поставленном как цель достижения результате. *Бежать*, чтобы спастись, спастись, совершая побег, избегая чего-л. и т.п., предполагает это 'бежать' как физически осуществляемое действие (не обязательно и не единственно с помощью ног), обеспечивающее, становящееся лишь средством ради того, чтобы оказаться, уйдя, опять же физически либо в переживаемом состоянии, ощущении (как в случае с 'избегать') в другом локальном и/или ментальном расположении, пребывании, чем то, которое было или которое, если бы не избежать, могло быть.

Тем самым, те пункты, которые были выделены для второго значения – а) то, что быстро, б) то, что перемещение в пространстве и в) то, что физически наблюдаемый объект, способный к такому перемещению, – становятся внутренне подразумеваемыми или исходными к представлению несколько измененного рода. Его, это представление, можно было бы описать в отношении а) по возможности 'быстро', как можно скорее, избегая контактов, способных задуманное намерение не дать совершить (спасаясь бегством, необходимо уйти от преследования, от препятствий, засады, от стычек; совершая побег, прежде всего, надо стремиться к тому, чтобы намерение не было разоблачено, а затем, как и в случае с бегством, уйти от преследования, засады, препятствий и пр.; избегание чего-л. стремительность предполагает не столько в осуществлении, сколько в решительности, окончательности, неотвратимости разобщения, прерывания, достигаемого дисконтакта).

В отношении б) перемещение в пространстве предполагает, в первую очередь, неважно какими средствами, какими дорогами, как необходимость, как уже говорилось, изменения положения, локализации (из исходного пункта А в пункт достижения Б или без достижения, но из исходного пункта А: *бежать* в этом случае будет обозначать как существенно важное то, что покинуть, уйти, из какого-то места, и как неважное то, что куда). В отношении уклонения, избегания перемещение в пространстве такого значения не имеет, обращаясь в необходимый для достижения пространственный либо только ментальный развод, расхождение, необходимость несоприкосновения, пребывания с тем избегаемым другим не в одной плоскости, своеобразную с ним нестыковку.

И в случае перемещения в пространстве, ведущего к изменению локализуемых точек, и в случае разведения плоскостей пребывания избегающего и избегаемого, следует говорить о том, что это б) пространственного перемещения либо только ментального расподобленного размещения выступает как средство задуманного изначально намерения, как средство осуществления и достижения цели. Будучи средством по отношению к цели, б) фигурирует, актуализируясь для сознания, в первую очередь, в расходящихся пунктах А и Б, разных для совершающего и того или тех, что или кто для него представляет объ-

ект совершаемого им от него отдаления. Как отдаление (сепарацию, с е п а р а т и в) это (б), по этой причине, и следовало бы воспринимать.

И, наконец, последнее, в) продолжало бы фигурировать как физически, если не непосредственно наблюдаемый, то воспринимаемый таким образом, способный к перемещению, отдалению, сепаративу, объект. Смещения, следовательно, по сравнению с тем, что было представлено для первого и второго значений глагола *бежать*, при сохраненной структуре в пунктах, необходимо усматривать для шестого значения в признаках а) 'быстро' и б) 'перемещение в пространстве', при неизменности в) для объекта. Точнее было бы говорить об акцентуации в их составе, поскольку и то 'откуда куда', и то, что реализует себя 'отдаление', имеет место и в этих двух первых значениях, не будучи только для них исключительно определяющим.

Седьмое значение: «7. Быстро двигаться (о стрелках часов, каких-л. приборов, механизмов и т.п.)», с оттенком «|| *перен. Разг.* Идти вперед, показывать неверное время вследствие слишком быстрого хода (о часах); спешить», – дает представление о передвижении, перемещении, отчасти воспринимаемом через подобие, т.е. метафорически, поскольку стрелки для данного случая воспринимаются в своем движении как движение ног.

Оттенок седьмого значения, следуя из того же самого представления, развивает образ, усиленный дополнительным смысловым компонентом скорости, забегания, выбегания вперед по сравнению с нормой, т.е. поспешности, спешки. Быстрота движения стрелок часов ведет к быстроте, большей, чем следует, чем необходимо, их перемещения, что приводит, в конечном итоге, к искаженному в сторону скорости ходу. Подобное представление, о большей, чем необходимо, чем требуется, скорости перемещения в пространстве с помощью ног следует из привычного восприятия 'бега', 'бежать' в отношении слишком быстрой ходьбы, отчасти связываемого с оттенком с пометой *разг.* первого значения глагола, но выступающего как его узуальное расширение, ср.: *Ну куда ты бежишь? Зачем так бежать? Бежать не будем, и так успеем. Подожди, я не могу так бежать, задыхаюсь, не поспеваю.*

Тем самым, седьмое значение также актуализирует себя в трех просматриваемых для всех семи значений пунктах. И как а) то, что быстро, и как б) то, что речь идет о перемещении в пространстве, хотя это пространство выглядит как круговое и в этом круге замкнутое, а перемещение результируется в том 'беге', который был реализован в третьем значении, о быстром протекании времени, и в) то, что физически наблюдаемый объект, способный к такому перемещению (стрелки прибора).

Отвлекаясь от дополнений и наслоений возможного уточнения и расширения, в основе 'бега' как представления, как свернутого ментального образа, можно видеть минимум три компонента, два из которых неизменно константны, а третий, также будучи постоянным, вариативен. Два константных связаны с представлением а) и в): а) интенсивности – быстро, усиленно (быстрее, чем привычно, чем достаточно и необходимо), в отношении переменного б) либо того движения, физически наблюдаемого или воображаемого, которое происходит, осуществляя себя толчками, своего рода пульсации, либо движения без движения, результирующего себя, обнаруживающего для восприятия в виде производимого, отмечаемого, представляемого, отделения-перемещения от чего-то, какой-то исходной точки для в) наблюдаемого либо воображаемого в таком своем перемещении не обязательно только физического по этой причине объекта.

Тем самым, можно было бы говорить о возможной реализации двух моделей для бега, того, что способно быть представляемым и отмечаемым для сознания как бег: (IntensPulsatio)Obj и (IntensSeparatio)Obj, в отношении совершаемого, производимого действия (в скобках) и того, кто или что его совершает, т.е. для Obj.

Данное минимальное представление, применительно к первому, основному значению, т.е. бегу физически наблюдаемому и производимому с помощью ног, имело бы вид своего рода не усеченной и полной формулы, включающей в себя все четыре представленных компонента и выглядело бы как [(IntensPulsatio)>(/Intens/Separatio)]Obj: 'быстрое, интенсивное, производимое пульсирующими толчками передвижение ногами ведет к /ускоренному, отделяющему от исходной точки/ продвижению, перемещению (отделению, удалению), в пространстве осуществляющего производимое толчковое перебиение ногами физического или воображаемого объекта'.

Оттенки этого первого и основного значения – в отношении быстро-поспешной ходьбы куда-л., откуда-л., с пометой *разг.*, и соревнований по бегу, с пометой *спорт.*, – давали бы представление о возможной акцентировке для компонентов. В первом случае – на интенсивности перемещения по удалению при ослабленности, по сравнению с собственно бегом, пульсирующей толчковости передвижаемых ног: [(/IntensPulsatio/)>(IntensSeparatio)]Obj. И тогда интенсивность не реализованной в полную меру силы первой части (физически наблюдаемого бега как бега, а не быстрой ходьбы) находила бы свой выражающий, эксплицирующий, выход в экспрессии обозначаемого. Отсюда помета предполагаемого эмоционального усиления *разг.* для подобного рода ходьбы. В отношении второго случая, отмечаемого пометой *спорт.*, акцентуация, также затрагивая интенсив удаления, при не ослабленном представлении о пульсирующей толчковости ног, в этой второй акцентированной части предполагала бы расширение в сторону упоминавшихся ранее обстоятельств применительно к трассе и цели производимого объектом (объектами) перемещения.

Интересным в указанном отношении может быть, отчасти также спортивный (если не в переносном употреблении), *бег на месте*, который можно рассматривать как 'быстрое, интенсивно-усиленное, отталкивающееся от более или менее плоской поверхности, оставаясь при этом на ней, попеременное, физически наблюдаемое, движение ног при отсутствующем при этом перемещении в пространстве по той же поверхности, без заметного изменения исходного положения на ней'.

Как переносное, это значение, переводя всю первую часть в представление о производимой такой же интенсивной и пульсирующе-лихорадочной деятельности в отношении чего-то или кого-то, во второй своей части касалось бы неизменения положения, т.е. образ, в общем и целом, переводился бы в плоскость не наблюдаемого физически, но отмечаемого в своем недостижении, хотя и заложенного, ожидающегося в соответствующем направлении и с учетом затраченных сил, изменения существующего, имеющегося положения вещей. *Бег на месте*, тем самым, реализовывал бы представление в усеченной формуле (IntensPulsatio)Obj, без удаляемого перемещения в /Intens/Separatio, – одной из двух возможных как минимальные в отношении 'бега', того, что может быть воспринимаемо и интерпретируемо соответствующим образом как 'бег'.

О характере перцептивного отношения к бегу

Немаловажным для всего дальнейшего представляется смысл того отношения к бегу, который, связываясь со всем остальным, реализует в характеризующей ментальной действительности, для ощущения и восприятия, для перцептивной базы сознания, его явно либо скрыто оценочный, коннотативно-эвалюативный, ориентатив. Речь идет о таком отношении к 'бегу' или тому, что для сознания и выражения реализует и представляет себя как 'бег', которое на фоне чего-то подобного и (или но) другого, оттеняет, инкорпорирует себя в какую-то внутренне ощутимую как заряженная определенным образом форму. Заряженная каким-то таким отношением, которое делает 'бег', возможность и необходимость мысли о нем, каким-то известным и не случайным образом отмечаемым, сигнифицируемым, обозначенным.

Заряженность подобного отношения находит свое отражение в том, что можно усматривать в определении первого, основного значения для глагола *бежать*: 'усиленно скорым движением, быстро перебирая ногами, перемещаться в каком-л. направлении'. Раз 'усиленно скорым' и раз 'быстро' перебирая, значит не просто и не случайно, а по какой-то причине, как если бы по понуждению, как если бы что-то гнало и заставляло либо кто-то гнал, заставлял, какая-нибудь причина, какая-то вынужденность, какой-нибудь императив.

'Бег' в указанном отношении и в рассматриваемой коннотативно-ориентирующей когнитивной связи оттеняется, внутренне ощущаясь и воспринимаясь, на фоне, с одной стороны, 'ходьбы' для 'идти' и 'езды', и покоя, перемещения в воображении и пространстве, с другой, как пребывания без (необходимости) передвижения и движения и без сопровождающей то и другое как следствие суеты.

На 'беге', так же как и на 'ходьбе' и 'езде', лежит, тем самым, общий для них отпечаток необходимости, каузального понуждения, императивной вынужденности. Всякое перемещение в пространстве чем-либо вызывается, связывается, как правило, с чем-то таким, что лежит вне его и так же обычно, как правило, вне того, кто его совершает, кто должен, призван, вынужден его совершать, побуждаемый к этому какими-либо причинами и/или обстоятельствами.

В отличие от 'ходьбы' и 'езды' и на их фоне, 'бег' предстает, в силу дополнительной необходимости 'усиленно скорого' и 'быстрого' перебирания ногами, в силу своей пульсирующей толчковости и приложения бóльших усилий (по сравнению с ездой и ходьбой), еще более значимым в сторону эмотивного усиления. Если 'ходьба' с глаголами *ходить* и *идти*, как действие, воспринимается нормой обычного передвижения в пространстве с помощью ног, то 'бег', по своему смыслу и достигаемому результату того же пространственного перемещения, что и 'ходьба', но с интенсивным усилием и ускорением, должен восприниматься как своего рода отклонение от этой нормы, побуждаемое и понуждаемое к этому какими-то не случайными обстоятельствами. И из этого важный для нас и всего дальнейшего интенсифицирующий ментальностный отпечаток на 'беге'. 'Езда', в свою очередь, сопровождаемая большей скоростью перемещения в пространстве по сравнению с той же 'ходьбой', а потому, как и 'бег', вызываемая к жизни необходимостью обстоятельств, в отличие от него, предполагая средство передвижения, в сравнении с бегом, лишенным такого средства, имеет в виду относительную пассивность перемещаемого, отсутствие требуемых как необходимые при движении, сколько-нибудь активных, а тем более интенсивных, усилий, прежде всего физических, с его стороны.

По этим всем, обозначенным в предыдущих абзацах, причинам, 'бег' для сознания следует воспринимать как 'вызванное какими-то не случайно важными каузирующими обстоятельствами, интенсивно активное проявление объекта в действии, наблюдаемом или мыслимом, имеющем, если не целью, то ожидаемым результатом, какое-то изменение его условно исходного, изначального положения (как позиции пребывания, локализации, состояния, окружения)'. Проявление в действии, требующем существенной поэтому мотивации, мобилизации, способности, организованной устремленности и реализации. Реализации как итог, а не результат, который может быть не достигнут, может даже не предполагаться вообще, независимо от чего совершаемый в указанном отношении 'бег' остается 'бегом'.

Прежде чем рассмотреть эти важные обстоятельства, побуждающие наблюдаемо-воображаемый объект к совершению 'бега' (в немалой части они составляют идею и смысл всего разбираемого), представляется небезынтесным и показательным в отношении всего дальнейшего обращение к некоторым предваряющим опосредованиям. К тому, что может помочь, будучи выведено и наглядно представлено, при задуманном описании. Речь пойдет, по крайней мере, о трех основаниях. О возможной как максимально полная валентной структуре глагола *бежать*, как это делалось ранее на примере *ехать*. О вероятных проекциях 'бега' в его отличии для того, что может быть выражено и выражается с помощью грамматических проективов, наблюдаемых в формах типа *бежать* (в сравнении и на фоне *бежать*), *бег*, *беганье*, *беготня* и возможные пр. И, наконец, о вероятных проекциях того же 'бега', но в отношении конструктивно сопровождаемых и оформляемых смысловых и оценочно-коннотативных модуляций и модификаций, выражаемых с помощью сочетаний типа *бежать за* (*кем-л. или чем-л. – девочками, каждой юбкой, брюками, мальчиками, всякой ерундой* и т.п.), *бежать впереди* (*паровоза, трамвая, лошади*), *бежать кого, чего* (*убежать*) *от кого, от чего, перебежать дорогу* (*кому*), *пробежать мимо* (*чего, кого*), *бежать из* (*тюрьмы, лагеря*), *бежать в* (*леса, степи, горы, тайгу, Польшу, Литву, Америку*), *бежать за* (*границу, кордон, бугор*), *бежать / бежать в* (*туалет*), *на* (*вокзал*), *бежать по* (*инстанциям / по коридорам, по школе, по площади, по улицам*), *бежать по* (*лесу, степи, пустыне*), *выбежать, забежать* и т.п. Выводимые на этой основе закономерности и представления позволят подойти к изучению бега в его видах и формах, характерных для русской ментальной действительности, о чем в дальнейшем и пойдет собственно речь.

Цитировавшийся уже ранее, при анализе типов езды, «Словарь сочетаемости...»²⁶, дает такие возможности, в зависимости от выделяемых значений, для глагола *бежать*: **Бежать где** (*с твор.*) ~ лесом, полем, берегом ...; (*предлог «вдоль» с род.*) ~ вдоль дороги, вдоль забора, вдоль ручья ...; (*предлог «впереди» с род.*) (*о человеке*) ~ впереди меня ... впереди колонны ...; (*предлог «за» с твор.*) (*о человеке*) ~ за другом, за ним ... за машиной ...; (*предлог «между» с твор.*) ~ между домами, между машинами, между рядами кого-чего-л. ...; (*предлог «мимо» с род.*) ~ мимо дома, мимо магазина, мимо сада ...; (*предлог «перед» с твор.*) (*о человеке*) ~ передо мной ... перед колонной ...; (*предлог «по» с дат.*) ~ по дороге, по улице, по тропинке, по аллее, по лесу, по полю, по берегу, по лугу, по траве, по песку ...; (*предлог «позади» с род.*) (*о человеке*) ~ позади него, позади Олега ... позади машины ...; (*предлог «через» с вин.*) ~ через дорогу, через лес, через поле, через площадь ...; (*с нареч.*) ~ впереди, сзади,

²⁶ Словарь сочетаемости..., с. 24-25.

сбоку, справа, слева ... **Бежать как:** ~ быстро, стремительно, изо всех сил, что есть силы, во все лопатки (*разг.*), сломя голову (*разг.*), медленно, легко, с трудом ... Собраться, подготовиться, броситься, пуститься (*разг.*), устать ... **бежать**.

Сочетаемости первого и основного значения для глагола *бежать*, представленные в предыдущем абзаце (речь идет о движении в одно время, в одном направлении, как это определяет цитируемый словарь, ограничимся в разборе им приводимыми данными), демонстрируют это движение в отношении места, пространства, его протекания (где) и способа (как).

Место, локализатор движения, как наиболее широко представленная возможность для осуществления действия, предполагает проекцию, воображаемую геометрически:

- к плоскости, допускающей разновекторное движение и предстающей пространством включения для него: ~ *лесом, полем, берегом* (берег в данном случае фигурирует для сознания плоскостной своей стороной, т.е. не столько как край земли, суши, отделяющий от воды и заканчивающийся водой, сколько как более или менее открытая, тянущаяся вдоль и отчасти от края вглубь, перспектива более или менее плотной поверхности, открытая, по крайней мере и ровно настолько, чтобы предполагать возможность движения по ней);

- к полосе как плоскости предполагаемого продвижения, ограниченной с одной и открытой с другой стороны и предстающей пространственным ориентиром ничем не стесненного более или менее длительного сопровождения для него: ~ *вдоль дороги, вдоль забора, вдоль ручья*;

- к полосе как сквозному проходу, т.е. плоскости, ограниченной с двух сторон, слева и справа по отношению к продвижению (пространственный ориентир стесненного, допускаемого только в свободном пространстве более или менее длительного сопровождения как сопровождения-преодоления): ~ *между домами, между машинами, между рядами* кого-чего-л.;

- к позиционной выбранной точке как местообъектному ориентиру движения (пространственный ориентир позиционного сопровождения): ~ *мимо дома, мимо магазина, мимо сада*;

- к полосе или плоскости, представляемым с точки зрения движения как пространство включения: ~ *по дороге, по улице, по тропинке, по аллее, по лесу, по полю, по берегу, по лугу, по траве, по песку*;

- к полосе или плоскости, представляемым с точки зрения движения как место, пространство преодоления: ~ *через дорогу, через лес, через поле, через площадь*.

Локализатор движения, следовательно, может быть представляем как открытая плоскость, не ограничиваемая в своей проекции для сознания в отношении возможного продвижения ни с каких очевидных сторон (реальные ее ограничения в действительности не актуализируются в отношении бега). Он также может быть представляем как плоскость, ограниченная с одной из сторон, вдоль которой возможно движение, т.е. как своего рода односторонняя полоса. Как плоскость сквозного прохода, ограниченного с обеих сторон, или двусторонняя полоса. Как выбираемая точка, место-объект пространства, используемый в отношении бега как ориентир представления.

Получаемые четыре значения – открытой плоскости (1), плоскости [односторонней] полосы (2), плоскости [двусторонней] полосы сквозного прохода (3) и плоскости в месте [позиционной] точки-ориентира (4), – с одной стороны, представляют сужение, поскольку каждая последующая, уточняет, включая в

себя предыдущую: (открытая для движения в любом направлении) плоскость пространства > плоскость, ограниченная с одной стороны – (односторонняя) полоса > плоскость, ограниченная с двух сторон – (двусторонняя) полоса-проход > плоскость при месте-объекте пространства – точке.

С другой стороны, те же самые виды пространств в отношении проекции бега к ним выступают в значениях 1) включения: бег, включая данное пространство в себя, осуществляет себя, производит себя на нем; 2) сопровождения (как подключения): бег, не распространяя себя на нем, осуществляет себя, происходит при нем, которое может быть сопровождением а) длительно не стесненного, б) длительно стесненного и в) позиционного прохождения; 3) преодоления: бег, включая данное пространство в себя, происходит в проекции пересечения – вхождения и выхода из него.

Как и в случае плоскости, полосы, прохода и точки, три перечисленных в пунктах с подпунктами разновидности представляют значения соотносимые: включения-распространения, как включения-производства и перехода (1); сопровождения-подключения (2) длительного (а, б) или не длительного (в), длительного подсоединения (а), длительного подсоединения-преодоления (б), недлительного подсоединения (в); включения-преодоления (3).

Все эти виды и разновидности предполагают ведущей мыслью о характере, типе вхождения с помощью бега, бегом, в пространство, виде и способе распространения, т.е. проекции, в нем. При этом во всех этих случаях локализатор фигурирует, прежде всего, в отношении векторных характеристик производимого перемещения в беге с помощью ног на более или менее плотной плоскости, допускающей таковую возможность, выступая для 'бега' ориентиром, тем, что для сознания представляет его в каком-то определенном виде. Как бег, производимый, происходящий, осуществляющий себя, протекающий – тем или иным путем, в тех или иных условиях, при тех или иных обстоятельствах, которые неизменно влияют на характер представления о беге и само впечатление о нем.

Бег, тем самым и следовательно, потенциально или реально, всегда предстает как такое-то и такое-то, определенным образом воображаемое или наблюдаемое, действие, в своих типических для него особенностях как проявлениях. В зависимости от того, кто, где и как его производит. Опустим пока, для примера и уточнения, позиции «кто» и «как», обратившись к возможному дифференцируемому и семантически обобщаемому представлению «где», о котором отчасти уже говорилось, на основе отдельных из приводившихся ранее иллюстраций.

Представление о видах бега

Представление о видах, о которых речь, имеет обобщенный характер. Это не те разновидности, которые проявляют себя в употреблении и контекстах, привязываемых к каким-то конкретным реализациям. Значения их, обусловленные значениями сопровождающих обстоятельств, в совмещении с ними имеют вид ориентирующий, направляющий восприятие, с опорой на общие знания, в какую-то определенную сторону, предполагая и допуская, в качестве обобщения, в отдельных случаях возможность вариативного выбора и неоднозначного понимания.

Рассмотрим сказанное для определения вероятных значений на примере нескольких соотношений. Что предполагает в указанном представлении, ска-

жем, *бежать лесом, бежать полем, бежать берегом, бежать вдоль забора и вдоль ручья, между домами и между машинами, по лесу, по лугу и по песку, по траве, через дорогу, через площадь и через лес?* И каковы могут быть уточнения смысла для характера протекающего в каждом из этих случаев бега-движения? Остановимся на их описании не подробно, для того только чтобы дать представление о том, что следовало бы считать характерным.

Бежать лесом предполагает движение, которое может быть понято, по крайней мере, в трех отношениях: 1) передвигаясь по лесу бегом, осуществлять этот бег по лесной дороге между двумя рядами деревьев, стоящих стеной по бокам слева и справа; 2) бежать в лесу по лесной тропинке (лесным тропинкам); 3) бежать в лесу без дороги и без тропинки между деревьями и кустами.

В первом случае (опуская возможные усложняющие существо обстоятельства, связываемые с видом дороги, ее шириной, с плотностью, высотой, породой деревьев по сторонам и пр.) важным для искомого представления может быть а) то, что этот бег производится с какой-то спортивно-тренирующей, развлекательной или прогулочно-расслабляющей целью, и тогда значение будет иметь соответствующий данному виду производимого действия тип и характер; б) то, что другой дороги, помимо лесной, не предвиделось, и тогда с мыслью о том, что *кому-то (пришлось, приходится) бежать (поневоле) лесом* в этой связи, акцент будет связан с вынужденностью производимого действия; в) то, что этот производимый в каком-то лесном массиве бег производится в условиях, связанных с переживанием чувства небезопасности (что бы ни вызывало подобные чувства). Возможны также другие сопровождающие и побуждающие к бегу по дороге в лесу обстоятельства, ограничимся, однако, представленными, поскольку важным для определения является обобщенное представление, связанное с выражением *бежать лесом* с подразумеванием при этом лесной дороги. Внимание сосредоточивается не на необходимости мотивации производимого действия: лес, даже в том отношении, что в нем дорога, не вполне то место, находясь в котором, без дополнительного к этому повода привычным было бы по нему бежать.

Определяя сказанное, представляется немаловажным добавить, что речь идет о сочетании *бежать лесом*, в котором лес предстает, как было ранее сказано, 'локализатором открытой плоскости, допускающей разновекторное передвижение по нему и выступающей как пространство включения в производимый бег'. А все это лесу, как таковому, исходно не свойственно. По этой причине, для того чтобы лес в таком виде к производимому бегу все-таки подключить, необходимо иметь к тому основания. Отвлекаясь от приведенного сочетания, обращаясь мысленно к лесу, следует, безусловно, признать, что ничто не препятствует тому, чтобы, в нем находясь, бежать. Но подобное представление находило бы свое выражение в иных сочетаниях: *По утрам так приятно бегать (пробежаться) по лесу (бегать – как привычное действие, а не бежать, и по лесу, а не лесом); Бег в лесу – что может быть лучше и полезнее для здоровья? Спасаясь от погони, они со всех ног бежали по темному лесу. Свернув с дороги, дальше пришлось бежать по лесу.* В этом последнем случае возможным было бы и *бежать лесом*, с обозначением леса опять-таки как не слишком для этого подходящего и обычного места.

Из всего этого следует, что представление, передаваемое сочетанием *бежать лесом*, предполагает действие, осложняемое какой-то его объясняющей необходимостью, мотивируясь в отношении а) волюнтаривной цели, б) модальности вынужденности, в) эмотивности состояния небезопасности. Каждое из

этих сопровождений будет предполагать возможность соответствующего семантического определения. В целом это *бежать лесом* первого случая следовало бы рассматривать в отношении семантики модально-статального эмотива-нецесситатива (перцептивного состояния необходимости).

Бежать лесом второго случая, по лесной тропинке (лесным тропинкам), без дополнительных расширений и уточнений, тяготело бы к первому, волюнтаривному, проявлению: *Бежали лесом, по вьющимся между деревьями и кустами тропинкам; Бежали лесом, по узким крутым тропинкам, пока не выбежали на открытую местность*. Третий случай, в свою очередь, тяготел бы к проекциям модальности вынужденности или переживания небезопасности, усиливая, при отсутствии облегчающих лесной бег дорог и тропинок, либо вынужденную необходимость, либо ощущение сопровождающей угрозы, опасности, либо то и другое одновременно.

Бежать полем, если задуматься основательно, так же как и в ситуации с лесом, следовало бы отличить от *бежать по полю, в поле и через поле*. Одновременно с этим поле может собой представлять а) пространство более или менее открытое и поросшее не слишком высокой травой; б) пространство, поросшее довольно высокой или очень высокой травой, с трудом воспринимаемое по этой причине как открытое и способствующее в отношении бега; в) пространство, засеянное какой-то культурой, т.е. сельскохозяйственное, не дикое поле, растения на котором могут быть также разного вида, степени зрелости, плотности, высоты: ржаное, ячменное, кукурузное поле, поле подсолнухов, лука, редиса, помидоров и пр., также не слишком способствующие, а тем более предполагаемые к бегу.

Возьмем для сравнения то, что может, скорее всего, в себе допускать выражаемое с помощью сочетаний *бежать полем, бежать по полю, в поле и через поле*, на основании чего попытаемся выявить наиболее близкое из перечисленного пунктами (а, б, в) в предыдущем абзаце для *бежать полем*.

Бежать по полю предполагает локализатором производимого действия пространство, актуализируемое к поверхности. Ср.: *бежать по лугу, по песку, по траве, по дороге, по тропинке, по глубокому (рыхлому) снегу, по льду*), каждое из которых связывается с сопровождающим производимое действие состоянием, следующим из привычных для данного места условий и обстоятельств, характеризующих, прежде всего, его поверхность. То, что сверху, то, что лежит, находясь на нем, по чему надлежит бежать. Луг, ассоциируясь с пространством открытым, свободным и вольным, поросшим травянистой растительностью, воспринимаясь в связи с сенокосом, деревней, сеном, домашним скотом (коровы, лошади), можно представить для бега в контексте получаемого удовольствия, переживаемой природной радости и подъема. *Бежать по лугу*, поросшему свежей и чистой травой, по этой причине и в этой связи, может предполагать наслаждение (как и *бежать по траве*, если она не слишком высокая и не мокрая от холодной росы). *Бежать по песку* (опуская возможные уточнения) будет предполагать, в первую очередь, необходимость немалых усилий, ноги вязнут, тонут в песке, и такое 'бежать' неизбежно предполагает тяжесть, трудность производимых действий, преодоление сопротивления. Таким же трудным будет *бежать по снегу*, а также *бежать по льду*, хотя второе и по другой причине.

Бежать по полю, в этой связи, будет ближе к тому, что связывается с *бежать по дороге и по тропинке*. Если поверхность дороги прямо и непосредственно предполагает возможность по ней бежать, и семантику данного бега необходимо искать в уточнениях предварения (что явилось, могло или может

явиться побуждающей причиной такого бега); если *бежать по тропинке*, поверхность которой также вполне предназначена для подобного действия, предполагает семантикой нечто похожее на сопровождение для *бежать по лугу*, – то *бежать по полю*, ложась в этот ряд, с одной стороны, будет предполагать вполне допустимую трудность (поверхность поля, каковым бы оно, это поле, ни было, не слишком к бегу располагает), а с другой, какую-то либо чем-то все-таки объясняемую вынужденность. Не было другой дороги, приходилось бежать напролом, убежать и т.п.

Бежать в поле (если не иметь в виду направление – куда, *в поле*, а бежать, находясь на нем) предполагает локализатором, в первую очередь, пространство, воспринимаемое как открытое со всех сторон, видимое для возможного наблюдателя. Бежать, находясь внутри, в поле, а поскольку «в» (как *в столе*, *в ящике стола*, *в машине*, *в тракторе*, *в лесу*, *в доме*, т.е. внутри – где, там, где можно увидеть, найти, обнаружить. Ср.: *Где отец?* – *Отец в поле*, т.е. где его можно теперь увидеть, найти, как и *работать в поле*, *работы в поле*, – там, где происходят эти работы, где этих работающих в поле можно увидеть работающими, находящимися на этом поле, и, если надо, найти. Поэтому, если, скажем, *Мы бежали в (открытом) поле*, то это, в первую очередь, значит, что нас было видно, нам некуда было скрыться, всякий, кто бы захотел, а тем более потенциальный преследователь мог бы легко нас заметить, увидеть, засечь. *Поле* в этой конструкции, следовательно, актуализируется как пространство к открытой доступности визуального наблюдения.

В свою очередь, *поле в бежать через поле*, воспринимаясь, в первую очередь, как пространство преодоления, актуализировало бы не столько встречаемую на дороге поверхность, сколько сопровождающие осуществляемое действие вынужденность (как модальностный индикатив) и/или эмотивно-статальную, переживаемую трудность: (*пришлось*, *надо было*, *так получилось*, *что напрямик*, *напролом*, *без дороги*) *бежать через поле*.

И, наконец, возвращаясь к тому представлению, которое может быть скрыто, воспринимаясь и ощущаясь в том, что передается с помощью выражения *бежать полем*, следовало бы заметить, что, будучи локализатором открытой плоскости и выступая пространством включения в бег, *поле* должно в этом случае, в первую очередь, выступать как пространство более или менее подходящее, если все же не предназначаемое, как тропинка или дорога, для бега. Подразумевать, соответственно, следовало бы не актуализируемое при этом, однако, к поверхности поле с не слишком высокой, не мешающей бегу, травой, скорее всего, по этой причине, не сельскохозяйственное, не засеянное культурами, поле как таковое, как образ, как поле вообще.

Становясь в этом случае просто местом производимого бега, данное поле, предполагает, с одной стороны, свободу на ней проявляемого бега (по сравнению с тропинкой, дорогой): *бежать полем* в себе не содержит заложенного в нем изначально возможного направления движения, в поле такого вектора просто нет. А с другой, при природной, не сковываемой условиями и нормативами, нерегулируемости возможно-предполагаемого, но не регламентируемого, на нем продвижения (с той оговоркой, что речь не идет о дороге, тропинке в поле, т.е. полевой дороге, полевой тропинке, как тропинке, дороге лесной, в лесу), – при всех этих обстоятельствах, следует говорить о также возможной сопровождающей трудности осуществляемого бега на нем, по сравнению с теми пространствами, на которых бег производится без осложнений (дорога, тропинка).

Из этой природной, не прикрепленной к вектору обозначенных направлений, свободы и вероятных трудностей переживаемого преодоления не вполне приспособленной к бегу поверхности могут следовать и на них основываться еще один переживаемый как состояние эмотив – не стесненно природного подключенного удовольствия. *Поле* в конструкции *бежать по полю*, следовательно, можно рассматривать в отношении производимого бега на нем как ‘локализатор нерегламентируемого, осложненного эмотивно движения (диффикультативом, волюптативом, волюптативом-диффикультативом – сопровождаемыми трудностями либо радостью и удовольствием, либо тем и другим)’.

Аналогичным образом можно бы было рассматривать семантические соотношения и дополнения в единицах, передаваемых с помощью сочетаний *бежать берегом, бежать вдоль забора, бежать вдоль ручья, между домами, между машинами, через дорогу, через площадь, через лес* и т.п., но мы их опустим, поскольку не в их описании состояла задача. Приведенное описание необходимо рассматривать как предвращение, дающее возможность увидеть, выделить и определить семантику единиц, входящих в состав характеризуемой ментальной действительности, на что будет обращать внимание в дальнейшем, при описании связанных с бегом узуальных мотивов и обстоятельств.

Возвращаясь к характеристике сочетаемостей первого и основного значения глагола *бежать*, следующую их группу имеющих отношение к представлению где также можно воспринимать как группу локализатора. Но не к статичной не перемещающейся в беге поверхности или такому же объекту на ней, как в рассмотренных ранее случаях, а в отношении объекта совместно осуществляемого с ним движения. Тем самым, локализатора не пространства движения как характеризатора трассы, что поэтому в отношении бега можно было бы определять как его локативно-характеризующий трассив (локатив-трассив), а локализатора позиции перемещения, позиционно-ориентирующий локатив (локатив-позитатив).

Характеризуемая позиция может быть, соответственно, перед объектом, движущемся в то же самое время, и в том же самом, что и определяемый объект, направлении (препозиционно-ориентирующий локатив):

- с точки зрения определяемого по отношению к определяющему (препозиционно-ориентирующий локатив адъюнктива) ~ *впереди меня ... впереди колонны*: будучи впереди, открывая движение, как бы вести за собой, присоединяя, подсоединяя того или тех, кто следует сзади, отсюда, тот, о котором речь, кто находится при движении впереди, может быть определен как адъюнктор, лат. *adjungo, adjunctum* ‘присоединять’; *adjunctor* ‘присоединитель’ (*ulterioris Galliae* ‘зарубежной Галлии’ [о Цезаре]);

- с точки зрения определяющего по отношению к определяемому (препозиционно-ориентирующий локатив экспозитива) ~ *передо мной ... перед колонной*: будучи перед, быть на виду, выставляться вперед, выдвигаться на фоне других, становясь применительно к ним и совместному с ними движению экспозитором, лат. *expono, expositum* ‘выставлять (напоказ)’.

И та же позиция может быть позади объекта, выступающего в функции ориентира, определяющего, характеризующего положение объекта определяемого (постпозиционно-ориентированный локатив), точно также распределяясь в двух отношениях:

- с точки зрения присоединяемого, подсоединяемого следования (постпозиционно-ориентированный локатив консекутива): ~ *за другом, за ним ... за машиной*: находясь при движении сзади кого-л., чего-л., двигаясь ему в след,

замыкать собой его продвижение, смыкать с ним свое, совмещая с ним, лат. *consequor* 'следовать, идти за';

- с точки зрения своего местонахождения во время и в ходе, по ходу совместно производимого с характеризующим объектом движения (постпозиционно-ориентированный локатив секундativa): ~ *позади него, позади Олега ... позади машины*: находясь при движении сзади, примыкать к тому, что или кто впереди, как бы сопутствуя, сопровождая его в этом общем движении, лат. *secundo* 'способствовать, благоприятствовать, споспешествовать, помогать': *secundante vento* 'при попутном ветре'; *secundō adv.* 'во-вторых'; I *secundum adv.* 'сзади, позади, следом': s. *ire* 'следовать, идти за (кем-л.)'; II *secundum praep.* 1. *место*: 'за, позади'; 2. *во времени или по порядку*: 'тотчас же после, вслед за'; 3. *перен.*: 'сообразно, соответственно, в согласии с, по'; *юр.* 'в пользу'; *secundus* [от *sequor*] 'следующий, второй, другой'; s. *ab aliquo* 'следующий за кем-л., стоящий на втором месте после кого-л'; 'идуший в том же направлении' (из чего вполне правомерен вывод о близости консекутива и секундativa, опирающихся на общее представление, передаваемое с помощью общего корня в *sequor* 'идти вслед (за), следовать'; 'проводить, следовать'; *во времени* 'следовать, наступать, наставать' и как бы следующее из него; отличие полагалось бы на присоединении следующего или к следующему в ходе движения (отсюда приставка *со-* для консекутива) либо на месте движения-сопровождения при нем, поэтому как вторичное (вторично ведомое, поддающееся, приспособляющееся, неинициативное) по отношению к собственно движению в *sequor* через свое проявление в *secundo* и для *secundo* 'способствовать', сопровождая, 'благоприятствовать, помогать', и потому без приставки присоединения *со-*).

Тем самым, позиция, передаваемая с помощью *за*, также как и позиция при *впереди*, от позиции *позади* и, соответственно, *перед*, помимо того отношения, которое можно воспринимать как акцент (на определяемом либо определяющем), будет в себе заключать различаемое представление о своего рода активно задействованном, включенном, участии как о беге включения, подключения (бега совместной, взаимно резонируемой пульсации характеризуемо воспринимаемых А и Б, и это был бы бег-п у л ь с а т и в) либо о беге месторасположения, нахождения, сопровождения (бега совместно производимого на глазах наблюдателя перемещения по удалению, очевидному или воображаемому, представляемому, от точки или из точки А к точке или по направлению к точке Б, и тогда это был бы бег-с е п а р а т и в, какая-то его разновидность).

И, наконец, последнюю разновидность, передающую отношение где, можно определить как локализатор позиционно-ориентирующего локатива, повторяющего в своем значении перед этим только что названный и определенный: ~ *впереди, сзади, сбоку, справа, слева*, – с представлением подобного бега в соотношении с объектом, его совершающим в то же самое время и в том же направлении (либо мыслимом как таковой), откуда и обозначение его как локатива-позитатива, а не трассива: *бежать впереди (сзади, сбоку, справа, слева, позади и т.д.) кого, чего или от кого, от кого*. Значение трассива менее правдоподобно, ср.: **бежать справа от поля, слева от леса, жнивья*, с подчеркнутым уточнением трассы. Более вероятными, однако, следовало бы считать *побежать, пробежать* или *бегать справа от поля, жнивья, позади дома, слева от огорода, сбоку от стоящих вдоль дороги машин* либо, при той же необходимости уточнения: *бежать с правой стороны леса, по правой стороне от жнивья и т.п.* Впрочем, эти отличия не будут предметом дальнейшего определения, достаточным было их лишь попутно отметить.

Приводимые в словаре сочетаемости с как представляют группу характеризатора производимого в беге движения, также способного к подразделениям: в отношении скорости, определяемой как *быстро* / *медленно*, применительно к характеру совершения, или *стремительно*, в отношении к совершающему, с добавлением интенсива движения; в отношении силы, также способной к дальнейшей дифференциации: *изо всех сил, что есть силы, во все лопатки* (разг.), *сломя голову* (разг.); в отношении силы как прилагаемых усилий: *легко* / *с трудом*. Оставим, однако, эти различия без уточнения.

Еще одну разновидность даваемых в словаре сочетаемостей можно представить как группу модификатора, также способного к распределениям, в отношении намерения – намерения-замысла: *собраться*, намерения как реализуемой мобилизации: *приготовиться*; в отношении фазы – начальной, стремительно-интенсивной: *броситься, пуститься* (разг.), завершающего угасания: *устать ... бежать* и т.п.

Показанные в группах проекции сочетаемостей укладываются в представление о четырех вероятных точках в отношении потенциального агента движения: 1) применительно к месту как трассе; 2) применительно к позиционному месту относительно другого агента того же движения; 3) применительно к качественной и 4) модификационной (модальной, фазовой и т.п.) характеристике совершаемого движения. Если сравнить с десятью выделяемыми в сочетаемостях точками для глагола *ехать* в отношении 1) средства передвижения; 2) места конечного достижения (конечной точки); 3) места отправки (начальной точки); 4) цели движения; 5) пространства движения (трассе и ее составляющих); 6) времени нахождения в движении; 7) способа его совершения; 8) модального характера (желательно, предполагаемо, ожидаемо, намереваемо, как скоро, когда); 9) месторасположения движущегося в средстве передвижения и 10) реализации в совершаемом действии, – то следовало бы отметить, во-первых, их иллюстративно неполный характер как в отношении первого (для *бежать*), так и второго (для *ехать*). Тем самым, возможными были бы представления о проекциях не перечисленных здесь других уточняющих проективов. А во-вторых, последовательно сопоставляя приведенные точки *бежать* с выводимыми точками сочетаемости *ехать*, нетрудно заметить, что помимо, пожалуй, одной только первой для *ехать*, наблюдаемой в средстве передвижения, все остальные способны себя проявить для *бежать*. Равно как и точка 2 позиционного места относительно другого агента движения, не находящая своего отражения в перечисленных десяти, в отношении *ехать* также вполне возможна, ср.: *ехать впереди, позади кого-л., чего-л., за кем, за чем, перед кем, перед чем, справа, слева, спереди, сзади* и пр.

То, что не все они нашли свое отражение в сочетаемостях в словаре, дает основание и повод задуматься над степенью актуальности для (языкового) сознания всплывающих сразу ассоциативных привязок и связей в отношении *ехать* и в отношении *бежать*, лежащих для представления этих движений на поверхности, равно как и тех, которые также возможны, а следовательно, в определенных условиях значимы и необходимы, но не определяют, по крайней мере, определяют не сразу, необходимо достаточный минимум когнитивного образа их представления для носителей данного языка. На эту особенность следовало бы обратить внимание, в том числе и при дальнейшем задуманном описании, рассматривая виды и формы бега, определяющие себя в тех условиях, которые, сводясь к узуальным мотивам и проявляя себя в соответствующих обстоятельствах, неизбежно будут себя обнаруживать и в сочетаемостях. В дан-

ном месте, отметив сказанное как важное положение, касающееся открытости потенциального комбинаторного ряда (для *ехать*, но, в первую очередь, для *бежать*), его незаконченности в перечисленных точках, значимости и не случайности возможных проекций, как представленных, так и нет, обнаруживающей себя в отношении к узуальным мотивам и обстоятельствам изучаемого бега, а тем самым, характеризующей представление о ментальной действительности, – отметив все это как необходимое следствие и итог, к которым впоследствии надлежит обратиться, оставим его, перейдя к рассмотрению *бежать* остальных значений в соответствии с разбираемым «Словарем сочетаемостей».

2. Направляться куда-л. бегом; (*разг.*) спешить куда-л. **Бежать куда**: (*предлог «в» с вин.*) ~ в школу, в институт, в библиотеку, в кино, в столовую, в магазин, в поликлинику, в аптеку, в парк, в сад ...; (*предлог «на» с вин.*) ~ на работу, на завод, на почту, на занятия, на лекцию, на урок, на собрание, на концерт, на матч, на стадион, на каток, на рынок, на свидание, на танцы, на улицу, на реку ...; (*предлог «к» с дат.*) (*о человеке*) ~ к другу, к Ане... к дому, к дереву, к реке ...; (*с нареч.*) ~ сюда, туда, направо, налево, наверх, вниз, вперёд, назад, обратно, навстречу, домой ... **Бежать от куда**: (*предлог «из» с род.*) (*те же слова, что и с предлогом «в»*) ~ из школы, из леса ...; (*предлог «с» с род.*) (*те же слова, что и с предлогом «на»*) ~ с работы, с завода ...; (*предлог «от» с род.*) (*те же слова, что и с предлогом «к»*) ~ от друга ... от реки ...; (*с нареч.*) ~ отсюда, оттуда, слева, справа, сверху, снизу ... **Бежать [куда-л.] с какой целью**: (*предлог «за» с твор.*) (*о человеке*) ~ за врачом, за бригадиром, за ребёнком, за Аней ... за продуктами, за хлебом, за водой, за лекарством, за билетами, за книгой ...; (*с неопр. ф.*) ~ купаться, играть, встречать кого-что-л., провожать кого-что-л. ... Хотеть, собраться ... **бежать** куда-л.

Бежать представленного значения, уточняя в своей семантике способ передвижения в отношении директивного вектора, проецирует точки из перечисленных ранее в отношении *ехать* 2) места конечного достижения (конечной точки, для «куда»); 3) места отправки (начальной точки, для «откуда») и 4) цели движения («с какой целью»), а также 10) реализации в совершаемом действии (*хотеть, собраться ... бежать*). Точка средства передвижения (1) фактически также представлена, подразумеваясь в самом производимом действии бега.

Дифференциация с определением возможных значений, как это делалось в отношении *ехать*, в зависимости от ситуативных позиций, также возможна. Одно дело *бежать в школу, в институт, в библиотеку, на завод, на работу, на танцы, на улицу* (хотя и между этими действиями необходимо усматривать смысловое отличие, пусть и другого ряда и уровня) и совсем другое *бежать ко всем чертям, к чертовой бабушке, на кудыкину гору, в места не столь отдаленные, отсюда куда подальше, за тридевять земель, куда ворон костей не носит* и пр. Отличия в группах, хотя, возможно, что и с другими распределениями и акцентировками в отношении *бежать*, отчасти будут, если не полностью совпадать, то соотноситься и быть похожими на те, которые были показаны на примерах для *ехать*. В данном месте мы также не будем на них останавливаться, обратившись при надобности к ним таковым при дальнейшем анализе, с необходимыми для него определениями и уточнениями.

3. (1 и 2 л. не употр.) Быстро двигаться, перемещаться (о предметах). **Бежать как**: ~ быстро, стремительно ... Что-л. (облака, волны, поезда, машины ...) бежит.

К рассмотренному уже ранее характеристору производимого продвижения (точке (7), как способу совершения, с различными уточнениями) добавляет-

ся неизменно присутствующий в сознании, даже если и не эксплицированный, актуализируемый для представленного значения, осуществляющий действие наблюдаемый объект – что бежит, и это что как бежит, с возможными и допустимыми также другими определителями, ср.: *По вновь отстроенной ветке* (трасса движения – 5) *поезд* (наблюдаемый в совершаемом действии объект, осознаваемый также отчасти в позиции к средству передвижения – 1) *легко и быстро* (способ, дифференцируемый в отношении видимо наблюдаемых усилий и скорости – 7) *бежит, приближаясь к станции* (место конечного достижения – 2). *Выходя из морских глубин* (место начальной точки – 3), *гонимые ветром* (позиция каузатора, не отмечаемого точкой), *волны долго* (время движения – 6), *неторопливо* (способ – 7) *бегут, ударяясь о берег* (место конечного достижения – 2).

4. (1 и 2 л. не употр.) Быстро протекать, проходить (о времени). **Бежать как:** ~ быстро, стремительно ... Что-л. (время, часы, дни, недели, годы ...) бежит.

Сказанное в отношении предыдущего лексического значения необходимо, видимо, уточнить в том отношении, что для бегущего времени могут быть не актуальными точки начала (хотя может быть точка конца, ср., хотя бы и мало привычное, *Год неизменно бежал к своему концу. Неделя бежит к концу*, и это будет всегда конец завершения для воображаемого «что»), цели, пространства, времени нахождения в движении и т.п.

5. (1 и 2 л. не употр.) Течь, литься. **Бежать из чего:** ~ из крана, из раны, из глаз ... **Бежать по чему:** ~ по улице, по долине, по щеке, по лицу ... Что-л. (вода, кровь, слёзы ...) бежит [из чего-л.]; что-л. (ручей, речка, слёзы, кровь ...) бежит [по чему-л.].

В пятом значении, следовательно, актуализируются, проявляя себя как важные для представления, точки исхода (откуда и из чего – 3) и трассы, места, пространства движения (5), при неизменной, наглядно воображаемой, если не наблюдаемой прямо и непосредственно, сущности производящего это движение объекта («что»).

6. (несов. и сов.) Спасаться или спастись бегством. **Бежать откуда:** (предлог «из» с род.) ~ из тюрьмы, из концлагеря, из плена, из дома ... (предлог «с» с род.) ~ с фронта, с каторги ...; (с нареч.) ~ оттуда, отсюда ... **Бежать куда:** (предлог «в» с вин.) ~ в горы ...; (предлог «на» с вин.) ~ на какой-л. остров ...; (с нареч.) ~ туда ... **Бежать как:** ~ неожиданно ... Собираться, решить, помочь кому-л. ... **бежать.**

Шестое значение актуализирует для себя, в первую очередь, как основную, позицию 3-й, начальной, точки («откуда»), предполагая не менее важной позицию места конечного достижения («куда» – 2); цель совершаемого действия, то, из-за чего, по какой причине и ради чего (4) совершается кем-то побег, предполагая как соответствующую 3-й и 2-й и следующую из них, при возможности дополнительного распространения в отношении способа (7) совершения действия, характера модальной или другой какой-то реализации (10), а также, не обозначенных в сочетаемостях, позиции средства передвижения (1), ср.: *бежали на лошадях*; пространства движения (5): *бежали тундрой, по глубокому снегу*; времени нахождения в движении (6): *бежали несколько дней*; его модального сопровождения (8): *надо, необходимо, самое время бежать* и, наконец, месторасположения в средстве передвижения (9): *бежать в кузове грузовика, на возу, прячась в сене* и пр.

Иными словами, в этом шестом значении способны, при необходимости, себя проявить все возможные точки. В связи с чем правомерным было бы ставить и разбирать вопрос о тех позициях, которые объясняют, актуализируя то или иное значение, проявляя себя как структурно важные для него, равно как и о тех, которые его в каких-то контекстах, а следовательно, и обстоятельствах для тех или иных узуальных мотивов, не просто распространяют и уточняют, но непосредственно будут их, эти мотивы и их обстоятельства, определять. Вопрос, к которому по этой причине предстоит обратиться при изучении видов ментального представления о беге.

О значениях бегать

Немаловажным и показательным при изучении узуальных мотивов и обстоятельств, связанных с бегом, представляется различие их вербальных, т.е. лексико-грамматических, нередко устойчивых, оформлений, в ряде случаев прямо связываемых с возможностью выражения в соответствующим образом представляемых словах. В связи с этим следовало бы, с одной стороны, обратить внимание на то, что и как способно в своих различиях себя выражать в таких формах, как *бежать*, *бегать*, *бег*, *бегство*, *беганье*, *беготня*, опустив, по причине их множественности, все дальнейшие расподобления. С другой, на конструкции с теми или иными предлогами и глагольными формами, типа *бегать / бежать за*, *бегать / бежать по, от, на, в, с, перед* и пр.

Бегать в своем словарном значении от *бежать* отличается тем, что, если *бежать* предполагает движение в одно время, в одном направлении, то *бегать* «обозначает действие повторяющееся или совершающееся в различных направлениях, а также взад и вперед» (МАС) для первого и второго значений: «быстро перемещаться с помощью ног» и «быстро передвигаться (о средствах передвижения)» и «действие повторяющееся» для шестого: «спасаться (спастись) бегством; быстро отступать (отступить)».

Направленность и одномоментность движения, в отличие от разнонаправленности и/или неодномоментности совершения, в определенном смысле, можно рассматривать как большую конкретизированность, привязывание действия к обстоятельствам. *Бегать* фактически представляет движение в более снятом и обобщенном виде, в большем смысле действие как таковое, чем то же движение, проявляемое через действие для *бежать*. Если сравнить, скажем, передаваемое в сообщении *Мы любим бегать* с *Мы любим бежать* или *Куда вам бегать?* с *Куда вам бежать?*, то можно отметить отличие, важное для понимания сказанного. *Мы любим бегать* предполагает то, что типично осуществляемое проявление в беге для тех, кто его совершает, является, выступает для них источником эмоционально переживаемого удовлетворения, удовольствия, что полностью совпадает со всеми значениями образующих данное сообщение слов. *Мы любим бежать*, в свою очередь, таковым не является. Кроме того, что оно оформлено грамматически не привычно, поскольку *любить* будет связываться с чем-л. более или менее постоянным, проявляющим себя регулярно, а *бежать*, предполагая действие, совершаемое в какое-то одно время и в одном направлении, имеет себя исчерпывающий с исполнением смысл, по этой самой причине сообщение это будет неполно.

В уточненных конструкциях типа *Мы любим бежать за воздушным змеем* или *Мы любим бежать по дорожкам парка после дождя*, *Мы любим бежать по утрам* (ср.: *Хорошо бежать по утрам!*) отчасти следовало бы говорить о метонимии. Если взять для сравнения *Мы любим бегать за воздушным змеем* и *Мы любим бежать за воздушным змеем*, первое на что следовало бы обратить внимание, это на несоответствие передаваемых ими значений. Конструкция с *бегать*, предполагая обычную повторяемость совершаемого действия, была бы подобна тому, что выражается в сообщениях типа *Собаки любят бегать за велосипедом* или *Мы любим петь* (*играть в мяч*, *плавать*, *скакать через прыгалку* и т.п.), а потому отчасти была бы нелепой, предполагая 'беганье за воздушным змеем' как таковое, как привычное состояние по действию, не всегда обусловленное немаловажными для данного представления обстоятельствами. Иными словами, его бы следовало воспринимать как 'беганье за воздушным змеем' всякий раз, как представляется таковая возможность, независимо ни от чего, а следовательно и от того, кем, когда и как запускается этот змей. В то время как *Мы любим бежать за воздушным змеем* не просто осмысленно, и осмысленно ситуативно, но и по-своему выразительно, эмоционально и эстетично, предполагая то, что *Мы любим* [когда запускаем змея, когда он, поднявшись на воздух, несомый ветром, летит], *бежать за воздушным змеем* [в том смысле и отношении, что 'устремляться следом за ним, сопровождая его в полете, следя за ним и сливаясь в эти моменты с ним'].

Аналогичным образом ситуативным, а потому в актуальный как в данный момент (моменты) переживаемым, чувствуемым, будет то состояние, которое передается в *Мы любим бежать по дорожкам парка после дождя (по утрам)*, как в *Хорошо бежать по утрам!*, исчезающее при оформлении того же с помощью общего в своей регулярности и привычности *бегать*. В связи с этим нередко различными даже в семантике могут быть сходно оформленные, без уточняющего контекста, выражения, ср.: *Бежать лучше утром* и *Бегать лучше утром*. Первое предполагает побег либо какой-то конкретно предполагаемый бег, скажем, в соревнованиях, на расстояние. Второе, в первую очередь, оздоровительный бег, как совершаемый более или менее регулярно.

Что касается различий лексического значения, то определяемые в МАС как третье и четвертое в отношении *бегать* для *бежать* не будут типичны. **Бегать** «3. Быстро двигаться взад и вперед. *Пальцы левой [руки] с неуловимой быстротой бегали по грифу*. М. Горький. Детство.» (Ср. в той же конструкции *Пальцы ... бежали по грифу*, с отсутствием представления о туда и сюда, вверх и вниз, как *Пальцы бежали по клавишам* – в одну сторону, или вверх, или вниз и *бегали по клавишам* – играя, по клавиатуре то там, то здесь, то вверх, то вниз, в разных местах и по разным местам). «|| Быстро переходить с предмета на предмет, скользить взглядом (о глазах). *Черные бойкие глазки [Анны Павловны] бегают сквозь пенсне по страницам французского романа*. Чехов. Живая хронология.» (Возможная в принципе в той же конструкции форма *бегут сквозь пенсне...*, не устраняя присутствующее при восприятии представление о скольжении глаз со строчки на строчку, соответствующее их при этом движение, наблюдаемое сквозь пенсне, в одну, а потом в другую сторону, делает не воспринимаемым, акцентируясь на достигаемом результате, – *глазки бегут по страницам романа*, спеша, торопясь к его завершению, к тому, чтобы увидеть, узнать, что в конце. *Бегут*, кроме этого, также актуализирует, делает напряженным в переживаемом состоянии наблюдаемый момент: *бегут сквозь пенсне* предполагает эмоциональную увлеченность, втянутость, устремленность читающей).

Бегать «4. за кем. Неотступно следовать || *Прост.* Ухаживать. [Пастухов] *видел себя не тем мальчишкой, каким недавно бегал за гимназистками.* Федин. Первые радости.» А также в таком выражении: *Перестаньте за ним бегать, все равно от него ничего не добьетесь.* Оба эти значения следует воспринимать как метонимические и усиленные. И в том и в другом случае сказанное с таким же успехом можно было бы передать с помощью глагола *ходить за кем-л.*, ср.: *Перестаньте за ним ходить...* и, хотя и менее характерное, *Он за ней уже несколько месяцев ходит*, поскольку контекст с мальчишкой и гимназистками спокойного тона не предполагает.

Собственно говоря и глагол *ухаживать*, также образованный, в конечном итоге, от *ходить* имеет смыслом подобное проявление. Движение за, следование за кем-л. как более или менее постоянным объектом, таким образом, если это то действие, которое воспринимается как повторяющееся, ситуативно и обстоятельственно обусловленное, не случайное, значимое и нагруженное, сопровождаемое целью добиться чего-л., получить что-л. от того, за кем следуют, отвлекаясь от вида и формы своего совершения, начинает восприниматься как то, что находит свое выражение в смысле преследования. Как хождения следом и слежения как наблюдения.

Если задуматься над самым этим действием, его можно представить как неотпускание от себя, неспускание с глаз наблюдаемого объекта, достигаемые более или менее постоянным пространственным с ним совмещением (хождением, беганием, следованием за решается задача необходимости быть при нем, находиться с ним рядом). Все это дополнительно и, как самое важное, определяется, мотивируясь, целью, с одной стороны, обеспечения возможности получить представление об интересующем состоянии наблюдаемого, а с другой, стараться влиять на него в необходимом для наблюдателя и одновременно преследователя отношении. При этом, если *ходить за* может иметь в качестве указанной цели как одно только первое (ср.: *ходить за кем-л.* в значении 'вести наблюдение с информативно-оперативной целью' – *За ним постоянно ходят всякие там из служб.*), так и первое и второе одновременно, как в рассмотренных случаях, то *бегать за*, как более экспрессивное обозначение того же, скорее всего, будет первое и второе в себе совмещать, причем более важным в типичных случаях необходимо считать это второе, т.е. стремление на объект соответствующим образом повлиять. Структурно это можно представить в виде соотношения пяти и более составляющих, последовательно следующих, за исключением двух последних (E2a и E2b), одна из другой:

$$\{[(A>B)\rightarrow C]\rightarrow D\}>E1\}\wedge\rightarrow E2a/E2b,$$

где А (движение Субъекта₁, более или менее постоянное и/или повторяющееся, вслед за Субъектом₂) > (ведет, или предполагает следствием) В (регулярно себя проявляющую пространственную совмещенность Субъекта₁ с Субъектом₂, нахождение в общем и достаточно близком пространстве с ним) → (что предполагает и допускает, делает достижимо возможным) С (ведение наблюдения и/или соприкосновение с ним, Субъекта₁ в отношении Субъекта₂) → (что, в свою очередь, делает возможным и разрешает) D (такое воздействие на Субъекта₂ со стороны Субъекта₁, которое) > (ведет, предполагая результатом и следствием) E1 (получение информации о Субъекте₂, необходимой для должного реагирования и корректировки своего проявления в отношении его) ∧ (либо также и) → E2a (получение Субъектом₁ для себя от Субъекта₂ чего-то опреде-

ленного) / (либо) E2b (установление с Субъектом₂ более близких, связывающих его с Субъектом₁ отношений, в том числе возможно также интимных).

При этом само рассматриваемое и фигурирующее в виде лексемного оформления значение 'бега как ускоренного движения за кем-л.' выступает метонимическим, а отчасти и метафорическим (поскольку преследовать можно кого-л. дополнительно также сидением возле, звонками и пр.), средством усиленного (динамизированного) представления о том, что себя заключает в конечной цели, реализуемой как E1 (наблюдение, слежка), E2a (получение для себя чего-л.) или E2b (ухаживание).

Использование во всех рассмотренных случаях четвертого значения *бежать* глагола *бежать* становится вряд ли возможным, актуализируя для сознания представления иного характера. С устранением заложенной в *бежать* мысли о повторяемости (назойливости) пропадает идея преследования. Ср.: *Перестаньте за ним бежать*, даже если и будет иметь своим продолжением *все равно от него ничего не добьетесь*, не связываясь с идеей неотступного следования при глаголе *бежать*, две эти части представляют иначе. *Бежать* воспринимается в первом значении, т.е. как действие по быстрому перемещению с помощью ног, осуществляемое в данный момент на глазах говорящего (что вовсе не обязательно в отношении *бежать*). Вторая часть, в свою очередь, предполагая мысль о цели какого-л. получения, не имеет непосредственного отношения к тому, что содержится в первой части. Цель эта имела и ранее, совершаемое же теми, кто в данный момент бежит, дает им только возможность вступления в контакт с тем, от кого зависит ее достижение, сложившимися условиями в тот же данный момент имеющейся, случившейся (а не достигаемой вследствие бега) пространственной близости.

Подобным же образом *бежать за кем-л.* в значении 'за этим кем-то как за объектом интимного интереса ухаживать' не реализуется при посредстве глагола *бежать*. *Бежать за гимназистками (девочками, мальчиками и др., пусть даже и как представителями противоположного пола, по отношению к данному действию совершающему)* будет предполагать не что иное, как быстрое следом за ними перемещение с помощью ног, вызванное какими-то совершенно иными причинами. Либо же в переносном значении *бежать за кем-л. или чем-л.* 'стараться, следуя, поспевать, стремясь к общей с кем-л., чем-л. цели', как у Есенина в стихотворении «Русь уходящая»: *Здрав штаны, бежать за комсомолом*. Исходная и мотивирующая идея, заложенная в *идти в ногу с кем-л., чем-л.*, 'реализуя общее направление, дело, не отставать от других, находясь наравне' (ср.: *идти в ногу со временем, с веком, с прогрессом, с передовыми людьми, со всеми*), приобретает в *бежать за* характер стремления поспевать, не всегда достигающего, несмотря на значительные прилагаемые усилия, своего результата, с тем чтобы быть наравне или, по крайней мере, от прочих не отставать.

Бежать за, таким образом, в данном случае связывается с тройственной в своем устройстве идеей 'стремиться; проявляя активность, стараться изо всех сил', 'с тем чтобы, следуя, не отставать от других' 'в устремлении к общей цели'. Подобное представление, равно как и какое-либо другое, рассматриваясь в контексте проекций определенных моделей (в данном случае пульсатива), будет связываться с реализациями узуальных мотивов и сопровождающих (формирующих) их обстоятельств, интерпретируясь как то или иное значение, релевантное в отношении характеризующей ментальной действительности.

В свою очередь, не типичными в отношении *бежать* следовало бы признать те значения, которые даны в МАС как третье, четвертое, пятое и седьмое

при глаголе *бежать*. Рассмотрим их для сравнения. «3. Быстро проходить, протекать (о времени) ...не замечаешь, как бежит время.» Представление о направленно поступательном движении, продвижении времени делает невозможным употребление *бегать* в этом значении. «4. Течь, литься (о воде, какой-л. жидкости). || Разг. Кипя, бурля, литься через край; убегать. *Молоко бежит.*» Заложенное в это значение такое же представление о единонаправленности и поступательности, сходное с представлением о времени, которое также *бежит* и *течет*, и в этом случае не предполагает возможности употребления *бегать*, разнонаправленного, возобновляемого, повторяющегося, способного совершать себя в разные стороны, в том числе туда и сюда, взад и вперед. «5. Тянуться, простираться в каком-л. направлении (о дороге, тропинке и т.п.) *Между деревьями ... бежали в разные стороны дорожки.* И. Гончаров. Обыкновенная история. ...на дороге, которая змеей бежала по скату снизу вверх. Чехов. В овраге.» Направленность простирания, наблюдаемого взглядом, дороги, тропинки, дорожки в каждом подобном случае также препятствуют употреблению в них глагола *бегать* на месте *бежать*.

Что касается примера с *бежали в разные стороны*, то эти *разные стороны* касаются представления о совокупности, в составе которой каждая из дорожек бежит в свою. О специфичности отражения семантики 'бега', усиливающего представление о стремительности, но стремительности наблюдения и возможного перемещения по узкой ведущей плоскости дороги или дорожки, что можно рассматривать как следствие эмоциональной актуализации, имеет смысл говорить при сравнении с употреблением глаголов *вести* и *идти* в подобных контекстах (но опять же не *водить* и *ходить* как неоднаправленных, повторяющихся и многократных). Ср.: *дорога (дорожка, тропинка) шла (вела, идет, ведет)* и *бежит (бежала) между скал (по лесу, к дому и пр.)*.

«7. Быстро двигаться (о стрелках часов, каких-л. приборов, механизмов и т.п.). || перен. Разг. Идти вперед, показывать неверное время вследствие слишком быстрого хода (о часах); спешить.» В этом случае употребление глагола *бегать* будет давать представление о чем-то другом, о каком-то еще движении, помимо привычно направленного движения по кругу над циферблатом прибора, часов. Вполне возможное и характерное, к примеру, *стрелка компаса (в компасе) бежала* указывало бы на ее дрожащий, неверный и быстрый характер перемещения в ту и в другую сторону. Аналогичным образом, если стрелки в часах или каком-то приборе вдруг *забежали, бегали* или *бегут*, предполагая неоднаправленно хаотичный, лихорадочно не размеренный или слишком и неожиданно быстрый характер, нарушающий ровный привычный ход, не говоря уже о движении в ту и в другую сторону, такое их состояние, передаваемое при посредстве глагола *бегать*, скорее всего, указывало бы на испорченность механизма либо какие-то аномалии, скажем, погоды или давления у человека, фиксируемые предназначаемыми для подобных замеров приборами.

Во всех перечисленных в предыдущих абзацах четырех значениях с их лексическими оттенками, как можно было заметить, следует говорить о контекстуально обусловленных, т.е. лексически ограниченных, употреблениях глагола *бежать* в отношении грамматического субъекта, что указано в скобках при дефинициях в словаре, будь то время в третьем значении, жидкость в четвертом, дорога, тропинка и пр. в пятом, стрелки часов или каких-то приборов в седьмом. Из чего следует сделать вывод о необходимости определения того объекта либо группы объектов, в отношении которого (которых) будет себя проявлять то состояние или действие, которое передается с помощью единиц, говорящих о вос-

приятии и представлении 'бега'. Глаголов типа *бегать* или *бежать*, имен существительных (*бег, беганье, беготня*) и т.п.

Обобщая сказанное в отношении употреблений глаголов *бежать* и *бегать* и не вдаваясь на этом этапе их представления в дальнейшие расхождения, имеющие смысл и интерес, можно отметить, что заложенный в лексической их семантике образ различного по своему виду движения способен себя проявлять и на что-то другое, обозначая часто не только и даже не столько отличия в границах одно- или разнонаправленности, совершения или несвершения в какой-то момент, т.е. повторяемости. Образ этот, однако, способен в себе содержать представление не просто о чем-то различном или другом, но о различном типично, в отношении чего-то и в связи с чем-то, и об определенно типичном, а потому не случайном и показательном, характеризующим в отношении своей ментальной действительности и, соответственно, следующим из нее.

Что касается сочетаемости глагола *бегать*, то она, если опираться на материал словаря²⁷, на первый взгляд не слишком существенным образом отличается от сочетаемостей глагола *бежать*. Для первого значения *бегать* (двигаться быстрым, резко отталкивающимся шагом туда и обратно, в разное время, в разных направлениях) актуализируемыми будут, как и для глагола *бежать*, позиции, отмечаемые с помощью *где* и *как*, хотя и в разных, воспринимаемых как типичные, предложно-падежных и лексических реализациях.

Бегать где: (*предлог «в» с предл.*) ~ в комнате, в зале, во дворе, в саду ...; (*предлог «на» с предл.*) ~ на улице, на площади, на поляне ...; (*предлог «вдоль» с род.*) ~ вдоль дороги, вдоль здания, вдоль забора, вдоль тротуара, вдоль берега ...; (*предлог «вокруг» с род.*) ~ вокруг дома ...; (*предлог «за» с твор.*) ~ за домом ...; (*предлог «мимо» с род.*) ~ мимо дома ...; (*предлог «по» с дат.*) ~ по комнате, по квартире, по дому, по коридору, по двору, по саду, по парку, по скверу, по лесу, по полю, по дороге, по улице, по берегу, по траве, по лужам ...; (*предлог «у» с род.*) ~ у дома, у подъезда, у реки ...; (*с нареч.*) ~ там ... **Бегать как:** ~ быстро, медленно, хорошо, плохо, наперегонки ... Устать, перестать ... **бегать.**

Первое, на что следовало бы обратить внимание, это на то, что выделенные предложно-падежные отношения не равно себя проявляют в возможных для них сочетаемостях, что, впрочем, вполне естественно и что нашло свое выражение в словаре, опирающимся, со всей очевидностью, на частотный принцип, в виде не одинакового числа распространяющих их иллюстраций. Частотность, связанная с типичностью и характерностью вида передаваемой связи, может по этой причине служить показателем этих двух. То, что *бегать в, на, вдоль, у* и особенно *по*, по сравнению с *вокруг, за* и *мимо*, представлены в сочетаниях в большем числе, должно свидетельствовать о чем-то существенном в отношении представления о действии в его совершении с распространением на тот или иной воспринимаемый как пространственный, определенного вида, объект, характеризуя соответствующим образом как действие, так и объект. Не вдаваясь в подробности, которые будут предметом дальнейшего рассмотрения, но в иной связи, при изучении возможных моделей узуальных мотивов и проецирующих их обстоятельств, имело бы смысл отметить, что 'беганье в чем-л.', как внутри, в пределах, очерченного границами либо замкнутого пространства, должно отличаться по своему характеру от другого какого-то 'беганья', скажем, *вдоль* чего-

²⁷ Словарь сочетаемости..., с. 24.

л., *по* чему-л., либо, как в проиллюстрированных единичными случаями, *вокруг, за и мимо*. Задумаемся только над некоторыми из подобного рода примеров.

Комната, зал, двор, сад, применительно к *бегать* в каждом из них, предстает как место, предоставляющее возможность перемещения бегом, и вот тут возникает вопрос – каким образом? И какой это будет бег? Бегать в саду (охарактеризуем это последнее), очевидно, можно между деревьями и по дорожкам, не говоря об ограничении забором либо другим ограждением. Бег подобного рода не может иметь сколько-нибудь интенсивно-длительного, непрерывного и более или менее продолжительного характера (если это специально не оговаривается – *битый час уже бегают в этом саду*). Это маневренный и петляющий бег, с заворотами, поворотами, разворотами, приостановками и замедлениями. Сад к тому же, как место, типично не предполагает возможности бега. Бег подобного рода, следовательно, может иметь характер забавы, детской, подростковой, молодежной игры, это бег, типично и, скорее всего, развлекательный, тем более, что и сад проецирует представление о работе и отдыхе, отвлекающих и расслабляющих от повседневных дел и забот, предполагающих переключение и подзарядку, релаксацию и рекреацию.

Если, необходимо добавить, речь идет о садовом участке или саде при доме, а не о промышленном саде сельскохозяйственного предназначения с большим количеством фруктовых деревьев, стоящих в рядах, и не имеющим, как правило, ограждений со всех четырех сторон, открытым к подводящим к нему либо идущим по краю и мимо дорогам. Однако применительно к этому саду следовало бы ожидать либо определений, типа *Бегали в новом колхозном саду*, либо предлога *по* – *бегать по (колхозному) саду*, либо каких-то еще дополнительных обстоятельств, скажем, висящего предупреждения *Бегать в саду запрещается!*, поскольку его пространственная и объемная величина, наличие рядами стоящих деревьев и относительная открытость не сразу будут вызывать представление о возможности сочетания с предлогом «в».

Но и в том, и в другом из рассмотренных случаев, несмотря на описанные различия представляемых тем и другим садом пространств, бег в их пределах, имея факультативно для них не свойственный и не типичный характер, будет восприниматься как бег определенного вида, специфический в том или ином отношении. Из чего следует сделать вывод о том, что вид и характер бега, как бега ментального образа и представления, будет зависеть, помимо возможных и важных для него узуальных мотивов и их проявляющих обстоятельств (о чем будет речь впереди) от того, в какой изначально конструкции, с помощью какой лексически и грамматически себя объявляющей формы, в сочетании с какими его проецирующими пространственными и не только объектами он будет себя проявлять.

Иным, соответственно, будет выглядеть и представляться тот бег, который передается с помощью *бегать в комнате, в зале, во дворе*, отличаясь в каждом подобном случае, уже исходно, на входе, от бега, отображаемого с помощью *бегать в саду*. Каждый из этих видов пространств, имея свои, отображаемые в представлениях носителей разбираемой ментальной действительности, особенности, как пространства-места и как концепты-ассоциативы, будет откладывать свой отпечаток на представление о характере, т.е. форме и виде, в них действительно производимого или только возможно-предполагаемого, допускаемого к осуществлению, бега. Опустим, однако, характеристику также и этих отличий, требующих подробности и обстоятельности при описании, но принципиально мало что привносящей в ранее сказанное. Обратим попутно

только внимание на ту отмеченную перед этим особенность, которая связывается с большей или меньшей распространенностью *бегать* при том или ином предлоге.

Почему при одних предлогах таких сочетаемостей больше, а при других они (в иллюстрациях) ограничены до отдельных только, как более или менее типичных, примеров? В чем состоит особенность того представления, которое при предлогах *вокруг*, *за* и *мимо* сделало их мало типичными в отношении сочетания с *бегать*, будучи проиллюстрирована одним только случаем для всех трех – *вокруг*, *за* и *мимо дома*? Сказанное, безусловно, не означает, что нет и не может быть сочетаний не только с *домом*, но они, видимо, будут каким-то образом специфичны, а потому не настолько частотны. Не будем, однако, и этот вопрос разбирать, который потребовал бы углубления в области, от интересующего предмета несколько отстоящие. Рассмотрим особенности представления этих самых *вокруг*, *за* и *мимо* (для *дома* и не только для *дома*) в отношении к привязываемому к этому дому (и не только дому) действию, передаваемому с помощью *бегать*.

Бегать вокруг, со всей очевидностью, можно такого объекта, пространственно-наблюдаемого и имеющего определенную форму, который, будучи ограничен в своей материальной предметности, имея грани, края, бока или стороны, дает возможность окружного движения. Сказанное касается того, что принято определять логико-семантическим основанием сочетаемости. Тем самым, вполне разумными и допустимыми могут быть сочетания типа *бегать вокруг стола*, *вокруг огорода*, *сада*, *избы*, *поляны*, *леса*, *парка*, *здания*, *двора*, *озера*, *крокодила*, *паровоза*, *вагона*, *трамвая*, *отца*, *телевизора* и т.п. Класс или группа таких объектов весьма обширен. Интересующая нас проблема выбора и соответствующих ограничений для иллюстрации сочетаемостей связывается не с тем, что подобные сочетания редки или малоупотребительны, а, скорее, с тем, что сам этот выбор, оказываясь не случайным, что-то предполагает, с тем чтобы что-то другое, возможно излишнее и усложняющее, не отображать.

Задумавшись над вопросом, имеющим отношение к рассматриваемому предмету, – с чем связывается в сознании, в данном случае потенциально, а поэтому не до конца осознаваемо и не развернуто, представление о *бегать вокруг дома* и, скажем, *бегать вокруг стола*. Первое, на что следовало бы обратить внимание, разбирая то и другое, это на вид ситуации, связываемой в сознании с чем-то, с какими-то более или менее привычными представлениями о ней. Проще говоря, следует выяснить, когда и как имеется и может себя проявлять ситуация 'бегать вокруг дома' и, соответственно, когда и как ситуация 'бегать вокруг стола'. На основе чего можно выявить вид и характер той и другой ситуации в отношении разбираемой ментальной действительности для сознания носителей представлений о ней.

Не вдаваясь в подробности, обобщенно, чтобы не усложнять, 'бегать вокруг дома' можно представить как ситуацию, в наиболее типичном или возможном и допустимом случае предполагающую а) оздоровительно-спортивный бег по утрам; б) беготню и игры детей; в) бег, связанный с необходимостью кого-то догнать, поймать либо, напротив, уйти от погони; г) стремительное передвижение, не обязательно собственно бег, скажем, в поисках входа или подъезда. Все остальное можно рассматривать как ситуации менее очевидные. Связано это с тем, что дом для сознания носителей современной ментальности, обусловленный ситуацией 'бегать вокруг', предстает, в первую очередь, как такое многоквартирное и обычно многоэтажное здание и строение, в котором живут, т.е. за

всем этим стоит то, что это жилой многоэтажный дом и, как правило, в городе. А тем самым, бегать вокруг него не такая уж редкость, и совершается это обычно и в первую очередь в отношении, обозначенном в пункте (а). В отношении (б), соответственно, реже, поскольку дети, перед домом обычно играя, бегают вокруг дома далеко не всегда, при каких-то своих особых забавах и играх. Что же касается (в) и (г), подобные ситуации принципиально возможны, но еще более редки, а потому без мотивирующего их контекста не сразу приходят в голову. Узуальная их семантика, этих самых отображений в а), б), в) и г), имея характер четко осознаваемый и коммуникативно значимый, может быть и должна описываться на основе каких-то своих механизмов и процедур, определяя собой также и самоё характеризуемую ментальную действительность, частью состава которой эта семантика предстает.

Тем самым, мы подходим к выводу, прежде всего, о том, что, взятые вне контекста и употреблений, свободные, но привычные словосочетания, должны быть типичными, чтобы служить иллюстрацией, показывающей наиболее характерное в отношении языка (что и наблюдается на примере разбираемого словаря сочетаемостей, преследующего, в первую очередь, цель дидактическую). В свою очередь, их типичность есть не что иное как вербально отображенное следствие существующих в голове носителей языка представлений о ситуациях, наиболее частых, а потому привычных и, следовательно, также типичных.

На этой основе, далее, отталкиваясь от нее, можно вывести положение о том, что 1) какие-то из свободных, но при этом частотно-привычных объединений слов (словосочетаний, но также и других конструктивно организованных единиц), способны и могут стать сочетаниями фиксированными (не хотелось бы здесь говорить об устойчивости или фразеологизованности, чтобы не уводить в другую предметную область, тем более, что при том, что такое возможно, однако не будет единственным), фиксированность эта их проявляет себя в устойчиво-конвенциональном характере типического, вызываемого данным объединением слов, представления, при не обязательно строгой фиксированности их структурно-лексического состава; 2) типическое для языкового сознания и связанной с ним ментальной действительности представление, обусловливаемое и вызываемое тем или иным сочетанием слов, актуализируется в уточняюще-расширяющих узуальных контекстах, как правило, также типических, с тем чтобы оставаться в ее пределах (т.е. данной ментальной действительности); все остальное, если оно не типическое, либо противоречит ей, в нее не входя, либо не противоречит, относясь к безразличной для сознания носителей периферии и не актуализируемому пассиву; 3) контексты подобного рода можно рассматривать, следовательно, как узуально фиксированные, прежде всего в когнитивном и менее в структурно-лексическом отношении, что допускает возможность вариативного, но не свободного, выражения чего-то более или менее общего, воспринимаемого как распознаваемо общее при корректирующей обработке при восприятии; 4) указанные контексты в своем минимально достаточном, способном к развертыванию в распознаваемо общем, типическом (вариативно-фиксированном) отношении, становятся средством реализации для сознания соответствующих узуальных мотивов, выступающих формами смыслов, актуальных для данной ментальной действительности; 5) средствами уточнения и расширения узуальных мотивов в том или ином, также распознаваемом и типическом отношении, выступают узуальные обстоятельства, выполняющие роль при мотивах, подобную роли контекстов узуального расширения при когнитивно фиксированных сочетаниях слов; 6) на фоне вариативно-фиксированных узу-

альных мотивов общего представления особое место и особую значимость приобретают такие мотивы, которые, отображая концептуально и ценностно важные категориальные когнитивы представителей данной ментальной общности, становятся средствами выражения их интерпретативного, перцептивного и реактивного отношения к миру, тем самым, средствами их представления обо всем окружающем, равно как и средствами представления о себе самих, своего в этом мире и окружении экзистенциального смысла и назначения.

Эти последние, в неравной мере связанные с центром коллективного его в его отношении к смыслу и назначению своего и не только своего бытия, представляя собой узуально-распознаваемые мотивы конвенциональной реактивно-концептуальной экзистенциальности (ментальной действительности данного как коллективного, так и отдельного «я»), с одной стороны, так же как и всё перечисленное остальное, могут существовать для сознания в виде обобщенно-фиксированных вариативов (вариантов не до конца очевидного инварианта, по типу мифологических или фольклорных знаний, текстов и представлений), а с другой, в виде исходных, хотя бы и не однозначно воспринимаемых и интерпретируемых, инвариантов, фиксированных в своем исходе, понимаемом как источник, прежде всего, как структурные единицы, оформленные лексически и контекстуально и менее очевидно концептуально и ценностно, передавая своим содержанием некий не до конца формулируемый для сознания смысл переживания и отношения, как смысл коллективно-индивидуального сенситива.

Более просто это можно представить как то, что имеющиеся в данной языковой культуре обрывки знаний, опирающиеся на фрагменты каких-то текстов (называемых репрезентативными, прецедентными и имеющих идиоматический смысл) из песен, сказок, фильмов, пословиц, цитаций, сентенций, анекдотов, афоризмов, стихотворений, прозаических, драматических произведений и т.п., т.е. всего того, что образно обозначают сокровищницей знаний народа, сосуществуют и могут непротиворечиво, хотя не вполне равнозначно, восприниматься в двух своих формах. Одна из них представляет стертую, полузабытую, вариативную, но при этом общую сенситивную форму. Что-то откуда-то помнится, но не в полной мере, неточно, не полностью, не до конца и нередко с забытым, приблизительным, а возможно, и переделанным, преобразованным, контекстом. Такое приблизительное и неполное знание может быть более значимо в отношении представлений ментальной действительности, будучи преобразовано и подтянуто к какому-то общементальному состоянию и общей идее, чем то, которое было заложено создателем текста в данный фрагмент изначально. Другая форма может быть менее сенситивна, но более концептуальна, передавая более точно и выразительно мысль своего источника и представляя собой строго выверенную цитату с достаточным осознанием ее контекстного окружения. Такая форма также может восприниматься и интерпретироваться неоднозначно, в зависимости от самых разных, в том числе и социально-временных, идейных и индивидуальных условий, передавая при этом (по крайней мере, призванная передавать) не только и не столько сенситивно-ментальную, сколько ценностно-концептуальную сторону национального бытия.

Ко всему этому в предыдущем абзаце сказанному мы еще обратимся при изучении узуальных мотивов и обстоятельств бега русской ментальной действительности в его видах и формах. Вернемся теперь к рассмотрению того отличия, которое можно увидеть при сопоставлении в интересующем нас отношении того, что было представлено в сочетании *бегать вокруг дома*, с тем, что способно себя воплощать в других сочетаниях с *бегать вокруг*. Возьмем из при-

веденного ранее списка лишь некоторые, обозначив их в обобщенном и не подробном виде, для того только, чтобы отметить типическое и не вполне типическое для представлений ментальной действительности. Все дальнейшее, неизбежно следующее из этого и с ним связанное, предполагается рассмотреть в последующем.

Если *бегать вокруг дома* определяло бег, в первую очередь, связанный с оздоровительно-спортивным или развлекательно-игровым проявлением, то *бегать вокруг стола* предполагает нечто совсем другое. Вне дополнительно уточняющего контекста и ситуации это можно воспринимать, по крайней мере, в трех отношениях: а) как стремление поймать кого-то, кто, отобрав какой-то предмет, начинает, не отдавая, бегать вокруг стола, находящегося в комнате жилой квартиры, в бюро или, скажем, в школе; б) как игры детей, носящихся по квартире и бегающих также вокруг стола; в) как стремительное передвижение вокруг стола того, кто на нем убирает либо его накрывает к обеду, ужину и т.п. Все эти виды бега, которые не имели целью семантически определять, что возможно в принципе и что будет делаться далее при анализе других разновидностей бега, важны в данном месте для иллюстрации не то, чтобы специфичности бега вокруг стола, но его обусловленности в своих проявлениях какими-либо мотивирующими причинами. Это не тот бег, который можно считать типичным, как бег вокруг дома, а потому требующий его объясняющего контекста и уточняющих обстоятельств. Отсюда использование такого типа примеров в словаре сочетаемостей было бы несколько странным и не оправданным. Стол, иными словами, не тот объект, вокруг которого без дополнительных к этому мотивирующих условий обычным было бы для восприятия применение действия 'бегать'. Также как не вполне обычными, а точнее требующими своих пояснений, были бы проявления бега вокруг *огорода, сада, избы, поляны, леса, парка* и пр. из перечисленных ранее объектов, как пространственных, так и не только.

Из чего, на основании сказанного, следует сделать вывод о различии того, что для бега и в отношении бега типично и потому формирует картину общепонятных, не требующих дополнительных уточнений, представлений; того, что на этой основе, а может и вне ее, может стать узуально устойчивым, и на это в последующем необходимо будет внимание при анализе обратить; а также того, что не будучи столь типичным, но все же понятным, предполагает необходимость условий для своего проявления. Не будет преувеличением все эти три разновидности обозначить как узуальные, т.е. понятные, употребительные и общепринятые. Отличие между первыми и последними (поскольку вторые могут быть и того и другого вида) можно определить в отношении необусловленной (привычно-частотной) и обусловленной узуальности (контекстуально и на основе знания ситуаций, предполагаемых и более менее известных). Сказанное отчасти можно соотнести с тем, что было выделено в отношении езды, будучи определено как регулятивы-итеративы (привычные и повторяющиеся в своих проявлениях действия) и проприативы-адверсативы (не типичные проявления, связанные с какими-то не регулярными обстоятельствами). Независимо ни от чего, на основе как первых, так и вторых и третьих можно будет в последующем говорить о реализации с помощью характеризуемых единиц узуальных мотивов, различия между которыми отчасти, но не случайно и по существу, типологически будет определяться с учетом также и этого представления.

Сравнение предложно-именных и наречных сочетаний при глаголе *бегать* с такими же при глаголе *бежать* дает возможность увидеть то, как характер обозначаемого ими действия интерпретируется в отношении включаемого в

производимое действие пространственного, в первую очередь, объекта. Если возможно 'бегать где' в сочетании с предлогом «в» предложного падежа, то такое же представление для 'бежать' получается не характерным. Сочетания типа *бежать в городе* или *в саду* и т.п. поначалу несколько озадачивают, требуя поиска того представления, которое бы оправдывало их такое использование. Не будем, однако, подобные случаи интерпретировать и объяснять, что возможно, но, занимая немало места, к тому же уводило бы в сторону, остановимся лишь на той констатации выделяемых в словаре сочетаний, которые, как наиболее непротиворечивые и привычные, могут служить показателем определяемых различий.

Итак, для *бегать* типично, помимо предлога «в» с предл. падежом, «на» с предл., «вдоль» с род. и т.п. в отношении где, также наречные сочетания с как. В свою очередь, для *бежать* какие-то сочетания могут предполагать подобные предложно-падежные соединения, а какие-то их отличать. Представим то и другое для большей наглядности в таблице, с тем чтобы на этой основе задуматься над вопросом, что, помимо отличий в характере времени и направления осуществляемого бега, может эти глаголы как-то еще различать, что, собственно, будет иметь значение и в отношении значимого для сознания и восприятия представления о нем:

<p>Бегать где :</p> <ul style="list-style-type: none"> - в с предл. ~ <i>комнате, зале, дворе, саду ...;</i> - на с предл. ~ <i>улице, площади, поляне ...;</i> - <i>вдоль</i> с род. ~ <i>дороги, здания, забора, тротуара, берега ...;</i> - <i>вокруг</i> с род. ~ <i>дома ...;</i> - <i>за</i> с твор. ~ <i>домом ...;</i> - <i>мимо</i> с род. ~ <i>дома ...;</i> - <i>по</i> с дат. ~ <i>комнате, квартире, дому, коридору, двору, саду, парку, скверу, лесу, полю, дороге, улице, берегу, траве, лужам ...;</i> - у с род. ~ <i>дома, подъезда, реки ...;</i> 	<p>Бежать где :</p> <ul style="list-style-type: none"> - с твор. ~ <i>лесом, полем, берегом ...;</i> - <i>вдоль</i> с род. ~ <i>дороги, забора, ручья ...;</i> - <i>впереди</i> ~ <i>меня ... колонны ...;</i> - <i>за</i> с твор. ~ <i>другом, ним ... машиной ...;</i> - <i>между</i> с твор. ~ <i>домами, машинами, рядами кого-чего-л. ...;</i> - <i>мимо</i> с род. ~ <i>дома, магазина, сада ...;</i> - <i>перед</i> с твор. ~ <i>мною ... колонной ...;</i> - <i>по</i> с дат. ~ <i>дороге, улице, тропинке, аллее, лесу, полю, берегу, лугу, траве, песку ...;</i> - <i>позади</i> с род. ~ <i>него, Олега ... машины ...;</i> - <i>через</i> с вин. ~ <i>дорогу, лес, поле, площадь ...</i>
---	---

Задумаемся, прежде всего, над совпадающими конструкциями, отмеченными в таблице полужирным шрифтом предлогов. Что отличает *бегать вдоль дороги, здания, забора, тротуара, берега* от *бежать вдоль дороги, забора, ручья* и почему, если это имеет значение, при *бегать* приводится больше таких сочетаний, а совпадающие примеры наблюдаются при *дороге, заборе* и не наблюдаются при других? Возможны ли они в принципе и, если возможны, то что помешало их привести? Самый простой, опирающийся на отличие в семантике этих глаголов, ответ будет связан с тем, что дорога, забор и ручей, в пространственном отношении представляя собой то, что было названо полосой, имеющей край, который тянется на каком-то достаточном протяжении, предоставляет возможность применительно к представлению, выражаемому с помо-

щью «вдоль», открытую перед этим краем плоскость, позволяющую производить движение на ней как в ту, так и в другую сторону.

Отсюда *бежать вдоль дороги, забора, ручья* означает 'производить соответствующее движение с помощью ног в каком-то одном направлении', а *бегать вдоль дороги, забора*, прежде всего, в одну какую-то, а потому в обратную сторону, либо, что реже, примерно такие же, но более хаотические и менее организованные движения, не четко себя выражающие в том и другом направлении, просто 'носиться, метаться в беге туда и сюда вдоль края' дороги или забора. По этой причине, если *бежать вдоль ручья* вполне очевидное и понятное действие, то *бегать вдоль ручья*, хотя и возможно, но требует объяснения. Что это будет за бег, какими он вызывается обстоятельствами? Если, скажем, в таком предложении *По утрам мы (обычно) бегаем вдоль (того вон) ручья* производимое действие будет выглядеть как повторяющееся, то вне контекста *бегать вдоль ручья*, прежде всего, будет предполагать не столько возможную повторяемость, сколько действия туда и сюда, в различных, не четко себя проявляемых направлениях, т.е. действие а) взаимно сменяемого, попеременно-обратного направления либо б) не организованное и хаотическое. А кому придет в голову без особых к тому побуждающих обстоятельств подобные действия вдоль ручья производить? Ситуация, иными словами, выглядит как не типичная. Другое дело вдоль дороги или забора, объектов не природных, а человеком созданных, пространство перед которыми, как правило, приспособлено к более или менее беспрепятственному, в том числе и достаточно быстрому, передвижению. Отсюда при *бегать* типичными будут с предлогом *вдоль* такие объекты, как здание (имеющее к тому же небольшую пространственную для себя протяженность, в связи с чем туда и сюда при нем будет более вероятно, чем в одну сторону, хотя и не исключенную, для *бежать*), тротуар или берег, хотя и являющийся объектом природным, но в силу плоскостной устроенности своего пространства вполне допускающей как разнонаправленный, так и не организованный или попеременно-обратный бег.

Вполне очевидным в несовпадении выглядит бег в приводимых *бегать за домом / бежать за другом, за ним, за машиной*. Если первое означает место, на котором производится разнонаправленный или не организованный бег, то второе – позицию следования, место в совместно производимом движении вслед за чем или кем. Приводимые не совпадающие в значениях примеры, с учетом смыслового различия этих глаголов, выглядят с позиции их типичности поэтому не случайно. Показательным в интересующем отношении было бы употребление их в конструкциях совпадения: *бегать за домом / бежать за домом* и, соответственно, *бежать за другом, за ним, за машиной / бегать за другом, за ним, за машиной*. И то и другое, возможное, требует пояснений. *Бежать за домом* предполагает необходимость какой-либо обусловленности, типа *пришлось бежать за домом*, потому что, скажем, другое место для этого по каким-то причинам не подходило; *бежали за домом, по пустырям* и пр.

Связано это с тем, что, если 'бегать' предполагает, как следствие заложенной в нем разнонаправленности, действие, способное производиться без очевидной в осуществлении направленной к достижению какой-либо цели причины (бегать можно так себе, просто, для развлечения, ради спортивного удовольствия, ради забавы, игры и т.п.), а потому и пространство 'за домом' оказывается для подобного бега вполне подходящим, то 'бежать', напротив, имеет в виду какое-то достижение и цель. А по этой причине пространство 'за домом', предполагающее какой-то радиус проявления, за которым пространство уже не

будет 'за домом', будучи не вполне подходящим для этого, поскольку 'бежать' в своей направленности требует протяженности, большей, чем допускает пространство 'за домом', реализация подобного действия связывается с необходимостью мотивации с помощью обуславливающих его обстоятельств.

На основе сказанного можно сделать вывод о том, что *бегать*, помимо отмеченных ранее возможных для него разновременности, разнонаправленности, повторяемости, предстает для сознания как действие, если и полагающее какие-то достижение и цель, то как внеположенные, вне себя. Производимое действие в 'бегать' в большей степени выглядит как таковое, способное так или как-то иначе себя проявлять, как бы более независимое и освобожденное. *Бежать*, в свою очередь, предполагает необходимость какого-то достижения и какую-то более или менее очевидную цель. По этой причине отчасти 'бежать' можно рассматривать как проекцию 'бегать' к направленности, времени, цели и достижению, т.е. как своего рода реализацию 'бегать' в более или менее конкретных условиях. В представлении о 'бежать' более значимыми и активными, близко лежащими и предполагаемыми точками следовало бы предполагать позиции куда, откуда, зачем (с какой целью), даже в том случае, когда действие воспринимается просто как производимое на глазах. Ср. хотя бы первые *бежать лесом, полем, берегом*, с предполагаемой изначально идеей, по крайней мере, куда затем, пробежав этот лес (поле, берег), бежать дальше и по какой причине приходится это делать.

В представлении о 'бегать' закладывается, в свою очередь, нечто другое: обуславливающие, проецирующие, вызывающие к реализации действия обстоятельства, его побуждающие, но находящиеся вне его, не включаемые в проектив совершения. *Бегать в комнате, в зале, во дворе, на улице, на поляне, вдоль здания* и т.п., не предполагая мысли о 'куда' и 'зачем', в первую очередь, вызывает в сознании представление о возможном характере производителей и самого производимого 'бега': в комнате бегают обычно и часто дети, в зале для физкультуры и спорта, во дворе для забавы, в какой-то игре и пр.

О возможных объектно-пространственных реализациях бега (еще раз об узуальных мотивах и обстоятельствах, и о моделях)

Чтобы наглядно и более полно представить указанные отличия, возьмем для сравнения, в отвлечение от возможных контекстов, но при осознании наиболее типичных из них, хотя бы такие конструкции, с учетом характеристик, связываемых с использованием единственного или множественного числа при пространственных объектах реализации 'бега': *бегать / бежать – по коридору | по коридорам*.

Бегать по коридору, в первую очередь, предполагает а) действие, производимое шалющим ребенком, но скорее детьми, с криками, шумом, туда и сюда, со сменой бегущих, прерываниями, приостановками, неравномерное, неорганизованное, на разной скорости, мешающее и раздражающее взрослых, живущих и/или находящихся в том же самом помещении или рядом, которое может быть квартирой, в том числе коммунальной, школой или чем-то еще; б) действие, производимое кем-л. в поисках либо в нервном ожидании чего-л., в каком-л. учреждении или в квартире, ср.: *Я уже битый час бегаю по коридору (не могу*

понять, где у вас тут деканат.) или *Хватит бежать по коридору (знаешь же, что раньше шести он и так не придет).*

Бежать по коридорам может предполагать как указанное в предыдущем абзаце для (а) и (б), но в обратном порядке, на первом месте было бы то, что в (б), а то, что в (а), на втором, так и нечто другое. Наиболее вероятно-частотным следует ожидать ситуацию поисков в (б), с меньшим вероятно-нервного ожидания (может быть, где-нибудь в госпитале или в больнице, но и там возбуждение будет, скорее всего, по-иному себя проявлять). Что касается предполагаемых ситуаций, указанных в (а), местом действия следует предполагать не квартиру, а школу или какое-л. аналогичное заведение с находящимися там обычно детьми. Помимо этого, как типично возможная, проявляет себя еще одна ситуация: в) действие, производимое работающими в каком-л. учреждении, либо в порядке исполнения своих обязанностей, либо, скажем, в отсутствие всех остальных, вне рабочего дня, в качестве развлечения, гоня кого-л. или носясь друг за другом.

Из представлений единственного и множественного числа при глаголе *бежать* в отношении пространственного объекта реализации действия, таким образом, можно сделать вывод о возможном его (объекта) характере, разновидности, типе, обусловленными обобщенными представлениями 'большой' или 'небольшой', 'обширный', 'свободный' / 'маленький', 'тесный', 'состоящий из большого / небольшого числа помещений', 'в несколько этажей' либо 'в один этаж', 'предназначенный для работы, учебы, жилья', 'с находящимися / не находящимися в нем обычно детьми' и т.п. Вид и характер такого объекта, типически связываясь с потенциальными производителями соответствующих, также типически себя проявляющих, действий, в конечном итоге, влияют на вид и характер самого в нем, на нем, при нем производимого 'бега', на что в дальнейшем будет обращено внимание и что будет учитываться при его видовом рассмотрении.

Бежать по коридору, предполагая в качестве производимого действия бег, вызываемый какими-то важными к его производству причинами (спасаясь от преследователей, в стремлении как можно скорее прийти на помощь, скажем, в больнице, желая не опоздать – на лекцию, на урок и т.п.), акцентом делая эту необходимость, вызывают в сознании представление о коридоре достаточно длинном, чтобы в его пределах бежать. Маловероятным по этой причине был бы коридор в жилом помещении, скорее в общественном учреждении, что допускает возможность тех или иных обусловленных типологически ситуаций, что будет влиять на характер и вид совершаемого бега.

Бежать по коридорам, в свою очередь, предполагая действие менее концентрируемое в своем производстве, расходящееся, распределяемое по различным, хотя и однотипным объектам (один коридор, другой, третий и далее), связывается по этой причине в сознании с ситуациями в типологическом отношении менее экстремальными, но более, может быть, утомляющими, требующими не столько сжатых (как бег на коротких дистанциях), сколько продолжительно-распределенных усилий (как бег на длинных дистанциях, марафон). Подобного рода бег предполагает, в первую очередь, вынужденность и протяженность во времени (*приходилось долго бежать по коридорам, прежде чем ... достичь чего-л.*). Все это также и в свою очередь определяет как обстоятельства, так и производителей бега, равно как и сам такой бег, выступая средством его видового и типологического (моделирующего) представления и описания, что будет предметом дальнейшего рассмотрения.

Каждое из перечисленных выражений, будучи связано с кругом возможных ситуативных привязанностей и обусловленностей, в каждом таком из возможных случаев будет иметь отношение к передаче того или иного эмоционального, психологического либо физического состояния совершающего соответствующее действие субъекта-лица, нередко также объединяя все эти три разновидности переживаний. Об этом, впрочем, уже говорилось при рассмотрении видов езды. Каждое из таких выражений, следовательно, содержит в себе, применительно к употреблению и контексту, значение, накладываемое сознанием воспринимающего на соответствующую ситуативную форму, ей обусловленную, на ней основанную и следующую из нее. Это значение связывается с представлением категориального свойства, далеко не всегда осознанного, но реактивного: ментальная реакция воспринимающего, его эмоциональный и психологический отклик в отношении сказанного будут формироваться в зависимости от этого представления. Значение сказанного во фразе применительно к передаваемой выражением ситуации бега, таким образом, становится проявлением определенной модели – смыслового образа, общеизвестного, типового, регулярного и повторяющегося, организованного, устроенного структурно, поэтому через структуру состава способного быть выводимым, и представляющего собой единицу устройства целого, также организованного и структурно устроенного, способного быть выводимым в своем описании в виде системы и парадигматики (парадигмосистемы).

Одновременно с этим, данное целое, представляя собой структурный способ проявления и описания того, что было определено как действительность представлений, ментальная действительность, то, чем и в чем живут, для себя именно в нем находясь, представители данного социума, как в своем для себя окружении, позволяющем так, а не как-то иначе, отзываться на происходящее, вместе с тем генерируя его от себя, – это самое структурно-организованное, в конечном итоге ментальное, целое проявляет себя для своих представителей в том, что можно представить как некую, также структурно организованную совокупность узуральных мотивов. Определить их можно, чтобы как-то представить, как единицы внутренне ориентируемого в том или ином отношении реагирования, основываемые на совокупности знаний, нередко определяемых как фоновые²⁸, на предпочтениях, регулируемых, если не непосредственно устанавливаемых, обобщенным эмоционально-ментальным типом данного коллектива, его морально-этическими и системоценностными представлениями и установками. Индивидуальное в этом контексте себя обнаруживает и проявляет в связи с общепринятым и общеизвестным, в корреляции с ним и на фоне его.

Узуальные мотивы, тем самым, можно представить как регуляторы подключенного к общему состоянию экзистенциального пребывания данного социума реактивного, перцептивно-генеративного, проявления каждого из его представителей в условиях и контекстах, предполагающих социальное взаимодействие, в первую очередь и в наибольшей степени с представителями своего, распознаваемого и чувствуемого как свое экзистенциально-ментальное

²⁸ Социальные по своей природе, а также как широко понимаемый социальный и когнитивный контекст: *Крюков А.Н.* Фоновые знания и языковая коммуникация // *Этнопсихолингвистика*. Отв. ред. Ю.А. Сорокин. М., 1988, с. 19-34; *Шейна И.М.*, Роль фоновых знаний в понимании иноязычного текста // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Вып. 6, 2009, с. 111-117; *Ахманова О.С., Гюббенет И.В.* «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // *Вопросы языкознания*. 1977, № 3, с. 47-54; *Haslett B.* *Communication: Strategic Action in Context*. Hillsdale, N.J., 1987, 308 p.

коллективное я-состояние. Иными словами, речь необходимо вести о значимо проявляемой форме такого приобщения и причастности, которое себя проявляет и обнаруживает в вербальных и невербальных формах актуализируемого взаимодействия. Такими вербальными и невербальными формами проявления, невербально-вербальными, если точнее, поскольку то и другое присутствует в них нередко, если не как правило, одновременно, такими формами ориентирующего обнаружения себя в социальном контексте и в нем другого как своего и следовало бы считать механизмы, определяемые как узуальные мотивы, связываемые со своей ментальной действительностью (ментальной действительностью своего) и проявляющие значения общепринятых, как устойчивых, так и не устойчивых единиц, сочетаний слов.

Привязываются мотивы и проявляют себя в контекстах сопровождающих их обстоятельств, также распознаваемых и как распознаваемые значимых, а потому могущих определяться как узуальные обстоятельства. Средством и способом выражения и обнаружения этих последних необходимо считать развернуто-свернутые контексты общепонятного и типового (модельного) употребления, способные быть развернутыми в те или иные их объясняющие и их проявляющие секвенции, однако присутствующие в сознании, а нередко и в текстах, в неразвернуто-сокращенном, вкрапленно-мозаичном, пунктирно-намеченном либо одном только точечном виде.

Основу всего обозначенного в предыдущих абзацах экспликативного и интерпретативно-концептуального реактивного, коммуникативного и ориентирующего механизма объединенных в социум языковых (речевых) субъектов составляет действительность, присутствующая и отображенная в их головах, распознаваемая и проявляемая ими в своем постоянстве в силу сложившихся конвенциональных причин совместного, в общих условиях, существования. Все остальное, в тех же абзацах сказанное, давая возможность эту действительность изучать, с одной стороны, выступает средством ее, при общественном взаимодействии, проявления, а с другой, показателем, а следовательно также и средством обнаружения и описания, ее системно-парадигматического наличия и бытия.

Сказанное будет основой дальнейшего рассмотрения, опирающегося в своем представлении на семантике единиц как проявлений категориальных моделей и узуальных мотивов в контекстах их проявляющих обстоятельств. Поэтому вероятные виды и формы взятого для подобного описания в ментальных его представлениях бега, как элементы состава какой-то общей для них систематики, будут предметом того последующего. В данном месте, с тем чтобы наглядно представить и показать, что такое указанное перед этим значение единицы, выступающей формой, проекцией, средством обнаружения и проявления той или иной категориальной модели, связываемой в заряженном и содержательном своем наполнении с тем или иным узуальным мотивом, хотя не единственным и не одним, обслуживаемым и реализуемым в сознании способным к типовому своему, в том числе и манифестируемому, разворачиванию свернутым составом узуальных сопровождающих обстоятельств, – с тем чтобы это наглядно представить, сделаем это на каком-то отдельном примере. Возьмем для такой иллюстрации хотя бы первое из просмотренных – *бегать по коридору* в его значении (а), т.е. как действие расшалившихся в небольшой квартире детей. Представим себе такую типичную ситуацию: из одной из комнат в квартире выходит отец или бабушка, другой какой-либо взрослый родственник, и обра-

щаясь к расшалившимся говорит *Перестаньте бегать по коридору, сколько можно, у нас у всех уже болит голова!*

Значение не столько сказанного, поскольку сказанное в его совокупности вписывается в интересующее нас представление 'бегать по коридору' в рассматриваемом для него проявлении, сколько значение этого самого в данном случае *бегать* при *по коридору*, прежде чем его описать, представляется важным определить по нескольким основаниям. Реально-возможный вид и характер такого бега – как первое, обуславливаемый производимыми, в том числе и сопровождающими, действиями определенных субъектов. Перцептивно-отображенный характер того же бега в имеющихся условиях – как второе. И третье (возможно, что не последнее, но на нем остановимся) – сенситивно-воздействующий характер, побудивший необходимость именно данного реагирования со стороны произнесшего фразу лица, имеющего целью воздействие на производителя (не единичного в данном случае) с целью добиться от него соответствующим образом ориентированной конечной реакции (прекращения производимого бега, но, главным образом, того, что сопровождает и следует из него в отношении пребывающей в непосредственной близости лиц).

Реальный (вероятно-реальный, поскольку субъективно интерпретируемый и представляемый) характер бега, в контексте сказанного, предстает как 1) более или менее длительно, 2) одновременно, но не монотонно, 3) прерывисто, неогранизованно и хаотично 4) производимые действия по ускоренному перемещению с помощью ног (дети, в первую очередь, носятся, т.е. бегают, а не быстро ходят в подобных условиях), 5) сопровождаемые, по-видимому, громкими звуками, криками, шумом, гамом и топотом, 6) совершаемые субъектами, эмоционально и психологически еще не сложившимися, а потому легко поддающимся беспокоящим окружение несбалансированно-эйфорическим проявлениям, 7) в ограниченно замкнутом и небольшом для совершения подобных действий пространстве, 8) непосредственно примыкающим к помещению (помещениям), в котором в данный момент находятся другие субъекты, 9) уравновешенного и сформировавшегося эмоционально-психологического положения-статуса (взрослые), 10) не склонные поэтому к таким проявлениям, 11) реагирующие в силу своего в данный момент состояния эмоционально-физиологическим неприятием на производимые действия означенными в (5) субъектами, 12) выступающими по отношению к ним (т.е. взрослым в других помещениях) воспитуемо-зависимыми и младшими, к тому же, по-видимому, и кровно родственными (рожденными ими, по крайней мере, какие-то, если не все).

Перцептивно-отображенный характер определяемого бега, следуя из его реального представления, акцентировал бы внимание 1) на его пространственно-временной избыточности (понимаемой как отсутствие необходимо оправдывающей обоснованности в данном месте, в данных условиях, в данный момент) и 2) реальной возможности его прекратить, по причине а) его вызывающего неприятие и раздражение характера и б) способности директивно-императивным образом повлиять на субъектов в) в силу их подчиненного, возрастом и положением, статуса.

Сенситивно-воздействующий характер, следуя в сенситивной части из пунктов (1) и (2а), а в воздействующей, соответственно, из (2), (2б) и (2в) перцептивно-отображенных значений, сводился бы к необходимости внутренне (предварительно, возможно, и договорившись совместно) подготовить и объявить 1) свое неприятие следующего из пунктов (1-11) реального, в данный момент наблюдаемо производимого, положения вещей, с тем чтобы 2) непосред-

ственным образом, опираясь также на пункт (12) того же реального положения вещей, воздействовал на производителей, повлиять на них в том отношении, чтобы они прекратили осуществляемые ими действия.

На этой основе можно было бы говорить о компонентном составе рассматриваемого значения, складывающегося, по крайней мере, из трех – реального, перцептивного и сенситивного проявлений. В редуцированно-свернутом виде значение это в составе указанных компонентов предстает как ‘бег-1 (т.е. быстрые перемещения с помощью ног), пространственно-замкнутый, неотрегулированный, мотивационно избыточный, аудио-раздражающий, производимый в силу эмоционального возбуждения, вызывающий неприятие и стремление его как имеющееся состояние оборвать, стремление, объявляемое императивно как необходимость’. То есть это был бы, бег, относящийся к группе различных по своему характеру аффектированных состояний его пульсатива (бега-1, как ему соответствующего отталкивающегося движения ног).

Выведенное значение может быть сформулировано на основе каких-то, определяемых как общие, категориальных параметров и семантических показателей (типа замкнутость, неотрегулированность, избыточность и т.п.), а тем самым, формализовано и более точно определено, что невозможно сделать на материале одного примера. Значение это является проявлением и входит в состав модели, лежащей в основании группы себе подобных составов и единиц, сходных по внутренней форме, семантике и структуре.

Модель, соответственно, в отношении изучаемого материала следовало бы определять как структурно организованное представление категориальных признаков, проявляющих и обнаруживающих себя в соответствующих позициях, каким-то значимым образом связываемых между собой в виде конструкций и комбинаций, тех позиций, которые применительно к бегу ведут себя как позиции валентностных сочетаний.

Попробуем показать это на рассматриваемом примере. Предположим, что это самое *бегать по коридору* в своей описываемой семантике относится к группе охарактеризованной ранее на материале езды как сенситив, что вполне допустимо с учетом его перцептивной и воздействующей составляющих. Сенситив этот будет иметь отношение к такому проявлению бега, которое было определено как пульсатив, т.е. бег, понимаемый, прежде всего, с позиции физического, производимого с помощью ног, действия, без существенности той составляющей, которая предполагает перемещение в пространстве, имеющее в виду какой-либо значимый результат, реализующий себя через изменение исходного местоположения. Такого вида бег относился бы к группе иного рода. Не пульсатива, а, скажем, сепаратива, как одной из возможных, предполагающего в качестве характеризующей составляющей своим достигаемым результатом удаление, отдаление, отделение от какого-то места и положения в пространстве, связываемых с тем или иным избегаемым в ряде случаев состоянием. Избегание при этом также необходимо рассматривать как одно из возможных значений для сепаратива, формирующих одну из его категориальных групп.

Итак, для рассматриваемого значения *бегать по коридору* как вероятные представляются те категориальные признаки, которые находят свое отражение и продолжение в сенситиве пульсатива для бега. Признаки эти, выводимые для сенситива, представлялись бы как такие, которые проецировали бы характер бега в стеснении, в замкнуто-ограниченном в пространственном отношении помещении, не (вполне) подходящим для совершения бега, с одной стороны, и теми, кто его производит как беспорядочный и перцептивно-избыточный (шум,

крики, топание и т.п.), с другой, что предполагает его негативно-оценочную характеристику с позиции тех, кто находится рядом, а также в том числе и говорящего.

Сенситивный характер производимого таким образом бега, тем самым, следовал бы из характеристик тех категориальных признаков, которые связывались бы а) с нерелевантностью позиционного проявления где в отношении бега, следующей из несоответствия места параметру разрешающей площади (открытого плоского места для бега); б) с нерегулятивностью (неорганизованностью, хаотичностью) характера его проявления, обусловливаемого в) типичными свойствами тех, кто его производит (в данном случае дети), что ведет (а, б, в) в своем сочетании к г) его раздражающему характеру, мешающему нормальному либо желаемому состоянию, в отношении к тем, кто находится рядом. Данные категориальные признаки связываются, с одной стороны, с сенситивом, влияя на ту или иную его характеристику, формируя одну из возможных его разновидностей, с другой, проявляют себя в отношении позиционных мест (производитель совершаемого действия – место – характер действия – его отношение к тем, кто рядом), значимо типовые объединения которых, формируя структуру, и представляет саму описываемую модель.

Модель, таким образом, должна относиться к одной из возможных групп и подгрупп того смыслового объединения, которое себя проявляет на уровне как сенситив пульсатива (либо что-то еще), отображая для этой группы (подгруппы) один из возможных составов для ней характерных категориальных семантических признаков, объединенных в структурные комбинации, реализующие себя в виде тех или иных семантических единиц, выражающих себя с помощью тех или иных вербально-невербальных сочетаний в виде слов и смысловых представлений.

Тем самым, на самом верхнем, манифестируемом, уровне имеется некая единица, выражающая себя с помощью (как в данном случае) сочетания *бегать по коридору*, связываемого с представлением о том, что это для говорящего и воспринимающего может в имеющемся коммуникативном контексте обозначать, т.е. имеющая собственную конкретизированную семантику в ее реальном, перцептивном и сенситивном составах. Подобная единица, представляя собой комбинацию определенным образом объединенных семантических признаков, реализует в своем составе некую обобщенную, стоящую за нею, структурно-смысловую модель, относящуюся наряду с подобными ей другими к одной из подгрупп (одного из возможных уровней) какой-либо группы, входящей в состав (наряду с другими того же уровня) в то, что, будучи равно по уровню сенситиву, представляет собой проекцию более общего объединения, равного пульсативу, сепаративу либо чему-то еще, как одной из проекций бега. Модель, тем самым, предстает обобщением смысла, реализуемого далее единицей (выражаемой с помощью *бегать по коридору* в значении, определенном как (а), или первое) и связывающего этот смысл с тем, что, выступая еще более значимо общим, характеризует бег как фрагмент ментальной действительности в самых разных его проявлениях и которое (данное значимо общее) себя проявляет для бега в виде соотносимых по уровням объединений семантических признаков парадигматического устройства.

Модель, иными словами, является структурно организованным объединением парадигматических признаков, реализующих себя в семантических единицах вербально-невербальных манифестаций характеризуемой ментальной действительности, выступая, тем самым, опосредующим звеном между пара-

дигматикой и синтагматикой всего того, что связано в ней с представлением, в данном случае, бега, но таким же образом и чего-то еще.

Существенными для модели, ее структуры, состава, как уже говорилось, являются проекции точек, характеризуемые в том или ином смысловом отношении и связываемые каким-то типичным образом между собой. Такими точками для единицы, выражаемой с помощью *бегать по коридору* в рассматриваемом значении, как было отмечено, выступают 1) производители действия; 2) пространство, в пределах которого оно производится; 3) производимое действие, представляемое с точки зрения а) регулятивности, б) длительности, в) направленности, в) результативности, г) цели, д) сопровождающих проявлений (предикатов-комитативов); 4) обсерваторы-реактанты (т.е. те, кто присутствуя и наблюдая, воспринимая производимое действие и его проявления, одновременно каким-либо образом реагирует на него), определяемые для контекста как такие, которые а) испытывают его воздействие на себе и б) своим ответным воздействием на производителя, стремятся производимое действие прекратить.

Перечисленные позиционные точки и образуют модель, которую можно представить в виде формулы $[A-D(r-i-d-s-f-c)|L]>O|R>Pr/D-A-L/$, где А, соответственно, производитель, D – действие, r – его регулятивность, i – длительность, d – направленность, s – результативность, f – цель, c – сопровождения, O|R – обсерватор-реактант, Pr – запрет-прекращение. Читалась бы подобная формула приблизительно следующим образом: ‘производимое А в месте L действие D ведет к реакции запрещения D-A-L со стороны присутствующего при том обсерватора O|R’, имея, тем самым, обобщающим смыслом ‘воздействующе-реактивный характер, объявляющийся в прохибитативе для производителя со стороны реактанта’ (запрете того, чем для данного случая выступает бег). Модель относилась бы к группе воздействующих (контагиозных) в сенситиве для пульсатива, подгруппе реактивных в группе воздействующих с проекцией запретительных (прохибитативных) для реактивных (как тип реактивов).

Указанную модель вполне допустимо рассматривать также в другом отношении и в иной связи, организуя ее структурно, по характеризующей формуле и в семантике как-то еще, с учетом каких-то других акцентирующих определяемое значение признаков, получая, тем самым, другую модель. Одна и та же смысловая единица, стоящая за выражением *бегать по коридору* для (а), может, следовательно, в своей конкретно-контекстуальной и перцептивной семантике акцентно интерпретироваться по-разному, находя свое выражение в разных моделях, а тем самым, и формулах.

В виде модели, тем самым, мы получаем одну из возможных интерпретативных версий одного и того же значения, какой-то его обусловленный вариант – вероятными обстоятельствами, проявляющими себя особенностями воспринимающего либо какими-то уточняющими параметрами, актуализирующимися при восприятии. Принимаемая интерпретативная версия значения единицы, становясь проявлением модели, той либо какой-то иной, становится средством реализации существующего в представлениях данной ментальной действительности одного из ее узуальных мотивов, как типичных, характеризующих регуляторов и концептуально-оценочных ориентиров для нее. Модель, тем самым, непосредственно связывается с интерпретативно-акцентной семантикой выражаемой смысловой единицы, с одной стороны, и узуальным мотивом, с другой, с которым данная единица в данном ее смысловом повороте и соотносится через модель.

Рассматриваемое представление, применительно к определяемой единице, получает свое развитие в уточнении всех составляющих определяемой модели. В отношении вида и характера А: дети, как то, чем являются для сознания и восприятия в отношении бега эти самые дети как потенциальные его производители, т.е. несбалансированные, незрелые, эмоционально и психологически не подготовленные к чему-то серьезному, способные, без соответствующего организующего воздействия взрослых, к бегу как к хаотической беготне. В отношении вида и характера D как производимого ими действия, проявляющего себя в характеризующих его г (нерегулярность), i (избыточно воспринимаемая длительность), d (неорганизованная, беспорядочная разнонаправленность), s (нулевая, а тем самым бессмысленная, результативность, фактическая безрезультатность, ни во имя чего), f (отсутствие видимо оправдывающей производимое действие цели, бесцельность), с (шум, крики, топот как избыточествующий интенсив). В отношении вида и характера L как не (вполне) подходящего места для бега, в силу пространственной замкнутой ограниченности и примыкающей близости к также не предназначенным для совершения бега местам. В отношении O|R (взрослые, расположенные к покою и тишине) и его Pг (объявляемый директивно-императивный запрет, возможный и действенный в силу зависимого обусловленно-связанного положения А для O|R).

Представленное как уточненное в отношении характеризуемой единицы значение может быть далеко не единственным для той же модели 'воздействующе-реактивного прохибитатива для производителя действия (бега) со стороны реактанта'. В этом случае следует говорить не об акцентно-интерпретативных вариативах одной и той же смысловой единицы, выражаемой с помощью слов и не только слов, а о разных смысловых единицах, относящихся к общей модели и выступающих как ее проективные реализации. Оставим, однако, без рассмотрения этот важный с теоретических позиций вопрос, поскольку его объяснение и иллюстрация потребовали бы и немалого места, и привлечения материала, отстоящего от предмета исследования.

Узуальным мотивом, связывающим анализируемую единицу в избранной нами акцентно-интерпретативной семантике, находящей свое выражение в охарактеризованной перед этим модели, видится нечто, похожее на представление о том, что «бег, производимый в квартире расшалившимися детьми, нарушая спокойствие взрослых, в ней находящихся, им очень мешает и их раздражает». В качестве исходного для мотива можно принять одну только первую часть, поскольку ее продолжение может быть разным (ср., к примеру, «бег, производимый в квартире расшалившимися детьми, оживляет и радует» или «бег, производимый в квартире расшалившимися детьми, свидетельствует об их здоровье и бодрости» и т.п.). Данное положение позволяет, тем самым, говорить об узуальном мотиве бега, производимого (в квартире) расшалившимися детьми, с возможными распространениями, каждое из которых также будет представлять собой узуальный мотив, составного, т.е. расширенного, не минимального, типа.

В результате, с одной стороны, мы выходим, тем самым, на те или иные мотивы, как общепонятные, общепринятые и общеизвестные, т.е. узуальные. Связываемые с представлением бега, они находят свое выражение в единицах различного вида и типа *бегать (бег, бежать) трусцой (по утрам, по вечерам, по ночам), бежать впереди поезда (впереди лошади, кобылы, впереди телеги), бежать за трамваем, спринтерский бег, бегать (беготня) по станциям, бежать ночью по лесу (по бульвару, по улицам), бежать позади всех* и т.д.

При этом важным оказывается вопрос, какие из единиц будут связываться в сознании с более или менее легко устанавливаемыми и значимыми мотивами, оказываясь способными их выражать, а какие, возможно, и нет, или не сразу, не непосредственно, не значимо или неоднозначно (ср., напр., такие, как *бежать туда и сюда* или *бежать куда глаза глядят* с *бежать слева, справа, по улице, бегать на стадионе, бежать за другом*). Тем самым, важным также оказывается вопрос, какими должны быть те единицы, которые связываются с тем или иным узуальным мотивом? Каков их возможный и необходимый вид, достаточный как минимальный и как расширенный состав, для каких ситуаций и случаев?

В то время как с другой стороны, мы выходим на представление о чем-то, каких-то обобщенных значениях, соотносимых с рассматриваемым узуальным мотивом, не обязательно связанных, а может, и вовсе не связанных с бегом, типа «дети могут взрослым мешать, доставляя им беспокойства и неприятности своим поведением», «дети любят бегать, шуметь, кричать, вести себя неорганизованно и беспорядочно», «бестолковая и шумная беготня – свойство расшалившихся или дурно воспитанных детей», «в квартире не следует бегать», «взрослые в доме хотят тишины и покоя», «в доме люди, как правило, отдыхают», «дом не место для беспорядка и суеты» и т.п.

Следует ли считать подобные представления узуальными мотивами, представляется вопросом не однозначным. Возможно, в той мере, а соответственно, и в таком оформлении, которые связываются с теми или иными описываемыми моделями и единицами, находясь с ними в отношениях взаимно последовательного отображения. Поскольку предметом данного рассмотрения являются виды и формы бега, все остальные возможные вербальные и не только вербальные проявления характеризуемой ментальной действительности не могли быть объектом внимания. Указанные теоретические вопросы, связываемые с представлением узуальных мотивов и их отличием от чего-то другого, будут по этой причине решаться на анализируемом материале. На том же анализируемом материале, предполагающем большее разнообразие и возможность сравнения разного, будет производиться и более полное представление об узуальных мотивах.

Уточнением узуальных мотивов в отношении данного происходящего, их своеобразным привязыванием к окружению, а также средством и способом реализации в вероятных контекстах служат узуальные обстоятельства. Проявляются эти последние в параметрах времени, места, в характеристиках предикатных свойств. Особенность их заключается в том, что они, как и мотивы, которые они уточняют и сопровождают, нередко входя в их состав и распространяя в том или ином отношении, проявляют типичные знания и представления носителей данного сознания о своем окружении, выступая, тем самым, средствами проявления данной ментальной действительности, фактически ее элементами.

Из этого следует то, что это не просто те реальные обстоятельства, в которых реализуется, осуществляясь, то или иное происходящее, а совокупности типизируемых, общераспознаваемых представлений о возможных параметрах, значимых для проживаемой действительности данного социального пребывания. Той действительности, которая существует как в коллективном, так и в индивидуальном сознании как ее актуальный и узнаваемый ментальный образ, отбираемый на основе реального, но просеиваемый далее, складываемый в целое и обобщаемый. Образ, ориентированный к обобщенно-доступным знаниям, ко-

гнитивным возможностям, потребностям, ожиданиям, исторически сложившимся обусловленностям, существовавшим и существующим ценностям, экзистенциальному, в том числе и житейскому бытовому, опыту и ведущим идеям данного национального коллектива. Тот образ, который отображает позицию «я» в его отношении к окружению, как к другому «я», другим «я», так и к не-«я», т.е. тому, что, не обладая эссенциальными признаками своего самотождества, не распознается и, тем самым, не воплощает себя для сознания как наделенная объединяющими общими знаниями социально-индивидуальная данность.

Указанная позиция также содержит (способна в себе содержать) внутренне осознаваемые, полуосознаваемые, равно как и не осознаваемые, представления не только о прагматике, но и о сущности своего, равно как и не своего, бытия и своих (не своих) в нем места, возможной роли и назначении, даже если они, эти представления, воспринимаются как лишённые смысла, т.е. нулевые или с показателем 'минус', что также необходимо воспринимать как дифференциальные признаки.

Применительно к анализируемому примеру (*бегать по коридору* в отношении 'бега, производимого (в квартире) расшалившимися детьми') к характеризующим, определяемым нами как узуальные, обстоятельствам следовало бы отнести, в первую очередь, взятое в скобки (в квартире), уже выступающее как необходимое уточнение того мотива, который может себя проявлять, оставаясь все тем же в типологическом отношении 'бегом шалящих детей', – на улице, во дворе, в подъезде, на лестничной площадке и пр. Но не на проезжей части, скажем, дороги, на трамвайных или железнодорожных путях, в каком-нибудь водоеме, в воде, под мостом, на стройке, в предназначенном к сносу доме и т.п. Поскольку эти последние обстоятельства содержат в себе представление о другом в типологическом отношении 'беге шалящих детей', связываемым не столько с проекцией неудовольствия и раздражения, предполагающего нарушенное спокойствие взрослых, сколько, в первую очередь, с грозящими им (детям) из этого бега и неизбежно его сопровождающими опасностями, при которых нарушенное спокойствие взрослых приобретает иной характер, получая более значимый и акцентно повышенный вид. Таким образом, узуальные обстоятельства, выступая как уточнения, инкорпорируясь в узуальный мотив, в какой-то части своей способны иметь по отношению к нему типологизирующий и дифференциальный характер.

Узуальными обстоятельствами, уточняющими и определяющими данный узуальный мотив в отношении к его представлению для ситуативной проекции 'бегать по коридору', будут характер самой квартиры, скорее всего и в первую очередь, как наиболее типовая для данной ментальной действительности, не слишком большой или даже совсем небольшой. Иными словами, за актуализируемым выражением *бегать по коридору* (имея в виду детей и квартиру) стоит представление о том, что 'типичная городская квартира обычно невелика и по этой причине не может служить подходящим местом для целого ряда действий, особенно если они производятся некоторым совокупным множеством лиц'. За всем этим стоит, безусловно, и представление о том, что такое в отношении всё той же городской квартиры признаки 'большой / небольшой, средний / маленький, слишком маленький', 'удобный / не слишком удобный / совсем неудобный' и пр.

Характер квартиры предполагает сопровождающим, хотя и не называемым без специальной необходимости, представлением ее вероятный состав и

устройство – среднетипичное количество помещений, их расположение, назначение, вид, величину, заставленность мебелью, место расположения и вероятный объем коридора и пр.

В этом месте, имея перед глазами рассматриваемый в своих проективах пример, стоит еще раз обратить внимание на узуальный характер определяемых обстоятельств. Данные обстоятельства узуальны в силу того, что за ними стоят не конкретно реализуемые виды и формы их проявления в той или иной ситуации, а обобщенно-типичные, ментальные, возможно также и знаковые, о них представления. Одно дело квартира какая-то определенная, наблюдаемая и осознаваемая во всех своих свойствах и признаках – столько-то комнат, такая-то кухня и там-то, такой-то и так-то расположенный коридор, освещенная так-то и так-то, имеющие те и другие особенности, в чем-то своем специфичная. И другое дело среднегородская квартира как таковая, а точнее обобщенно-типичное представление о ней, допускающее вариативность, далеко не всегда существенную с точки зрения узуальных мотивов в своей вероятной и также типической конкретизации. Поскольку для разбираемых случаев и проявлений важно не то, каковы конкретно и именно те или иные, будь то типичные или индивидуальные, свойства и признаки данного фигурирующего в контексте мотива объекта или явления, а его свойства и признаки как типового элемента состава целого.

К узуальным обстоятельствам рассматриваемого проявления того же мотива относятся также, помимо пространственных характеристик типичной квартиры как 'небольшой' и коридора как 'узкого, тесного и малоудобного', в отношении предполагаемого бега, производимого в ней расшалившимися детьми, также перцептивное время, представляемое как 'избыточно-длительное'. В противном случае, если бы то же самое время было непродолжительным, оно не успело бы так раздражить, вызывая реакцию неприятия с директивным императивом прекращения бега.

К тем же самым, определяемым как узуальные обстоятельства, следует отнести предикатные характеристики производимого бега, сопровождаемые шумом, возможными криками, производимым внутри коридора беспорядком, топотом ног и т.п., что укладывается в представление об 'избыточной интенсивности' и 'тумульзативности' (лат. *tumultus* 'смятение, беспорядок'; 'шум, гам'; 'бушевание', от *tumeo* 'вздыхаться, вздуваться'; 'быть охваченным чем-л.'; 'волноваться').

К узуальным обстоятельствам производимого бега, участвующим в его представлении как интенсивного раздражителя, следовало бы относить также 'непосредственную пространственную близость присутствующих', находящихся где-то рядом, в помещениях, примыкающих к коридору, тонкие стены, отделяющие, в первую очередь, помещения внутри квартиры, а потому легко пропускающие практически каждый звук (их звукопроницаемость как отделяюще-изолирующих помещений состава), неплотно закрывающиеся, не закрывающиеся и/или тонкие двери, способствующие тому же свойству звуковой пропускаемости, а возможно и их отсутствие в отношении каких-то квартир и т.п.

В результате следовало бы говорить об обстоятельствах, проявляющих себя узуально в отношении такой обобщенно-типичной проекции участников ситуации 'бегать по коридору', т.е. ее актантов, которое обуславливает типичное ее восприятие и сложившееся, существующее знание о ней как о раздражающей (ситуации дезакцептива), сопровождаясь неудовольствием и неприятием с позиции одного из участников (обозначенных ранее как объект-реактант, O|R), результирующей в заявляемом этим O|R директивном императиве прекращения

производимого действия, т.е. прерывания, приостановки развития ситуации. Активно задействуемыми участниками характеризуемой ситуации, проявляющими себя в указанных обстоятельствах узуального представления, тем самым, становятся по представленной ранее формуле $[|A-D(r-i-d-s-f-c)|L]>O|R>Pr/D-A-L/$:

- дети (A) как те, кому свойственно, проявляя свою эмоциональную, психологическую и физическую неуравновешенную незрелость, стремление к шалостям, шуму и беспорядку (тумульгативность), в ситуации 'бегать по коридору' выступающие в роли производителя действия, т.е. агента (узуальные обстоятельства для агента представляются в виде для него характерно-типичных в указанном отношении свойств, обобщаемых в признаке 'тумульгативность');

- производимый ими бег, как действие-предикат (D), характеризуемый в отношении рассмотренных ранее 'избыточной длительности перцептивного времени', 'избыточной интенсивности' и 'тумульгативности' (проявляющей себя в этом случае не как атрибутивное свойство агента, а как предикатное свойство производимого действия, – актуализация виртуального свойства);

- коридор и квартира (квартира – как большее и включающее и непосредственно действующее своими свойствами применительно к ситуации для коридора, а потому и то и другое предполагает проекцию к L), воспринимаемые как место производимого действия и наблюдаемых, отображенных его последствий, характеризуемые в отношении узуальных своих обстоятельств по перечисленным ранее признакам несоответствия и неприспособленности, с точки зрения пространственного объема ('тесный, узкий, малоудобный', 'небольшой'), взаимной непосредственной близости (смежности), звуковой проницаемости и т.п.;

- присутствующие в непосредственной близости взрослые (O|R), находящиеся в помещении (помещениях) рядом (предполагаемое их месторасположение – одно из таких узуальных по своему характеру обстоятельств), соответствующим образом воспринимающие происходящее в коридоре, что результируется в их состоянии неудовольствия и раздражения (статальный дезакцептив – как еще одно узуальное обстоятельство в отношении объекта присутствия и реагирования);

- предикат реагирования O|R как директивный императив прерывания происходящего (Pr ситуации), адресуемый производителю (A) в отношении действия (D), осуществляемого в непосредственной близости к O|R, не подходящий к тому же для данного D, как реальное и для него возможное L (Pr /D-A-L/).

И то, что это директивный императив, возможный в силу рассмотренных ранее отношений между A и O|R (дети – родители, взрослые), и сами подобные отношения, их вероятно-типичный характер, и допустимый сопровождающий модально-ориентированный волюнтатив (высказываемое неприятие, недовольство, строгость тона, непререкаемость, требование немедленного подчинения), и его обобщенно-актуализируемая ко времени мотивация (*у нас у всех, и уже, и что болит голова, при этом и то, что 'болит голова', и то, что 'у всех', не обязательно следует понимать буквально, речь, скорее, идет о субъективно переживаемой интенсивности, а потому и экспрессивной усиленности, состояния нарушенного спокойствия, эмоционального раздражения и неприятия происходящего*), – все это, равно как и что-то другое, предполагаемо-возможное и типичное в отношении данного положения вещей, следует относить к узуальным

обстоятельствам предиката его прерывания (как реагирования со стороны и мотивационно-каузирующей позиции O|R).

Бегать *не первого (не основного) значения (с уточнением видовых параметров бега)*

Бегать второго значения, предполагая направленность действия, дает представление о сочетаниях иного рода, чем определяемые для значения первого. Смысл производимого действия сводится в этом случае не столько к способу передвижения в пространстве по более или менее плоской поверхности с помощью ног, сколько к достижению (стремлению к достижению) в результате такого передвижения какого-л. пространственного объекта, находящегося на расстоянии от начального места движения (места расположения). Речь при этом, собственно, идет не о беге, а о ходьбе, представляемой в экспрессивном и динамическом виде, подчеркивающим не столько характер производимого передвижения, его бóльшую, чем обычно, стремительность, сколько модально-волеустремленную устремленность к более скорому, сжатому, сконцентрированному осуществлению действия по достижению объекта-цели.

2. (*разг.*) Ходить куда-л., посещать кого-что-л. **Бегать куда**: (*предлог «в» с вин.*) ~ в школу, в институт, в кино, в магазин, в столовую, в аптеку ...; (*предлог «на» с вин.*) ~ на работу, на почту, на занятия, на танцы, на свидания, на каток ...; (*предлог «к» с дат.*) (*о человеке*) ~ к другу, к родителям, к нам, к Мухиным ...; (*предлог «по» с дат.*) ~ по гостям, по знакомым, по магазинам, по театрам, по кино, по концертам ...; (*с нареч.*) ~ туда, сюда, домой ... **Бегать с какой целью**: (*предлог «за» с твор.*) (*о человеке*) ~ за врачом, за ним, за ней, за Аней ... за продуктами, за хлебом, за молоком, за водой, за лекарством, за билетами ...; (*с неопр. ф.*) ~ обедать, купаться, встречать кого-л., провожать кого-л. ... **Бегать как часто**: ~ часто, редко, иногда, ежедневно, каждый день, каждый вечер, всё время ...

Особенностью данного вида передвижения, называемого *бегом*, является, так же как и у *ходить*, помимо регулятивной нередко повторяемости в том же самом пространственно представляемом пределе, наличие целевого объекта как назначения, воспринимаемого и имеющего свой смысл как локализатор (школа, институт, магазин, почта, каток) чего-л. в нем привычно имеющегося или производимого. Как само это производимое (занятия, танцы, свидания), как имеющий самостоятельный смысл целевой объект (друг, родители, мы, Мухины, те, к кому ходят в гости, знакомые, врач, Аня, продукты, хлеб, молоко, вода, лекарство, билеты).

При этом, если в первом случае, локализатор, обозначаясь, имеет смысл как место, в котором реализуется, должна реализовывать себя, достигаемая вследствие 'бега' цель (в школу, институт бегают, чтобы учиться или учить, в магазин – за покупками, на почту – чтобы отправить что-л. или, наоборот, получить), то есть метонимически предполагает указание на эту цель, то во втором и третьем случаях, наоборот, обозначаемая цель достижения метонимически предполагает знание о том, где происходит то либо другое, куда необходимо ради этого бегать.

Бегать на занятия, на танцы, на свидания, к другу, к родителям, по гостям, по знакомым, за хлебом фактически означает бегать туда, где происходят

занятия (в институт, университет), где обычно танцуют, где назначена встреча, свидание, где живет друг, родители, мы, знакомые, где принимают гостей, где находится врач и т.п. Подразумеваемый локализатор в этих двух случаях просто не эксплицирован.

Во всех трех рассмотренных случаях, тем самым, следовало бы говорить о месте объекта цели, своего рода единстве для представления в отношении бега как "местообъектоцель". Место, куда бегут (идут) всякий раз из цепочки себя повторяющих однонаправленных действий, имеющих общую цель, есть тем пространственно реализуемым объектом, по направлению к которому действие по передвижению из начальной точки к конечной точке себя физически осуществляет (школа, институт, магазин, почта и пр.). Это место-объект конечной точки движения, осуществляемого ради достижения цели, реализуемой в данном месте-объекте. Объект, если он не тождествен месту, предполагает место своего пребывания, по отношению к которому производится действие, направляемое к такому объекту, с тем чтобы данный объект достичь, пространственно совместившись с ним (друг, родители, мы, Аня, врач). Объект в этом случае становится целью, отождествляется с ней: к другу бегают как к другу, потому что он друг, также к родителям, Ане, врачу и пр. Иными словами, это объект-цель, или объектоцель, обретаемый в результате движения, направленного к нему, в ему свойственном месте, его позиционном месте. И, наконец, цель, воспринимаемая как объект, то, по направлению к чему производится передвижение, цель-объект, или целеобъект, так же как и предыдущий находящийся в ему свойственном месте, его позиционном месте: за хлебом (цель) бегают, чтобы получить хлеб (объект) там, где (место) он есть, где его продают или дают, так же за молоком, за продуктами, за водой и т.п.

Структурное представление данного 'бегать', тем самым, можно свести к наличию а) производителя действия, б) места как в) его (производимого действия) объекта, г) цели и д) регулярности, повторяемости (периодически, время от времени и/или как часто). Из десяти ранее выводившихся точек, реализуемых в 1) средстве передвижения; 2) месте конечного достижения (конечной точки); 3) месте отправки (начальной точки); 4) цели движения; 5) пространстве движения (трассе и ее составляющих); 6) времени нахождения в движении; 7) способе его совершения; 8) модальном характере (желательно, предполагаемо, ожидаемо, намереваемо, как скоро, когда); 9) месторасположении движущегося в средстве передвижения и 10) реализации в совершаемом действии, – актуальными представляются в отношении *бегать* второго значения позиции 1 (производящий движение, выступающий средством передвижения), 2 (подразумеваясь как локализатор объекта-цели), 4 (разделяясь на собственно цель и объект как цель достижения) и 7 (определяясь к представлению о регулярности).

Все остальные позиции – 3, как место начальной точки; 5, как пространство движения, трасса; 6, как время движения; 8, его модальный характер; 10, реализация в совершаемом действии (его начало, осуществление в фазах, завершение, результат), за исключением 9, имеющей отношение к транспорту, т.е. езде, – все эти позиции, подразумеваясь и допускаясь, также способны в контекстах в случае необходимости себя проявлять. Понятное дело, что для того, чтобы бегать в школу, в институт, к другу, по магазинам и пр., необходимо откуда-то этот бег совершать. В обычном своем представлении это место, где производитель бега находится, пребывает, будучи у себя, т.е. вне проявляемой им, требующей выхода за пределы своего более или менее постоянного пребывания деятельности. Это место снятия, освобождения от внешнего, остановки,

покоя и неучастия в нем, по крайней мере, воспринимаемое и представляемое таковым.

Если *бегать* значения первого акцентировало перемещение с помощью соответствующего действия ног, выступая в типичном случае как действие-пульсатив – пульсирующие, т.е. воспринимаемые как отталкивающиеся от поверхности, более или менее стремительно продвигаясь по ней, ритмически повторяемые действия / усиленно напряженных, пружинно действующих при этом ног (это последнее после знака / следует воспринимать как одну из семантических разновидностей пульсатива, который по своему характеру шире, чем *бегать* только первого из значений), – то, соответственно, *бегать* второго значения, включая и допуская возможность для пульсатива, проявляет себя, акцентируясь на чем-то другом. Это *бегать*, следовательно, относится к категориальным группам значения пульсатива было бы неправомерно. Это *бегать*, скорее и в первую очередь, какой-то внутренне ориентированной, интенционально сопровождаемой, усиленной, направляемой к своему достижению устремленности. Определим в этом месте на данном этапе это как-нибудь так, обозначив как категориальные группы общего им значения прокурсива: лат. *procurro*, *procursum* ‘выбегать вперед (ex castris; castrum ‘из укрепления, форта)’; ‘спешно выступать, спешить (в дорогу, в путь, в поход)’; ‘выдаваться, выступать вперед’; *procurso* [intens. к *procurro*] ‘выбегать вперед; воен. производить набеги’; *procursum* [от *procurro*] ‘движение вперед, быстрое продвижение (войск)’; *procursum* [от *procurso*] ‘набег, стычка’; *procursum* [от *procurso*] воен. ‘лёгкие передовые отряды (завязывавшие бой)’.

Оттолкнувшись от сказанного в отношении *бегать* пульсатива и *бегать* прокурсива, попробуем проанализировать типичные конструкции в вероятных их значениях, не вдаваясь, хотя бы и в необходимые, подробности, с тем чтобы оставаться на поверхности какого-то обобщения. Возьмем для этого лишь некоторые сочетания с предлогом *за*. *Бегать за лесом, домом, зайцем, крокодилом, за зайцами, машиной / машинами, за хлебом, молоком, за Васей, трамваем, поездом, телегой, учителем, девочками, мальчиками, юбками, штанами, девочкой, мальчиком, юбкой, каждой юбкой* и пр., – что все это принципиально может означать и от чего характер того и другого означаемого зависит, при условии обращения к не уточняемому и дополнительно не определяемому употреблению в контексте. Аналогичным образом возможным было бы рассмотрение *бегать* с предлогами *от, в, на, по, перед, между* и т.д., предполагающие нечто другое.

Вполне понятно, что в указанных конструкциях сама семантика предлога *за* будет различной, но, реализуя себя в позиции при *бегать* и в соединении с существительным в творительном падеже, характер представления об объекте, выражаемом таким существительным, и должен управлять, определяя вид возможного значения, как в отношении *за*, так и в отношении *бегать*. Семантика *бегать за чем*, иначе говоря, будет обуславливаться этим самым *чем*, природой означаемого им объекта. Однако прежде чем это разобрать, начнем с определения возможных групп таких объектов, проявляющих себя для представления о ‘бегать’.

Начнем с того, что представление о *бегать за* с занятой позицией творительного существительного (*чем*) изначально, хотя и не всегда, может быть воспринято неоднозначно. Так, если *бегать за лесом, за домом* трудно воспринимать как-то неоднозначно, то *бегать за машиной / машинами, за Васей, за трамваем* такими быть могут.

1. Итак, *бегать за лесом, за домом* означают для бега пульсатив, производимый в своем осуществлении в месте, пространственно определяемом пределом тыльной стороны объемного объекта, по отношению к которому наблюдатель находится в позиции *en face*, т.е. лицом к нему, либо внутри него. То, что 'за лесом' или 'за домом', в отношении 'бегать' представляется как ограниченный предел, от леса или дома в протяженности того или другого на какое-то не определяемое точно удаление от них, в пределах осознаваемого, как условно видимого, восприятия, представляемое как примыкание на какой-то радиус и/или площадь.

Бегать за лесом, за домом, иными словами, означает производить соответствующие для первого значения движения ногами (туда и обратно, в разное время, в разных направлениях) по плоскости пространства (площади), открывающегося за лесом (домом) и распространенного на какую-то приемлемую для представления, перцептивно акцептируемую, глубину. Такое пространство, соответственно, как плоскость, площадь, по которой бегать, будет большим в представлении для леса и меньшим по сравнению с домом, т.е. зависимым от их величины. Дом и лес в этом случае можно рассматривать как 'начальный (открывающий) пространственно обозначенный предел для площади перемещения в беге', и это следует рассматривать как их семантику.

Той же семантикой могут обладать позиции творительного падежа в конструкциях *бегать за машиной / машинами, за трамваем, поездом, телегой*, при условии, что данные транспортные средства не находятся в движении и воспринимаются, в первую очередь, с позиции своей объемно-плоскостной, кубической, величины, т.е. как объекты, обладающие формой, составляющими их сторонами и объемом. В том случае, если эти средства находятся в движении, по крайней мере, обычном и свойственном им, бегать за ними, продолжая относиться к пульсативу, будет означать другое по своему характеру движение и действие, а предлог *за* получит иное смысловое выражение. В МАС это значение дается как «II. С творительным падежом. 1. || при указании предмета, лица и т.п., непосредственно позади которого, с другой стороны которого что-л. помещается, происходит и т.п.».

2. *Бегать за машиной / машинами, за трамваем, поездом, телегой* (а также *за зайцем, крокодилом, зайцами, за Васей, учителем, за девочками, мальчиками, девочкой, мальчиком*, но не всегда и при условии не производимого ими подобного и в том же направлении движения), означая все тот же пульсатив, представляет его в отношении действия, осуществляемого как следование, предполагающее позицию перемещения того, кто его производит, в непосредственной пространственной видимой близости (незначительной отдаленности) от другого объекта как производителя такого же или подобного действия и в общем для них направлении. В МАС это значение «II. 3. у предлога *за* – при обозначении лица, предмета и т.п., непосредственно позади, после которого движется, идет, располагается и т.п. кто-, что-л.».

Следует обратить внимание на то, что рассматриваемые примеры могут быть не однозначны, представляя различными как разновидность действия в отношении субъектно-объектных соотношений, так и характер самого производимого действия. Речь идет о различии, связываемом с тем, что, к примеру, *бегать за машиной*, может обозначать:

1) 'машину' как целевой объект, который также может иметь различное представление – а) как то, за чем бегают (во втором значении *бегать*, т.е. 'быстро, спешно ходить куда-л.') с целью вызова либо с тем, чтобы ее пригнать:

Скорой помощи не дождешься, приходится бегать каждый раз за машиной. По утрам чуть ли не каждый день вижу, как он бегаёт в гараж за машиной; б) как то, что, имея целью приобрести, требует со стороны желающего каких-то активных, связанных с перемещениями в пространстве, движений, в одном и том же направлении или в разных: *Вторую неделю бегают за (все той же) машиной, хозяин ломается, не продает. Мы долго бегали за (своей) машиной, пока, наконец, не купили, какую хотели;*

2) 'машину' как объект ориентирующей локализации производимого каким-то субъектом действия (значение, как в *бегать за лесом, за домом*, рассмотренное ранее): *Да вон он, смотри, не видишь, что ли, за машиной бегают;*

3) 'машину' как объект препозиционного передвижения по отношению к другому объекту в общем для них направлении: *Это такое же глупое дело, как за машиной бегать, все равно не догонишь. Дети, перестаньте бегать за папиной машиной по двору, тоже мне, развлечение себе нашли!*

Во всех этих случаях производимое в беге действие представляется разным образом: как регулярное и повторяющееся, могущее иметь как постоянно однонаправленный, так и не однонаправленный вид (как в примерах в пункте 1); как действие, осуществляемое в данный момент на глазах и производимое в ту и в другую сторону, не обязательно на одной линии, возможно также не однонаправленно и беспорядочно (2); как действие, которое на самом деле не действие, а приписываемое или привычное свойство (как в первом примере для 3), представляемое через такое же действие, имеющее некую продолжительность и направленно неупорядоченный вид (как во втором примере того же 3).

Характер и разновидность того или иного выражаемого глаголом *бегать* действия будут зависеть в каждом подобном случае от того, что было названо узуальными обстоятельствами, проявляемыми как в объектах сопровождения (машина, лес, дом, поезд, трамвай, крокодил, зайцы, Вася и пр.), так и в других уточняющих и проявляемых через контексты условиях (выражаемых через вербальные средства – вербализаторы *скорая помощь, не дождешься, приходится, каждый раз, по утрам, каждый день, гараж, вторую неделю, хозяин (машины), ломаться, долго* (в отношении поисков и приобретения), *купить (машину), догнать, дети, папа, двор, (детские) развлечения* и т.п.).

И в том и в другом отношениях важными будут общеизвестные, характерные для данной ментальной действительности, представления – о том, что такое скорая помощь, всегда ли и как скоро она по вызову приезжает, особенно в какой-либо (скажем, сельской) местности; о том, что такое утро буднего дня для тех, кто работает; что такое гараж для того, кто имеет и не имеет машину; что такое покупка новой или не новой машины; что такое владелец (хозяин) машины, который ее продает; что такое дети и их отец, в каких они могут быть отношениях; что такое игры (развлечения) детей во дворе и т.п. Все эти знания и условия, так или иначе, прямо ли, косвенно, находят свое отражение в том, что проявляет себя как действие либо не действие, а что-то другое, представляемое и выражаемое с помощью их характеризующего глагола *бегать*.

С другой стороны, при общности выделяемых значений, как в примерах *бегать за лесом, за домом, за машиной / машинами* (объекта ориентирующей локализации производимого действия), равно как и какого-то общего для другой какой-либо группы, имеет смысл в интересующем нас отношении обращать внимание на различный характер потенциально производимых кем-либо дей-

ствий. Одно дело *бегать за лесом* и другое *за домом* или *за машиной / машинами*.

Опуская возможные уточнения, привносимые реально предполагаемым контекстом и обусловленные далеко не в последнюю очередь тем, кто может в принципе такой бег совершать, концентрируясь только на типовом представлении, следовало бы отметить, что сам характер бега за лесом или за домом, а тем более за машиной / машинами, если это объекты ориентирующей локализации, будет восприниматься сознанием как различный.

Характер такого отличия, определяясь, в первую очередь, мерой пространственной составляющей (пространство за лесом в отношении площади не равно пространству за домом, а те, соответственно, за машиной / машинами), так и другими, влияющими на представление о беге: вероятная натуральность (дикость) / цивилизованность, скажем, места за лесом / за домом, за машиной, машинами и т.п., будет связан с различными представлениями о производимом беге. Ограничениями подобного рода отличий должны быть те обстоятельства, которые воспринимаются как узуальные, связываясь с тем, что типично для данной ментальной действительности, являясь общим для сознания тех, кто экзистенциально находится в ней. Внеконтекстное употребление, иными словами, тех или иных единиц будет связываться с тем, что, вписывая себя в какое-то общее представление, определяет себя для сознания в отношении данного представления в каких-то параметрах, способных в ситуативных формах себя уточнять.

Бегать за лесом, тем самым, к примеру, воспринимается как какой-то возможный в своих параметрах и возможном своем проявлении бег, отличный от бега за домом, за машиной / машинами, за рекой, за лугом или чем-то другим, в осознаваемых отношениях, определяемых в параметрах характера места, который, как бег за лесом, далее, воспринимаясь как такой и такой, способен себя в тех же параметрах (если они не снимаются при актуализации) в ситуациях употребления уточнять.

Существует, тем самым, некое виртуальное представление о 'бегать за лесом' в отношении вида производимого действия, которое, актуализируясь, может выглядеть как-то так либо как-то иначе, укладываясь в это имеющееся виртуальное представление либо, возможно также, смещая, а в каких-то специфических случаях, и нейтрализуя его, что возможно опять же по той причине и в силу того, что имеется виртуально-исходное представление, на основе которого способна та или иная специфика себя проявить.

Контексты *Каждое утро мы с ним бегаем вон за тем лесом; Зайцы бегают в поле за лесом; Бегали долго за лесом, пока не напали на лесника; Кони вырвались из конюшни и бегают где-нибудь там за лесом* дают всякий раз не сходное представление о производимом действии, не всегда ожидаемое, хотя и вполне укладываемое в виртуальное. В то время как другие, какие-нибудь типа *Слон бегают за машиной в поисках корма; Бегающие за домом гиппопотамы ведут себя очень культурно; Обезьяны бегают сначала за лесом, а потом приходят к домам*, в существующее виртуальное представление, характерное для описываемой ментальной действительности, не укладываясь, хотя и не противоречит тому, что значит 'бегать за машиной', 'за домом', 'за лесом' в целом, к данной ментальной действительности не относясь, не давая представления об уточняющих обстоятельствах производимого бега, не привязывая его к ним, делает его не вполне очевидным, воспринимаемым в реализации с определенными допусками, несколько обобщенно и предположительно. Верификация сказанно-

го не содержит представления о том, каким образом слон может бегать в поисках корма за машиной – что это за машина, какой это корм, где все это может происходить, обычно ли это, с чем это связано, проявлением чего выступает (равно как и все остальное второго и третьего из приведенных высказываний), – а следовательно, и не дает достаточно ясного представления о производимом им беге, который по этой причине, не получая возможности быть достаточно уточненным, может быть определен лишь до какого-то более или менее обобщенного и типового уровня, с предположительными параметральными характеристиками, соотносимыми с узуальными, но, возможно, не равными им.

3. *Бегать за хлебом, за молоком*, а также, возможно, в определенном контексте, *за Васей, учителем, девочками, мальчиками, юбками, штанами, девочкой, мальчиком, каждой юбкой* предполагает значением действие, охарактеризованное ранее как прокурсив в его внутренне ориентированной, направляемой к своему достижению устремленности, реализуемой в пространственном, возможно быстром и интенсивном (по крайней мере, представляемом как такое), передвижении с помощью ног, имеющем целью пространственное приближение, совмещение, с объектом осуществляемого достижения.

Действие, таким образом, представляется как имеющее целевой объект, достигаемый в результате движения, направленного к нему. *Бегать за хлебом*, следовательно, в наиболее типичном случае, будет обозначать более или менее регулярное и повторяющееся, производимое с помощью ног, перемещение в пространстве по направлению к месту (конечной точке), обычно одному и тому же, где имеется, продается хлеб, с целью его приобретения и такого же, тем же путем возвращения с приобретенным хлебом к месту начала движения, с тем чтобы с ним вернуться, его (обычно домой) принести. Подобное действие воспринимается как периодическое, производимое по мере необходимости, и челночное (в ту и в обратную сторону), по целевому объекту. Таким же выглядит и представление о 'бегать за молоком'.

Несколько отличную группу составят единицы типа *бегать за Васей, за учителем*, а также, в определенном контексте, *за девочками, мальчиками, юбками, штанами*, если иметь в виду под этим действием, так же как и в предыдущем случае, прокурсив целевого объекта, отличающийся от предыдущего тем, что при известной, если не регулярной, то все же, скорее всего, повторяющейся ситуации, данное действие не производится (не обязательно производится) по направлению к одному и тому же определенному месту (конечной точке), т.е. не будет иметь челночный характер.

Бегать за Васей, следовательно, будет предполагать направленное движение туда, где Вася в данный момент находится либо может в данный момент находится (что не обязательно будет каждый раз одним и тем же местом его пребывания), с тем чтобы его позвать, возможно, также (что чаще) за собой привести. В отличие от молока и хлеба при этом такие объекты, как Вася, учитель, девочки, мальчики и т.п., составляют к тому же иную цель, являясь объектами не приобретения и принесения, а призывания и приведения, привлечения их к месту начала движения. Прокурсив целевого объекта получает вид непериодически (не обязательно периодически) повторяющегося неоднаправленного (не обязательно однаправленного), но возвращающегося к своему исходу, движения, на объект по привлечению (не приобретению) его к месту исхода движения (начальной точке).

Конструкции типа *бегать за юбками, за штанами*, имея такой же непериодически повторяющийся характер, отличаясь от предыдущих видом объекта

(не привлечения, а приобретения), в этом будут обнаруживать сходство с хлебом и молоком. Тем самым, следует говорить о прокурсиве итеративно-реверсного типа в отношении целевого объекта привлечения (объект-аттрактив) либо приобретения (объект-акквизитив) для каузатора (в том числе, возможно также, и агента) движения.

Бегать за юбками, за штанами, за юбкой может иметь и другое значение. Одно дело 'бегать за юбками', 'за штанами' как действие повторяющееся, ср.: *Сколько ни бегаю здесь за юбками (за штанами), а все никак не могу найти подходящей (подходящих)*. И другое дело, как действие неоднаправленное, но одноразовое: *Целый день бегала за юбками, устала как зверь!* От предыдущего данное действие отличается тем, что это прокурсив не итеративного (многократного), а (одно)кратного типа, при совпадении во всем остальном, как объектный акквизитив агента (и каузатора).

4. *Бегать за учителем, за Васей* и пр. может иметь значением действие, вызванное необходимостью интересующий целевой объект застать, с тем чтобы что-то от него получить, чего-то от него для себя добиться, либо, имея перед собой, в непосредственной близости, следуя за ним неотступно, стараться выпросить, т.е. также добиться чего-нибудь от него. Ср.: *Теперь тебе придется за учителем бегать, чтобы исправить оценку*, с одной стороны, и *Бегают за учителем, как последний дурак, думает, это поможет*, с другой. И в том и в другом случае такой целевой объект должен быть одушевленным и обозначать человека.

Отличие характера производимого действия, определяемого как прокурсив, но не реверсного, а персекутивного типа, как и в примере с юбками, отмечаемого в предыдущем значении (3), будет состоять в его повторяемости для первого и однократности для второго случая. Первое, следовательно, можно определить как прокурсив итеративно-персекутивного, а второе – как прокурсив интерруптивно-персекутивного типа в отношении целевого объекта, воспринимаемого как объект-каптатив: *persequor, persecutus sum* 'неотступно следовать, сопровождать'; 'преследовать, гнаться за кем-л.'; *interruptus* 'отдельный, одиночный'; *captatio* 'погоня (за чем-л.), ловля, домогательство'; *capto, captatum* 'хватать, ловить'; 'стараться достать, усиленно добиваться, гнаться, настойчиво домогаться'; с. *aliquem* 'стараться расположить кого-л. в свою пользу'.

5. И, наконец, еще одно значение из возможных для выбранных примеров сводилось бы к такому представлению о *бегать за девочками, мальчиками, юбками, штанами, каждой юбкой*, а в отдельных случаях – *за Васей, девочкой, мальчиком, юбкой* (последние три предполагают индивидуализирующее уточняющее определение типа *за своей девочкой, за новым мальчиком, за юбкой со второго этажа*), которое в МАС определяется как оттенок у глагола *бегать* для значения четвертого: «4. *за кем*. Неотступно следовать. || *Прост.* Ухаживать.»

С этой точки зрения рассматриваемое представление можно было бы воспринимать как разновидность предыдущего, т.е. прокурсива итеративно-персекутивного типа, с некоторым отличием, скорее уточнением, в объекте. Оставаясь объектом каптатива (стремления захватить, застать, достать, добиться внимания, т.е. целевым объектом настойчивого домогательства), такой объект воспринимается далее не столько в том отношении, чтобы получить от него чего-то для себя и в свою пользу (каптатив акквизитива), сколько для того, чтобы, заполучив его самого, им завладеть, привлечь, обратить его внимание на себя

(каптатив обсессив-каритатива: *obsideo, obsessum* [об 'к, перед, против'; *sedeo* 'сидеть'; 'оставаться, находиться, пребывать'; *воен.* 'стоять'; 'плотно облегать'] 'завладевать, владеть; занимать, оккупировать'; 'теснить, притеснять, стеснять'; 'осаждать, обложить, блокировать'; 'подстергать, высматривать, выслеживать: *о.* *aliquid* 'выждать удобный случай для чего-л.'; *obsido, obsessum* 'занимать, захватывать, завладевать'; 'обложить, осаждать'; *obsidio* 'обложение, осада'; 'пленение, плен'; *caritas* [от *carus* 'дорогой, стоящий, оцениваемый'; 'любезный, милый': *aliquem carum habere* 'нежно любить кого-л.'] 'уважение, почет, привязанность'; 'предмет любви, привязанности').

В результате (1-5) получаем одно значение пульсатива в отношении пространственного объекта (*бегать за лесом, за домом*), воспринимаемого как 'начальный (открывающий) предел для площади перемещения в беге' (ареально-инвентивный объект-терминатив) и четыре разновидности значения прокурсива – а) для объекта препозиционного передвижения (*бегать за машиной, за трамваем, поездом*) и объекта целевого – б) периодически-радиального (челночного) (*бегать за хлебом, за молоком*) и в) итеративно-реверсного типов, оба (б и в) с разновидностями в объекте-аттрактиве (*бегать за учителем, за Васей*) и объекте-акквизитиве (*бегать за хлебом, за молоком*) и, наконец, прокурсив г) персекутивного значения, с разновидностями в итеративе и интерруптиве, с объектом каптативом для акквизитива (*бегать за юбками, штанами с целью их приобрести*) и обсессив-каритатива (*бегать за девочками, за мальчиками, за каждой юбкой*).

Из всего этого для дальнейшего потребуются два важных представления, которые в последующем будут, дополняясь, уточняться. Во-первых, то, что характер, или форма, вид, производимого в 'беге' действия, передаваемого с помощью глагола *бегать*, его словообразовательно-морфологических производных (*бег, беганье, беготня, бегун, беглец, беженец, в бегах, выбегать, пробегать, забегать, перебегать* и т.п.), а также подразумеваемо не выражаемых смыслов, – эти интересующие нас форма, вид, характер 'бега' (как действия и как не действия, а какого-нибудь достигаемого состояния, смены, перехода и т.д.) могут зависеть от характера объекта направленности 'бега' как включения в бег (напр., *бегать за лесом* или *за домом* не вполне одно и то же) либо объекта целевого достижения как результата (*бегать за хлебом, молоком, с одной стороны, и за учителем; за девочками, юбками, с другой*), предполагаясь изначально, но не однозначно, для построенных по типу значимого сочетания слов конструкций (словосочетаний), и реализуясь более очевидно и, возможно, однозначно в употреблении, в составе также значимых, обычно узуально, контекстно объясняющих ситуативные значения предложений. На материале всего этого могут быть построены модели, как изначально существующие для сознания структурно представляемые образцы узуально значимых реализаций тех или иных значений 'бега'. Эти возможные модели также будут предметом дальнейшего определения.

И, во-вторых, из существующего многообразия различных форм и видов 'бега' можно выводить то, что характерно, значимо и типично для определенного сознания (вида, разновидности сознания, не типа). Как сознания носителей каких-то общих представлений, укладываемых в их собственные представления об окружающем, того, в чем и чем они живут как в характерной для них и характеризующей их самих действительности (их ментальной действительности). Иными словами, речь пойдет об идиоматике, о национально-специфическом, индивидуальном в формах, видах и моделях 'бега', которое, как

известно, отчасти может совпадать с универсальным и типологическим (для какой-то группы), а отчасти и не совпадать, но и в совпадающей, объединяющей с чем-то другим и/или бóльшим, акценты и порядки, своеобразная аранжировка и характер вписывания, вхождение в систему, позиции и подчинение ей, все это делает индивидуальным и то, что по своему изначальному характеру является типологическим и универсальным.

Для «во-первых» существенными оказываются представления в отношении 'бега' о том, что такое лес, к примеру (как поросшее деревьями пространство, могущее быть объектом-локализатором, внутри которого, вокруг которого, перед которым, около которого, при котором, за которым и т.п. может производиться в своих реализациях бег). То есть это место втягивания, включения в бег, которое становится одновременно способом его (бега) определения и ориентирующей локализации – где и какого вида этот, имеющий то или иное отношение к лесу, выступает бег. Такое представление о лесе, равно как и какое-то другое, будет рассматриваться как ментально значимое, имеющее вид и смысл для носителей данного сознания в отношении характерных для них представлений о действительности окружающего, в отношении их ментальной действительности.

То же самое касается тех представлений, которые определяют в рассматриваемом отношении, скажем, с одной стороны, хлеб и молоко, с другой, трамвай, машину, поезд, с третьей, учителя, девочек, юбки, штаны и т.п. Если первые два типично связываются с тем, что покупают, с тем чтобы иметь, приобрести, как продукты необходимого и регулярного питания (продукты первой необходимости, ср. какое-нибудь *бегать за черной икрой* или *устрицами* совсем другого представления, хотя и в том же, но при этом контрастируемом, ряду), то вторые, будучи транспортными средствами, проецируясь к движению, в отношении бега будут связываться с представлением о том, как ориентирован по отношению к ним этот самый бег. Отсюда бежать можно перед ними, вслед за ними, при них, возле них, во время их движения или когда они стоят. Транспортные средства теоретически также могут быть объектом приобретения, но для характеризуемых представлений это будет касаться лишь машины (поезд, трамвай не воспринимается как собственность кого-то одного, а телега как такой объект неактуальна) и, следовательно, мы будем получать иную группу видов бега.

Представления об учителе как о производителе определенных действий, направленных им на подопечных, младших по возрасту, им обучаемых, ведомых, воспитуемых, т.е. тех его профессиональных действий, которые предполагают знания, опыт, умение, образование, высокую культуру, особенный характер поведения и пр., все эти представления, укладываясь в него как в определяемый объект в отношении бега, типически определяют этот бег как бег искания, связываемый со стремлением, добившись благосклонности, расположения, возможно, также что-то для себя от учителя и получить (оценку, похвалу и пр.).

И совсем иными будут представления о девочках, о мальчиках, о юбках и штанах, как об объектах достижения иного рода. Отсюда бегать за ними типично будет означать стремление, добившись благосклонности, включить их в сферу личного, обусловленного мотивами самоутверждения, интереса (как для себя и в собственных глазах, так и для окружения, в его глазах).

Группы и характеры типично значимых ментальных представлений об объектах (природа, мир характеризуемой действительности для данного сознания), тем самым, в немалой степени следует считать не только важными, но и в

известном смысле предопределяющими. Сочетаясь с представлениями о беге, т.е. о том, что такое бег, чем и каким он может быть, указанные представления об объектах, относимых к бегу, будут играть существенную роль при установлении форм и видов бега. Укладываясь и проецируясь в своем строении и в своих значениях в модели, через них и в их составе, эти формы и виды связываются с парадигматикой системы целого. Этим системным целым и является характеризующая ментальная действительность, по отношению к которой модели форм и видов бега будут рассматриваться как определители особенностей ее природы, ее дифференциаторы, и одновременно как формы-проективы, для нее типичные, непосредственно следующие из нее и, как таковые, ей свойственные.

О характере бега в связи с направленностью его устремления

Как и характер объекта, включаемого в бег на той или иной основе, предлог, сочетающийся в конструкции с глаголом *бегать* или *бежать*, предполагает условия для проявления семантики бега. Если *бегать* при *за* направляет значение в сторону следования, устремленности и соответствующей позиции по отношению к предполагаемому объекту, завися в своем уточнении от его характера при сочетании с ним, то предлог *от* или *из* будет уже изначально давать представление о чем-то ином, о том, откуда и из чего производится действие.

Одно дело, скажем, *бегать за кем* или *за чем* и совсем другое, если не противоположное, *бегать от кого*, *от чего* (уходя, избегая, в твердом намерении и стремлении уйти, избежать) или *бежать из чего*, едва ли не сразу привязываемое в своем представлении с тем, откуда обычно бегут, из мест, вызывающих далеко не приятные впечатления и ассоциации и связываемых с каким-то стеснением, опасностями, несчастьем, бедой. Ср. такие типичные, поддерживаемые в том числе и исторически, сочетания, как *бежать от преследования*, *от помещика*, *от самодержавия*, *от властей*, *от несчастий*, *от голода*, *от нищеты* или *бежать из лагеря*, *из тюрьмы*, *из Сибири*, *из ссылки*, *из армии*.

И вместе с тем *в* или *на*, создающие впечатление, связываясь для сознания с тем, куда обычно бегут, о местах постоянного, в силу своей регулярности, устремления либо, если не постоянного и не регулярного, то желаемого и представляемого как, если и не единственный, то необходимый и вынужденный выход из существующего положения вещей, в качестве его разрешения, вызванного назревшим внутренне побуждением изменения состояния на какое-то новое, высвобождающее. Ср. в том и другом отношениях такие устойчивые сочетания, связываемые с представлениями о действительности данного существования в ее настоящем и прошлом, как *бежать (бегать) в школу*, *в институт*, *в библиотеку*, *в кино*, *на свидание*, *на работу*, *на лекцию*, *на урок*, *на занятия*, *на стадион*, *на собрание*, *на концерт*, *на танцы*, *на реку*, с одной стороны, и *бежать в город*, *в Америку*, *в Польшу*, *в Литву*, *в степь (в степи)*, *в леса*, *в горы*, *в тайгу*, *в Сибирь*, *на Дон*, *на Урал* и т.п., с совершенно другой.

Первый ряд содержит в себе представление о том обычном и регулярно осуществляемом действии, которое связывается нередко с переживаниями вполне положительными, позитивно оцениваемыми в силу их создающих причин (узуальных, прежде всего, обстоятельств). Подчеркивается это дополнительно также глаголом *бегать* / *бежать* во втором, отмечаемом словарями значении (либо оттенке первого – ‘идти, ходить, направляясь куда-л.’, быстро, поспешно, стремительно, торопясь, чтобы не опоздать, т.е. не всегда и далеко не

обязательно *бегать* / *бежать*). Эта усиленная стремительность совершаемого действия, связываясь с представлением о регулярно осуществляемом и заряженном положительно в своем проявлении, исходит внутренне от осуществляющего в направлении к объекту его устремления: школа, институт – это не плохо, если не хорошо, применительно к 'бегать', также и библиотека, а тем более кино, свидание, стадион, концерт, танцы, река и пр.

Второй ряд, в свою очередь, бег представляет как бегство, а потому как следствие далеко не положительных переживаний, тяжелых, нередко безвыходных, состояний, связываясь со стремлением не идти, ходить, направляясь куда-либо спешно, чтобы не опоздать, а уйти от чего-л., чтобы его избежать, и как можно скорее. Устремление в этом случае связывается не с объектом направленности (он часто единственный или привычный, другого, лучшего нет), а с тем, откуда, с объектом как местом исхода, создавшего то положение, от которого следует убежать. Это место стеснения, притеснения, подавления, несвободы, несчастья, голода, невыносимых условий.

Регулярность и позитивность, тем самым, связывается, может типично связываться, с устремленностью к месту, куда бежать, т.е. конечной точки перемещения, затеиваемого и производимого вслед за этим движения. Одноразовость и негативность, также типично, в первую очередь традиционно и исторически, нередко связывается с устремленностью прочь от места, из которого и от куда бежать, куда подалее, лишь бы только отсюда и при этом как можно скорей.

Закономерности эти отнюдь не случайны, закладываясь, с одной стороны, в представление о беге, каким он бывает, чем может быть, с чем связывается и что за собою нередко ведет, как в отношении бытового, житейского, опыта, так и опыта национального и исторического. И, с другой стороны, в представлении об окружающей реальной действительности, действительности существования, в которой приходится находиться и жить, претворяемой в представлениях о ней в действительность не столько реальную, сколько отображаемую, действительность представлений о ней, обозначаемую поэтому как ментальная. С ее оттенками национальных и исторических впечатлений, преобразованных в некие обобщенные интерпретативные формы для сознания современных носителей, на какой-то основе, по каким-то отнюдь не случайным, а закономерным причинам, внутренне содержащим определенные идеальные смыслы, какой-то не полностью осознаваемый, но важный и определяющий руководящий мотив.

Все перед этим сказанное попробуем далее, изучив, рассмотреть на основе того материала, который можно воспринимать как значимый для характера представляемой ментальности, ментальной действительности в ее отражении для сознания тех, кто имеет прямое, включенное, отношение к ней. Чтобы представить характер отбора подобного материала достаточным будет сравнить впечатления, с одной стороны, о том, что означает *бежать по лесу, по кругу, по коридору*, заряженные каким-то важным в ментальном отношении образом, с менее очевидными в том же смысле *бежать по берегу, по песку, по дороге*. Кто и что предполагает это лесное 'бежать', равно как по кругу, по коридору? Что значит лес, этот круг и с чем связывается в сознании, выражением каких состояний может быть коридор? В то время как бег по берегу, по песку, по дороге, также в каком-то своем отношении значимый, может не вызывать, или не сразу, или не обязательно, вызывать каких-то внутренних дополнительно значимых ассоциаций.

В свою очередь, важным в том же ментально значимом и не вызывающим колебания отношении будет *бежать в Америку, в Польшу, в Литву*, а также *в степи, в леса, на Урал, на Дон*. В то время как *в горы, в пустыню, в лес, в тундру, в море, на озёра, на болота, на Двину, на Печору, на Днепр* (в этом случае, скорее, будет понятен другой предлог – *за Двину, за Печору, за Днепр*), с одной стороны, способны представить совсем иной когнитивный ряд, а с другой, не всегда будут также значимы и столь же понятны. Нетипичными, хотя и понятными как повторяющие ту же модель, будут что-нибудь типа *бежать в Иран, в Китай, во Францию, в Англию, в Канаду, в Финляндию, в Турцию, в Аргентину* (граничные страны или страны более или менее устойчивой эмиграции) и мало понятными, требующими дополнительных объяснений, не слишком понятными в силу отсутствующих как ментально известных причин (узуальных к тому обстоятельству), а потому и не устойчивыми, не традиционными в своем выражении, какие-нибудь *бежать в Индию, во Вьетнам, в Корею, на Кубу, в Чехию, в Венгрию, в Армению, в Молдавию, в Казахстан*. В то время как что-нибудь типа *бежать в Израиль*, не вызывая типичного представления о том, что туда бегут, выезжая, будет связано не с эмиграцией, а со стремлением укрыться от правосудия, как *бежать в Таиланд, в Камбоджу, в Англию*. Типичным для эмиграции будет *выехать (ухать, поехать, отправляться) в Израиль*, равно как *в Канаду, в США, в Германию* (*бежали* когда-то раньше, до революции, сразу после нее, нелегально, полулегально, в то время как с определенного времени, оформляя выезд, начинают уже *выезжать*, и все это также в интересующем нас отношении значимо).

Предполагаемый далее по всем этим причинам отбор материала для определения моделей, характеризующих парадигматическую систему определяемой ментальной действительности, будет производиться исходя из критерия общепонятной значимости анализируемых смысловых единиц (не обязательно в виде устойчивых сочетаний себя проявляющих), связываемых с такими же общепонятными мотивами и обстоятельствами, обозначенных как узуальные в этой связи.

Ментально значимые представления о беге на примере фольклорных текстов (модели и их наполнение)

Начнем разбор с известного фольклорного текста, типическим образом отображающего некое ментально значимое представление о беге, которое, укладываясь в некоторую модель, получает способность внутренне действовать, интерпретируя и воплощаясь в каких-то других представлениях и единицах, входя, тем самым, в перцептивно-генеративную базу данного коллективного его, его языкового и не языкового сознания. Интересовать при анализе будет и эта модель, выводимая на данной основе, в ее собственном виде и характерности с предполагаемым отражением в чем-то другом, в каких других ментальных и языковых единицах, построенных тем же образом. Интересовать будут также и два ее состояния – воплощенное в тексте, через состав его единиц, и такое, которое можно определять как состояние обобщенно-остаточное, т.е. такое, которое, будучи актуальным, отраженным в сознании, не то чтобы искажает, а как-то стирает и преобразует то, которое существует, имеется в тексте. Это первое, как исходное, далеко не всегда соотносится при отодвижении со вторым, отраженным и сохраненным. Характер такого преобразуемого соотношения также имеет смысл воспринимать как значимый и не случайный, испытывающий воздействие включающей его в себя интерпретативной системы.

Таким выбранным для начала анализа будет сюжет русской народной сказки, представленной в «Библиотеке русского фольклора»²⁹ как «Курочка и петушок» (№ 16), «Петух и курица» (№ 17) во втором варианте. Первый вариант представляет структуру более развернутую в своих составляющих, чем второй. Возьмем по этой причине его за основу. Построение того и другого двучастно, первая часть разворачивает известный сюжет сказок о животных, определяемый как *Бегство зверей*, вторая – как *Звери в яме*.

Отвлекаясь от текстуального наполнения, происходящее можно представить в виде последовательности значимого каждый раз на единицу сначала возрастания числа подключаемых к бегству участников, а затем, после его прерывания, к их такому же убыванию. Иницирующей точкой движения выступает событие, вызывающее паническую реакцию страха первого из участников, который толкает второго к тому, чтобы бежать в лес. Навстречу бегущим в лесу попадают звери, каждый раз все более значимые и сильные, которые, спрашивая последовательно от конца цепочки к началу, куда все бегут, и получая один и тот же ответ, содержащий в себе мотивацию, находящую в первом участнике свое подтверждение как свидетеля, присоединяются к общему бегу. Прерывание происходит вследствие попадания в яму, в которой все в ней оказавшиеся начинают испытывать голод и, по общему рассуждению (во втором варианте по предложению лисы), одного за другим и съедают, в порядке от первого ко вто-

²⁹ Сказки. Книга I, М., 1988, с. 83-87.

рому и далее, пропуская третьего от конца (лису), который единственный остается в живых, выбираясь из ямы, после того как последний, медведь, сам себя убивает вследствие лисьей уловки, вытягивая кишки через задний проход.

Итак, перед нами два объединенных сюжета, в основе которых лежит число (восемь в первом и шесть во втором варианте), представляющее собой возрастание и затем убывание (разворачивание и сворачивание), сопровождаемое увеличением значимости каждого из последующих. Каждый последующий предстает больше всех предыдущих (обладатель лучшего имени во втором варианте), что себя обнаруживает сначала в беге, с его присоединением ко всем остальным, а затем в оставлении при поедании: каждый раз поедают меньшего из остающихся (с худшим именем), начиная с первого, переходя затем ко второму, третьему, четвертому и пятому (второму и третьему во втором варианте). На трех последних последовательность нарушается: поедают седьмого (пятого), восьмой (шестой), самоуничтожаясь, поедается шестым (четвертым), который единственный и уходит живым, что можно представить в виде следующей формулы:

$$[(1a+2b)+3c+\dots+8h]8 // 8-(1a-2b-\dots-5e)-6/7g-7/8h // 1/6f,$$

где цифры обозначают последовательно возрастающее, а затем убывающее количество, а буквы – участников в их появляющемся порядке.

Отвлечемся от моделирующей значимости в фольклоре различных чисел, а также и от фольклорной семантики животных как персонажей – традиционных курицы, петуха, зайца, лисы, волка, медведя (во втором варианте), с добавлением к ним, возможно локальных, горносталя и песца (в более полном первом) в ряду курочки, петушка, горносталя, зайца, песца, лисы, волка, медведя, поскольку не это будет предметом данного рассмотрения. Сознание носителей интересующих нас представлений вряд ли содержит в памяти то, какие именно и сколько их было, этих животных, не говоря уже о самой смысловой подоплеке их имен и числа. При этом, если последовательность зайца, лисы, волка, медведя общеизвестна и значима в таком повторяемом порядке, в отношении от меньшего к большему, то представления о курице и петухе в этот ряд не становятся, хотя и могут внутренне, в паре, то же самое представление от меньшего к большему содержать. Однако не будем входить в эту тему. Для нас будет важным следующее:

1) то, что развертывающаяся в данном сюжете последовательность представляет собой не слишком значительное число, неточно определяемое для сознания, воспринимаемое как объединяющее всех в известное целое, т.е. собирательно (а потому до семи/восьми для языкового сознания, с группировками чисел внутри – курочки и петушка как собирательной иницирующей пары; первых в каком-то, но расчлененном, количестве слабых, противопоставляемых сильным собирательно фигурирующим как трое вторым (лиса, волк, медведь); и, затем, сначала двоим (лиса и медведь), а в конце одному (лиса), остающимся);

2) то, что эта последовательность и это число в первой части каждый раз возрастает, а затем, во второй, убывает на единицу;

3) то, что каждая из последующих единиц имеет все большее, возрастающее, значение, что во второй части находит свое отражение при убывании;

4) то, что какое внутреннее значение способно и будет на определенном этапе происходящего убывания развертывающееся значение от меньшего к большему отменять;

5) то, что в результате происходящего убывания остается числом одно, содержательный смысл которого определяется не отменившей себя на последнем этапе величиной, а тем значением, которое ее отменило.

А теперь обратимся к бегу, неслучайно значимой стороной проявляющему себя в данном сюжете. Иницируется этот бег, как уже говорилось, первым, наименьшим и самым худшим, звеном, выступающим в качестве мотиватора и каузатора, увлекающего за собой сначала второго участника, а потом последовательно, по принципу приклеивания к последнему (принцип снежного кома), и всех остальных. Разворачивается этот бег, производимый в последовательности все увеличивающегося с каждым новым как большим участником разрастания, до какого-то не то чтобы себя исчерпывающего, но прерываемого одномоментно и резко предела, представляющего прерывание как падение в яму, т.е. обрыв на пути, прерывание пространства движения, трассы, по причине отсутствия более или менее ровной (оборванной) плоскости, необходимой для бега.

Важными составляющими для определяемого представления будут также а) характер иницирующей бег мотивации (привидевшаяся курице угроза войны, по другому сюжету – пожара, *небо горит*); б) пространство перемещения (лес, по лесу, в лесу); в) агглютинативность (приклеиваемость) всех последующих, начиная со второго, участников, связываемая с их подключаемостью как собирательной партиципируемостью, т.е. способностью, совокупно в чем-то едином и общем участвуя, себя как единое проявлять; г) угроза уничтожения, как поедания и поглощения, слабого сильным, меньшего большим, себя объявляющая при завершении (прерывании) совместно производимого действия, в данном случае бега, иницируемая кем-то значимо не случайным одним (лиса), а всеми другими, пока в живых остающимися, поддерживаемая; д) соотношением воображаемого с тем, что действительно, представляемого с тем, что реально, сильного величиной (волк, медведь) с сильным хитростью (лиса), кажущегося опасным (привидевшаяся угроза) с тем, что реально оказывается таковым (опасность быть съеденным, исходящая от лисы).

Сюжет, разворачивая представление о смерти, оборачивает его в охарактеризованное представление совместно производимого бега. Бег, интерпретируемый в этом случае как убегание, бегство, от воображаемой угрозы в лес, имея целью спастись, ведет в своем прибывающем нарастании к реальной смерти, исходящей от одного из присоединившихся в этом беге и с ним всех других, до последовательного истребления всеми всех кроме этого одного.

Сказанное можно воспринимать как семантику одной из моделей бега, определяющих собой характеризующую действительность представлений (ментальную действительность русского восприятия). Модель эту имеет смысл определять как трехчастную и последовательно разворачивающуюся: 1. Бег как средство спасения от воображаемой угрозы в лесу (бегство из дома в лес традиционно связывается с таящимися в нем, вплоть до утраты жизни, опасностями, поскольку лес далеко не то защитное пространство, которое, будучи освоено и знакомо, каждого в любой ситуации безоговорочно защитит); 2. Бег как такое средство спасения от воображаемой угрозы в лесу, которое предполагает последовательное присоединение по ходу некоторого числа других; 3. Бег как такое средство спасения от воображаемой угрозы в лесу, которое, предполагая последовательное присоединение по ходу некоторого числа других, неожиданно себя обрывает, порождая угрозу реальной смерти, распространяемой в том же, что и происшедшее в беге присоединение порядке, от первого, минуя инициатора, до конца. Первый (инициатор бега) съедается первым, второй вторым, третий

третьим, и так до изменяющего инициатором смерти порядка, пропускаемого и остающегося в живых.

Бег, тем самым, предстает как последовательно разворачиваемое в участниках бегство с целью спасения в лесу, ведущее к смерти всех кроме инициативного одного. Модель составляется структурными компонентами мотивации бега (M) – собственно бега (F) – цели (D) – места (L) – участников (P), их составом и характеристикой – завершением (C) – достижением (A), как полученным, получившимся результатом. Мотивация предшествует и провоцирует бег, определяя его как средство избежать возникшей угрозы, тем самым, содержит в себе представление (знание) об угрозе, сводящейся к нападению (немцев в первом варианте, панов – во втором) и представление о возможности ее избежать бегством в лес, который становится целью и местом реализации устремления (бег выступает как прокурсив). Бег начинается двумя участниками, количество которых по мере продвижения растет, каждый раз возрастая на единицу все большего уровня, и заканчиваясь резко и неожиданно не по воле участников падением в яму. Итогом, получившимся результатом всего происшедшего становится истребление всех участников, кроме одного (инициатора истребления), чем все рассказанное и исчерпывается. Представить сказанное можно в виде трехчастной формулы, первая часть которой разворачивает происходящее до встреч в лесу, вторая – встречи в лесу и падение в яму и третья – последовательное поедание всех кроме лисы, выходящей из ямы:

$$M > [F(L/D)P1 > P2] > [(F/M) > P3, P4, P5 \dots] > C > A > [(P1, P2, P3 \dots) < P1] > P1$$

Формула отображает вид производимого бега, представляя его в каких-то более или менее определенных условиях. Одновременно с этим ее содержание конкретизирует, опять-таки в видовом отношении, нечто более общее, стоящее за представленным в формуле наполнением. Определим это общее как модель, обуславливаемую соотносящимся с ней узуальным мотивом (мотивами), уточняемым(и) в своем наполнении теми или иными узуальными обстоятельствами. Все это в своей совокупности выступает средством характеристики организуемой ментальной действительности и одновременно составляющей частью ее, представляемой в своей парадигматике и синтагматике как определенным образом действующее порождающее устройство.

Строится формула на основе валентного соотношения некоего начала с его развитием и завершением. Начало себя проявляет в точке 1) события-первопричины (шишка курице в лоб для первого варианта, начавшийся град – для второго), 2) интерпретируемого в своей мотивации как угроза (начинающаяся стрельба = нападение со стороны врагов), 3) в поиске средства как цели ее избежать (бегство в лес), 4) обращении к поддерживающему сопровождению (петушок) и 5) разрешению начала в устремленности к цели (начавшийся бег).

Развитие себя воплощает в цепочке ряда однотипных событий: 1) каждый очередной (побуждающее начала развития), 2) обращаясь сначала к последнему из присоединившихся, выясняет (поиск интерпретирующей мотивации), 3) куда и почему все бегут (средство как направление-цель), 4) кто сказал о причине (поддерживающее средства как его объяснение), и так до первого, курочки, которая сама все видела, после чего 5) присоединяется к остальным (повторяемое разрешение устремленности к цели). Каждое такое событие-встреча, представляя собой повторение общей схемы на все более высоком уровне, становится фазой растущего усиления компонента развития в целом,

завершающего себя во всеобщем падении: разрешение устремленности к цели (5) на этапе последней, "медвежьей", фазы, оборачивается падением в яму.

Завершение также себя воплощает 1) с началом (причиной) в долгом сидении, в последовательности однотипных событий, составленных из 2) мотивации (есть захотели), 3) поиске средства удовлетворения голода (надо кого-нибудь съесть), 4) его поддерживающего, определяющего реально возможный выход, сопровождения (кто всех меньше, чье имечко хуже, того и съедим), реализующего себя в позиции 5) поедания, которое на последнем этапе данного компонента (для лисы) становится 3) средством 4) освобождения (выскочила из ямы) и 5) разрешения (и убежала), чему предшествует в своем начале как 1) причина (то, что медведь потянул себя когтями за кишки, не мог вытянуть) и 2) интерпретирующая, разрешающая, событие-средство (3) мотивация (ревел, ревел, да и сдох).

Характеризуемая формула в своем наполнении определяет бег как разновидность мотива, который можно определить словами «Паническое бегство в неведомое от мнимой угрозы грозит реальной гибелью всем кроме какого-нибудь одного». Под словом *паническое* следует понимать то, что было представлено в сказке как последовательно растущее присоединение, расширяющееся в своей значимости и числе, к общему бегу сначала одного, потом другого, третьего и т.д. (одних, других, третьих, последующих), их подхватывание и приклеивание, без достаточного к подобному проявлению основания, опирающемуся на общем страхе и пущенном слухе ("свидетельстве" не вызывающего доверия инициатора). Под словом *бегство* – массово проявляющее себя стремление одномоментно уйти, в границах пространства себя отделить, оторваться, от места данного своего пребывания, сменив его на другое, недостаточно ясно или вовсе не определенное (куда-нибудь лишь бы только скорее отсюда). Под словом *неведомое* – пространство и место чужого, потустороннего, не знакомого, неизвестного, не освоенного, не своего ('лес' в рассмотренном случае). Под словом *мнимая* – кажущаяся, кому-то привидевшаяся, ложная, не проверенная, опирающаяся не на знание, а на слухи, мнения и досужие рассуждения.

Внимания заслуживает также мысль о гибели всех кроме какого-нибудь одного, прямо связываемая с представлениями характеризуемой ментальной действительности. Этим кем-то, каким-то одним может быть (могут быть) тот или те, кто, не обязательно будучи инициатором происходящего, но, как инициатор(ы) его разрешения, по тем или иным, нередко только подразумеваемым и, как правило, тайным и скрытым причинам, неизменно выходит сухим из воды, используя ради этого всех остальных, жертвуя ими во имя собственного спасения, нередко благодаря их этим жертвам для него одного и возможного.

Бег как бегство ради спасения (фугатив)

Просматриваемая на этой основе модель сводится к представлению бега как бегства (куда-либо от чего-либо, из 'дома' в 'лес') ради спасения, что можно рассматривать как бег, предполагающий удаление, отделение от места (начальной точки) своего пребывания с целью отрыва, пространственно значимого разрыва с ним как с местом опасности и угрозы. Это бег устремления, прокурсива, в разновидности ремотивного сепаратива (отдаления и ухода как отделения и разобщения) в отношении «от угрожающего своего в представляющееся избавлением от него другое». Для модели это будет с е п а р а т и в р е -

мотива от своего угрожающего: F(Propr/Min). В основе данной модели лежит представление о беге как активном движении от (чего-л.) в или к (чему-то другому):

бег		в
бегство	от	к
бежать	из	на
бегать		за
стремительно	дом	лес
как можно	помещик	степи
скорее	власти	Дон
немедленно	страна	Урал
срочно	родина	заграница

Реализует себя модель в возможных видах и их значениях. Видом модели, определяемой как сепаратив ремотива от своего угрожающего, для данного случая будет ранее обозначенный «бег прокурсива как ремотивный сепаратив от угрожающего своего в избавляющее от него другое (представляющееся таким)». Его значением, семантической формой, то, что определялось с помощью охарактеризованной ранее формулы последовательно расширяемого бегства во всех ее составляющих.

Поддерживается модель для сознания (в отношении к характеризуемой ментальной действительности) такими усиливающими ее представлениями, как а) то, что бег, по сравнению с еще одним способом перемещения в пространстве с помощью ног, ходьбой, требует усиливающей (интенсифицирующей) для себя мотивации: если ходьба нейтральна (*идти, ходить куда-л.*), то бег (*бегать, бежать куда-л.*) предполагает особые, не случайные и типически представляемые случаи проявления; б) то, что бегство, в том числе также и исторически в лес, может быть средством, нередко становится средством, уйти от покушающихся на тебя, на твою жизнь, людей; в) то, что бежать далеко не всегда хорошо в коллективе, очень часто это небезопасно, может грозить убийством от тех, кто бежит с тобой; г) то, что лес, равно как другое пространство и место, потустороннее, не освоенное, не знакомое или малознакомое, не свое, с одной стороны, может служить прибежищем и защитой от грозящего со стороны освоенного, знакомого и своего, а с другой, таить в себе непредвиденные и неожиданные опасности, в силу недостаточности знания и представления о нем (угроза, понятная внутри одного, оборачивается непредсказуемой и неизвестной угрозой внутри и в пределах другого).

Узуальными обстоятельствами, уточняющими и вписывающими рассматриваемую модель в ее отношении к мотиву, охарактеризованному как паническое бегство в неведомое от мнимой угрозы и пр., становятся представления о нападении неприятелей (немцев, панов) как о реальной угрозе; о том, что реальное (шишка в лоб, начавшийся град) очень легко, поддаваясь первому, что приходит в голову, неверно истолковать (ведущаяся неприятелями стрельба); о том, что какой-нибудь один легковерный (петушок), поддавшись чьему-нибудь страху и панике (курочки), способен, поддерживая, распространить такое свое состояние на многих других; о том, что такому коллективному страху поддаться легко, а не имея возможности удостовериться в его обоснованности, побежать в толпе, действуя вместе и наравне с другими; о том, что угроза мнимая способна легко обернуться угрозой реальной, особенно, если действовать, руководствуясь страхом и в панике, и к тому же не на своей территории, не у себя; о том, что,

оказавшись в безвыходном положении, вряд ли можно рассчитывать на тех, кто в таком же безвыходном положении рядом с тобой; о том, что слабый всегда становится средством для сильного, а побеждает не сильный (и остается в живых), но тот, кто оперативнее, инициативнее, аморальнее и быстрее других, использующий их нередко в своекорыстных целях.

Согласно представленной ранее формуле перечисленные узуальные обстоятельства как ее уточнения можно соотнести с каждым из ее компонентов. Для мотивирующего (М), в составе которого первые два, имея, с одной стороны, обобщенный характер какого-то рода знаний (опасность со стороны нападающих неприятелей, начинающих военные действия, и перетолкованное реальное, становящееся поводом к действиям, не соответствующим действительному положению вещей), с другой, выступают в соотношении, в котором второе становится побуждающим основанием первого, а второе – из первого следующей и его обуславливающей одновременно причиной.

Мотивирующий компонент, таким образом, предстает в составе а) действительно происходящего (шишка в лоб, начавшийся град), которое воспринимается как б) начинающаяся стрельба, в) ведущаяся нападающими неприятелями, что г) создавая угрозу жизни, заставляет искать д) выход из опасного положения в бегстве в лес, открывающем собой следующий компонент (F).

Проецируемая в узуальных своих обстоятельствах, уточняющих происходящее, мотивация предстает как структура, составленная из соотношения компонентов а) реального (Real), состоящего из проявления в действии какого-то производителя – шишка (Ag) летящая в лоб (Act), падающий (Act) град (Ag), переходящего в воспринимаемое (Perc), распадающееся на б) действие (Act) в) тех, кто его производит (Ag) – стрельба неприятелей, что ведет к г) интерпретируемым на основе (Perc) как реально возможные для субъекта (S) последствия (Cons) в виде (S) как объекта (O) предсказуемого (Perc) как (Real) состояния (Cond) – гибель от пули, находящего д) выход в необходимости реагировать – в реагирующем действии (React), развиваемом в последующем компоненте предпринимаемого бегства (F):

(M): /Real(Act–Ag)/ > Perc/Real(Act–Ag) > Cons/Real/Poss(S/O–Cond) > (React–S/Ag)

Реальное, оказываясь для сознания воспринимающего не действительно существующим, но скрытым и неизвестным, находя свое искаженное в интерпретации отражение в воспринимаемом, становится для сознания тем действительным, субъективно, ментально, реальным, которое и побуждает, через представления о реально возможных последствиях для себя, к реально предпринимаемым в результате поиска выхода реактивным действиям.

Подобным образом в их таком же составе можно расписывать в узуальных для них обстоятельствах компоненты бегства (F), средства как пространства и цели (L/D), участников в их ролевом представительстве (P1>P2, P3,P4,P5...), завершения (C) и его результата (A) с последствиями для участников в отношении [(P1,P2,P3...)<PI] > PI.

Опустим, однако, данное представление в силу его громоздкости, одновременно с этим не слишком много вносящее для понимания существа. Важным следствием из сказанного будет то, что узуальные обстоятельства, представляя собой существующие общеизвестные и распознаваемые знания, действуя как апеллятивные механизмы в составе включающих их единиц, обращаясь к сознанию воспринимающих и опираясь на их представления о действительности,

входят в состав этих самых включающих их в себя единиц как соотносимые между собой элементы, укладываемые в конструкции и упорядочиваемые синтагматически организуемым образом.

Узуальные обстоятельства, следовательно, являются не только уточняющим средством актуализирующей и распространяющей предикации единицы ментального выражения, но и средством ее оформления, в композиционно организуемой смысловой структуре значимо распознаваемого моделирующего состава.

Тем самым, в итоге, можно и следовало бы говорить об устройстве, отдельные элементы которого, организуясь на основе существующих имманентно структур различной сложности и состава, определяемых в своих видах и формах, способны взаимно и согласованно себя представлять в единицах ментального выражения. Данные элементы одновременно с этим обладают способностью быть характеризующими, выступая заряженными носителями знаний и представлений включающего их сознания.

Их подобная значимость, общеизвестность и распознаваемость находит свое воплощение как в составе организующих их для себя единиц, эксплицируемых в виде вербально и невербально моделируемых построений, так и в составе большего – объединяющей все это ментальной действительности характеризующего ею сознания, одновременно с этим характеризуясь и определяясь им. Проявляет себя это большее на основе свойственных для него парадигматики и синтагматики, действуя как устройство и механизм, через структуры, модели и элементы состава, как своего собственного, так и организуемых эксплицируемых единиц, в значимых для них объединениях, построениях и сочетаниях.

На примере рассмотренного на материале выбранной сказки последовательно организуемого, основанного на принципе прибавления каждый раз одного, убегания – бег как бегство от (угрозы опасности в доме, т.е., тем самым) > из дома, в лес – сказанное можно продемонстрировать следующим образом. Бег как прокурсив может быть прокурсивом сепаратива, который может быть сепаративом ремотива (прокурсив ремотивного сепаратива – как семантика и структура, смысловая форма и оформление бегства), который, сужаясь далее, может быть прокурсивом ремотивного сепаратива как фугатива (ради спасения бегством), который может быть, как прокурсив ремотива-сепаратива как фугатива, быть в разновидности фугатива-тумультиватива (совершаемого в смятении, панике, страхе и беспорядке), который может иметь, в свою очередь, вид тумультиватива-мультипликатива (производимого по нарастанию), который может далее иметь вид мультипликатива как сингулятивного аддитива (производимого каждый раз прибавлением на единицу), который может быть фугативом игноративного (производимого в незнакомом пространстве) тумультиватива-мультипликатива сингулятивного аддитива, который может быть фугативом игноративного тумультиватива-мультипликатива сингулятивного аддитива в разновидности симулятивного минатива (мнимой угрозы), который в этом перечисленном всё проявляет себя в еще одной разновидности в своем завершении (перфективе) – угрозой реальной гибели (веритативный минатив перфектива) всех кроме инициативного одного (мультипликатив солютивного эксклюзива).

Стоящий за всем этим узуальный мотив «Паническое бегство в неведомое от мнимой угрозы грозит реальной гибелью всем кроме какого-нибудь одного» предстает как последовательное сужение соотносимых, входящих друг в друга, взаимно себя уточняющих признаков как обобщенно-категориальных, способных к объединениям и сочетаниям компонентов организуемых структур.

Полученная в итоге такого объединения цепочка имеет последовательно приклеивающий, агглютинативный характер, строясь по схеме 'А уточняется В; А и В как (АВ) уточняются С; А, В и С как (АВС) уточняются D; (АВСD) уточняются Е и т.д., до какого-то N': прокурсив сепаратива; (прокурсив сепаратива) ремотива, (прокурсив сепаратива ремотива) фугатива..., что в результате дает разновидность, укладываемую в последовательность объединяемых признаков, выглядящих как 'прокурсив ремотивного сепаратива для тумультативного фугатива в проекции мультипликатива сингулятивного аддитива как веритативный минатив перфектива симулятивного минатива в отношении мультипликатива, ограниченного эксклюзив-солютивом'.

Признаки эти способны соотноситься между собой не на одном, а на нескольких уровнях, уточняемых в глубину, выступая не в линии и не в цепочке, но по правилам внутренней организации, объединяясь в структуры первого, затем второго, третьего и т.д. порядка, при котором каждая последующая структурная форма предполагает возможность объединения одной структуры с другой, а также с третьей, четвертой и далее, объединения структуры с одним каким-нибудь признаком, затем с другим, третьим и далее, для создания более сложной структуры и так до конца.

Комбинации этих объединений могут быть не единственными и вариативными. Слепки, или сгустки, нескольких признаков, типа перечисленных ранее прокурсив сепаратива, прокурсив ремотивного сепаратива, сепаратив фугатива, прокурсив ремотивного фугатива, прокурсив сепаративного фугатива, прокурсив ремотивно-сепаративного фугатива, мультипликативный фугатив, тумультативный фугатив, мультипликативно-тумультативный фугатив и т.п., существуют в сознании и как отдельные, и как объединенные, т.е. составленные, ментальные единицы, имеющие, как единицы, свою структуру (устройство), семантику и содержащую, передающую то и другое, смысловую (ментальную) форму, способную себя обнаруживать и выражать, объявлять, как вербально, так и невербально.

Тем самым, представления о том, что бег может иметь устремленный характер (прокурсив), будучи действием, производимым соответствующим образом с помощью ног (пульсатив), что такой бег может производиться с тем, чтобы отделиться, уйти от чего-л. (сепаратив) вследствие удаления в пространстве от него (ремотив) и т.д. по представленной схеме, существуя в сознании по отдельности, т.е. каждое само по себе, способны к различного вида объединениям и комбинациям.

Соединяясь и сочетаясь между собой по существующим правилам как структурные образования на основе имеющихся в том же сознании моделирующих образцов, они формируют дальнейшие представления, бóльшие, меньшие, обобщенные и уточненные, часть из которых, помимо смысла содержащихся в них объясняющих и ориентирующих знаний для представителей данного коллектива, способна быть средством характеризующей квалификации, установления и описания его ментальных особенностей, выступая одновременно и вместе с тем также средством идентифицирующего и репрезентативного самотождества данного коллектива в своих представителях, а тем самым, и его самого для себя самого.

Ориентирующие и идентифицирующие (ориентативы и квалификативы) смысловые формы и единицы различаются относительно, поскольку то, что идентифицирует, воспринимаясь (или не воспринимаясь) как значимое для себя свое, одновременно с этим является также средством ориентации, а в том, что

вроде бы предстает как знание, имеющее ориентирующий характер и объясняющий смысл, способно в себе содержать, особенно в валентных и коррелятивных проекциях, неизменно характеризующий данность коллективно-ментального состояния, а тем самым, идентифицирующий и репрезентирующий признак.

Еще один вид фугатива

Отвлечемся, однако, от чисто теоретических рассуждений, с тем чтобы на основе сопоставления видов бега, закрепляемых в сознании как такие, которые характерны для данной ментальной действительности в ее актуальной, традиционной и исторической перспективе, вывести не столько общее, может быть, сколько типическое, в его отдельных, наглядно себя проявляющих как имеющиеся в сознании формах. Объектом поиска и следующего из него описания будут модели возможного бега, связываемые с теми или иными узуальными представлениями, имеющими более или менее законченный вид, как некие утверждения, знания, заявления и/или сентенции, обозначенными словом *мотивы*, которые уточняются, проявляя себя, с помощью также узуальных по своему характеру обстоятельств. Объединяется все это в виде конкретизируемых смысловых единиц (показанных ранее в формуле), находящих свое выражение в том, что мыслится и что затем говорится, в том, что знается, но не всегда говорится, способствуя восприятию и объяснению для себя окружающего и представляя собой состав определенным образом ориентированных и заряженных мысленных воображений, имеющих концептуально-оценочный и, как уже говорилось, помимо интерпретирующего, репрезентативно-идентифицирующий характер и смысл.

Продолжая начатое рассмотрением вида бега, отраженного в сюжете фольклорной сказки о бегстве зверей, обратимся еще к одной разновидности бега ради спасения, и также зверей, с тем чтобы, сопоставив более или менее близкое, вывести те отличия, которые будут иметь квалификативный характер. Этот второй сюжет предполагает поочередное бегство из дома одного, потом другого, третьего, четвертого и пятого домашних зверей от неминуемой смерти, грозящей им от ножа. Захотела баба мяса, и дед по этой причине должен зарезать, сначала петушка, который услышал и полетел за гору, потом козелка, который также услышал и убежал за гору, третьим таким же, по той же схеме, был баранчик, четвертым бычок и, наконец, пятой свиночка. Дед и баба остаются дома одни, а их животины – за горой, босые, голодные, не зная, где и как будут зиму встречать. Решают строить постройку (зимовье), двоих из них (козла и барана) ждет опасность в виде волков, которую удастся преодолеть. Заканчивается все благополучно, обретением, постройкой, нового дома.

Отличие данного вида бега как бегства от предыдущего состоит в его поочередности (по отдельности) удаления-отдаления, одного, потом, другого, третьего и т.д., а не в присоединении каждого очередного к бегущим, их соединение, собирание в одно место, за горой, производится далее как такое же по одному, одного за другим, накапливание. Затеваемый как поочередный бег, завершаясь первоначально неопределенностью, в конечном итоге, через благополучно пройденное испытание, находит свое разрешение в обретении нового дома как нового, за горой, вне людей и вдали от людей, местожительства.

Моделирующую данное положение картину можно представить как бег устремления (прокурсив) отделения и удаления (ремотивного сепаратива) в бегстве (фугатива), повторяющую в этой части начало такого же предыдущего бега, с тем чтобы его отличить в дальнейшем как бегство иного типа – в поочередной последовательности одного за другим (сингулятивно-консекутивного сегрегатива), завершаемого в таком же последовательном собирании, накоплении (перфективного кумулятива), отмеченную утратой и испытанием и через них обретением нового в отношении утраченного, отдаленного и отделенного от предыдущего.

Бег в предыдущей сказке и этот второй, тем самым, представляют собой две разновидности, два вида, общего бега как бегства во имя спасения, с отделением и удалением от одного, с его для себя как места обитания утратой, в другое, сомнительное и потенциально небезопасное место. То есть как разновидности прокурсива ремотивного сепаратива для фугатива, в этой общей, объединяющей, части предполагая единую для себя, ранее выведенную, модель «убегания от угрожающего своего в представляющееся избавлением от него другое»: $F(\text{Propr}/\text{Min})$.

Место, откуда бежать (дом как совместное место жительства) отличаясь от первого вида (в лес), создает еще одно локативное представление – за горой, т.е. за пределами, вне своего. Связываемый с этим узуальный мотив можно представить следующим образом: «Вызванное реальной угрозой жизни бегство по одному от общего для всех своего связано с трудностями и испытаниями, но при разумном сотрудничестве способно обеспечить защиту, в том числе и (вдали) от прежнего».

Тем самым, если убежание в первом случае грозило неизбежной гибелью всех убегающих за исключением одного, то во втором можно говорить о достижении в его результате общего для всех безопасного положения. Бег как бегство ради спасения (от мнимой опасности из 'дома' как своего), в 'лес', как чужое, неведомое и не свое, в первом случае дает представление о бегстве спасения, ведущем к гибели и истреблению (опуская все опосредующие). Определить его можно как фугатив экстерминатива, а связанную с ним модель $F(\text{Propr}/\text{Min})$ как $F(\text{Propr}/\text{MinFals}) > \text{Alien}/\text{ExtermReal}$. В свою очередь, бег как бегство ради спасения (от реальной опасности из 'дома' как своего), за 'гору' (не в 'лес'), но также как в чужое и не свое, во втором случае дает представление о бегстве спасения, способному привести к избавлению (через сомнение и испытание). Определить его можно как фугатив либератива с разновидностью $F(\text{Propr}/\text{Min})$ в виде $F(\text{Propr}/\text{MinReal}) > \text{Alien}/\text{LiberProb}$.

Очень важным отличием двух обозначенных видов бегства, одного, ведущего к гибели и истреблению всех кроме инициативного одного, а второго – к возможному избавлению, являются показатели мнимой и реальной угрозы, возникающей в пространстве освоенного и своего и выступающей в качестве мотивации затеваемого бегства. Это отличие мнимого от реального в отношении угрозы фактически предопределяет их различие в последствиях как утраты и гибели или, напротив, защиты и освобождения.

Оба рассмотренных случая демонстрируют разновидности, соответственно, фугатива экстерминатива и фугатива либератива. В первом случае следует говорить об экстерминативе инициативно-эксклюзивного типа (фугатив инициативно-эксклюзивного экстерминатива), что предполагает указанное ранее представление о том, что гибели подвергаются все, кроме одного, исключительность (эксклюзивность) которого основывается на том, что он высту-

пает в роли инициатора производимого по одному истребления (отсюда также и последовательно производимая исключаемость – эксклюзивность, одного за другим из состава в живых).

Либератив во втором проявляет себя в двух, также взаимно связываемых отношениях – сомнения, или сомнительности, и испытания. Сомнительность сводится к неопределенности разрешаемого положения – удастся ли остаться в живых (пережить зиму), освоившись на новом месте (построить жилье). С этим связываются возможные испытания, которые необходимо пройти. Фугатив либератива данного типа можно определить как фугатив дубитативно-пробативного либератива: лат. *dubito, dubitatum* ‘сомневаться, питать сомнения’; ‘не решаться, колебаться, медлить’; ‘быть сомнительным, нетвердым: *si fortuna dubitabit* ‘если счастье изменит’; *probo, probatum* ‘испытывать, пробовать’; ‘судить, оценивать’.

Бегство ради спасения (фугатив), предполагающее восприятие бега как устремление (прокурсив), который не обязательно реализует себя как бегпульсатив, проявляемый в соответствующих производимых ногами движениях, может быть фугативом какой-то группы – экстерминатива, либератива и др. В каждой из этих групп возможны свои разновидности, такие, как инициативно-эксклюзивный экстерминатив или дубитативно-пробативный либератив, которые далее, уточняясь, могут иметь свои разновидности и подзначения. Схему таких уточнений можно представить как наслаение признаков, способных присоединяться к различным входящим в общее представление частям.

Особенность каждого такого выделяемого вида и типа заключается в том, что они, эти виды и типы, способны себя проявлять в отношении разных значений и единиц характеризуемой ментальной действительности. Существовая, имеясь в сознании как готовый распознаваемый образец соответствующей структуры, значения и формы, связываясь с сопровождающими их узуальными мотивами и способными их проявлять узуальными обстоятельствами, они становятся выразителями изначально им свойственных оценок и представлений.

Так, рассмотренная модель фугатива дубитативно-пробативного либератива, в отношении реальной угрозы от своего, мотивирующей бегство в чужое, $F(\text{Propr}/\text{MinReal}) > \text{Alien}/\text{LiberProb}$, представляется очень значимой в отношении характеризуемой ментальной действительности. Ее воплощение легко обнаружить в исторических представлениях, связываемых с бегством в леса (от бояр, от властей, от помещиков), где объединялись в вооруженные шайки разбойников, или станичников, с бегством, также в леса и в скиты, раскольников от преследования, в том числе и церковных, властей, с бегством на Дон, на Урал, на Кавказ (Терек), за Днепр, в Сибирь, где формировалось казачество.

Все эти формы бегства ради спасения (фугатив) предполагают, помимо общего для них избавления (либератив), связываемого с неопределенностью закупаемого предприятия, его сомнительностью в своем результате (дубитатив) и с неизбежностью ожидаемых испытаний (пробатив) каждого убегающего на этом пути, также и то, что можно представить как собирание всех прибывающих по отдельности в одном месте, их накапливание, или консекутивный кумулятив, который и будет для них, этих форм, составлять дополнительно уточняющую их разновидность, – как фугатив дубитативно-пробативного консекутивно-кумулятивного либератива.

Точно таким же видом бегства ради спасения от реальной угрозы от своего и избавления от нее в не своем предстает и показанный в «Беге» М. Булгакова уход, массовый, многих и по отдельности, с элементами консекутивного

кумулятива, в Крыму, в Стамбуле, в Париже, сомнительный по своим результатам и связанный с трудными испытаниями (дубитатив-пробатив). Сложившаяся в ходе веков российской истории модель представлений о бегстве ради спасения от властей в ее именно таких, а не других проявлениях оказалась активной и действенной, распознаваемой и повторяемой в событиях позднего времени, в немалой степени предопределяя осуществляемый их характер и вид.

Фугативом либератива, возможно дубитативно-пробативного, но никак не консекутивно-кумулятивного типа можно считать и известное из российской истории бегство ради спасения (избавления) царевича Алексея из дома из-под тяжелой руки своего отца Петра, представляемое как событийное состояние *Царевич в бегах*. Царевич тайно, под видом инспекционной поездки в Воронеж на судоверфь, отправляется со своей возлюбленной за границу, в Вену, под защиту австрийского императора, своего родственника, с твердым намерением не возвращаться в Россию, пока жив отец, император Петр. Ничего из этой затеи не вышло, подсланный Петром посланник выманил его из убежища, возвратив отцу, австрийский император, возможно опасаясь дипломатических неприятностей, не возражал. Защита себя не оправдала, и избавления не произошло. Фугатив дубитативного типа (вряд ли его можно отнести к пробативным, поскольку мотив испытания не проявлен) обернулся не состоявшимся либеративом – реверсивным (возвращенным, обращенным к исходному) дислиберативом (фугатив дубитативно-реверсивного дислибератива).

О других разновидностях бега

Продолжая рассматривать различные виды бега на фольклорной, а следовательно традиционной, основе, имеет смысл обратиться не только к бегу как бегству от своего ради спасения в нем от угрозы в чужое и не свое, т.е. бегу как фугативу. Определение каких-то других и различных видов также будет иметь моделирующий характер и смысл, предопределяющий их какие-то значимые проявления в отношении исследуемой ментальной действительности. Возьмем для начала фрагменты с отображаемым в них бегом из сказки «Петушок да курочка» (№ 80 цитировавшегося источника³⁰), все остальное в ней, что не касается бега, не будет интересоваться:

Жили были петушок да курочка. Побежали они к попу на жерновца искать поповы зернышка.

Бегали, бегали, петушок нашел большое зернышко и думает: «Один съем, не дам курочке». А зернышко-то в горле застряло, петушок не мог съесть и подавился. Увидала курочка, что петушок задавился, и побежала к молочнице просить молока ... Молочница сказала: «Беги к сенокосцам, пускай накосят сена, тогда и молочка дам».

Пришла к сенокосцам ... «А сбегай, – говорят, – к кузнецам, пускай скуют косу, тогда мы тебе накосим сена».

«Кузнецы, кузнецы, скуйте косу!» ... – «Сбегай, – говорят, – к угольнице, попроси угольков, тогда и косу скуем».

Побежала курочка к угольнице ...

Угольница дала угольков, она потащила к кузнецам ... молочница дала молочка, курочка притащила молочко, а петушок уже задохся.

³⁰ Библиотека русского фольклора. Сказки. Книга I, М., 1988, с. 183.

И молочко не помогло.

В представленных фрагментах можно выделить три разновидности производимого бега:

1) Побежали они к попу на жерновца искать поповы зернышка.

2) Бегали, бегали, петушок нашел большое зернышко ... А зернышко-то в горле застряло ...

Увидала курочка, что петушок задавился, и побежала к молочнице просить молока (что представляет собою такую же разновидность, что и в 1).

3) Беги к сенокосцам ... сбегай к кузнецам ... к угольнице ... пускай накосят сена ... скуют косу ... попроси угольков ... побежала ... дала ... потащила ... не помогло.

Первое связывается с представлением о беге, имеющем очевидную цель, это бег устремления (прокурсив), характеризующийся в отношении тех, кто его совершает, в отношении того, к кому и куда, и в отношении того, для чего, ради приобретения-получения чего. Это бег как движение, направленное на конкретно интересующий объект, ради получения которого и производится бег, т.е. бег устремленного получения – прокурсива-акквизитатива.

Особенность данного вида (способного в достигаемой цели производиться не только в беге, поскольку устремление к получению, приобретению желаемого объекта может осуществлять себя в любом из возможных видов движения, – можно пойти, поехать, поплыть, полететь, чтобы что-то конкретное и желаемое получить) состоит в необходимости, по каким-то видимым и очевидным или только предполагаемым причинам, быстрого и/или страстного получения желаемого (интенсив + аффектив).

В первом случае (побежали к попу) побуждение не столь очевидно в своем усилении, акцент скорее будет на аффективе (страстно вдруг захотелось). Во втором (побежала к молочнице) усиление связывается с необходимостью получения желаемого как можно скорей (петушок подавился, пока не поздно надо помочь), – аффектив мотивируется интенсивом.

Представленный тип, таким образом, можно определить в его разновидности как прокурсив интенсивно-аффективного акквизитатива, предполагающий для модели вид A(LocPosess/Obj), т.е. бег получения (A) к месту (Loc), где находится обладатель (Posess) интересующего предмета (Obj). Узуальным мотивом, связанным с определяемым представлением будет что-нибудь вроде «Если что-то крайне необходимо (по той или иной причине), надо не поленившись за этим сбегать (лучше всего самому, а не посылая кого-нибудь)», а узуальными обстоятельствами – а) то, что далеко не всегда желаемое можно от того, кто им обладает, получить так просто и сразу, могут возникнуть трудности и осложнения, которые надо будет преодолевать; б) то, что это желаемое от обладателя можно как попросить, так и в том месте, где оно есть, взять без его веденья и согласия самому; в) то, что первое (просьба) вовсе не гарантирует получения, а второе может быть связано с возникшими вдруг опасностями и неприятностями.

Второе (бегали, бегали – петушок нашел) предполагает бег как беготню или беганье³¹ в поисках чего-либо нужного, определенного и его находку (или

³¹ То и другое в МАС, определяясь как *Действие по глаг. бегать* (в 1 знач.), характеризуется в уточняющем их оттенке такими словами: «|| Хлопоты, требующие спешки, хождения по разным местам.», т.е., фактически, как разнонаправленный в своем проявлении в отношении производимого бега интенсив-аффектив.

нет) либо (как вероятная разновидность) беганье и находку чего-либо (неожиданную или нет) в его результате. Что-то, как в предложениях типа *Бегали по квартире, искали ключи, куда они запропастились? Бегали по городу чуть не полдня, нигде не могли купить подходящих обоев. Бегала по двору в поисках забежавшего куда-то кота. Бегала вчера по двору и, представляешь, нашла рукавицу, ту самую, что три дня назад потеряла. Бегу себе по дороге и вижу – валяется кошелек.*

В отличие от предыдущего вида это бег не направленный, беспорядочный, хаотический, хотя и имеющий изначальную цель, связываемую с поиском. Определение его как прокурсива поэтому было бы не вполне оправданным. Однако и под представление пульсатива он не подходит. Пульсатив предполагает бег как действие, связанное с быстрым передвижением ног, определяемое в словарях как первое и основное значение, в то время как беготня и беганье, определяясь, прежде всего, как спешка, хлопоты, суета, хождение по разным местам, могут производиться не исключительно в так понимаемом беге. Их можно было бы определять, скорее, как спешные передвижения с помощью ног, воспринимаемые физически как ускоренная ходьба, местами, но не обязательно, бег, возможно также, и собственно бег, но не как единственное о них представление.

Из всего этого следует, что помимо бега как пульсатив, бега как прокурсив, следует говорить об еще одной разновидности, предполагающей такие обычно поспешные перемещения в пространстве с помощью ног, которые характеризуются как а) неоднаправленные в отношении места-объекта, не имеющие его как объект конечного достижения (отсутствует представление о 'бежать куда'), нередко собственно и никуда специфическим образом не направленные; б) имеющие внутренне мотивирующую, возможно также исходно предопределенную либо возникшую в результате цель, достижением которой производимые перемещения могут себя исчерпывать либо приостанавливаться и прерываться; в) цель эту следует определить как поиск либо находку – утраченного перед этим предмета; предмета как объекта желаемого получения; предмета, не предполагаемого к получению, но ставшего им, возникшего как объект, появившийся на пути.

Определим указанную разновидность как бег-реквизитив: лат. *requiro, requisitum* 'отыскивать, подыскивать, искать; устремляться, держать путь'; 'не видеть, не находить, не обнаруживать, не досчитываться'; 'иметь необходимость, нуждаться, требовать'; 'стараться узнать, расспрашивать, осведомляться'; 'исследовать' [ге- приставка, выражающая в данном случае возобновление и повторность; *quaero* 'искать, разыскивать'; 'требовать, нуждаться'; 'стараться приобрести, домогаться, добиваться, приобретать, стяжать'; 'стараться узнать, разузнавать, расспрашивать'].

Реквизитив, как и прокурсив, может быть проявлением пульсатива, его смысловой разновидностью, как в приведенном случае с петушком и курочкой, которые в поисках зерен действительно бегали, соответствующим образом передвигаясь с помощью ног, видимо по двору, там, где поповские жерновца. Однако проявление пульсатива не будет для него обязательным. Для реквизитива существенным и определяющим выступает другое – 'местообъектно не направленный поиск и/или нахождение в ходе производимого движения на пути', что и будет составлять его основное значение. Образно реквизитив можно представить как шныряние, мышкование, ищущее беганье туда и сюда, в разные стороны, в поисках чего-нибудь или без таковых как определенных, но могущих результативаться какой-нибудь произведенной находкой.

Как разновидность пульсатива-реквизитива определяемый бег, заканчиваясь получением (петушок нашел большое зернышко), следует определять как реквизитив инвентива (*invenio, inventum* ‘находить; наткнуться’; ‘добывать, обретать, получать, стяжать’), возможно как реквизитив интенсивно-аффектативного инвентива, с учетом того, что это бег развертывающего продолжения предыдущего – прокурсива интенсивно-аффектативного акквизитива (побежали к попу искать зернышка). Его моделью будет $R(Dom/Obj)$, т.е. бег поиска (R) в месте, где может находиться (Dom) интересующий объект (Obj).

Третье (беги к сенокосцам, кузнецам, угольнице и т.п.) предполагает бег по цепочке с возвращением по той же цепочке вспять к исходу, с последовательным получением предназначенного для опосредователей, но без достижения при конечном получении необходимого результата для себя, инициировавшего весь произведенный бег. Тем самым, это бег, опосредуемый в последовательно-каузирующих мотивациях, представляющий собой развитие и продолжение акквизитива (побежала к молочнице просить молока), целенаправленный и устремленный, ради получения требуемого для себя, которое, по получении, с доставкой к месту, не достигает назначения и цели (петушок уже задохся, и молоко не помогло).

Этот вид бега, как и первый, будет относиться к прокурсиву, представляя вместе с тем развертываемое оформление, какой-то вид, акквизитива, поскольку посылаемая курочка бежит каждый раз к очередному опосредователю с целью получить от него то, что требуется предыдущему. Оставаясь прокурсивом интенсивно-аффектативного акквизитива, характеризуемый бег предстает в виде цепочечной последовательности каузируемых получений от первого (молочницы) к последнему из обладателей (четвертому, угольнице), который замыкает всю цепочку, давая требуемое, тем самым, разрешая все остальные и предшествующие получения, в той же последовательности как обратной, вплоть до исходного и окончательного, оказывающегося лишенным первоначально мотивирующего смысла, т.е. не достигающим желательного результата.

Модель такого бега можно представлять как ‘бег последовательно-возвратного опосредуемого получения без достижения желаемого результата’. То есть как уточненную модель $A(LocPosess/Obj)$, рассмотренную ранее: бег получения (A) к месту (Loc), где находится обладатель (Posess) искомого объекта (Obj), – в виде $A(LocPosess/Obj)Mult(Cons/Regr)DesEx$. И это был бы дезэксиктивный акквизитив в разновидности, которую можно представлять как прокурсив интерцессив-консекутивно-регрессивного дезэксиктивного акквизитива: лат. *intercedo, intercessum* ‘входить, вступать (между), вклиниваться’; ‘находиться между’; ‘выступать посредником, посредничать’; ‘вступаться, выступать поручителем, ручаться’; ‘присоединяться’; *intercessor* ‘посредник, поручитель’; *intercessus* ‘заступничество, вмешательство, посредничество’; *regredior, regressus sum* ‘идти назад, возвращаться’; *regressus* ‘обратное движение; возвращение’; ‘обращение за помощью, возможность найти поддержку’; *exitus* [от *exeo*] ‘место выхода, выход (из дома)’; ‘повод’; ‘цель’; ‘развязка; заключение; исход, конец, завершение (года, жизни)’; *perducere aliquid ad exitum* ‘довести что-л. до конца’; ‘результат, успех’: е. *acta probat Ov[idius]. novogov*. ‘конечным результатом оправдывается дело’.

Еще одну разновидность бега, в чем-то сходную с рассмотренной ранее на первом примере убегающих в лес из дома зверей и нередкую в сказках, дает

представление о беге, вызываемом страхом, что находит свое отражение в конструкции типа *испугался (испугалась, испугались) и побежал (побежала, побежали)* (куда-то, подальше, часто к себе и домой). Сюжетных мотивов подобного рода немало, передаваемых разными средствами и словами, поэтому отвлечемся от чего-то конкретного, взяв в основание общую схему, возможную в разных для себя вариантах.

Дальнейшие разновидности фугатива

Речь пойдет о такой разновидности бега, который будет предполагать устремленно-ускоренное, интенсивно-аффективное по своей природе, пространственное передвижение, бегство ради спасения (фугатив), но не из дома (места освоенного, знакомого и своего, заряженного какой-то воображаемой или реальной угрозой), в поисках защиты от угрожающего своего, в какое-то незнакомое место, потустороннее и чужое (в лес, за гору), а, скорее, наоборот, из такого чужого или просто стороннего и нейтрального места, в страхе, вызванном чем-л. непонятным или неверно понятым, к дому либо другому месту, от страха предохраняющему (отодвигающему).

По сравнению с первыми двумя разновидностями фугатива данный осуществляется в противоположном направлении. Модель его в связи с этим будет иметь вид не $F(\text{Propr}/\text{Min})$, а $F(\text{Loc}/\text{Min})$, угроза, тем самым, возникает в каком-то месте, не обозначенном как свое. Если это существенно не свое и чужое место, то $F(\text{Loc}/\text{Min})$ преобразуется в $F(\text{Alien}/\text{Min})$, что можно рассматривать как значимый вариант $F(\text{Loc}/\text{Min})$ как основной модели. Так же, впрочем, как и $F(\text{Propr}/\text{Min})$. Дополнительной характеристикой характеризуемого фугатива, часто появляющейся в фольклорных сказках, может быть то, что это угроза воображаемая, а не реальная, и модель тогда, соответственно, приобретает вид $F(\text{Alien}/\text{MinFals}) > \text{Propr}/\text{LiberReal}$. Наиболее общей моделью, отражающей представление о стремлении избежать какой-то опасности в каком-либо месте бегством в другое место, представляющееся дающим защиту и избавление от этой опасности, будь то реальной или воображаемой, следовало бы считать $F(\text{Loc}_1/\text{Min}) > \text{Loc}_2/\text{Liber}$, в отношении которой все остальное можно рассматривать как разновидности той же группы – фугатива угрозы и избавления.

Уточняющими характеристиками модели, о которой речь – фугатива воображаемой угрозы и реального избавления в месте защитного своего, могут быть повторяющиеся и не случайные (узуальные) обстоятельства, а) иногда градуального, по возрастанию либо убыванию, мультипликатива (страх охватывает не одного, а сразу нескольких действующих субъектов от большего к меньшему или наоборот); б) нередко одновременно происходящего сразу для всех (*Insimul*) амиссива – бросания и потери (от страха, при встрече, бросают, теряя, то, что имеют, держат в руках, при себе; *amitto, amissum* ‘отпускать’; ‘оставлять, бросать’; ‘уронить, выпустить’; ‘упускать, прозевать; терять, лишаться, утрачивать’); в) то, что вызвавшее страх событие происходит в месте нередко обычного, регулярного посещения, нарушая, тем самым, своей необычностью и/или неожиданностью сложившиеся представления о привычном – абруптив регулярности (*abruptum*, *abruptum* ‘внезапно прерывать, прекращать; нарушать; отделять, отрезывать: *a. equites ab exercitu* ‘отрезывать всадников (конницу) от армии’; ‘ломать, разрушать’); г) то, что в доме, по его достижении, каждый прячется в дополнительно ограждающем месте защитного, запираемого

(градуального) своего соответствия (градуальный конгруэнтный клаустр-локатив); д) то, что каждый определяет источник страха в меру своих представлений, создавая картину общего (компаративно-генеративный экстерритив: *exterreo, exterritum* ‘пугать, испугать, всполошить; привести в ужас, поразить страхом’). В результате модель принимает такой актуализированный вид: *F(Alien/MinFals)>Propr/LiberReal* (для):

{AbruptRegul>[(GradMult)InsimulAmiss]>CongrClaustrLoc}GenerComparExterrit

Иллюстрацию данной модели находим в сказке «У страха глаза велики»:

Жили-были бабушка-старушка, внучка-хохотушка, курочка-клохтушка и мышка-норушка. Каждый день ходили они за водой. У бабушки были ведра большие, у внучки – поменьше, у курочки – с огурчик, у мышки – с наперсточек. Бабушка брала воду из колодца, внучка – из колоды, курочка – из лужицы, а мышка – из следа от поросячьего копытца. Назад идут, у бабушки вода трё-ё-х, плё-ё-х! У внучки – трёх! плёх! У курочки – трёх-трёх! плёх-плёх! У мышки – трёх-трёх-трёх! плёх-плёх-плёх!

Представленное в этом начальном фрагменте содержит значение градуального мультипликатива (бабушка – внучка – курочка – мышка, их ведра, то, откуда каждая берет воду, как плещет вода в ведре у каждой при возвращении), значение регулятива (каждый день ходили они за водой, и каждый раз все одинаковым образом повторялось).

Вот раз наши водоносы пошли за водой. Воды набрали, идут домой через огород. А в огороде яблонька росла, и на ней яблоки висели. А под яблонькой зайка сидел. Налетел на яблоньку ветерок, яблоньку качнул, яблочко хлоп – и зайке в лоб! Прыгнул зайка, да прямо нашим водоносам под ноги. Испугались они, ведра побросали и домой побежали.

Данный фрагмент содержит значение абруптива (прыгнул зайка, да прямо под ноги), нарушающего происходивший до этого повторяемый в своих проявлениях регулятив, в том числе и на трассе движения (идут домой через огород, где яблонька, на которой яблоки) и значение инсимулятивного амиссива (ведра побросали, т.е. все сразу одновременно).

Бабушка на лавку упала, внучка за бабку спряталась, курочка на печку взлетела, а мышка под печку схоронилась. Бабка охает: – Ох! Медведище меня чуть не задавил! Внучка плачет: – Бабушка, волк-то какой страшный на меня наскочил! Курочка на печке кудахчет: – Ко-ко-ко! Лиса ведь ко мне подкралась, чуть не сцапала! А мышка из-под печки пищит: – Котище-то какой усатый! Вот страху я натерпелась! А зайка в лес прибежал, под кустик лег и думает: «Вот страсти-то! Четыре охотника за мной гнались, и все с собаками; как только меня ноги унесли!» Верно говорят: «У страха глаза велики: чего нет, и то видят».

Заключительный фрагмент содержит значение градуального конгруэнтного клаустр-локатива (бабушка на лавку упала, внучка за бабку спряталась, курочка на печку взлетела, мышка под печку схоронилась) и завершающее объясняющее значение компаративно-генеративного экстерритива – соразмерно определяемого и выражаемого каждой (охает, плачет, кудахчет, пищит) источника порожденного страха (медведище меня чуть не задавил, волк на меня наскочил, лиса чуть не сцапала, котик усатый). Равным образом, как и страх того, кто оказался его источником, также вписывающийся в значение компара-

тивно-генеративного экстерритива (четыре охотника за мной гнались, и все с собаками).

В итоге сказанного следует сделать вывод о том, что бег ради спасения (фугатив), отображаясь в модели общего как исходного (от угрозы в каком-то месте в другое место, представляемое как несущее избавление) в виде $F(\text{Loc}_1/\text{Min}) > \text{Loc}_2/\text{Liber}$, может иметь разновидностями для Loc_1 привычно воспринимаемое как место чужое и не свое либо внешнее и не защищающее (Alien), и тогда Loc_2 возможен как место свое защищающее (Propri). При обратном соотношении место свое, которое содержит угрозу, реальную либо воображаемую, предполагает бегство в место чужое, воспринимаемое как то, что дает избавление.

То и другое следует воспринимать как вариативные виды исходной модели, каждый из которых способен далее получать развитие в собственных подвидовых разновидностях, актуализируемых на каком-то последовательно реализуемом уровне как уточняемая в более полном составе модель того или иного значения, определяемого в конкретизирующих обстоятельствах. Будучи узуальными, данные обстоятельства связываются с такими же узуальными по своей природе мотивами, содержащими обобщенные знания (представления) когнитивно-оценочного, ориентирующего, распознаваемого и идентифицирующего характера, что позволяет говорить о них как о средствах интерпретации внешнего с обозначенным отношением к нему со стороны коллективного его, и по этой причине таким же и также средством определения, характеристики и узнавания данного его в его представителях.

Узуальный мотив для рассмотренной сказки, отчасти себя отражающий в названии «У страха глаза велики», можно определить примерно следующим образом: «Малое и незначительное, неожиданно прерывая то, что привычно, при неспособности верной его оценки, под действием страха, к тому же множественного и ведущего к бегству, способно вырасти (в общих глазах) до размеров серьезной угрозы (опасности)». Речь идет, таким образом, об индуцирующем воздействии страха на многих в их совокупно объединяющем большинстве, вроде бы видевших и присутствовавших, однако лишенных способности в подавивший действием страха момент верно оценивать что-либо произошедшее там, где обычно оно себя не проявляет.

За всем этим стоят представления о привычном и непривычном, о том, что передает, воплощает себя во многом и каком-то его числе, о возрастании и убывании, о реальном и кажущемся при каких-то условиях, о страхе, который мешает что-либо правильно воспринимать. Данные представления можно отчасти определять как те семантические по своему характеру категории, которые стоят за узуальными мотивами, образуют и организуют их в каких-то соотношениях и порядках. Не будем, однако, входить в рассмотрение данного положения, способного, представляя наиболее общее и выводя на уровни типологического определения характеризуемой ментальной действительности, увести от задачи – характеристики видов бега, возможного в ней.

Обращая внимание на различные его виды, довольно часто в сказках себя проявляющие, ограничимся только некоторыми цитатами, без дальнейшего их распространения в контекстах, поскольку в этих случаях бег, в том числе и как бегство, вписываясь в какой-то отдельный фрагмент, выступает средством смены происходящего, развивая события, которые могут иметь далеко не всегда обусловленный бегом характер.

Иллюстрацией бегства от притеснения внутри своего в виде F(Propr/MinReal)>AlienLiberProb с последующим за этим совместным бегом (фугатив дубитативно-пробативного консекутивно-кумулятивного либератива), уже описанным ранее, может быть сказка «Овца, лиса и волк» (№ 3 цитированного источника³²). Овца бежит из гурта, встречает дорогой лису, на вопрос той, куда бог несет, отвечает, что у мужика в гурте ей житья не стало: «где баран сдурит, а все я, овца, виновата! Вот и вздумала уйти куда глаза глядят!» Лиса присоединяется к ней, объясняя это подобным образом: «Где муж мой курочку словит, а все я, лиса, виновата! Побежим-ка вместе». Через время встречается им бирюк, таким же образом и по той же причине присоединяясь к ним: «Где волчица зарежет ягненка, а все я, бирюк, виноват. Пойдемте-ка вместе». После чего консекутивно-кумулятивная часть либератива заканчивается, переходя в дубитативный пробатив. Волк, желая съесть овцу, объявляет: «А что, овца, ведь на тебе тулуп мой?» Выручает овцу лиса. По ее настоянию волк, божась, целует присягу, попадая мордой в капкан, после чего лиса с овцой «тотчас убежали от него подобру-поздорову».

Нигде в сказке не упоминается то обстоятельство, что овца бежит в лес, что бегут звери по лесу, т.е. место и траса не акцентированы, да и не везде они, собственно, и бегут, равно как и не указывается нигде точное место, куда. С точки зрения вербального выражения вначале «из гурта бежала овца». Лиса ее спрашивает: «Куда тебя, кумушка, бог несет?» Овца ей отвечает: «Вот и вздумала уйти куда глаза глядят». После чего лиса предлагает: «Побежим-ка вместе!» Повстречавшийся им бирюк спрашивает лису: «Далече ли бредешь?» Та в ответ: «Куда глаза глядят!» и рассказывает ему про свое горе. Бегут, тем самым, от горя, мотивом бегства становится горе, определяемое как перенесение вины другого: овца виновата, хотя на деле баран виноват, также лиса и бирюк. Присоединяясь к ним, тот говорит: «Пойдемте-ка вместе». Пошли. И, наконец, в конце «Лиса с овцой тотчас убежали от него подобру-поздорову».

Тем самым, бегство-уход из дома, от своего, представляясь как прокурсив, не обязательно может или должно себя выражать в виде собственно бега. Если овца бежит из гурта, то она же характеризует свое это действие как «вздумала уйти куда глаза глядят». Бежать из дома, от своего не случайно воспринимается не столько, собственно, как 'бежать' или 'убежать', сколько именно как 'уйти куда глаза глядят' и оно же, но уже не как бегство из дому, а непонятное и внешне бесцельное действие, с позиции наблюдателя и постороннего, как 'куда бог несет'.

То есть это бегство, как фугатив, представляемое в виде отодвижения (передвижения – в фазе отсутствующего начала и неопределенного с этим конца), в виде пространственного отдаления и отдаления от своего (ремотивный сепаратив / транспозитив прохождения мимо), в место и сторону не определенные, не обозначенные, а потому неизвестные. Это место как таковое, лишь бы потустороннее и не свое, за пределами и вне досягаемости для своего – ремотивно-сепаративный переградив: *regege* 'вне дома, за границей, вне отечества, в чужих краях, на чужбине'; 'за границу, в чужие края'; *reagro*, *reagratum* 'проходить, обходить, объезжать'; 'глубоко проникать, распространяться: *fama pergravit* 'распространился (разнесся) слух'; *reg-* приставка, обозначающая: 3) действие, направленное через (сквозь) что-л., по чему-л. и т.д.;

³² Библиотека русского фольклора. Сказки. Книга I..., с. 58.

ager, agri 'земля, область, территория'; 'поле, пашня, земельный участок'; 'деревня'; 'равнина'; 'земля, суша'; 'длина, глубина (поля)'.
Перегротив, в своем внутреннем представлении, как категориальный признак, включая в себя, с одной стороны, выражаемую рег- идею 'сквозь', 'через' (что-л.) и 'по' (чему-л.), а с другой, через ager – 'земли', 'территории как пространства поля и пашни, суши в ее длину-глубину', 'пространственной плоскости человеческого, а отчасти поэтому и своего', довольно точно передает смысл того сквозного, проскакивающего, пробегающего по поверхности ухода от своего в таком же сквозном и проскакивающем по поверхности направлении к другому в его таком же регегге, передаваемом словами *куда глаза глядят*. 'Куда глаза глядят' означает не просто так себе неизвестно куда, а постоянно, все время, перед собой и сквозь, не останавливаясь ни на чем, не задерживаясь, в скользящем, сквозном продвижении 'вдоль через вширь', предполагая пересекаемое как место (территорию, землю, поле и сушу) движения дальше, а не остановки и завершения, и так всякий раз, на новом каждый раз месте и открывшемся взору поле, со своим открыванием, открывающим каждый раз следующее.

Вместе с тем, если овца и лиса 'бегут' (*из гурта бежала овца, побежим-ка вместе, лиса с овцой убежали от бирюка*), то с появлением бирюка осуществляемое действие принимает другой характер – *далече ли бредешь?, пойдете-ка вместе, пошли*. Действие не просто, утяжеляясь, задерживается, оно по самому своему характеру становится тем, что в 'бредешь' – без видимой цели, как-нибудь лишь бы как, куда попало и наугад, но не куда глаза глядят, т.е. не 'через' и 'сквозь', но 'по' без этих 'сквозь' или 'через', а поэтому беспорядочно, бестолково, в ничто, в никуда.

Такое движение, не будучи в состоянии к чему-либо привести и чем-либо завершиться, способно только уткнуться где-то в каком-то месте и тупо увязнуть, по одной лишь причине – себя исчерпав. Что, впрочем, и происходит: «сунулся бирюк сдуру – а капкан щелкнул и ухватил его за морду». Отнюдь не случайно здесь это 'сдуру', характеризующее также характер осуществлявшегося совместно движения с бирюком. После чего «Лиса с овцой тотчас убежали от него подобру-поздорову».

Важно для понимания обстоятельств, характеризующих возвращенное действие, и то, что 'тотчас', и что 'убежали', и 'от него', и то, что это было не просто так, а 'подобру-поздорову'. Действие (фугатив), тем самым, снова приобретает свой изначальный характер, освобождающий, избавляющий (либератив), исправленный (в 'подобру-поздорову') после замедлившей дело сомнительности, появившейся с бирюком, и преодоления ее в испытании (дубитатив-пробатив).

Не случайным, если не значимым, можно также считать и отсутствие в тексте вроде бы само собой разумеющегося и предполагаемого леса. Не сказано, что овца бежит в лес, что встреча с лисой, а потом бирюком происходит в лесу, хотя и лиса, и бирюк вроде бы как привычно лесные звери, обитают в лесу, но при этом «мой муж курочку словит», «волчица зарежет ягненка», что не происходит в лесу. Капкан на тропинке также мог бы лесное пространство предполагать, но это не говорится. Также как не говорится, куда убежали лиса с овцой, в какое пространство и место.

Не случайным, если не значимым, можно также считать и отсутствие в тексте вроде бы само собой разумеющегося и предполагаемого леса. Не сказано, что овца бежит в лес, что встреча с лисой, а потом бирюком происходит в лесу, хотя и лиса, и бирюк вроде бы как привычно лесные звери, обитают в лесу, но при этом «мой муж курочку словит», «волчица зарежет ягненка», что не происходит в лесу. Капкан на тропинке также мог бы лесное пространство предполагать, но это не говорится. Также как не говорится, куда убежали лиса с овцой, в какое пространство и место.

Сказанное можно рассматривать как обстоятельство, характеризующее либератив в отношении данного фугатива как непривязанный и открытый – апертивный либератив (лат. apertus 'открытый'; apertum 'открытое место'),

что может служить его дополнительным, уточняющим определением, имеющим отчасти также и идентифицирующе-репрезентирующий смысл для рассматриваемой ментальной действительности. Смысл, выступающий средством определенной оценочно-когнитивной характеристики данного ментального (национально-ментального) состояния, формулируемого, в контексте сказанного, как то, что 'бегство может нередко производиться от чего-либо более или менее определенного, бывшего также и ранее, но в какой-то момент терпение переполнившего (эксплетив), когда жить уже стало невмоготу ('житья мне не стало'), что нередко имеет вид поношения и терпения за чужие вины, за вины других (облигативный метаболизм: *obligo, obligatum* 'связывать'; 'привязывать'; 'вменять в вину, винить, обвинять'; 'стать жертвой'; 'отдавать в залог, закладывать', ср.: 'быть заложником вины других, отвечать за них'). И такое бегство нередко имеет вид непривязанного, открытого, куда глаза глядят, лишь бы отсюда подальше, устремления ради освобождения, избавления (апертивный либератив), невзирая на возможные трудности и опасности на пути, которые можно преодолеть, но можно и не преодолеть, – „бабушка надвое сказала, то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет” (дубитатив-пробатив).

Подобным образом, с уточнением в обстоятельствах, можно рассматривать также другие значения тех или иных разновидностей бега, в составе которых как отдельные категориальные признаки, так и их сочетания, могут иметь, помимо определяющего и структурного представления, в том числе и характеризующий, идентифицирующе-репрезентативный смысл в отношении анализируемой ментальной действительности, воспринимаемой в этом контексте как форма (типологически существующий вид) определенного оценочно-когнитивного состояния некоей абстрактно понимаемой ментальности (актуализируемый проектив ноосферы). Что-то вроде детерминатива сознания своих представителей и одновременно носителей, в аспекте типичных, свойственных им способов восприятия и выражения, с характерным для них управляющим отношением (регулятивом) ко всему, что вне их и в них.

Намеченные как характеризующие признаки идентифицирующего и репрезентативного проявления в отношении видов бега для анализируемой ментальной действительности предполагаются к своему уточнению в дальнейшем. При рассмотрении не столько фольклорных значений и смыслов, сколько значений и смыслов, извлекаемых из текстов художественных, воспринимаемых как такие, которые для сознания носителей передают и содержат этнокультурный, когнитивно, оценочно значимый и соответствующим выразительным образом себя проявляющий всем известный и распознаваемый заряд, хотя далеко не всегда понимаемый в своих подробностях и в полноте.

О некоторых повторяющихся в сказках мотивах в связи с проективами бега

Прежде чем перейти к рассмотрению второй группы текстов, представляется небезынтересным обратить внимание на три повторяющихся в сказках мотива, на основе которых можно вывести важные для предпринимаемого описания разновидности бега. Первый связывается с перемещением в пространстве, как правило, леса, приводящим к контакту, встрече, видению по пути, на дороге, обычно кого-нибудь. Предшествованием такого контакта не обязательно может бег, это может быть также ходьба, езда. Общая схема выглядит следующим образом: некто (волк, лиса, заяц, медведь) идет (бежит) по лесу – видит (встреча-

ет) кого-л., что становится точкой дальнейшего хода событий. Например, в сказке «Лиса и тетерева»³³: Бежала лисица по лесу, увидела на дереве тетерева и говорит ему: «Терентий, Терентий! Я в городе была». Далее происходит обмен репликами, смысл которых сводится со стороны лисы к тому, чтобы заставить тетерева спуститься на землю. Услышав конский топот и собачий лай, лиса убегает.

Бег в этом случае открывает и закрывает происходящее, связывая в пространстве леса, в локальном пересечении, одного персонажа с другим, а происходящий между ними вербальный контакт предполагает мотив не прямой, как правило, заинтересованности одного из них в отношении другого со скрытым желанием того поглотить, в более широком смысле как-то его использовать.

Композиционный состав данного вида бега предполагает 1) движущегося субъекта, 2) производимое им действие, связанное, возможно с поспешным, перемещением 3) в пространстве ничейно-нейтрального, общего, знаменательно не своего, пространстве прохождения, пробегания мимо, как локатив минования – улица, поле, лес, берег и пр.; 4) второго субъекта, встречаемого на пути, где-либо находящегося или сидящего либо (как вариант) движущегося навстречу, то и другое может быть и не важно, поскольку, в первую очередь, важна досягаемость и осязаемость, в данном случае визуальный контакт, предполагающий далее 5) вербальное взаимодействие (определяющее в происходящем), в виде иницирующего высказывания со стороны одного из субъектов-участников и дальнейшего обмена репликами, содержащими нередко непрямо передаваемый интенциональный смысл; б) разрешение, связываемое с недостижением либо достижением скрытой в интенции цели и разделение – уход, убежание одной из сторон, как правило, заинтересованной.

По внешнему своему виду это бег пробегания мимо, определим его как транскурсив (лат. *transcurro, transcursum* ‘перебегать, отправляться бегом (in altera castra ‘в другой военный лагерь’); пробегать мимо; быстро переходить’; ‘быстро проходить, проезжать; пролетать; бегло делать’), воплощение которого можно заметить, к примеру, в известной фразе, обыгрываемой нередко иронично: *Я тут мимо шел (проходил, пробежал) и решил зайти (вот зашел, и вот увидел, встретил неожиданно)*. Часто это я второго или третьего лица: «Он вот тут, мол, мимо шел, так себе случайно, и вот решил зайти, ничего специального, никакого предварительно намерения». Или при прощании: *Будете в таком-то городе, в таком-то месте, там-то* (т.е. рядом с нами), *заходите*, предполагающее часто невозможность или практическую маловероятность приглашаемым оказаться там.

Внутренне подобный транскурсив нередко будет содержать в себе семантику отягощенного какими-то последствиями взаимодействия, не проговариваемыми, подразумеваемыми, но вполне известными, со стороны приходящего, прибывающего, приглашаемого (раз уж пришел, приехал, забежал, то уж с какой-то целью, просто так не ходят). Тем самым, по своему характеру и смыслу это будет, как правило, интенциональный контактно-ремотивный транскурсив (дез)акквизитива, заканчивающийся, разрешаемый, в каком-то достижении либо недостижении прямо либо непрямо высказываемой интенциональной цели. Узуальный мотив, с ним связываемый, можно было бы передать примерно так: «Внешне случайная, выдаваемая как случайная, встреча с кем-л., часто давно не виденным знакомым, особенно если она происходит

³³ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. Том 1, М., 1958, № 31, с. 47.

вследствие его ускоренного передвижения (бега, быстрой ходьбы, езды) в пространстве нейтрально-общего, как прохождение, пробегание мимо, предполагает часто с его стороны определенную заинтересованность, не всегда непосредственно и прямо объявляемую».

Второй вид бега связывается с уже рассматривавшимся ранее бегством ради спасения (избавления) от опасности с продолжением в бегстве ради спасения от преследователя и погони, требуя при этом для своего осуществления участия со стороны посредников – тех, кто, посредничая, помогает, и тех предметов, с помощью которых достигается возможность оторваться от преследователя и, в конечном счете, от него уйти. Освобождение, следовательно, наступает по достижении определенного этапа, с предварительным прохождением всех предварительных, предполагающих правильный способ обращения с посредниками и получаемыми от них (от первого из них) предметами создания преграды преследователю.

Иллюстрацию характеризуемого вида бегства содержат в разных своих проявлениях сказки о бабе-яге (кошее, великане, злодее, разбойниках и т.п.). Наиболее полный вид предполагает 1) получение предварительной помощи в виде совета от знающего; 2) попадание к злодею (бабе-яге, кошее), который собирается съесть (убить) пришедшего и/или похищенного (похищенных); 3) помощь, предполагающую отодвижение готовящейся угрозы смерти; 4) совет, как убежать, с передачей предметов, создающих преграду; 5) собственно бегство и последовательное одаривание всех тех, в чьи обязанности входит не пропустить; 6) предшествующее погони расправление злодея с помощниками, пропустившими беглеца (беглецов); 7) погоня и создание преграды; 8) возвращение злодея к себе с тем, чтобы, обернувшись, получить возможность ее (преграду) преодолеть, и так до трех раз, на последнем из которых преследователь, не будучи в силах, прерывает погоню; 9) освобождение.

Опустим рассмотрение всех возможных и важных для осознания обстоятельств состава данного фугатива, предполагающих неоднократность совета, субъектов-посредников и предметов-помощников, преодоления препятствий, этапов перемещения в пространстве и пр., определив этот вид в отношении формулы $F(\text{Alien}/\text{Min}) > \text{Propr}/\text{Liber}$ с представлением в своем достижении в Liber как последовательно опосредуемый в препятствиях преодолеваемый уход от погони, преследования – консекутивно-секундативный прохибитив-перруптивный персекутив:

$F(\text{Alien}/\text{Min}) > (\text{ConsSecund}/\text{Prohibit})\text{Perrupt}/\text{Pers} > \text{Propr}/\text{Liber}$

(*secundo* ‘способствовать, благоприятствовать, споспешествовать, помогать’: *secundante vento* ‘при попутном ветре’; *prohibeo, prohibitum* ‘удерживать’; ‘не давать’; ‘препятствовать, мешать; отрезывать’, ‘не допускать’; *pergumpo, perruptum* ‘пробивать дорогу, прорываться’; ‘преодолевать, устранять’; *persequor, persecutus sum* ‘неотступно следовать (за кем-л.)’; ‘преследовать, гнаться (за кем-л.)’; ‘наказывать, карать’; ‘настойчиво добиваться, домогаться’; ‘продолжать, не прекращать’; ‘нагонять, догонять; настигать’).

И, наконец, третий вид, на этот раз коротко, можно представить на материале известной сказки «Маша и медведь». Попав к медведю в избушку, заблудившись в лесу, и надумав от него убежать (фугатив все той же модели $F(\text{Alien}/\text{Min}) > \text{Propr}/\text{Liber}$, который не будет нас в данном случае интересовать), Маша идет на хитрость. Предлагает медведю занести пирожков к бабушке с де-

душкой, сама забирается в короб и, когда медведь, найдя их дом, начинает стучать в ворота, собаки почуяв, бросаются на него. Бегут со всех дворов с лаем. Медведь, испугавшись, оставляет короб с Машей, сидящей внутри, и пускается в лес без оглядки. Собаки, как следует понимать, вслед за ним.

Речь пойдет об этом последнем – бегстве (медведя) ради спасения и избавления из места для него не своего, также как и предыдущий вид связываемом с преследованием и погоней (фугатив какого-то персекутива). Участвующие в погоне собаки, почуяв медведя, сначала бросаются на него, после чего бегут со всех дворов с лаем и далее вместе гонят медведя бегущего в лес без оглядки, преследуя его еще какое-то определенное время. Приблизительно так можно себе представить наглядно происходящее. Важными составляющими для этого вида погони (персекутива) будут 1) почуявшие и бросающиеся на медведя собаки; 2) все остальные собаки, бегущие со всех дворов с лаем, присоединяющиеся к преследованию; 3) совместно осуществляемая ими погоня медведя в лес, 4) продолжающаяся еще какое-то время.

Первое можно представить как каузируемый инициатив – затевание организуемой травли. Второе – как конфлюктивный мультипликатив (стекающаяся с разных сторон, собирающаяся совокупность, масса преследующих). Третье – как симультивный персекутив, развиваемый в континуативе в четвертом (совместно осуществляемое преследование с развитием в своем продолжении). Общим определением данного вида был бы фугатив (каузативно-иницируемого конфлюктивно-мультипликативного) симультивно-континуативного персекутива (определения в скобках выступают как дополнительные, подвидовые, распространители основного вида), представляемый в модели:

F(Alien/Min)>(CausInic/Confl)SimulCont/Pers>Propr/Liber
(confluo ‘сливаться, соединяться’; ‘стекаться, хлынуть, нахлынуть, собираться массами’; ‘доставаться в избытке, притекать в изобилии’; I simul ‘одновременно, в одно и то же время, совместно; сразу’; II simul ‘вместе, совместно’).

Тексты фольклорных сказок, выбранных для рассмотрения, дают, с одной стороны, по вполне понятным причинам, не полную картину видов бега, типичных для характеризуемой ментальной действительности, таких разновидностей должно быть больше. С другой, что немаловажно, те виды, которые удалось обнаружить, в немалой степени представляют собой тот набор, который, будучи общеизвестен, освоен национальным сознанием и распознаваем, воспринимается как типично знакомое и понятное, продолжая себя отражать в моделях и формах в составе текстов не только фольклорных для носителей языка.

Вполне очевидно, что выделенные ранее разновидности, такие, как пульсатив, представляющий собой производимые быстро и попеременно, мелькающие действия с помощью ног либо чего-то на них похожего (стрелок часов, например) на каком-то плоском пространстве, что можно определять по-другому как бег движения, или моторный, кинетический бег, не обязательно связываемый с передвижением в смысле изменения исходного места (локализации), равно как и другие, представленные и описанные, будут себя повторять в самых разных текстах и в самых разных высказываниях.

Выведенные ранее формы и виды производимого бега (для большей наглядности представим их позже в таблице) способны иметь различную степень последовательно уточняемой подробности, что находит свое отражение в

тексте и что может быть с помощью семантических, в том числе и категориальных, признаков определено. Объединение этих признаков в конструкции и композиции дает возможность определять их как единицы смысла, распознаваемые при восприятии, знакомые и известные, а потому и действующие как таковые при когнитивно-коммуникативном взаимодействии носителей данного языка. Информационный, коннотативный, а также системоценностный, в том числе и морально-оценивающий обмен производится с их участием. Формализованным обозначением состава таких смысловых единиц могут быть конструкции, представляемые в виде модельных ("молекулярных") формул, элементами которых, передаваемыми в виде буквенных символов, выступают означенные ранее семантические, в том числе и категориальные, признаки. Их набор и состав в возможной в дальнейшем для изучения перспективе можно представить в виде системы правил парадигматического (большого – меньшего, включающего – включаемого, подчиняющего – подчиненных и пр.) и синтагматического характера.

Различная степень подробности предполагает одновременно возможность говорить о различных видах и их разновидностях (подвидах) представляемого бега, в сознании и с помощью средств языка, организуемых, устроенных таким образом, при котором одно может входить в состав и являться частью другого в каких-то случаях, будучи самостоятельным и развивающим разновидности собственного состава в каких-то других.

Для примера, в качестве пояснения, та разновидность, которая была обозначена как пульсатив (бег движения с помощью 'ног') может быть а) самостоятельно значимым видом бега, фиксируемым средствами языка: *Ты вчера вечером бежал?*; б) видом (подвидом) того же самого пульсатива, но предполагающим свою значимость в чем-то другом, – производимый ногами бег развивает другое, более важное для представления смысла, значение: *Бежал за ней со всех ног, чтобы предупредить*. Или: *С гиком бежали по воде, брызгались, веселились*.; в) входить как не всегда обязательная, но вполне возможная составная часть другого какого-то вида, например прокурсива (направленного движения): *бежать на работу* (чтобы не опоздать, производимые при этом движения могут представлять собой как бег, так и ускоренную или просто направленную, не прогулочную, ходьбу) или же фугатива (бегства ради спасения) – *бежать от погони* (убегая, стремясь оторваться, временами бежать, временами стремительно, быстро идти, временами где-то скрываться).

Характер соотношения тех или иных разновидностей бега, нередко входящих друг в друга и между собой сочетающихся, предполагает возможность их представления и описания в виде устойчивых, узуально значимых объединений, выражающих не только тот или иной узнаваемый, а потому информационный и коммуникативный, смысл, но и тот оценочно-когнитивный, сентенциозно оформленный внутренне смысл, не всегда в себе полностью осознаваемый, но ощущаемый, чувствуемый, функционирующий как некое опытно приобретенное, чувственно организованное и заряженное нередко глубинное коллективное знание, общее утверждение-ориентир.

Природу этого представления в значительной, не всегда выражаемой, части следовало бы искать в с е н с и т и в е, управляющем реагирующим проявлением человека, регулирующем его восприятие и включение в окружающее, ориентирующее взаимодействие с ним. Выражением таких композиционно-составленных, объединенных, когнитивно-оценочных сенситивных смыслов (которые также могут быть описаны и представлены как единицы, семантиче-

ские и эмотивные одновременно единицы сознания, скажем так, за неимением лучшего) было то, что определялось словом *мотивы*, узуальные по своему существу, отражаемые далее при своем уточнении в представляемых все тем же сознанием, а потому не всегда выражаемых, обстоятельствах, узуальных по той же общего знания и значения, распознаваемой природе.

На основе всего перед этим сказанного, через посредство узуальных мотивов в определяющих их обстоятельствах, через посредство семантических единиц (семантических форм), передаваемых в композиционных конструкциях, отображающих в своем составе с помощью символьных формул моделей характер организации входящих в них семантических признаков, а также через посредство выделяемых видов и их подвидов в отношении бега, – на основе этого можно далее говорить о той специфичности характеризуемой ментальной действительности, которая, имея идентифицирующий, с одной стороны, смысл, в первую очередь для своего, и репрезентирующий, с другой, в первую очередь для несвоего и стороннего, выражает и отображает себя в своем собственном парадигматическом (виртуальном, системном) устройстве с характерным для него способом (способами) синтагматического (внешнего и узуального) представления.

Виды бега и некоторые их подвиды (не сходя при этом до уровня дальнейших его разновидностей и семантических форм – выражаемых с помощью развернутых формул композиционных смысловых единиц), бывшие до сих пор предметом определения, можно представить в следующей, обобщающей их характер, таблице (буквенными символами отмечены основные виды, развиваемые далее в своих подвидах, стрелки обозначают возможность объединения двух и трех разновидностей в одном виде или подвиде, но без дальнейшего уточнения):

Р бег движения (<i>пульсатив</i>) →	К бег устремления → (<i>прокурсив</i>) →	Р бег поиска → (<i>реквизитив</i>)
Т бег пробегания мимо (<i>транскурсив</i>)	Ф бег спасения (<i>фугатив</i>)	- нахождения (<i>инвентив</i>)
	- истребления (<i>экстерминатив</i>)	
	- освобождения (<i>либератив</i>)	
	- преследования (<i>персекутив</i>)	
	А бег получения (<i>акквизитив</i>)	

Виды и формы бега на материале текстов художественной литературы

Продолжим далее рассмотрение видов и форм представляемого бега в отношении характеризуемой ментальной действительности еще на одной основе – остающихся в сознании носителей обрывков знания, сложившегося в отношении фрагментов текстов художественной литературы, общеизвестных и узнаваемых, действующих в определенном смысле как своеобразные схемы коммуникативно-ментального проявления и такого же эмотивного отношения. Передавая некую сущность того, что чем является в окружающем мире (ментальной действительности индивидуального и коллективного бытия), как понимать его и как к нему относиться при столкновении с ним, воспринимая его как подобное или, напротив, совсем неподобное, если не противоположное и обратное тому, что известно – из литературы, из того, что было прочитано, из того, о чем говорилось когда-то или теперь говорят, – все это, составляя в своей совокупности то, что определяют обыкновенно как интеллектуальный багаж, выступает своеобразным эталоном и ориентиром, а также средством и способом самоидентификации и оценки. С этих позиций и будем на данные проявления в отношении выделяемого в текстах бега смотреть.

Лермонтовские «Беглец» и «Мцыри»

Начнем анализ с лермонтовского «Беглеца». Выбор его как первого обусловлен особым, пожалуй, внутренне переживаемым, отношением поэта к идее бега и убегания, бегства, как способа отодвижения и ухода от давящей действительности, возможно в творчество с замыканием в себе. К идее, связываемой с не отпускаемым чувством одиночества, непонимания, отстранения, отчуждения, неприятия (алиенации), окружающей бессмысленности, бездуховной тупости и пустоты. Осмысливается им все это в категориях совершенно обособленного, ни с кем по существу не связанного, в том числе и чувствами, героя, постоянно и навечно одного, стремящегося прочь, от того, в чем он находится и пребывает, лишь бы только, вырвавшись, уйти. Воспринимается им это все внутренне как избавление, освобождение и возвращение – в место не искаженного и чистого истока, к какому-то утраченно манящему началу, вроде как на родину, но по существу в какой-то неизвестный, но переживаемый в каких-то впечатлениях, как бы знакомый по смутным воспоминаниям детства отчий край, где было безопасно, хорошо, светло и по-другому. Это бегство и эта неизменная неопределенность, отличающая действительное от воображаемого, всегда заканчивается плачевно, отчуждением, осуждением, а нередко и гибелью героя. Все это можно обнаружить как в многочисленных стихах, так и в поэмах («Демон», «Мцыри», «Песня про купца Калашникова»), пьесе «Маскарад», романе «Герой нашего времени». Однако не это будет нас интересовать, а общий лермонтовский

настрой и установка, объявляющие себя в беге как бегстве ради избавления от того, что окружает, или из того, что губительно, смертельно и грозит истреблением.

«Беглец», представляемый поэтом как горская легенда, повествует о том, что ожидает бегущего с поля боя, гонимого страхом пред неминуемой смертью. Отец и братья его погибли в битве, сам он в пылу сраженья потерял оружие, не отомстив за смерть близких, забыв «свой долг и стыд», бежит «быстрее лани, Быстрей, чем заяц от орла». Конечная цель его бегства – родной аул и дом, где его должны принять, предоставив ему защиту и успокоение. Но друг, к которому он обращается, на ложе смерти отказывает ему: «Ни кровя, ни благословенья Здесь у меня для труса нет». Так же поступает и мать. Узнав, что, бежав с поля брани, он не отомстил за погибших отца и братьев, она изгоняет его, обрекая на одиночество. Того, кто не мог умереть со славой, кто принес семье стыд и как «беглец свободы», как «раб и трус», перестал быть ей сыном. Отверженный, он долго еще стучит под окном в проклятьях, столах и молениях. Удар кинжала прерывает «несчастливого позор». Однако и смерть не освобождает его от презренья, мать не смотрит в его сторону, никто не хоронит его, собаки лижут кровь из раны, дети глумятся над трупом. «В преданьях вольности остались Позор и гибель беглеца». Душа его также не обретает покоя, по ночам бродит тенью, стучит, просясь в сакли, «Но внемля громкий стих Корана, Бежит опять под сень тумана, Как прежде бегал от меча».

Описанный бег относится к группе, определяемой как бегство ради спасения, заканчивающееся гибелью того, кто бежит, – фугатив экстерминатива как подвид прокурсива с элементами пульсатива, наиболее выраженными в начальной фазе, когда он бежит «быстрее лани, Быстрей, чем заяц от орла».

Характеризуемая разновидность представляет собой проекцию бегства из места опасного и чужого к месту избавляющего от опасности своего: $F(\text{Alien}/\text{Min}) > \text{Propr}/\text{Liber}$, где *Liber* в действительности оборачивается в *Exterm*, причем и показатель *Min*, и показатель *Exterm* проявляют себя как реальные. Модель, тем самым, приобретает вид $F(\text{Alien}/\text{MinReal}) > \text{Propr}/\text{ExtermReal}$.

В связи с чем, во-первых, возникает вопрос, какие элементы ее состава преобразуют $\text{Propr}/\text{Liber}$ в $\text{Propr}/\text{Exterm}$, т.е. приносящее избавление в несущее гибель в месте защитного своего, если опасность в месте чужого к тому же была не ложна ($\text{Alien}/\text{MinFals}$), как можно было бы ожидать для *ExtermReal* второй части, а реальна ($\text{Alien}/\text{MinReal}$)? А во-вторых, с чем может быть связан происходящий у Лермонтова в «Беглеце» оборот описанных ранее представлений: бегство ради спасения из своего угрожающего в чужое может быть либо губительно, либо давать избавление, но после этапа сомнения и испытаний, в то время как бегство ради спасения из угрожающего чужого в свое предполагает, как правило, освобождение и избавление от грозившей опасности?

Исходно так это и должно было действовать: беглец бежит домой, чтобы спастись, и это мотив и иницирующий стимул происходящего, на этом основывается восприятие повествования, приобретающего в своем разрешении контрастно-конфликтный характер нарушенной ожидаемой модели. Должно было быть, иными словами, $F(\text{Alien}/\text{Min}) > \text{Propr}/\underline{\text{Liber}}$, которое обернулось на деле в $F(\text{Alien}/\text{Min}) > \text{Propr}/\underline{\text{Exterm}}$.

Для объяснения произошедшего изменения обратимся к сопровождающим описание, узуальным по своему характеру, обстоятельствам, вписываемым своими признаками в полученную модель. В результате подобного уточнения этой модели будет получена ее проективная смысловая форма – семанти-

ческая единица, отображающая для восприятия существо представляемого и связанная с узуальным мотивом, относящимся к концептуальной сфере 'бегства из чужого, грозящего неминуемой гибелью, к своему, ее прямо в итоге несущему'. Попутно стоило бы также отметить, что, передавая модель отношений, изначально отмеченных вроде бы чуждостью русскому представлению в экзотичности горской кавказской, черкесской, легенды, поэт невольно делает достоянием также и русской ментальности, частью общего знания, через ставший общеизвестным и общепринятым текст, все отраженное в нем.

Возникает, тем самым, вопрос, насколько чуждо русскому восприятию представление о том, что бегство от реальной опасности из чужого и от чужих к своему и своим далеко не всегда несет избавление, оно может с таким же успехом вести и к реальной гибели? Имелось ли подобное представление также и раньше, отталкиваясь внутренне от которого поэт его, камуфлируя под чужое, дополнительно только усиливал?

Оставим, однако, вопрос этот без ответа, отметив, что исторически нечто подобное было возможно, достаточно вспомнить не только времена Ивана Грозного, наиболее ярко отмеченные чем-то подобным. Воспринимаемые как типично кавказские (для русского концептуального ареала) представления о родовой чести, со всеми последующими из этого проявлениями, никак не чужды другим народам на определенном этапе их становления. Впрочем, обращение к стадиям исторического развития не будет предметом нашего рассмотрения. По этой причине на все, что входит как уточняющее в исследуемую модель построения семантической единицы как формы определенного вида бега и бегства, будем смотреть с позиции семантических признаков-распространителей, проявляющих смысл узуальных по своему характеру обстоятельств некоего более общего как исходного.

То есть речь идет о таком уточнении структурной формы $F(\text{Alien}/\text{Min}) > \text{Propr}/\text{Exterm}$, которое себя проявляет как ее проективная форма в тексте (лермонтовского «Беглеца»), будучи собственной формой (которую следует вывести в ее структурном составе) и действующей далее как самостоятельная концептуально-вербальная единица сознания носителей русской ментальности и русского языка. Она же, эта определяемая единица, становится элементом фрагмента русской ментальной действительности, имеющего отношение к экзистенциальному и когнитивному опыту бегства в его видах и формах, выводящему ко всей совокупности характерных для нее (для ментальной действительности) представлений.

Вопрос, который будет интересовать, заключается в установлении того, что следует вывести для обобщенного уточнения в модели из отраженного в тексте применительно к определяемой смысловой единице, что преобразует ожидаемое $\text{Propr}/\text{Liber}$ в $\text{Propr}/\text{Exterm}$.

Беглец бежит 1) в страхе; 2) с поля брани («Где кровь черкесская текла»), оставляя на неминуемую гибель своих; 3) не мстя за смерть отца и двух родных братьев, polegших к тому же 4) за честь и вольность, не борясь, тем самым, спасаясь бегством, за это, уходя от этой борьбы, забыв свой долг и стыд; 5) в пылу сраженья он теряет оружие (винтовку и шашку). «С кровавой битвы невредимый Лишь он один пришел домой», – так все это обобщается в тексте, повторяясь далее и становясь основанием его отвержения и гибели: «И наконец удар кинжала Пресек несчастного позор». То ли он сам собою покончил, то ли кто-то его убил, в тексте не обозначено, и это не столь уж и важно, хотя, исходя из

представления о трусе, лишенном чести, и о чувстве чести своего родового в черкесах, скорее, будет второе.

Преобразование Propr/Liber в Propr/Exterm обращается так или иначе вокруг идеи того, что воплощено в словах матери. Не способный, поскольку движимый страхом, умереть со славой, не способный, отстаивая свободу и родовую честь, сражаться и отомстить, т.е. «беглец свободы, раб и трус», обрекается на изгнание и смерть. Бросивший на верную гибель своих достоинств в итоге гибели от своих. Можно ли сказанное рассматривать как проявление представлений, в 30-е и 40-е годы XX века приобретших особый характер и остроту и отраженных в лозунгах «Смерть трусам, шпионам и предателям!», «Изменники Родины должны понести заслуженную кару (заслуживают самого сурового наказания)!», «Предателей к ответу!», а также в таких оборотах, как "нанести удар в спину сражающемуся народу", "в трудную минуту бросить (предать, оставить) своих", "советская власть не прощает предательства" и т.п.? Не апеллируя к пропагандистским мотивам и установкам подобных высказываний, можно отметить общий у них с «Бегльцом» романтический максимализм отрицания и неприятия предающего своего, а также модельно-структурное сходство того, что стоит за этим.

Модель, а следовательно, и стоящая за ней когнитивная единица вращаются дополнительно вокруг идеи ложно-реального освобождения и избавления (освобождения, понимаемого, воспринимаемого как избавление, в контексте и представлениях ухода от угнетения, рабства и/или смерти). Свободу необходимо отстаивать до последнего, не боясь за нее умереть, в противном случае убоявшихся ждет не только сама несвобода, но с нею и смерть. Смерть, иными словами, которую в страхе стремится человек избежать, готовый ради этого жертвовать тем, что не следует предавать, честью, свободой, своим родовым, неотступно следует по пятам как свое, понесенное от своего, и расплата за страх. Избавление от смерти становится ложным, не избавляя от нее, но, напротив, оборачиваясь в смерть: "избавляющийся" от свободы (уходом, отказом борьбы за нее), избавляется на деле от избавления, даваемого свободой, а тем самым, не избавляясь и не спасаясь, думая, что спасаясь, предает себя через изгнание и рабство в смерть.

Модель единицы в своем уточнении будет выглядеть следующим образом:

$F[(\text{Alien}/\text{MinReal})\text{ExtermReal}/\text{Propr}] > \text{Propr}/\text{LiberFals}/\text{ExtermReal}$,

что можно читать как $F(\text{Alien}/\text{MinReal})$ при $\text{ExtermReal}/\text{Propr}$ ведет к ExtermReal в Propr вместо ожидаемого Liber , оборачивающегося в LiberFals . Или, иначе: «Бегство ради спасения в своем из чужого, реально грозящего смертью, с оставлением в нем на смерть своего, вместо воображаемо-желаемого избавления от смерти в своем несет реальную смерть от него и в нем». Данное представление необходимо рассматривать как общее описание семантической единицы (смысловой формы бега для видовой разновидности 'бегства ради спасения из чужого, ведущего к гибели от своего' – фугатив либератива как экстерминатива).

Единицу эту далее можно, привязывая к контексту и уточняя, распространять в последовательно присоединяемых признаках (узальных в своем представлении обстоятельствах) 1) страха смерти, как того, что способно инициировать, мотивируя бегство (*мотивирующий инициатив*), 2) которое прерывает необходимое для совместно осуществляемого действия соуча-

стие, ослабляя его и оставляя всех остальных (*акциональный департитив*: «с поля брани»); 3) отказа от справедливой мести, возмездия, наказания заслужившему, как характеризующий показатель того недостойного, который бросает все, не заканчивая, в том числе и не отомщенных своих, уклоняясь, тем самым уходит от назначения (показатель нарушенной цели-предназначения – *финитный депредистинатив*); 4) оставления без дальнейшего разрешения организующей, руководящей мысли о родовой чести и вольности, защищаемых и отстаиваемых только в бою (*абруптив генеративного регулятива*); 5) утраты агентной защиты и достоинства воина, заключенных в личном оружии (*дезинтегрирующий индефенсив-индигнитатив*).

Узуальный мотив, за этим стоящий и себя в нем отражающий, можно представить примерно следующим образом: «Прерывая бегством, вызванном страхом за свою жизнь, крайне важное для общего выживания совместное дело-действие, обрывая, тем самым, все необходимые связи своего участия в нем, беглец оставляет на гибель всех остальных, обрекая себя самого в результате на изоляцию и погибель (нередко от рук своих)».

Бег в поэме «Мцыри» выглядит по-другому. Это бегство из места на деле чужого, представлявшегося долгое время своим. Показательны уже сами эти взаимно противоположные и опровергающие друг друга соотношения своего и чужого, обладающего у Лермонтова отнюдь не случайной значимостью. Внешне четкое их разделение в «Беглеце» – своего, сражающегося за свободу и родовую честь, против чужого, несущего рабство и смерть, с оставлением своего в чужом для чужого, также несущего с собой смерть, – внутренне переворачивается. Для поэта чужое, заряженное рабством и смертью, несущее с собой рабство и смерть, на деле его свое, а показанное в поэме свое – для него чужое, ибо русские в этой войне несут рабство и смерть черкесам.

Соотношение своего и чужого в поэме «Мцыри» отчасти нечто подобное повторяет: бегущий был в прошлом пленником, ребенком, захваченным в кавказской войне русскими и отданным на воспитание в грузинский монастырь. Не чувствуя связи с теми, кто его приютил, испытывая одиночество, внутреннюю отверженность, он рос нелюдимым и чуждым всему его окружавшему. Внешне ставшее для него своим внутренне остается ему чужим, побег из которого видится как избавление. Неясная тоска тянет его к родным местам, а ожидающее его отречение от мира, уход в монастырь, первоначально казавшиеся разрешением, оборачиваются на деле толчком к совершению бегства, которое вместо того, чтобы принести избавление, приносит смерть.

Тем самым, хотя это вроде уже и знакомая модель фугатива – бегства ради спасения из чужого в свое, однако в ином развороте и представлении. Первое – это то, что чужое выглядит как чужое освоенное, т.е. чужое, которое, если не полностью, то отчасти свое. Второе – это то, что бегство не мотивируется опасностью, грозящей в этом чужом как своим, ни реальной, ни ложной. Трудно поэтому говорить о бегстве ради спасения с освобождением (избавлением) от предполагаемой смерти либо от угнетения. Перед смертью в своем признании герой говорит о внутреннем, прежде всего, своем заточении. Ощущение плена, фактически вражеского для себя окружения, ни на минуту не оставляет его. Подавленность и стеснение оборачиваются для него в представления душной, давящей, безысходной тоски от того, в чем он вынужден находиться, порождая преследующее его постоянно чувство отсутствия воли, простора, противопоставляемых чудному миру, «тревог и битв», «где люди вольны как орлы». Монастырские стены, с необходимостью отречения от всего мирского, оборачива-

ются для него положением, при котором единственным выходом видится смерть. Смерть приравнивается им внутренне к освобождению. Чем такая жизнь, вдали от родины, дома, близких, друзей, родных – «милых душ», лучше уж смерть. Его единственная страсть и мечта – свою «пылающую грудь Прижать с тоской к груди другой, Хоть незнакомой, но родной», не получив своего исполнения, приводит его к неизбежной гибели, в «земле чужой», «как жил», «рабом и сиротой».

Речь, тем самым, идет о внутреннем ощущении сиротства и рабства, одиночества вне отсутствия близких и подавления, невозможности распоряжаться собой. Возникает вопрос, который необходимо решить для понимания смысла модели: было ли предпринимаемое бегство бегством спасения (освобождения и избавления) или оно изначально уже представляло собой бегство от безысходности к очевидной, как освобождающей, смерти? Таким оно предстает в своем результате, но не было таковым в начале и при совершении. Побудительной причиной бегства было стремление, вырвавшись на свободу из плена, бежать, в конечном итоге на родину: «Я цель одну – Пройти в родимую страну – Имел в душе...».

Стремление оказаться среди своих, увидеть родные места, сопровождается в промежутках предпринимаемого бега а) страхом и возникающими опасностями на пути (сон над бездной, в которую можно сорваться, грозящий падением спуск по скалам, по которым шагал лишь злой дух, низверженный с небес в преисподнюю, хищные звери, змеи и, наконец, смертельная схватка с барсом); б) неизбежными трудностями физического характера (жажда, голод, тяжелый, требующий немалых усилий в горах, переход); в) ощущением земного и неземного блаженства и райского сада, не тронутой человеком дикой цветущей природы, света, чистого воздуха, ясности, простоты, открытости, прикосновения к тайне неба и земли, с близким присутствием невидимых ангелов, совершающих свой полет, и, наконец, вызывающий чувство сладкой тоски образ грузинки, с кувшином идущей к воде; г) невозможностью обретения пути, – прямая в своем начале дорога переходит в непроходимый лес, теряются ориентиры, горы, к которым герой стремится, в чаще леса становятся не видны, терновник, поросший плющом, мешает движению, все поглощает лес: «Все лес был, вечный лес кругом», и «даже на краю небес Все тот же был зубчатый лес».

Чувство одиночества, возвращаясь, усиливается. Герой не ищет помощи от людей, ощущая свое полное отчуждение с ними. Диким зверем среди людей. И как этот зверь, один на один, он борется с другим, также диким и хищным зверем, ощущая на этот миг свое сходство с ним. Единственным выходом, приходящим со светом дня, становится возвращение пленника к месту своего перед тем пребывания, туда, откуда, в поисках освобождения из плена на родину, он убежал. Опять появляется страх, но теперь это страх безысходности: «И страшно было мне, понять Не мог я долго, что опять Вернулся я к тюрьме моей», находящий свой выход и разрешение в неизбежности ожидаемой смерти.

Герой не выдерживает того испытания, которое, дав ему на мгновение ощущение полноты и свободы, «блаженства вольности», поманив за собой, в конечном счете обманывает его, приведя не на родину, не к милым сердцу и близким с детства местам, а ко все той же тюрьме и неволе, замыкая, тем самым, круг не осуществившего себя в завершении бегства. Воспитанный в неволе оказывается не приспособленным к жизни на воле: взошедшее солнце палящим лучом, вместо того, чтобы усиливать жизнь, обжигает и убивает его. Как выросшее в неволе животное, дикое по своей природе, сильное, ко всевозмож-

ным трудностям и опасностям приспособленное, не может жить на свободе, так и оторванный от своих корней человек, пленник, воспитанный в несвободе, неизменно погибнет, не выдержав жизненных испытаний.

Неподготовленность к жизни в свободном мире, невозможность свободы, как внутренней, так и внешней, для выросшего в тюрьме, замкнутость круга и неизменное возвращение к месту ухода как проявления неисполнения и невозможности состояться и реализовать себя, свои мысли, мечты, идеи и планы, – вот то, что определяет смысл узуального мотива, вокруг которого все это обращается. «Бегство освобождения из чужого как мнимого своего к своему не мнимому оборачивается, как правило, мнимым освобождением с реальным возвратом к тому же чужому, но уже как к немнимому несвоему, с ощущением еще большей в своей безысходности несвободы, что вполне реально приводит к гибели, способно к ней привести»:

F[(Alien/FalsPropr)]Liber(Propr)>LiberFals(Alien/RealExterm).

Сказанное можно представить как ‘возвращенное (обманутое в своих ожиданиях) бегство освобождения к фактической несвободе’, что очень похоже на встречавшийся уже ранее (для сюжета «Царевич в бегах») фугатив дубитативно-реверсивного дислибератива, но дополненный испытанием, а потому, в своем полном виде для «Мцыри», выступающий как фугатив дубитативно-пробативного реверсивного дислибератива. Весьма характерный, можно добавить, для разбираемой ментальной действительности, проявляемый в разных по своему характеру обстоятельствах, очень часто приводящий к одному и тому же концу.

История с убежавшим в Вену царевичем Алексеем также завершается его смертью, воспринимаемой невольно национальным сознанием как неизбежно следующий из его бегства, плачевный, но предсказуемый результат. Страх смерти и ощущение смерти от рук отца, неотступно его до того преследовавшие, в нем усиливаются с произведенным над ним насилием с возвращением. Что нашло свое отражение, в частности, у Мережковского и Данилевского, затрагивавших в своих произведениях этот известный своей понурой угрюмостью, хотя реальный и вполне объяснимый в оправдываемой своей мотивации, российский сюжет, с представлениями о власти, роли власти, ее ей самой представляющихся задачах и мало чем ограничиваемых возможностях (роман «Пётр и Алексей» Д.Н. Мережковского, повесть «Царевич Алексей» Г.П. Данилевского).

Виды бегства у Гоголя («Вий», «Вечер накануне Ивана Купала»)

Еще один пример не удавшегося бегства, закончившегося смертью в своем результате, можно найти у Гоголя в «Вие». Философ Хома, призванный читать в церкви три ночи по умершей панночке, после второй надумал бежать из дома сотника, ее отца. Побудительной причиной задуманного им бегства является вполне реальное опасение за свою жизнь и страх от тех ужасов, что творила нечистая сила во время его ночного чтения. Толчком к бегству становится решительный отказ сотника освободить его от возложенных на него обязанностей.

В полной уверенности успеха Хома выждал время, когда после обеда вся дворня имела обыкновение спать: «Философ со страхом и дрожью отправился потихоньку в панский сад, откуда ему казалось удобнее и незаметнее было бежать в поле.» Сад был страшно запущен, представляя собой непролазные дебри, способствующие незаметному бегству. Оканчивался сад плетнем, отмечавшим его границу, за которым «шел целый лес бурьяна». Преодоление этого плетня также сопровождалось усиленным страхом, «зубы его стучали и сердце так сильно билось, что он сам испугался», к этому добавлялся оглушительный свист, трещавший в уши: «Куда, куда?» Выбравшись из бурьяна, ему оставалось перебежать поле и оказаться в густом терновнике, «где он считал себя безопасным, и, пройдя который, он по предположению своему думал встретить дорогу прямо на Киев». Перебежал он и поле, пролез и через терновник, оставив на каждом остром шипе куски своего сюртука. Оказавшись в небольшой лощине с вербой, которая «разделившимися ветвями преклонялась инде почти до самой земли. Небольшой источник сверкал чистый, как серебро.» Чувствуя нестерпимую жажду, прилег, чтобы напиться воды, после чего решил отдохнуть. «Нет, лучше побежим вперед: неравно будет погоня!» Слова эти произносит Явтух, неотступно следовавший за ним по кратчайшей дороге: «Напрасно дал ты такой крюк», «гораздо лучше выбрать ту дорогу, по какой шел я: прямо мимо конюшни. Да притом и сюртука жаль. А сукно хорошее.»

Хому возвращают и в ту же, последнюю, третью, ночь после приличной гулянки, отводят в церковь, где он и погибает: «все, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный грянулся он на землю, и тут же вылетел из него дух от страха». Нечистая сила, не успев вылететь, заслышав второй крик петуха перед третьим, застревает в дверях и окнах: «Так навеки и осталась церковь, с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами, обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником, и никто не найдет теперь к ней дороги».

Бегство Хома разворачивается по известной мифологической схеме последовательного пересечения границ: с подворья через заросший сад, бурьян, поле, терновник, к дереву в лощине с ручьем, напившись воды из которого, можно перед следующим этапом пути отдохнуть. И страх, и нестерпимая жажда Хома, и терновник, сдирающий на нем одежду, и появление в свисте нечистой силы на границе сада и бурьяна, – все это также знаки не вполне обычного бегства. Это бегство удаления от дома как центра земного и своего, на противоположную сторону, к чужому и потустороннему, т.е. фактически к смерти и к мертвому. Явтух, возвращающий Хому со словами: «Однако ж погуляли довольно: пора и домой», выступает в функции стража отделяющей то и другое границы. Границу эту Хоме не удастся преодолеть. Как кругом, очерчиваемым им каждую ночь при чтении, он ограждает себя от нечистой силы, таким же очерченным кругом, через который нельзя преступить, предстает для него и хутор в его границах, в который Хому привезли для чтения. «Пора и домой», – говорит Явтух не случайно, но это не его, не Хома философа дом, и этот дом для него не защита, напротив, он несет с собой смерть. Это дом умершей в нем панночки, а следовательно, для Хома не только чужой, но и потусторонний, поскольку нечистый. Соответствующим образом из него Хома и бежит, в том прямом, казалось бы, от дома через сад, бурьян, поле, терновник к ручью и дороге на Киев, но на деле обратном порядке, при возвращении с Явтухом, от ручья к дому, но не той же, а краткой, по-видимому, дороге, т.е. чертой, вдоль черты условного круга. Вдоль черты не пересекаемой границы условного круга, очерчиваемого Хомой, не видя и в поисках его, ходит нечистая сила во время

чтения в церкви. Параллельность двух противопоставляемых частей – видимого и невидимого, чистого и нечистого, живого и мертвого, этого и потустороннего, того, что для Хома, от Хома, и того, что от панночки, прослеживается в самых разных своих составляющих.

В связи со сказанным возникает вопрос – от чего, поскольку не только откуда, бежит Хома и, на деле, куда, а тем самым, что собой представляет его этот бег как бегство (что следовало бы признать) ради спасения? Бежит Хома, таким может быть вывод, из того места, которое предстает для него как место пребывания нечистого и, следовательно, потустороннее. Это нечистое и потустороннее, имея в панночке, в хуторе сотника, обосновавшись в нем, свое обитание, свой как бы дом, место это и этот хутор и дом отмечает в границах привычно освоенного для себя «своего» – двор, сад, граница сада, бурьян, поле и далее. Попав в этот дом, Хома, привезенный в него извне, оказывается как бы так в 'доме нечистой силы', в 'доме потустороннего, мертвого', фактически на "том свете" из «этого» и «своего» (в мифологическом смысле модели и схемы). «Свое» условно для него открывается, но не начинается, местом в преодолеваемом им в беге пространстве, «где он считал себя безопасным». Это густой терновник, граница, которую можно преодолеть, лишь сорвав с себя, оборвав, свою прежнюю оболочку (кожу, одежду, сюртук, которого «жаль» (а жаль – мотив провожания и встречи умершего, контакта с ним), «А сукно хорошее», поскольку облачение и оболочка живого, не мертвого). То есть, фактически, оборотиться, перевернуться и "умереть" для «этого тут» (которое на деле мертвое и потустороннее), с тем чтобы возвратиться к «этому там», к прежнему, живому от мертвого (близкого мертвому) своему состоянию, – «пройдя который [густой терновник], он по предположению своему думал встретить дорогу прямо на Киев». Иными словами, тем самым, вернуться к посясторонним живым.

Именно это Хоме и не удастся, а предпринятое им бегство, затеянное, по замечанию Явтуха, как напрасное и как крюк, т.е. полукружное бегство в очерченном круге, тот же Явтух завершает словами: «Однако ж погуляли довольно». Определяя его не как бегство, а как гуляние (погуливание), затеваемое без собой цели. Как действие самоцельное, а потому бесцельное и бессмысленное по своему существу. Гуляние и погуливание все в том же замкнутом, заклётом, круге, осуществляя в нем совершенно напрасный, ни к чему не ведущий и не выводящий наружу, крюк.

В результате можно было бы говорить о бегстве ради спасения от чужого (из места и дома чужого) как потустороннего мертвого и грозящего смертью в нем оказавшемуся живому. Бегстве, которое оборачивается не освобождением, а в конечном итоге смертью в связи с невозможностью выйти из круга, пока нечисть, его для себя обозначившая, сильна, не пересекши таких же своих для себя границ, – временных (световых), отмечаемых криками петуха, обращающихся для нее в пространственные (невозможностью выйти дверями и окнами с застреванием в них).

Данное представление, следовательно, можно характеризовать как фугатив все того же рассмотренного дубитативно-реверсивного дислибератива. В разновидности без пробатива (испытания), отмечавшегося для Мцыри, близкого к дислиберативу царевича Алексея в бегах, так же, как и этот, в своем расширяемом уточнении и нверсивного (оборачиваемого). Но если для царевича это инверсия своего отторгающего, а потому для него как чужого и несвоего, то для Хома это инверсия потустороннего в посястороннем, себя живого в мертвом, становящимся мертвым, и мертвого, погибаю-

щего, в конечном счете, не успев обернуть себя, став невидимым и темным, в освещенном светом дня живом. Моделью определяемой единицы будет, следовательно:

F[(AlienInfer/MinReal)]Liber(Propr)>LiberFals(Infer/RealExterm)
(лат. inferus ‘находящийся внизу’; ‘подземный, преисподний, относящийся к царству мертвых’).

Смысл, заключенный в единице и отражаемый в модели, можно передать как мифологическое по своей природе представление примерно так: «Преследующее живого человека мертвое потустороннее нечистое, достигнув, убьет его в месте своего освоенного обитания для себя. От него поэтому не стоит, поскольку бесполезно, убегать, реальным выходом и спасением может быть лишь пересечение временных (а с ними и пространственных) границ, отделяющих тот свет от этого, невидимое от видимого, темноту от света, мертвого от живого.»

Мифологические по своему характеру, следовательно, представления лежат и в основе той модели бегства, которая иллюстрирует сюжет, а с ним мотив, «Царевича в бегах», ставший не случайно столь оценочно и когнитивно значимым. Теми же мифологическими представлениями и по той же инверсирующей причине чужого как мертвого в своем и inferнального воспринималась религиозно-этническим сознанием история реформ и деятельности Петра, определявшаяся как вызванная бесовским наущением от иноземцев, а с нею представлявшая воплощением антихриста и самого императора. Модель и представления, отождествляющие чужое иностранное и иноземное как не мотивируемое воплощение зла, враждебное, заряженное смертью и противопоставляемое своему, мифологические по своей основе, продолжают, как известно, быть активными и для современного сознания. Повторяющийся в целом ряде текстов, художественных и не только, фугатив инверсивного дубитативно-реверсивного дислибератива не без основания, видимо, можно считать одним из наиболее существенных и определяющих в составе характеризуемой действительности ментальных представлений.

Совсем иного характера бег представлен у Гоголя в «Вечере накануне Ивана Купала». В стремлении стать богатым, для того чтобы получить возможность жениться на своей возлюбленной, Петро ночью отправляется в лес за кладом. Согласно поверью об открывающем клады цветке папоротника, расцветающем в одну только ночь на Ивана Купала, он должен найти и сорвать его, преодолевая страхи и ужасы от нечистой силы, ограждающей этот цветок от смертных. В конце концов, ему удастся, преодолевая препятствия, в обмен на человеческую кровь, получить богатство. Подбиваемый нечистым, ослепленный увиденными им под землей сокровищами, охваченный безумием, он убивает ребенка, брата своей возлюбленной. И тут началось: «Дьявольский хохот загремел со всех сторон. Безобразные чудища стаями скакали перед ним. Ведьма, вцепившись руками за обезглавленный труп, как волк пила из него кровь... Всё пошло кругом в голове его! Собравши все силы, бросился бежать он.» Петро бежит по лесу, всё окружающее, будто в крови, раскаленное, огненное, горит и стонет вокруг него. «Выбившись из сил, вбежал он в свою лачужку и, как сноп, повалился на землю. Мертвый сон схватил его.» Петро получил, что хотел, но после свадьбы он начинает чахнуть, пытаясь вспомнить, что же произошло. В конце концов, нечистая сила его забирает к себе, а червонцы в мешках обращаются в битые черепки.

Что представляет собой этот бег? Совершаемый, может, не столько в страхе, поскольку страх уже был, и не столько ужас, хотя и это тоже, сколько безумие руководит им. Это безумие и от увиденного, и от им совершенного, от столкновения с тем, что, будучи нечеловеческим, потусторонним, тем, с чем при непосредственной встрече с его проявлением в действии, в совершении, человек, поддаваясь и соглашаясь, допуская и подпуская к себе, в конечном счете не в силах в себе совладать. Это безумие от собой совершенного, от того, что способно себя объявить, какие ужасы и несчастья вызвать, неотвратимые по своим последствиям, ведущие к гибели, если поддаться бесовскому наваждению. Такова причина, внутренняя, не осознаваемая, толкнувшая к бегу – из лесу, из какого-то страшного места в лесу, через лес, к дому, «в свою лачужку». Бег завершается мертвым сном, пробудившись после которого он не помнит всего, что произошло, помнит только, «что искал какого-то клада, что было ему одному страшно в лесу. Но за какую цену, как достался он, этого никаким образом не мог понять.» Память не сохранила ничего из того, что было связано с нечистью и убийством.

Можно ли считать совершаемый им бег, пусть и, в конечном счете, как ведущий его к гибели, к смерти? Если к гибели, то не бег, как таковой, а то, что ему предшествует. Если к смерти, то также нет, поскольку смерть наступает, приходит, и неизвестно, действительно ли смерть, намного позже и от других причин – когда придется вспомнить все им совершенное. Забвение, омрачение и постепенное догорание, одичание, припадки бешенства, перемежавшиеся с беспомощностью и утратой признаков жизни, когда ни бодрствования, ни сна, – все это также приходит потом, после свадьбы, и время спустя: «не прошло месяца, Петруся никто узнать не мог». Для выяснения смысла производимого бега следует оставаться по этим причинам в пределах того фрагмента, который и определяет его.

Итак, это бег по лесу и из лесу, к дому, из того места в лесу, в котором все, связанное с нечистым и совершенными ужасами, произошло. Внешне все это выглядит так, что Петро бросает фактически то, зачем он пришел, не берет с собой им откопанный клад, и клад этот не мог, оставаясь на месте, ему, по идее, достаться. Не забрав его, он его потерял. То, что два мешка с золотом оказались в его лачуге, было действием силы нечистого, как положенная расплата за им содеянное. Раскопал он к тому же не эти мешки, а окованный железом сундук, на его глазах все глубже и глубже уходивший под землю. Не был, иными словами, это тот самый клад. Бег из лесу сопровождается красным светом, покрывающим все, деревья кажутся ему в крови, они горят и стонут, небо, раскалившись, дрожит, огненные пятна мерещатся перед глазами. Вбегая к себе, он падает, лишившись последних сил, охваченный мертвым сном.

Внешне все это выглядит как фугатив, т.е. бегство ради спасения – к дому из страшного места в лесу. То, что спасения в результате не происходит, а все с ним бывшее и им совершенное остается в нем и при нем, постепенно и неуклонно уничтожая его, это и есть тот вопрос, который необходимо решить. Какова же действительная природа, семантика, смысл совершаемого таким образом бега? Собственно говоря, это внешнее перемещение в пространстве от несвоего, лесного, чужого и потустороннего, к своему, отмечающее и объявляющее произошедшую с ним переменную. Преображение от бытия человеком, имеющим сердце и душу, во внешне похожее тело на человека, но перемененное, отдавшее себя нечистому, потерявшее сердце и душу, а с ними и память, и разум, хотя пока что живое еще существо, происходит с ним именно в этот мо-

мент. И совершаемый бег отмечает эту произошедшую перемену, объявиться которая может, реализуясь в своей полноте, не в месте потустороннего и чужого, лесного, где все это произошло, а в месте посюстороннего, освоенного, человеческого и своего.

Петро возвращается в свою лачугу, к себе домой, а с тем и к людям, не тем человеком, как все остальные, который был и ушел, он возвращается не собой, перестав быть собой. Но это может себя объявить, стать очевидным и завершить назначенный ему окончательный из человеческой жизни уход, от людей, от своих, от посюстороннего к потустороннему от своего, не в потустороннем чужом и лесном, а в своем, в доме, среди людей. Не принадлежа потустороннему и нечистому до конца, не будучи сам ни бесом, ни дьяволом, ни сатаной, отдав ему только то, что было в нем человеческим, он не может быть, пребывать, находясь в одном месте с ним, т.е. с нечистью в доме лесном. Вместе с тем не принадлежит он и своему. Возвращаясь к людям, он утратил разум и память. Внутреннее, нутро, содержание его им безвозвратно потеряно. Петро, иными словами, не принадлежит ни этому, ни тому. Не будучи в состоянии быть, находиться пространственно с тем, которое не человеческое и потустороннее, находясь и будучи в этом и с этим, в пространстве посюстороннего и своего, внутренне, по отсутствующем природе в нем этого своего, он не находится с ним. Он оказывается подвешенным между этим и тем, не относясь ни к тому, ни к этому, ни к одному, ни к другому не принадлежа.

Тем самым, показанный Гоголем в «Вечере накануне Ивана Купала» бег следует относить к разряду коммутативов, т.е. отмечающих, реализующих происходящую либо произошедшую перемену значимым пространственным перемещением, воплощая, точнее обозначая, ее переменной мест, но вместе с тем не производимую с переменной. Остается определить это бег как каузируемый коммутатив, в какой-то его разновидности, установив его отношение к тому, что все же себя представляет как бегство ради спасения, т.е. фугатив.

Как уже говорилось ранее, одной из особенностей представляемой ментальной системы необходимо считать способность взаимно-последовательного подключения и сочетаний разного в его показателях в чем-то, видящимся как единое и объединяющее, одном. Не будем в этом месте входить в теоретические обоснования и рассуждения данного положения, рассмотрев это на разбираемом примере. Выделенный ранее пульсатив, или бег движения, т.е. то, что совершается как действительный бег в своем первом значении с помощью ног, может быть как собственно пульсативом, или бегом как таковым, так и предполагать собой прокурсив, развиваясь и обращаясь частью его состава. То, что было определено как бег устремления и что, означая быстрое передвижение и называясь как бег, может себя совершать как действительное передвижение в беге, так и быструю, но и не только, ходьбу, иногда с остановками и перерывами. Важным является побуждающая причина и достигаемый, хотя и не обязательно, результат.

Каузируемый коммутатив определяемого в «Вечере накануне Ивана Купала» бега, каузируемый, поскольку вызванный его побудившей силой – ужасом от того, что на его глазах происходит, пущенный к движению тем, что произошло, этот каузируемый коммутатив, по природе своей, представляется одновременно и пульсативом (поскольку герой, что указывается, несомненно, бежал со всех ног), и прокурсивом (гонимый силой, Петро устремляется прочь с того места), и фугативом (поскольку невольно он ищет спасения в стремлении уйти от случившегося и вызванных всем этим безобразных и страшных видений).

Каузируемый коммутатив фугатива отмечает, как говорилось, произошедшую в нем перемену его состояний – прекращение быть человеком, собой, своим для своих и людей, и обращение его, если еще не полностью в потустороннее, то отъемлемое, отщепленное, отделенное и чужое. Бегство ради спасения от потустороннего и чужого к дому и своему отмечает фактически произошедшее в нем удаление и отделение от своего. Сказанное, как разновидность каузируемого коммутативного фугатива можно определить, таким образом, как обращенный (конверсивный) сепаратив (отделения) ремотива (произошедшего удаления) от своего с привнесением в него в результате произведенного в фугативе бега потустороннего и чужого, а не избавления от него:

$$F[(Commut/Caus(Min/AlienInfer)]Liber(Propr)>ProprFals[(SeparatRemot)(AlienInfer)]$$

Страх-угроза (Min), исходящие от чужого потустороннего (AlienInfer), побуждающие к бегству ради спасения (F) в своем – Liber(Propr), отображая в пространстве с производимой в бегстве переменной мест каузируемый коммутатив (Commut/Caus), т.е. перемещение в бегстве, вызванное произошедшей в нем переменной, отмечаемой как кажущееся свое (ProprFals), которое на деле есть уже отделенное удалением (SeparatRemot), конверсивно отображаемое в производимом бегстве преобразование в потустороннее чужое и несвое (AlienInfer).

Определить все сказанное можно в итоге как каузируемый коммутатив пермутативного фугатива F^{perm} – преобразенной сущности человека: лат. *permuto, permutum* ‘совершенно изменять: *cum argento domum p. p. погов.* сбежать, захватив (чужие) деньги’; ‘менять, обменивать’; ‘поворачивать (что-либо в противоположное)’. Или как "бегство" от себя самого, от себя одного, к себе другому, чужому, потустороннему, 'удаленному отделенному своему', – каузируемый коммутатив фугатива произошедшего пременения, обращения в сущностно-экзистенциальную противоположность себя.

Отчасти такой фугатив, но без представления о потусторонности, с отдаением и "преданием" человеческой сущности сердца-души, понимаемой как «свое и это», т.е. 'данного места и пребывания', 'своего и здешнего', будет структурно себя повторять в представлениях об эмиграции, уходе, бегстве от своего к чужому и потом возвращении, но уже в перемененном как бы, не своем и чужом состоянии, привносимом с собой. Подобного рода, также каузируемый коммутатив пермутативного фугатива можно представить примерно в виде следующей композиционной формулы:

$$F^{perm}(Commut/CausAlien)>Propr(SeparatRemot/Alien).$$

Каузируемое обращением к чужому бегство от своего, преобразуясь внутренне в человеке, меняет его существо, не приближая с возможным впоследствии возвращением к своему, но отмечая как удаление и отделение уже случившуюся, произошедшую в нем перемену, замену его существа в нем в чужое и для своих не свое.

"Новое время – новые песни"

Всякая общественно-политическая новизна, приобретающая нередко характер насильственного преобразования, сразу или в недолгом времени, усиливая тенденции неприятия и отторжения, с одной стороны, и необходимости как можно более скорого обновления и изменения с подстегиванием и проявления-

ми нетерпимости, с другой, неизменно ведя к динамизации общественной жизни, ускорению темпа ожидаемых перемен, оборачивается естественным образом актуализацией представлений о спешке и беге. Так было во время никоновских реформ, приведших к расколу, преследованиям и бегству тех, кто не принимал новизны. Твердо державшиеся старой истинной веры, не признававшие проводимых реформ, прозванные раскольниками и старообрядцами, бежали в леса, в Сибирь, в скиты, в Молдавию, за границу, повторяя сложившуюся исторически схему: от властей непокорному, если не на плаху и не в тюрьму, то скорым и, по возможности скрытым, уходом, убегом, куда подальше, лишь бы вне досягаемости и чтоб не достать. Так было во время Ивана Грозного, от царского гнева, от подозрений в измене, от разорения, бежали в Польшу, в Литву. Привычным был путь так называемых станичников, или разбойников поневоле. Разоренные бандами царских опричников, рыскающих по деревням отделенного от государственной вотчины земства, грабивших и сжигавших все на пути, бежали в леса, а потом и дальше – на Дон, на север, на Урал, в Сибирь, по проложенным ранее тропам, слишком часто использовавшимся в российской истории и намного позднее. И от петровских преследований и реформ, и от крепостничества, неизменно усиливавшегося, достигнув при Екатерине II своего апогея, и от рекрутчины и аракчеевщины при Николае. Не говоря уже о постоянных и редко ослабевавших преследованиях за веру не только раскольников и старообрядцев, но и всех, кто, по делу и не по делу, считались опасными для православия, общества и государства. Бегство было и оставалось для очень многих, для целых пластов и слоев, средством и формой, нередко физического, для себя выживания. Не по этой ли, разумеется не единственной, но одной из возможных, причине так разрасталось в своих представителях вширь, на восток, на север, на юг, сначала московское, а потом и российское государство? Пока было куда бежать, оставляя с уходом подальше, сзади себя, за собой, не освоенные, часто никем не занятые, дикие и пустые пространства – лесов, полей, степей, а там и тайги, а с нею и тундры?

Бегством и бегом, не просто, но массовым бегством и общим, всеобщим и всеохватным бегом, открывается объявляемая совершенно и абсолютно новой страница советской истории, упраздняющая все прежде бывшее и не бывшее, привычное и свое обозначив сразу же как чужое и не свое, от которого необходимо безжалостно и последовательно избавляться, уничтожая и изгоняя в себе от себя. Прежнее время и прежнее состояние отменяются, в нем ничего достойного к продолжению и подражанию нет, все предшествовавшее рассматривается как период доисторического развития, а история, собственно, начинается вот сейчас. Как творцы себя и своей истории советский народ должен не просто чувствовать новое, бьющее в запущенном ускорении время, он должен его себе подчинять и его направлять, куда надо и когда надо. Все, кто не подходит по социальным, идейным и всяким прочим причинам под ставящиеся критерии, обрекаются на привычное и по прошлой истории невыживание, а потому, чтобы не сгинуть, вынуждены бежать, добровольно или под принуждением, изгоняясь и погоняясь. Неизменными доминантами типично советского бега, тем самым, становятся две – 1) бег как бегство ради спасения, прямого, открытого, в эмиграцию, за границу, либо неявного, скрытого, укрываемого, как выезд куда-нибудь под видом чего-нибудь, с невозвращением по возможности после, нередко также бегства и внутреннего, в себе, в изоляции и замыкании, определяемого то как внутренняя эмиграция, то как добровольный домашний арест, и 2) бег как вечная, постоянная гонка и спешка, мало что приносящая, глупо-

бесплодная, безнадежная, то ли чтобы занять ею всех, кого только можно и даже кого нельзя, то ли чтоб выскочить, выставившись, на какой-нибудь верх, то ли чтоб выполнить, через меру и через силу, взваленное по плану-обязанности на одного как на всех, то ли чтобы хоть что-нибудь там заработать или даже урвать, то ли чтоб попросту выжить. Все эти формы и виды бега, то усиливаясь, то ослабевая, принимая различные по характеру, то сияющие намеренно ярким светом и блеском, то маняще-переливающиеся, то западающие и пропадающие в невидимости и темноте оттенки, почти никогда не теряют своей остроты, сопровождая крутые и резкие повороты, равно как и успокаивающие, полные обещаний, а также в меру спокойные и безмятежные в своей безнадежности, перекаты, извивы и переходы советской и постсоветской истории.

Первые годы, перешедшие в десятилетия, о которых речь, запускают в движение все то, что с такой прочувствованной на себе выразительностью нашло свое отражение, с одной стороны, у И. Бунина в «Окаянных днях», А. Толстого в его трилогии, М. Булгакова в «Беге», а с другой, у И. Эренбурга в «Не переводя дыхания», Б. Ясенского в «Человек меняет кожу», в «Прозаседавшихся» В. Маяковского. Бегом, идеей бега, не просто, но бега советского, в новых, возникших, родившихся обстоятельствах общественных отношений, быта и бытия, пронизаны два знаменитых романа, ярко отобразивших действительность, – «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова.

Не ставя перед собой задачи, в каком-то порядке или хоть как-то последовательно отобразив, передать в них то, в этих двух произведениях, что соответствует духу времени и новой действительности в большей или меньшей ее полноте, рассмотрим лишь некоторые не то, чтобы яркие, но наиболее интересные нас фрагменты, с единственной целью вывести на их основе модели производимого бега, представив его в семантике имеющихся и отображенных видов и форм. Идея осуществляемого бега как движущая заложена в основание и того, и другого романа. По своему внутреннему характеру это бег поиска и преследования, поиска как погони – за чем-то и кем-то, с тем чтобы это что-то от кого-то, вырвав, урвав, отобрав и изъязв, получить. В «Двенадцати стульях» это погоня и поиск бриллиантов, запрятанных в стуле, в одном из двенадцати, столового гарнитура из прошлой жизни, мадам Петуховой, умершей тещи бывшего дворянина Ипполита Матвеевича, в новой жизни Кисы, Воробьянинова. Погоня, к которой самостоятельно и параллельно присоединяется еще один искатель приключений и пожиратель пространств, и также отрывка прошлого – бывший служитель бывшего культа отец Федор, проявляющий для своей почтенной профессии необыкновенную смекалку, прыть и задор. В «Золотом теленке» это погоня за тайным советским миллионером Корейко, скрывавшим свои не трудом нажитые капиталы в обыкновенном чемоданишке, который и следовало у него, экспроприировав, отобрать. Организуемая и вдохновляемая Остапом Бендером, она производится целой компанией, похожей по своим признакам на типичный для нэпа то ли кооператив, то ли артель, со старшим во главе и его подручными. Конечной целью всего предприятия снова становится бегство. С отобранными богатствами, но уже без артели, бросив всех, как положено, по дороге и сам, Остап намерен, перебравшись через границу, бежать из советской страны. С мечтой о Рио, т.е. куда подальше и лишь бы отсюда, поскольку с богатствами здесь человеку не жить, а жалкое и ничтожное существование со дня на день, считая гроши и копейки, не для него, не для такого, как он, с его размахом, запросами и способностями.

Бег Паниковского с гусем

Первым видом такого предназначаемого к рассмотрению бега будет бег Паниковского с гусем из «Золотого теленка». Бег, который совершенно неожиданным образом, поскольку ничто этого внешним образом, в своих причинах и сопровождениях, не предполагает, заканчивается смертью, на что в связи с этим необходимо было бы обратить внимание. Более опасный, к слову сказать, по своей затее и по характеру бег как бегство Остапа, через границу с Румынией и по льду, закончился лишь его ограблением и битьем.

Гонимый голодом, по своей всем известной привычке и любви к гусям, Паниковский, во второй раз в романе (первый раз был в самом начале в Арбатове), пытается украсть гуся, но ему это не удается. Разгневанная хозяйка прогоняет его со двора, бежит вслед за ним, размахивая поленом, догоняет и ударяет его им по хребту. После чего тот падает, но тут же, вскочив, убегает с неестественной быстротой. «Паниковского они настигли только километра через три. Он лежал в придорожной траве и громко жаловался. От усталости, страха и боли он побледнел, и многочисленные старческие румянцы сошли с его лица.» Далее все продолжают свой путь, Паниковский тащится сзади, причитая и лепеча. К его жалобам все привыкли и не обращают на них внимание. «Голод гнал их вперед. Никогда еще им не было так тесно и неудобно на свете. Дорога тянулась бесконечно, и Паниковский отставал все больше и больше.»

Заканчивается вся эта сцена плачевно. Отставший ото всех Паниковский за холмом исчезает, а побежавший за ним Балаганов находит его уже мертвым. В заключительной речи Остап такими словами подводит черту его жизни и смерти: «Все свои силы он положил на то, чтобы жить за счет общества. Но общество не хотело, чтобы он жил за его счет. А вынести этого противоречия во взглядах Михаил Самуэлевич не мог, потому что имел вспыльчивый характер. И поэтому он умер.»

Жизнь, представляемая в обобщенной метафоре у последней черты как бег, обрывается. Сердце не выдержало. Усталость, страх и боль одолели, исчезают румянцы в лице, человек еле тащится из последних сил, после бега теперь, к своему концу. Жалобы и стенания, жалкий лепет, похожий на бред, голод, теснота, неудобства и вечно тянущаяся в бесконечное никуда дорога – вот то, что собой завершает жизнь и что предшествует смерти на переходе, на рубеже между покидающей, точнее покидаемой им, жизнью и наступающей, обрывающей ее тянущееся существование смертью. Как поленом, ударенным бабой его до того по хребту, огрела и повалила его на дорогу таким же поленом, как разбитую куклу, смерть.

Метафорический бег Паниковского к смерти от ничего хорошего не сохранившей жизни объявляет себя для него, выступает на деле, бегом мошенника, вора и гусекрада от бабы с поленом, бегущей за ним. Уже и гуся с ним нет, уже и баба успела его огреть, а он, повалившись на землю, вдруг отчего-то вскакивает и бежит «с неестественной быстротой» и не как-нибудь, а еще километра три, пока не падает совершенно без сил. Само нестояние его на ногах, и троекратное падение наземь, с третьим, последним, разом, оканчивающим земное его бытование и житье, значимо и символично. Это падение и нестояние куклы, не приспособленной к самостоятельным действиям и движениям по земле, включая в эти понятия и перенесенный им бег, как в прямом, так и в метафорическом смысле.

Не удавшееся ему на сей раз воровство, как оказалось, последний, протекает, надо сказать, в обычном своем режиме. Сначала это собственно похищение, затем погоня и бегство с украденным гусем под мышкой, с криками догоняющих и выражением ужаса на лице, определяемые как «вторая стадия кражи гуся», после чего наступает третья – поимки виновного и его наказания «чувствительными побоями». Приближение третьей стадии сопровождается ускорением бега (бег «во всю прыть») и возрастанием страха, не дающего выпустить гуся из рук, что вызывает в преследователях сильное раздражение, а с этим, как следствие, также стремление как можно скорее вора догнать, учинив над ним соответствующую заслуженную расправу. Расплата, тем самым, ее настигающая в своей неизбежности скорость, а также сила и мера, фактически заключаются в не отпускаемом гусе, и регулятором этой меры и силы невольно, но объективно оказывается он сам.

И побои, и, в конечном итоге, смерть, не от побоев, от ненормального по своей скорости и преодолеваемому расстоянию бега, до падения наземь, до полного изнеможения сил, все это, завися от совершающего, на деле не управляется и не регулируется им, подчиняя его себе, своей непонятной и «неестественной быстроте», своей втягивающей, подчиняющей, фатальной силе. То, что может сойти один раз, другой, не всегда хорошо, но и не смертельно закончившись, в какой-то раз, который будет последним, обернется очень плачевно. Такова обобщенная подоплека характеризуемого бега, отражаемая в визуальном мотиве типично советского представления о проживаемой жизни и наступающей смерти.

Воплощенное в беге движение, натягивающее пространство экзистенциальности бытия, выступает как способность и сила, испытывающие допустимую, разрешенную кратностью, прочность, по принципу «выдержит или не выдержит и когда», прочность собственного существования и собственной жизни, самовольным либо организованным кем-то изъятием материальных благ у других. Регуляция этого натяжения внешне вроде зависит от изымающего, однако внутренний, как осознанный, так и не осознаваемый, страх, порождая стихию неестественного для себя ускорения, нарушая чувство возможной в своей допустимости меры, в конечном итоге, приводит к естественно постигающему, воспринимаемому в силу своей неосознанности как фатальность, концу. Таковым представляется обобщенный смысл совершаемого Паниковским бега, который можно рассматривать внешне как бегство ради спасения, т.е. фугатив, в какой-то из его разновидностей.

Особенность данного фугатива по сравнению с ранее рассмотренными, прежде всего, заключается в том, что бегство от реальной опасности производится не от чужого в пространственном отношении места к своему как месту своего в нем обитания, т.е. к дому, а из одного какого-то, не специально отмеченного, но ни чужого, ни своего, не к какому-то определенному месту, а фактически в некуда, лишь бы отсюда подальше. Следующая особенность состоит в том, что, поскольку речь идет о похищении, то местом, из которого Паниковский, гонимый, бежит (но и не гонимый, он бы также бежал из него), является место похищенного им предмета, в данном случае гуся. Совершенное им деяние завершается в результате производимого бегства почти неизменно реально ждущим его наказанием. В типичном случае это будут побои, в особом и экстремальном – возможна смерть. При этом, если побои становятся следствием совершенного им похищения, т.е. бег лишь отстрочивает неизбежное наказание,

то смерть выступает не столько как следствие похищения и наказания, сколько, в первую очередь, устремленного и чересчур интенсивного бега.

Сказанное напоминает один из распространенных в сказочном, впрочем не только, фольклоре мотивов: лиса, похищая обычно курочку (возможно также гусочку, петуха), бежит с похищенным из места произведенного ей похищения, за ней гонятся, люди, собаки, чтобы догнать и избить. Аналогичный мотив возможен и с волком, медведь из рассмотренной ранее сказки также бежит от собак, от дома старика и старухи, с тем отличием, что, не похитив, а возвратив сидящую в коробе Машу. Возможны также другие сюжеты подобного бегства. Объединяет их то, что бегут из места нахождения похищенного предмета, гонимые угрозой реальной расплаты, наказания от тех, у кого похищают предмет. Однако, если фольклорными обстоятельствами (с медведем, волком, лисой) предполагается бегство лесного зверя от дома людей, т.е. места для них чужого, к лесу и в лес, воспринимаемому как место их обитания, для них освоенное и свое, то с похитителями в облики человека спасение вовсе не обязательно может нечто подобное предполагать. То, куда бежит похищающий, равным образом может быть как местом его обитания, местом его пристанища (условным домом), т.е. местом его своего, так и нет, безразлично каким, лишь бы только подальше, местом. Эта последняя разновидность проявляет себя в рассматриваемом бегстве Паниковского с гусем. Поскольку невозможно для него говорить о каком-либо месте его обитания, такого со всей очевидностью нет, нет места, которое можно определять для него как свое, то и вряд ли имеет смысл то место, из которого он похищает, воспринимать для него как чужое. Противопоставление своего и чужого в отношении локализатора производимого бега (впрочем, не только его), тем самым, оказывается никак не проявленным.

По внешнему виду осуществляемого бега его можно рассматривать как пульсатив (Паниковский *бежит*, производя соответствующие интенсивные движения ногами) прокурсива (устремляясь при этом прочь) в разновидности фугатива (бегства ради спасения) от реально грозящей угрозы, исходящей для него от преследователей. Условием избавления в первом случае, в Арбатове, становится появление "спасителей" в автомобиле (Остапа с его командой), забирающих его с собой, а также необходимость оставления похищенного. Второй случай, представляя собой не состоявшееся похищение, избавлением не заканчивается, Паниковский получает удар по спине, а убегая в стремительном страхе уже после этого, в конечном итоге находит смерть. Отвлекаясь от перечисленных обстоятельств, которые следует считать узальными, обобщенную формулу искомой модели, определив ее как *ф у г а т и в р а п т а т и в а*, можно представить следующим образом (лат. *raptō, raptatum* 'насильно хватать, похищать'; 'влечь, влачить, тащить'; 'подхватывать, увлекать'; 'грабить'):

F(MinReal)Rapt>DissolutReal/Exterm.

Одной из особенностей производимого бегства ради спасения в результате произведенного похищения (фугатив раптатива) следует, очевидно, считать интенсивность, стремительность, более чем обычное ускорение производимого бега, что и может, сопровождаясь к тому же побоями диссолютива (расплаты), приводить в нежелательном случае к смерти. Узальным мотивом, стоящим за этой моделью, было бы утверждение типа: «Сколько ни убегай от заслуженной кары за совершенное воровство, если не тот, у кого украдено, то сама жизнь рано или поздно, а все равно накажет укравшего», что соответствовало бы известному представлению о том, что «Чужое добро не впрок».

Можно было бы также связывать сказанное с типичными для советского времени представлениями о присваивании чужого, воспринимаемого как общее, а потому ничье, о хищении общественных, и не только общественных, материальных благ, как морального следствия обобществления, национализации и экспроприации, производимых властью, в основе которых лежит идея лишения, а с этим лишенчества и упразднения, изъятия, изымания, отбирания и грабежа, поощряемого мыслью об экспроприации экспроприаторов с ее формулой «грабь награбленное», поскольку можно, а если можно всем и другим, то отчего и мне того же нельзя? Лишения и лишенчества практически всех и всего, приводивших к отсутствию, либо смещению и искажению, внутренне значимого противопоставления, наблюдаемого нередко только во внешнем и воспринимаемого только как внешнее, т.е. лишенное (также *лишенное*) смысла, – своего и чужого, того, что дом, и что не дом, а домом является, может быть им, только по функции, нередко временной и замещенной.

Все это неизменно находит свое отражение в охарактеризованном представлении формулой бегства как 'похищении' и от 'похищения', с его глубинным убеганием, уходом, "уводом" себя, измененного, от себя самого (не случайно *вор* производят от *врать*, т.е. лгать, искажать, оборачивать истину, а *тать*, тоже 'вор', того же корня, что и *таить*, *таю*, *тайный*, *тайна*, т.е. сокрытый, неявный, обратный, темный). Однако мы не будем, углубляясь, развивать эту связь, лишь попутно ее обозначив, поскольку это потребовало бы обращения к чему-то намного большему, не к одному только определяемому в его формах и видах бегу. К тому же и само это движение, обобществленное, неопределенное в точках «откуда куда», лишенное противопоставления чужого и своего, в ничейном пространстве ни того ни другого, во многом можно воспринимать как ускоренное, устремленное, до изнеможения и собственной гибели, движение в никуда, лишь бы только подальше.

Мотив убегания «куда глаза глядят» лишь бы отсюда, где, хоть и дом и свое, но опасно, тот мотив, который нашел свое отражение в сказках, в истории прошлого с убеганием в леса, на Дон, в степи, на Урал, в Сибирь, в тайгу, обращается в этом случае (не хотелось бы говорить, что в советское время, но не без этого) не то что «отсюда», поскольку при отсутствии дома и своего, представление об «отсюда» как о чем-то определенном, в пространственно-экзистенциальном смысле, как такового нет, а именно «лишь бы только подальше», без такого же определения места «подальше», что оно есть такое и каково. При этом, если «куда глаза глядят» означает перед собой, каждый раз куда-то, куда ведет, что открывается за горизонтом, то «лишь бы куда подальше» и такого предопределения не содержит. Пространство никак и не определено, нет представления о том, что перед глазами, что впереди или за горизонтом. Обобщая, можно было бы даже сказать, что и самого представления о пространстве нет как о месте, местах, по которым бежать. В никуда, за которым «куда подальше», означает, что в пустоту, без ощущения и мысли о смене мест, в устремленном движении как таковом вне всего, – состояние дергаемой за ниточки, опадающей наземь, лишаясь поддержки, куклы. Отнюдь не случайно кончина и смерть Паниковского описывается в лишенных следов соучастия и человечности тонах, который «лежал посреди дороги неподвижно как кукла. Розовая лента галстука косо пересекла его грудь [веревкой на шее повешенного, в крови и как кровь – П.Ч.]. Одна рука была подвернута под спину [словно бы не человек]. Глаза дерзко смотрели в небо [мотив неприятия расплаты]. Паниковский был мертв.»

Бегства Остапа Бендера

Еще один вид в чем-то сходного бегства ради спасения показан в «Двенадцати стульях». На сей раз в качестве убегающего выступает главный герой романа Остап Бендер. Бегство не происходит стихийно, оно им планируется, заранее предполагаясь, что надо будет вовремя начать убегать и что будет погоня, а с ней и преследователи. Речь идет о знаменитой сцене шахматного турнира в Васюках, где Бендер, представляясь гроссмейстером, затевает турнир одновременной игры с местным шахматным клубом любителей. Мошенничество его, игравшего в своей жизни в шахматы во второй раз, очень скоро должно было обнаружиться, поэтому, почувствовав вовремя нарастающую опасность полного разоблачения, разбив доской лампу, прорвавшись через толпу в замешательстве и темноте, Остап бежит к пристани, где в лодке ждет его Воробьянинов с собранными за вход деньгами. В конечном счете, несмотря на угрозу нескольких весьма трудных моментов, когда преследователи едва их не настигли, на град летевших им вслед камней, опасность быть пойманными и избитыми, беглецам удается уйти. Переполненная до краев лодка стремившихся принять личное участие в предстоящей расправе преследователей перевернулась, и все они оказались в воде.

Как и в рассмотренном убегании Паниковского при похищении гуся, Остап бежит из места грозящей ему опасности не к дому, не к своему, не к себе, ибо нет у него такого места и дома. Угроза, как и с Паниковским, является следствием его собственных действий, фактически создана им самим, т.е. то место, которое, если и можно было бы рассматривать как чужое или как не свое, само по себе никакой для него опасности в своей чуждости не содержало. В отличие от Паниковского Остап заранее готовит, продумывая, план отступления. План срабатывает, грозящей расплаты не происходит, хотя не без трудностей, возможного наказания избежать удастся, когда в последний момент все, казалось, висело на волоске.

Одну из особенностей данного фугатива, который также можно определять в категориях похищения, т.е. как раптатив, составляет закладываемый в затеваемое мероприятие, неизменно ведущее к бегству, риск, или ставку на выигрыш при возможном при неудаче проигрыше. Выигрыш ведет к спасению, что предполагает уход от погони, отрыв от преследователей и избавление от наказания. При условии, необходимо добавить, достижения поставленной цели, т.е. состоявшегося и удачного похищения, в противном случае это также было бы проигрышем, но, возможно, без наказания или же наказания за самоё попытку. В свою очередь, вполне вероятный проигрыш может предполагать либо несостоявшееся похищение по каким-то причинам, в целом неважно каким, либо избавление от преследователей и следующую за этим расплату – битье, как показано в тексте, с крайним в своей экстремальности завершением в смерти, что, впрочем, также вовсе не исключено. Намеренно или не намеренно, избивание, в зависимости от тяжести, равно как и других физических обстоятельств, что было видно на примере с Паниковским, может закончиться смертью.

В связи со сказанным модель пульсативного прокурсива для фугатива в его разновидности, определяемой как раптатив, рассмотренную на примере убегания Паниковского в результате произведенного им похищения, как состоявшегося, так и нет, можно было бы уточнить, распространяя ее в отношении до-

пускаемого самой моделью выбора, производящегося между 1) уходом и избавлением от расплаты при условии удачного достижения цели; 2) уходом и избавлением от расплаты при условии неудачи – не достижения цели; 3) не избавлением и получением расплаты, которая может быть разной степени тяжести, в крайнем, но не исключаемом случае, завершаясь 4) смертью. Указанный выбор лишь отчасти зависит от убегающего, представляясь, в конечном счете, не чем иным, как игрой случайностей. Выпадет или не выпадет, удастся уйти от погони или же не удастся, насколько тяжелой будет расплата и наказание, выживет похититель или не выживет, – все это не предсказуемо.

Опосредующими производимое мероприятие узуальными обстоятельствами следовало бы считать подготовку а) его совершения в порядке необходимых деталей и промежуточных действий и б) возможных путей отступления, предполагающих как вероятность недостижения цели (неудачу), так и желательность, в случае достижения, а нередко и неизбежность, предстоящего бегства, сопровождаемое либо не сопровождаемое скорым и близким преследованием. Если Остап в своих действиях готовит как первое, так и второе (а и б), то раптив Паниковского следует охарактеризовать как не предполагающий (б). Бегство его, не планируясь и не организуясь, мало того как осознанное и не закладываясь, имеет стихийный, а потому и «неизвестно куда и лишь бы подальше» характер.

Таким образом, неизменный риск, подготовка осуществления и отступления, допускаемый как в немалой степени не однозначный, а потому во многом случайный, выбор в отношении возможного завершения, с расчетом, что все же выгорит и повезет с опорой на опыт, хитрость, физические способности, включая выносливость, ловкость и силу, – вот то, что, уточняя, дает более полное представление о рассматриваемом раптив-фугативе Бендера. Данную разновидность можно определить как фугатив экспертив-раптива (лат. *experior, expertus sum* [одного корня с *periculum* ‘проба, попытка, опыт’; ‘опасность, риск’] ‘пробовать, испробовать, испытывать (судьбу)’; е. *aliquid* ‘поставить что-л. на карту, рискнуть чем-л.’), полагая в экспертиве соединение значений ‘риска’, ‘подготовки’ и заявленного ‘выбора’ с его ‘расчетом’ и ‘опорой’, что и отличало бы в существенную сторону рассмотренное бегство Паниковского от рассматриваемого бегства Бендера:

$F^{\text{expert}}(\text{MinReal})\text{Rapt} > \text{Liber}(\text{Success:Unsuccess}): \text{Disliber}(\text{Dissolut:Exterm})\text{Real}.$

Очередную разновидность фугатива представляет в том же романе бегство отца Федора от Остапа. Начинаясь, судя по условиям, как бегство ради спасения от грозящей кары в виде наказания от соперника, дополняясь, оно переходит в бегство с похищением: крайне перепуганный появлением Остапа в тот момент, когда держал Воробьянинова за горло, отец Федор «не стал медлить». Движимый инстинктом, в том числе и голода, он хватается колбасу и хлеб, принадлежавшие Остапу с Воробьяниновым, и бежит. Сначала прочь, а потом, гонимый криками и улюлюканьем с угрозами, поймав, его побить, «не выдержал муки преследования и полез на совершенно отвесную скалу».

Его бег описывается как невозможный в физическом отношении: панический страх и ужас придают ему нечеловеческих сил и способностей. Достигнув площадки наверху, «забраться на которую не удавалось до сих пор ни одному человеку», он понимает, что обратный спуск совершенно невозможен. Тоскливый ужас овладевает им. Проведя несколько дней наверху, отец Федор окончательно сходит с ума и его, сняв с помощью пожарных, увозят в психиат-

рическую больницу. Формулой рассматриваемого бегства могло бы быть нечто вроде

F(MinReal)>Rapt>LiberFals(DissolutReal)Cond/Sub,

предполагающее бегство от опасности, переходящее в бегство с похищением, ведущее к мнимому освобождению, тут же и объявляющему себя как мнимое, оканчивающееся реально ожидающей расплатой, не от преследователей, а от созданных (достигнутых) самим преследуемым (убегающим) условий, в которые он себя поставил, в соответствии и согласно с ними. Как своего рода, хотя и в несколько смещенном виде, объективно восстанавливающая нарушенное равновесие (нельзя сказать, что справедливость) мера за меру.

Представленная разновидность отчасти повторяет модель и смысл узуального мотива панического бегства, рассматривавшегося на примере сказки «Курочка и петушок» в том отношении, что «Бегство, вызываемое всеохватным, движимым инстинктом, ужасом, лишая способности разумно взвешивать и здраво рассуждать, способно, усиленное превосходящими меру допустимого возможностями, довести до неотвратимо следующей из этого беды».

Относясь к группе мнимого либератива, данный фугатив, раптив которого, оказываясь факультативным, не влияет в целом на исход, может быть охарактеризован в этой группе как фугатив субъект-кондитивного (субъектно обусловленного) диссолютива: лат. *condo, conditum* 'воздвигать, сооружать, строить; класть начало, учреждать, основывать'. Отец Федор собственными действиями, в итоге собственных, в том числе нечеловеческих, усилий, предшествовавших бегству и его сопровождавших, создает условия в результате бегства, вызванного всеохватным инстинктивным страхом, для собственного безвыходного положения, заканчивающегося для него помрачением ума. Безумие ведет к безумию, тянет за собой безумие, постигая самого побуждающего. Того, кто, привлекая, навлекая его на себя и обращаясь в нем, при значимо усиливающем уже начавшееся действие толчке, вызванном внезапным помрачением, сам себя делает, становится при этом безумцем. В этом философский смысл характеризуемого узуального мотива рассматриваемого вида (субъект-кондитивного диссолютива) фугатива мнимого либератива, иллюстрируемого вносимым бегством отца Федора от Остапа на отвесную скалу.

Еще один бег из того же романа иллюстрирует ситуацию совершенно иного рода. Речь идет о том, что имело место в «Доме народов», где мадам Грицацуева ищет Остапа, наталкивается на него в коридоре и начинает его преследовать, все более и вслед за ним ускоряя движение. На производимое ими обоими ускорение оказывают влияние две составляющих. Во-первых, коридоры «Дома народов», которые «были так длинны и узки, что идущие по ним невольно ускоряли ход». Количество пройденных коридоров влияло на скорость, постепенно переходя во все более развиваемый бег. И, во-вторых, преследование со стороны мадам Грицацовой, которое, заставляя Остапа все более ускорять, влияло одновременно на развиваемую также и ею скорость, которая, в свою очередь, заставляла его еще более ускорять и т.д.

Прежде чем определить разновидность производимого ими обоими бега, рассмотрим в последовательности те его составляющие, которые на такое определение будут влиять. Бег, как было ранее сказано, может производиться из точки А в точку В в каком-либо связывающем их направлении, не обязательно по прямой, имея трассу, или маршрут движения, как известный заранее и закла-

дываемый в производимое действие, так и нет. Выделим это как его составляющие, предполагая, тем самым, для них 1) точки А и В, как начальную и конечную; 2) направление, представляемое как общий, составленный, вектор, раскладывающийся в последовательность нескольких или многих, образующих в своей совокупности 3) трассу, или маршрут, дополняемые 4) различного рода сопровождениями, уточняющими бег в обстоятельствах (как правило, узуальных) а) преодолеваемых препятствий, б) усложняющих трудностей, как маршрут, так и характер производимых усилий, в) каких-то других особенностей (спецификаций), связываемых с временными, субъектными, пространственными и пр. определителями.

Для начала рассмотрим значения точек А и В, которые могут влиять на характер производимого бега. Можно представить себе ситуацию, при которой производимый бег, осуществляясь из точки А, т.е. «откуда», не имеет в своем представляемом значении точку В, или «куда», либо она не существенна в отношении данного бега, либо отсутствует, не обозначаясь, хотя и предполагаясь, либо, в конечном счете, может намеренно представляться как неизвестное (бег в никуда). Комбинациями сочетаний обеих точек можно получить такие пять разновидностей:

- 1) из точки А в точку В – «откуда куда»: • → •
- 2) из точки А в каком-то не обозначенном направлении – «откуда», но неизвестно или неважно «куда»: • →
- 3) к точке В из не обозначенной точки – «куда», но неизвестно или неважно откуда»: → •
- 4) из одной, не обозначенной, к другой, также не обозначенной, точке – неизвестно или неважно «откуда куда», но в наблюдаемой линии продвижения: →
- 5) вне точек начала и завершения и вне обозначенно представляемой линии продвижения, бег вне пространственно-плоскостных параметров: >>>>

Представляемый в «Доме народов» бег описан авторами в двух проявлениях: а) как бег, производимый любым посетителем, попадающим в коридоры здания: «По любому прохожему можно было узнать, сколько он прошел. Если он шел ускоренным шагом, это значило, что поход его только начал. Прошедшие два-три коридора развивали среднюю рысь. А иногда можно было увидеть человека, бегущего во весь дух, – он находился в стадии пятого коридора...» и т.д., до и больше восьмого, и б) бег мадам Грицацуевой, начавшийся как производимый любым посетителем (а) и перешедший в преследование Остапа, совместно с Остапом, практически сразу же обратившийся в стремительно быстрый несущийся бег, оторвавший его от отставшей вскоре преследовательницы. После чего наступает приостановка – вдова никуда не бежит, предпринимая внешне спокойные поиски исчезнувшего объекта преследования. Бродя по одинаковым коридорам с одинаковыми тускло светящимися лампами и дверьми, она начинает испытывать страх, поддаваясь желанью уйти. Но уйти просто так, не поддавшись действию коридоров, оказывается для нее невозможным. Поэтому вновь начинается долгий и стремительный бег с нарастающей быстротой между стенами с трафаретами и бесчисленными дверьми. «Наконец, Грицацуева попала на площадку внутренней лестницы. Там было темно, но вдова преодолела страх, сбежала вниз и дернула стеклянную дверь. Дверь была заперта. Вдова бросилась назад. Но дверь, через которую она только что прошла, была тоже закрыта чьей-то заботливой рукой.»

Бег мадам Грицацуевой, обозначенный в пункте (б) в предыдущем абзаце, предстает по своему характеру как тройной. 1. Сначала это бег (а), вызываемый действием длинных и узких бесчисленных коридоров, по которым невозможно так себе просто идти, не поддаваясь их действию, понуждающему каждого посетителя к неизбежному ускорению, очень скоро переходящему в стремительный, к тому же все более и более нарастающий в своей скорости, бег. 2. Затем это бег за стремящимся уйти от нее Остапом, внешне выглядящий в своем таком же все более развиваемом ускорении как побуждаемый желанием его, от нее убегающего, непременно догнать, сопровождаемый внутренне таким же, хотя и исходящим более от Остапа, воздействием понуждающих к прогрессирующему ускорению коридоров (а). 3. И, наконец, это бег, побуждаемый в своем начале страхом однообразной, тусклой бесконечности и пустоты – пребывания в здании, перспективами и лабиринтами постоянно куда-то ведущего, вроде бы наружу через какое-то время с преодолением многочисленных коридоров, в конечном итоге, и приоткрывающегося (площадка внутренней лестницы), хотя не выводящего по существу никуда, запирающего в нем оказавшегося в стеклянных дверях своей западни. Этот последний также сопровождается бегом, обозначенным в пункте (а).

Первый бег (а) обозначим условно как бег причинения, вызываемый внешним воздействием, в данном случае места, в котором находится субъект, – версатив-аффектив (лат. *versor, versatus sum* ‘вращаться, пребывать, находиться’; *afficio, affectum* ‘причинять’; ‘снабжать, наделять’; ‘влиять, действовать, иметь влияние’). Этот вид может быть и бегом поиска (реквизитив), и бегом устремления (прокурсив) за кем-либо, от кого-либо или прочь, и бегом движения как такового (пульсатив), без дополнительных мотиваций, просто под действием обстановки и воздействующих внешних сил. Вызываемый возникающим в месте, в котором находятся, страхом, бег причинения может быть и фугативом (подвидом прокурсива), бегством ради спасения, ведущим к освобождению или нет (либератив либо дислибератив).

Бег второй обозначим как бег преследования (производимого Грицацуевой, преследующей Остапа), представляющий собой прокурсив, т.е. бег устремления, вызываемого желанием догнать убегающего, отдаляющегося и бегущего перед преследователем, или впереди него. Такой бег при этом часто развивается в прогрессирующем ускорении. Особенность, которую необходимо определять как типичную для преследования: преследуемый, желая, оторвавшись, от преследователя уйти, все более и более развивает скорость, преследователь, в свою очередь, стремясь неотступно следовать за убегающим, чтобы его догнать, также все более и более ускоряет. Бег преследования, тем самым, может дополнительно характеризоваться прогрессирующим ускорением.

И, наконец, третий бег в его начальной и последующих фазах следует охарактеризовать как бегство ради спасения, вызванное страхом нахождения, пребывания в (данном) месте, – фугатив версатив-аффектива, с дислиберативом в разрешении, поскольку мадам Грицацуевой спастись и уйти не удается.

В описываемом фрагменте можно усматривать еще одну разновидность, Впрочем, не четко выраженную в тексте в виде бега: «мадам Грицацуева, отделенная от Остапа тремя этажами, тысячью дверей и дюжиной коридоров, вытерла подолом нижней юбки разгоряченное лицо и начала поиски. Сперва она хотела поскорее найти мужа и объяснить с ним. В коридорах зажглись не-

светлые лампы. Все лампы, все коридоры и все двери были одинаковы. Вдове стало страшно. Ей захотелось уйти. Подчиняясь коридорной прогрессии, она неслась со все усиливающейся быстротой.»

То ли это неспешное хождение в самом начале в поисках («вытерла подолом ... разгоряченное лицо и начала поиски»), переходящее постепенно в бег, в начальной его фазе («хотела поскорее найти»), усиливаемый тут же страхом («захотелось уйти»), поскольку в следующем же предложении «она неслась со все усиливающейся быстротой». Чтобы было возможно это «неслась», «Подчиняясь коридорной прогрессии», ему должно предшествовать сначала не «неслась», т.е. также бег, но менее стремительный и развиваемый в скорости по нарастанию. Если, отвлекшись от деталей, в целом обоснованных, в какой-то фазе предпринятые ею поиски можно усматривать как осуществляемые в беге, его можно было бы определять как бег поиска, т.е. *реквизитив*.

Опустим все возможные для каждой разновидности уточнения и дополнительные определения с опорой на имеющиеся обстоятельства, остановившись при характеристике лишь на заявленных в начале (в отношении четырех выделенных разновидностей бега мадам Грицацуевой в «Доме народов»), также четырех, проекциях – 1) точек А и В, 2) направления в векторах, 3) маршрута и 4) некоторых, существенных для представления описываемых видов, сопровождений.

Точки А и В, т.е. «откуда куда», в отношении бега локативного причинения, описанного в романе, как параметр характеристики данной разновидности бега, представляются не существенными. Как предполагаемые, они существуют – в коридорах «Дома народов», как правило, и это следует признать показателем передвижения по ним, приходящий и всякий там находящийся, приходит первоначально извне с определенной целью, реализация которой возможна в каком-то из помещений, за одной из дверей. После чего допустимо дальнейшее передвижение по коридорам от одного помещения к другому. Это касается как посетителей, так и работников данного заведения. Но это никак не влияет на то, что было представлено как особенность данного бега: воздействие самих коридоров, длинных и узких, однообразие интерьера, расположение и вид дверей, обуславливающих специфику бега в его ускоряемой прогрессии.

Описанный бег причинения – версатив-аффектив (возможный как для прокурсива, так и реквизитива и пульсатива) – дополнительно характеризуется не с позиции точек своего начала или конца, а характером протекания, определяемого как неизменно себя увеличивающая, возрастающая в прогрессии скорость движения. То, что при описании сочетаемостей было представлено в отношении «как», с отнесением к точке реализации в совершаемом действии: *бежать / бегать* как – *быстро, стремительно, медленно, весело, радостно, не переводя дыхания, наперегонки* и т.п. Для характеризуемого бега таким представлением было бы *бежать / бегать* (поддаваясь действию локативного окружения) как – с возрастающей в прогрессии скоростью (прогрессирующий амплификатив).

Направление (общий вектор и векторы, его составляющие) при таком движении, также как и точки начала-конца, имеясь, присутствуя, подразумеваясь, для характеристика бега значения не представляют. Что касается третьего признака – трассы, то ее составляют именно те длинные и узкие коридоры, которые, оказывая соответствующее воздействие на бегущего, и обуславливают каузируемый предикатно-процессуальный характер бега. Причинение (каузирующий версатив аффектива) для данного бега, тем самым, относится к пара-

метру трассы. Можно было бы определить этот признак как т р а с с и р у ю щ и й версатив-аффектив, получающий свое разрешение в виде прогрессивного возрастания скорости в четвертом параметре – сопровождений.

В итоге бег локативного причинения в «Доме народов» можно определить как характеризуемый в отношении а) трассы, себя проявляющей как каузирующий версатив аффектива субъекта осуществляемого бега как действия, или мобилитатива (прокурсива, реквизитива, пульсатива) и б) сопровождающего предикатно-процессуального признака скорости, представляемого в показателе неуклонного возрастания (прогрессирующего амплификатива). В целом характеристику данного бега можно было бы описать как 'движение субъекта, вызванное в скоростной своей характеристике как подверженное неуклонному возрастанию действием окружающей обстановки по месту' – трассирующе-каузирующий версатив аффектива мобилитатива субъекта в отношении прогрессирующего амплификатива рапидатива, по формуле:

(TransCaus)(VersAffect)(MotSub)(ProgrAmpl)Rapid,

в составе которой можно выделить три составляющих части. Первая выступает как объясняющая, мотивирующая, инициаль в составе (TransCaus)(VersAffect), в парах которого следует говорить о соотношении каузации (Caus) чем (Trans) и причинения (Affect) чем (Vers). Вторая – как осуществляющая характеризующее действие медиаль, представленная действием передвижения (Mot) его совершающего лица (Sub). И третья – как определяющая соответствующим образом субъектное действие передвижения финаль, в отношении скорости (Rapid), характеризуемой признаком неуклонного (Progr) возрастания (Ampl).

Бег локативно-воздействующего причинения, в том виде, в котором он дается в романе, можно представить как ситуативно недооформленный бег. У этого бега-движения нет однозначно и ясно охарактеризованного начала и нет завершения-конца. В какой-то момент начинающееся где-то за кадром движение имеет способность переходить в определяемый бег, выхватываемый в своем представлении, после чего, опять же за кадром, где-то там пропадать, переставая быть бегом, а в конечном счете и передвижением. В этой особенности, фактически выхваченного, в своей незаконченной к тому же части, процессуального осуществления и состоит идея той разновидности, которая определялась как бег причинения (аффектива).

Бег не только изображаемый, но производимый в действительности, т.е. реальный и представляемый в сознании как таковой, также имеет три четко воспринимаемых части – предшествия, совершения и достижения, которые можно определять как его 1) м о т и в а ц и о н н о - п р и ч и н н у ю (объясняющую и каузирующую) и н и ц и а л ь , то из-за чего, для чего, ради чего, почему, отчего затевается бег; 2) к о н д и ц и о н н о - п р о ц е с с у а л ь н у ю м е д и а л ь , представляющую условия и характер его протекания (рассмотренный на примере «Дома народов» бег локативно-воздействующего причинения весь целиком обращен в своем представлении к кондиционно-процессуальной медиали, не характеризуясь в предшествии и не обозначаясь никак в своем достижении); 3) к о н с е к в е н т н о - р е з у л ь т а т и в н у ю ф и н а л ь , обращенную к достигаемому следствию и результату, не обязательно представляемому как конечная цель, поскольку цель, скорее, будет иметь отношение к иницирующей причинности, чем к тому, что реально достигнуто.

Если представить, не вдаваясь в подробности, бег мадам Грицацуевой, осуществляемый ею в «Доме народов», в отвлечении от четырех его разновидностей в фазах, развитиях и переходах, как некое отвлеченное целое, по принципу – сначала вбежала-вошла, затем пошла-побежала по лестницам, коридорам, площадкам и этажам, с передышками, остановками, ускорениями, замедлениями, встречами, переговорами по пути, забеганиями в помещения, после чего прибежала-пришла, куда-то, в какое-то ответвление, остановившись, застряв в нем, запертая с двух сторон, так что не выйти никуда и не войти, ни туда ни сюда – если представить все это как общее целое, то можно было бы выделить:

1) мотивационно-причинную инициаль (вбежала-вошла – для чего, с какой целью – в напрасно-отчаянных поисках Бендера), т.е. это был бы бег поиска (реквизитив), который служил бы объясняющей частью всего движения, имеющий точкой начала (для развиваемой ситуации) то место, откуда она затевает свой ход и которое, со всей очевидностью находится за пределами «Дома народов»;

2) кондиционно-процессуальную медиаль (пошла-побежала), представляемую в четырех разновидностях – как бег локативно-воздействующего причинения, как бег преследования, как бег поиска и как бег ради спасения (фугатив дислибератива), который и будет определять собой третью часть, или

3) консеквентно-результативную финаль (прибежала-пришла), которая сводится к недостижению как мотивировавшей начало движения цели (мотивационно-причинная инициаль), с постигшим разочарованием в результате, так и того, что имело место в последней части кондиционно-процессуальной медиали: бег ради спасения не приводит к освобождению от страха, связанного с пребыванием в месте (в узких и длинных пустых коридорах), усиливаемого к тому же замкнутостью с двух сторон с невозможностью выйти, – финаль, тем самым, в ее консеквентной части (получаемого следствия) необходимо характеризовать по признаку 'недостигнутый результат' для второй, результирующей.

Трехчастность характеризуемого представления 'бега' как определенного целого, в его предшествующем начале, осуществляемом развитии и завершающем данное осуществление конце, переносится, отражаясь в такой же трехчастности, но иных значений, для его составляющих, выделенных нами как разновидности – бега локативно-воздействующего причинения, бега преследования, бега поиска и бега ради спасения.

Рассмотрим еще одну разновидность определяемого нами как целое бега (мадам Грицацуевой в «Доме народов»), вторую из выделенных, названную бегом преследования. Это бег, с одной, убегающей, стороны, производимый с видимой целью уйти, избавившись от преследования, тем самым, это неоднократно уже рассматривавшийся фугатив – либератива для Бендера. С другой, преследующей, стороны, это бег, производимый с такой же видимой целью догнать убегающего. Как бег преследования, он может иметь начальную и конечную точки, начинаясь в месте «откуда» и завершаясь в месте «куда» или «где» (прибежали оба, тот и другой, завершилось преследование, окончившись либо достигнутым, либо не достигнутым результатом). Он может также иметь направление, общего вектора и его составных, а также трассу, по которой бегут, и сопровождающие производимый процесс обстоятельства. Рассмотрим, однако, его конкретное проявление для описываемого в романе преследования.

Мадам Грицацуева встречает Остапа Бендера в каком-то из коридоров. Первоначально это встреча, не предполагающая преследования с ее стороны. Увидев Остапа, она переживает восторг, и только его неожиданный разворот в

противоположную сторону и развиваемое в своей скоростной прогрессии бегство понуждают ее с такой же возрастающей скоростью стараться поспеть за ним. Тем самым, производимое ею скоростное передвижение следом можно считать не тем, что исходит как преследующие цель и интенция от нее, а тем, что объявило себя как преследование объективно, каузируемое созданными объектом, искомым ею для контакта, обстоятельствами. Это преследование, ставшее вынужденным, внешне только так выглядящее, являющееся на деле движением, побуждаемым стремлением, вызванным необходимостью следовать, не отставая, за тем, кого ищут, кого вдруг увидели и с кем хотят для себя, вернув его, обрести. Собственно говоря, это проекция того же реквизитива, поиска, объявляющая себя в прокурсиве не отстающего следования. С преследованием данную разновидность объединяет то, что локативная точка, в которой находится первый движущийся (преследуемый, настигаемый) объект, имеет в качестве неуклонной тенденцию как можно большего отодвижения, необходимо предполагающего ускорение. Назовем это точкой отодвижения (ремотива). В то время как локативная точка второго, следующего за первым и настигающего объекта, в качестве такой же неуклонной будет иметь тенденцию как можно большего приближения в стремлении настичь и догнать, что также себя проявляет в необходимости ускорения. Эта вторую передвигаемую точку, соответственно, можно определять как точку приближения (акцессива). То и другое в своих значениях составляют процессуальную сущность преследования, а также следования за кем-л., быстро движущимся в стремлении уйти, с целью все же его настичь.

От бега следования за кем-л. данную разновидность отличает а) стремление первого объекта не просто двигаться впереди, но от второго уйти, избавиться от него и окончательно оторваться (т.е. не что иное, как бегство ради спасения – фугатив) и б) необходимость производимого тем и другим ускорения, ведущая к возможному и постоянному изменению дистантного расположения точек отодвижения и приближения. То, что производимый мадам Грицацуевой бег за Остапом объективно становится бегом преследования с ее стороны является следствием фугатива, производимого им в тот же момент и на том же отрезке пространства.

Не будем расписывать далее определяемый бег в его этой второй разновидности, доводя до детального, наблюдаемого в формализующих признаках, уточнения. Сопровождающая его процедура давалась неоднократно и не содержала бы ничего принципиально нового, к тому же не в формализованном уточнении именно данного вида состояла задача. Опустим также подробные характеристики двух остающихся разновидностей (третьей и четвертой), поскольку бег поиска и бег ради спасения, которые они представляют, встречались неоднократно, а их конкретно данное описание для всё той же задачи не столь уж и важно. Обратимся к некоторым обобщающим представлениям, смысл которых заключался бы в том, чтобы на примере различных, более или менее актуальных, частотных и регулярных, видов показать то, что более или менее свойственно характеризующей ментальной действительности. Равно как и то, что, составляя одновременно активный запас ориентационных концептуально-оценочных знаний и ощущений ее представителей, отражаясь и закрепляясь в сознании, находит свое выражение в их вербальных и невербальных реакциях и проявлениях. Может быть, в некоторой ретроспективе, поскольку не на материале последних двух-трех десятилетий будут основываться дальнейшие обобщения, однако не в установлении возможных этапов того, что типично и актуально

для характеризуемой ментальной действительности в различных периодах ее проявления, но скорее в методологически-теоретическом подходе к ее описанию как таковому состояла задача.

Просмотрим коротко в начале предполагаемого обобщения те разновидности бега, которые, представляясь более или менее актуальными для языкового сознания, будут составлять его (предлагаемого далее обобщения) предмет. Для перехода к тому, что следует определять как более или менее известное, устойчивое и закрепившееся в сознании, представив это в виде некоего набора, или состава, вербализованных единиц, возьмем для такой же короткой и не подробной в своих дефинициях иллюстрации ряд примеров из того же романа. Не претендуя на сколько-нибудь серьезное представление, имеет смысл обратить внимание лишь на одну особенность данного произведения, воплощающего начало становления того, что без каких-либо подвергающих сомнению оговорок можно назвать советской действительностью (утверждение, впрочем, само по себе банальное и не вносящее ничего принципиально нового). На ту особенность, которая, составляя предмет предлагаемого рассмотрения, дает возможность говорить о типичной для этой действительности суете, которую, для того только, чтобы очень коротко и одним словом, за неимением лучшего, можно назвать *беготней*. Воспринимая это не столько как слово с его привычным словарным значением, но как понятие, или, как принято определять это в последнее время, как типично советский по своему устройению и оформлению концепт. Не будем, однако, в этом месте касаться определения 'беготни' как советского по своему устройству концепта, обратив внимание на то ее проявление, которое нашло свое отражение, начало себя отражать, в романе И. Ильфа и Е. Петрова.

Беготня «Двенадцати стульев»

Если второй их роман, «Золотой теленок», пронизан идеей перемещения, воплощаемого, в первую очередь, в форме езды (главные действующие персонажи на протяжении долгого времени едут на автомобиле, называемом «Антилопа», затем в том числе, хотя и в меньшей степени, в поезде), то «Двенадцать стульев» фактически отражает идею бега, а в своем отвлечении и отчасти, начинающей себя развивать обозначенной беготни. Социальная структура, все общественные слои населения бывшей российской империи, в целом и в своих представителях, стронувшись великим «железным» потоком захвативших всех и вся перемен, для кого растрясаящих и выкидывающих за борт, для кого утрясающих и приспособливающих, а по сути приспособленческих, приходят в движение, длящееся, как потом оказывается, не одно и даже не два, а много более десятилетий.

Движение это, связываясь с охвативших всех ощущением неустойчивости, отсутствия каких-либо видов на постоянство, гарантирующих твердые основания более или менее обеспеченного и безопасного бытия, находит свое выражение в пространственных по своему виду перемещениях. Причем не в виде брожения или хождения с места на место или из стороны в сторону (хотя и такое находит свое воплощение – для бездомных бродяг, беспризорников, для сидящих в тюрьме, т.е. тех, кто в социальном смысле уже дошел и пришел, а потому и идти кому далее некуда), а в передвижении «откуда куда». Это «откуда куда», представляясь в значениях «отсюда куда-то», «отсюда куда-нибудь», в

более или менее определенное, недостаточно определенное или совсем неопределенное место, но «чтобы отсюда», хотя не всегда и не обязательно «лишь бы только отсюда», – это «откуда куда», как правило и обычно, чаще всего, имеет вид ускоренного, нередко поспешного, а иногда и очень стремительного, движения, предполагающего срывание с места, подхватывание и довольно скорое перемещение, что в своих фазах начала, развития и завершения и вписывается в понятие-представление 'бег'. Это «откуда куда», по своему характеру, чаще всего, если это не бег во спасение, становится бегом поиска либо бегом стремления не оказаться оставленным, не отстать, либо бегом стремления, нередко связываемым с тем и другим, получить, постигающее разочарование в результате которого в более позднее время для той же ментальной действительности порождает внутри ее характерный комплекс недоданности. Однако мы не будем входить в эту область, оставаясь в пределах романа, подводящего нас к дальнейшим вербализованным единицам, составляющим данный предмет.

Начинается, как известно, роман с затеваемого уже в самой завязке движения, назовем это бегом (ибо необходимо по разным причинам спешить) по и с к а . Бывший дворянин Воробьянинов, похоронив свою тещу, упрятавшую от советской власти бриллианты в одном из двенадцати стульев семейного гарнитура, в союзе с подвернувшимся тут же и неизвестно откуда взявшимся бродягой и комбинатором Остапом Бендером, бросаются на поиски этих самых бриллиантов, а точнее стула, одного из двенадцати, в котором они сидят. Каждый при этом, что очевидно, преследует собственную, ведущую отнюдь не к взаимному обогащению цель. К этому бегу присоединяется, также бывший, священник, а потому и выброшенный за борт советского общества и его истории (читай действительности), отец Федор, узнавший о тех же бриллиантах из предсмертной исповеди умиравшей мадам Петуховой. Бег обращается в постоянную гонку, поскольку цель в виде стула, каждый раз достигаемого, оказывается не реализованной, а потому и отодвигаемой: в каждом настигнутом стуле искомого нет. Гонка эта, все более начиная напоминать пресловутое бегство за миражами – утраченного, где-то под чем-то, под кем-то (бывшим «задом» кого-то) зашитого прошлого ради светлого будущего, не знающего бедности и материальных забот, распадается постоянно на свои промежуточные и составляющие. То это бегство за кем-то, то от кого-то, то ради чего-то, то совершаемое кем-то попутно другим или попутно другими, сопровождающими, способствующими, мешающими, просто толкущимися где-то поблизости, рядом, вокруг. Все это и составляет, работая на соответствующее впечатление, общее представление об охватившем всех, периодически себя пробивающем из глубин на поверхность, 'беге' стремящихся, движущихся, суетящихся, даже при внешне стабильном и вроде не нарушаемом спокойствии, граждан огромной, стронутой с места (бывшего общим седалищным местом), страны.

Не будем далее развивать перед этим сказанное, поскольку не в анализе, в том числе и под рассматриваемым углом, романа «Двенадцать стульев» состояла задача. Остановимся только на нескольких, помимо уже разобранных, примерах бега, которые следовало бы определять как составляющие, или промежуточные, в отношении общего бега поиска, или гонки за стулом как за неизменно отодвигающимся и, наконец, исчезающим прошлым, переводящего в беззаботное будущее, миражом.

Во-первых, это близкая и понятная сердцу авторов суета, или беготня, в редакции перед выпуском подготавливаемого газетного тиража. К секретарю, ответственному за выпуск, вбегают и входят поочередно руководители разных

отделов, заинтересованные в количестве отводимых на материалы строк. Бежит, в конечном итоге, и сам секретарь, утрясая и дотрясая то, что должно найти отражение в номере, а что может и подождать. За ним следуют в его беге по коридору всё те же заинтересованные.

Описываемое обычное дело, представляющее собой процесс производства, выглядит как беготня, в ходе которой необходимо как можно скорее, поскольку гонят сроки и время не терпит, всё возможное и невозможное увязать, согласовать, утрясти, сведя интересы, задачи и цели различных руководителей, организаций и групп. Так, с одной стороны, чтобы, если кого обойти и обидеть, то не отрезав пути к отступлению и не до конца, но отстрочив даваемыми обещаниями, а с другой, чтобы вроде и выпустить то, что как бы и необходимо читателю (потребителю), но ни в коей мере не в ущерб и не за счет того, что спускается сверху, как указание, распоряжение, план, постановление, директива. Под страхом утраты не только должности, премии, привилегий и пр., но и средств к существованию и даже свободы. Все эти необходимости согласования, сведения, разведения, подведения, перекладывания, откладывания, раскладывания и утряски, вызывая постоянное чувство ни на минуту не отпускающей загнанности, сопровождаясь в своем дополнении переживанием вполне обоснованного преследования и вечного страха, выливаются, находят свое выражение в работе как гонке, приобретающей вид суетливой и беспорядочной по внешнему своему проявлению, хотя и продуманно организованной, поскольку себя повторяющей, беготни.

Назовем этот бег, в его представленной описанным образом разновидности, бегом раздания, или распределения (дистрибутива), с внутренней основой по принципу «всем сестрам по серьгам», или «богу богово, а кесарю кесарево». В беге и на бегу, потому что время не терпит и всем участникам надо спешить. Так, чтобы одно к другому свести, всё возможное и невозможное любой ценой и любыми средствами согласовать, всех и вся удовлетворить, никого не обидеть и не задеть (потому что мало ли что от кого и когда может потребоваться или зависеть), чтобы себя не подставить и начальство не разочаровать.

Бег раздания определяется 1) регулярностью и повторяемостью производимых действий (регулятив-итератив предикатива), не имеющих характера исключительно бега, выступающего 2) как дополнительное и сопровождающее средство достижения цели (финитный инструментатив); 3) некоторым, нередко немалым, числом взаимодействующих между собой и задействуемых агентоучастников (мультипликатив агентивного партитива); 4) необходимостью согласования разного, предполагающего сведение всего во что-то общее и одно (фокусирующий концентратив); 5) наличием организующего производимые всеми, нередко разнонаправленные, движения распорядителя и регулировщика, от которого вроде бы всё зависит и потому ответственного за всё (организующий диспозитив-суспенсив); 6) стоящим над всем этим скрытого руководителя и диспонента (каузириюще-контролирующий директив).

По внешнему виду бег раздания (дистрибутив) выглядит как сходящиеся и расходящиеся к организующему центру (в диспозитиве) движения, центростремительные и центробежные, заданные в своем истоке и достигаемом результате невидимым каузаторм и диспонентом. В связи с чем бег раздания выглядит как кондиционно-процессуальная медиаль с опущенными мотивационно-финитной инициалью и результативно-следственной (консекутивной) финалью.

Во-вторых, это нечто похожее на собирание в беге всех в одну точку, когда стекаются, собираются с разных сторон для какого-то мероприятия, выполнения задания либо чтобы всем вместе, погрузившись на поезд, корабль, самолет, автобус, ехать далее, плыть, лететь. В чем-то это отчасти похоже на бег раздания, в одном из его проявлений, когда все задействуемые участники бегут к регулятору-распорядителю и распределителю. С тем отличием, что, если подобное действие производится чаще поочередно, то стекание всех во что-то одно либо к чему-то общему может производиться и производится часто одновременно. Отличие заключается также и в том, что регулирующий сам может бегать по разным местам, взаимодействуя с участниками для достижения каких-либо промежуточных целей. Сбегание к общему центру дополняется к тому же их же потом разбеганием от этого центра, а также и центра по окружающим точкам: центростремительность сопровождается и дополняется центробежностью. Что касается стечения-собирания, то оно обратного, центробежного от движения не предполагает.

Вряд ли было бы обоснованным определять обозначенное в беге движение как такое, которое специфично для развивающейся в своем становлении советской действительности. Массовые собрания, со стечением публики ради участия в чем-то совместном, были нередки и довольно типичны и раньше: демонстрации, вече, собрания, погружение на поезда, корабли, театральные постановки, ярмарки и т.п. Редким было бы разве что осуществление всего этого в беге. Активизация соучастия многих, в чем-то совместном и объединяющем их в единое, хотя далеко не всегда и, как правило не, организуемое целое, с началом установления советской власти и формирования общества в соответствующем, характерном для данного строя укладе, сопровождается усилением и ускорением центростремительных, организующих, спланированных тенденций, объединяющих всех во что-то единое, общее и одно. Актуализируемой тенденции к собирательности (динамическое проявление морали и психологии коллективизма) придаются ускоренный темп и мобильная интенсивность. Собираются чаще, активнее и стремительнее. Не просто сходятся постепенно, степенно и не спеша, а сбегаются, как можно скорее, не теряя времени, так чтобы не оказаться последним, не быть в отстающих, не опоздать. Отсюда и возникает то, что можно представить как центростремительный мультипликативный рапидатив, составляющий смысловую основу определяемой разновидности бега, который можно характеризовать как бег собирания – компетитива: лат. *competo*, *competitum* ‘вместе домогаться, добиваться, стремиться’; ‘сходиться, встречаться’; *com*, *cum* ‘с, вместе’; *peto*, *petitum* ‘стараться достать, стремиться, добиваться, искать, домогаться; собирать, добывать’; ‘просить, требовать’; ‘бросаться, устремляться’.

В романе «Двенадцать стульев» этот вид бега появляется, в частности, в сцене бегущих артистов агитбригады на пароход. Вначале бежит один, потом, услышав рев пароходной сирены, к его бегу присоединяются также другие, всё более подстегиваемые приготовлением к отправлению: «Финансово-театральный бивак оживился. По городским спускам бежали тиражные служащие. В облаке пыли катился к пароходу толстенький Платон Плащук. Галкин, Палкин, Малкин, Чалкин и Залкин выбежали из трактира «Плот». Над несгораемой кассой уже трудились крючники. Инструктор акробатики Жоржета Тираспольских гимнастическим шагом взбежала по сходням.»

Сбегаются из разных мест в собирающее их всех одно. Сопровождается все это правилом, или законом, сжимаемого (сжимающего) времени: начавший

движение раньше имеет больше времени, чем тот, кто подключается позже, чем ближе к назначенной точке, в данном случае отправления, тем меньше времени у бегущего и тем быстрее он должен бежать, чтобы не опоздать. Центро-стремительный мультипликативный рапидатив, тем самым, имеет счетчик, устанавливающий обусловленность скорости производимого бега от времени подключения к нему. Обязывающий каждого из участников распределять свои силы в пропорциональной зависимости от своей позиции к точке заявленного начала и связанного с ней конца. Необходимо уложиться в отведенное время, соразмерив с ним расстояние, которое следует преодолеть. Определяемую разновидность компетитива, тем самым, представляется обоснованным уточнить в отношении конгруэнтного темпорально-пространственного дистриктивного партитива.

Общее представление о характеризующей разновидности бега как собирания (компетитива) складывалось бы из двух взаимосвязываемых сторон. Как центростремительный мультипликативный рапидатив данный бег воплощает себя во внешней и наблюдаемой части: все участвующие бегут из разных мест к общему центру. Дополняется все это внутренне действующим регулятивом: не просто бегут, но соизмеряя скорость движения, соотнося ее, со временем подключения к бегу и местом своего нахождения, сначала в момент подключения, а впоследствии также и в каждый последующий, приближающийся к достижению центра, пространственно-временной, по идее и смыслу, момент. Данное положение и определяет себя как то, что было названо конгруэнтным (соизмеряющим) темпорально-пространственным дистриктивным (лат. *distinguo, distinctum* 'размечать, отделять, разделять') партитивом (лат. *partio, partitum* 'делить (разделяя на части состава); разбивать; логически расчленять'; 'распределять, раздавать'; 'быть причастным, получать свою долю; сталкиваться: *inter se p.* 'договариваться насчет чего-л. между собой').

В-третьих, это встречавшийся также и ранее бег поиска (реквизитив), с той существенной для характеризующего представления особенностью, которая уже проявила себя при описании двух предшествующих – бега собирания и бега раздания. Речь идет о распределенности (дистрибутивности) множественных, в осуществляемых посещениях при производимом поиске, просматриваемых в беге, позиционных точек пространства. Эти точки представляют собой места, в которых может быть, должен, с известной долей закладываемой вероятности, находиться искомый объект – предмет или лицо. Обычно так и производится поиск. Специфичности ему придает все та же, выведенная как характерная ранее (бега собирания и бега раздания) интенсивность, влияющая на скорость, и обусловленная стоящим за всем этим императивом и директивом – руководящим и требующим исполнения каузатором и диспонентом, к определенному времени, т.е. в назначенный как подотчетный момент. Неисполнение в сроки ведет неизменно к последствиям (консеквентному результату), а исполнение данного непосредственно связывается с исполнением чего-то другого, выстраиваясь в общий зависимо-обусловленный ряд. Неисполнение одного, к тому же нередко в стремительно сжатые сроки, неизбежно приводит к неисполнению другого, а то, в свою очередь, третьего, отчего может рухнуть и быть недостигнутой вся в своих звеньях экзекутивная цепь.

Указанная стремительность, обуславливаемая и продиктованная сжатостью отводимого времени, влияет на характер производимого поиска: с каждой обследованной (обегаемой) позиционной точкой предполагаемого местонахождения искомого, не дающей желаемого результата (искомый объект не находит-

ся), возрастает необходимость производимого ускорения, поскольку сокращается время, отводимое потенциально на поиск. Тем самым, следует говорить о зависимости скорости производимого обегания от (недостигаемого) результата в обегаемых точках.

Данную разновидность можно определить как бег пробегающе-ускоряемого поиска – перкурсивно-инцитативного реквизитива (лат. *percurro, percursum* ‘бежать, мчаться, спешить; пробегать, поспешно проходить, быстро проезжать’; ‘облетать; бегло просматривать; р. *oculo* ‘бегло обозреть, окинуть глазом’; *incito, incitatum* ‘приводить в быстрое движение; погонять: *i. surgentem логов.* ‘погонять того, кто и так бежит’; *i. se* ‘спешить, бежать, устремляться’; ‘ускорять’; ‘усиливать, увеличивать’; ‘побуждать, поощрять, подстрекать’; ‘возбуждать; разжигать, растравлять; поджигать, раздражать’).

В романе «Двенадцать стульев» представленная разновидность находит свое отражение в следующей сцене: «По коридорам и лесенкам бежал Персицкий, разыскивая исчезнувшего корреспондента ТАСС. Корреспондента нигде не было. Только тогда, когда уже убрали сходни, корреспондент объявился. Он бежал вдоль берега, спотыкаясь, гремя баночками и размахивая удочкой. – Человека забыли! – кричал он протяжно. – Человека забыли!»

Бег пробегающе-ускоряемого поиска исчезнувшего корреспондента ТАСС, производимый Персицким, дополняется (при том, что его нигде не было) им самим, опоздавшим, прибежавшим к пристани, «когда уже убрали сходни». Его бег, начинаясь как один из фрагментов (дистинктив) рассмотренного ранее центростремительного партитива (корреспондент – один из пассажиров отчаливающего парохода), переходит в бег вдоль берега вслед за уходящим, готовящимся к отправлению, парохом. Это бег, похожий на бег преследования (персекутив), ранее рассмотренный. Собственно говоря он таковым и есть, характеризуясь в начальной своей фазе нередко ускорением, в стремлении догнать – того, кто убегает, либо уходящий поезд, трамвай, автобус, пароход, сопровождаясь часто криками в желании прервать движение того, кто или что впереди (интерруптивно-фатирующий эмотив). Осуществляемое в дальнейшем неизбежно переходит в фазу прерывающей, на сей раз собственное, движение остановки, в случае признания невозможности догнать (интерруптив персекутива), либо достижения и контактного воссоединения с тем, кто или что имелось впереди (апликатив прецессива).

И, наконец, последним, четвертым, из просматриваемых бегло видов из романа «Двенадцать стульев», будет исключительный по своему внешне мотивирующему, побуждающему к осуществлению характеру, бег во время землетрясения в Крыму. Начинается он с раздающихся с улицы криков, звона и шепота, предвещающих недоброе. Остап с Воробьяниновым, находящиеся внутри здания театра, вынуждены, выскакивая на улицу, бежать как можно скорее, не взирая на то, что стул, в поисках которого они пришли, находится где-то здесь. Происходит временная задержка – Воробьянинов видит стул и, в желании его потрошить, останавливается, требуя плоскогубцы. Остап кидается к выходу, проклиная его и стул на бегу, Воробьянинов, движимый скорее инстинктом, устремляется следом за ним. Очень кстати и как нельзя более вовремя, поскольку «Как только они очутились на середине переулка, земля тошно зашаталась под ногами, с крыши театра повалилась черепица, и на том месте, которое концессионеры только что покинули, уже лежали останки гидравлического прессы.»

Представленный бег, таким образом, характеризуется 1) необходимостью как можно более скорого, по возможности одновременного, выбегания всех из внутренних помещений и зданий наружу (мультипликативный инсимуль-рапидатив экстерн-экскурсива), сопровождаясь при этом нередко 2) задержками, остановками некоторых из выбегающих, вызванными как объективными, так и субъективно вдруг возникающими препятствиями на их пути (прохибитативный интERRUPTИВ дистИКТИВНОГО ПАРТИТИВА), что может грозить 3) как совместной гибелью всех находящихся рядом, так и только отдельных, наименее удачливых, лиц (конвиктивно-эксквизитивный экстерминатив).

По своему характеру описанный бег представляет собой разновидность уже встречавшегося ранее неоднократно бегства ради спасения – фугатива. Добавляемые экстремальные по своему характеру, исключительные условия, выраженные в тексте романа словами «Остап был вне себя. Землетрясение, ставшее на его пути! Это был единственный случай в его богатой практике.», в целом не составляют его особенности. Бегство ради спасения, фугатив, как правило, предполагает подобную исключительность. Специфику следует видеть в том, что было представлено в пунктах (1, 2, 3), характеризующих бегство, от землетрясения в описанном случае, но так же, подобным же образом, от пожара, наводнения, метеорита, тайфуна, извержения вулкана, взрыва, летящих и падающих сверху бомб, артиллерийских снарядов, ночных и дневных налетов и пр. Всего того, что связывается с широко понимаемыми проявлениями катастрофизма в виде стихийных бедствий, глобальных несчастий и потрясений, военной агрессии, агонии обществ, падения и распада цивилизаций и стран, геноцидом, разрушением поселений и городов, в конечном счете – с апокалиптизмом, Армагеддоном и концом света.

Трудно увидеть во всем этом порождаемую советской действительностью исключительность. Может, сама она только предвестие разрушения мира, ожидающего всех впереди (идеи и настроения, которые были свойственны многим из тех, кто не принял и не одобрил ее, впрочем, не это было предметом нашего интереса). В отношении разбираемого романа, метафорически, сказанное и описанное можно с равным и большим успехом к социальному времени его написания воспринимать как мотив и идею землетрясения, захватившего и охватившего в своем разрушающем до основания уничтожении старое. Весь прежний и бывший российский уклад, как здание, кем-то когда-то построенное, по несправедным, а потому и не выдержавшим произведенного социального сотрясения чертежам. Его устои, законы, обычаи, правила, несправедливое разделение общества, весь его театрально-сценический (герои находятся в театре), а потому фальшиво-фасадный и демонстративно-самодовольный миропорядок и лад. Но, по известному эффекту бумеранга, производимое разрушение рано или поздно обратится на тех, кто его произвел.

Данное представление мы не находим в романе, но заложенный в описанном беге от землетрясения конвиктивно-эксквизитивный (собираательно-избирательный) экстерминатив, заряжая собою происходящее и не находя его в данный момент, выльется где-нибудь и когда-нибудь позже, поскольку горящая и распаленная магма не высвобожденного разрешения неизменно выход себе найдет. И этот выход не будет предвещать ничего хорошего. В романе этот выход заканчивается не завершённым, поскольку, как и все остальное, не получившимся и потому неудачным убийством героя. Воробьянинов бритвой по горлу резанул кое-как Остапа, в припадке его охватившей, точнее прорвавшейся на поверхность, ненависти, смешанной с помутнением от проступивших злоб-

ных инстинктов и чувством дикого страха, заставившего его, по совершении, выйдя на улицу, в конечном итоге, громко выть. В действительности самой что ни на есть реальной этот выход заканчивается тем, чем еще не заканчивается – историей не просто конфликтов, но нескончаемых, переживаемых всеми и постоянно кошмаров, трагедий, страхов, убийств, катастроф и войн. Впрочем, не это было предметом нашего рассмотрения.

Несколько слов в обобщение: динамизация производимого в беге как политическая необходимость и интерес

Закладываемое в основание предлагаемого обобщения представление об интенсифицируемой в советское время действительности с ее «Время, вперед!», «Пятилетку в четыре года!», «Догнать и обогнать! (Запад, Америку, всех, кого можно, в том числе и самих себя)», «Следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» и пр., – обращает внимание на неизбежное проективное усиление семантики бега в общественном, а с ним и индивидуальном, сознании. Волюнтаристическое, вмешивающееся отношение к людям, обществу, создаваемой истории, проявляет себя, в первую очередь, в динамизации происходящих процессов, вызываемых к жизни намеренно и умозрительно. Историческое время субъективно сжимается. Действительность, отражаемая сознанием, будучи претворена в соответствии со стоящими первоочередными задачами, отходит от своего первообраза, в первую очередь, в сторону преобразования времени и его перспективы. Время становится сжатым и нереальным, а перспектива суженной, сдвинутой и искаженной. Находит все это свое отражение в деятельностном компоненте. Осуществляемые действия, конденсируясь, утрачивают размеренность и постепенность, стремясь без раскачки, с разбегу как можно в более сжатые сроки достичь желаемый результат.

Все эти тенденции находят свое выражение в рассматриваемом нами предмете. Задаваемое уже в первом десятилетии установления новой власти ускорение отражается в партийно-правительственном, а с ним и общественном интересе к спорту, легкой атлетике, бегу, прыжкам. Спорт, объявляясь исключительно любительским, не профессиональным, делом, должен охватывать и захватывать массы, подчиняя идею физического совершенства, по возможности всех и каждого, целям общественного строительства. Бег начинает приобретать не только и не столько спортивно-оздоровительный, сколько идеологический, а затем и патриотический характер и смысл.

Физическое совершенство с представлением о «быстрее, стремительнее, выше», что неизменно находит свое отражение далеко не в последнюю очередь в беге, первоначально рассматривавшееся в контексте строительства и производства как средство интенсификации общественного труда, сопровождаясь идеей военной защиты достигнутого в условиях не благоприятствующего, а затем и вражеского, окружения, – заданное в самом начале как крайне важная составляющая советской ментальной действительности, не исчезая и продолжая существовать, начинает со временем принимать и другие, не всегда идейно выдержанные и благонадежные формы. Чисто спортивный бег (опуская другие возможные разновидности), становясь самоцельным, утрачивая исходно заложенный смысл, способен, в общественном для своего представления контексте, обратиться в пустопорожнюю, ни к чему не ведущую трату сил. Из этого следует мысль о стремительной неподвижности, динамической при нескончаемом

верчении в оборотах и скоростях стагнации, воспринимаемой как бег на месте, совершаемый вхолостую, не ведущий никого никуда. При каких условиях он становится таковым? Что происходит в сознании и общественной жизни, что приводит к подобному отношению и положению?

Бег на месте предполагает, как правило, А) отсутствие реальных возможностей либо необходимости пространственного продвижения дальше вперед в силу либо ограниченной замкнутости места, в котором находятся производящие бег, либо исходно стоящей задачи наблюдения и контроля за ними, за производимыми ими в беге движениями со стороны физкультурного воспитателя, и Б) отсутствие каких-либо дополнительных целей, помимо собственно тренировочных. Бег на месте используется чаще всего как один из компонентов так называемой разминки, смысл которой состоит в подготовке мышц к основному комплексу упражнений. При нем, что понятно и объяснимо, никуда не бегут.

Общественная жизнь, представляясь как бег на месте, воспринимаясь как быстрое в целом движение, переживающее фазы ускорения и замедления, начинает выглядеть как разминочное занятие, не переходящее, однако, в этап основного комплекса, а потому утомительное в своей бесконечности, где-то когда-то и в чем-то утратившее предполагавшийся смысл. Развивая заложенную в данное представление метафору, можно было бы все это выразить в виде заданного в самом начале толчка, запустившего сообщаемый бег и скорость, продолжающегося и далее, но лишь как толкание, себя проявлять. Толчки и подталкивания, не угасая и не прекращаясь, рано или поздно, как бы ни камуфлировались, облакаясь в идейно окрашиваемые слова, но обнаружат себя как одни лишь подталкивания и толчки, а производимый всеми и каждым в отдельности под их понуждающим действием к бегу бег, поощряемый отодвигаемой, а потому и не достижимой, целью, обратится во все более становящийся очевидным для всех и каждого из его совершающих бег на месте. Как физически и ресурсно растратное, пустопорожнее и не нужное, если не вредное, по своему результату и виду занятие.

Таковой предстает по своей идее и смыслу одна из разновидностей бега, освоенная, осознанная и претворенная в контекстах и проявлениях анализируемой ментальной действительности. Другие, для нее характерные, также могут и будут предполагать определенный идейно и исторически себя мотивирующий разворот. Как поверхностный и очевидный, так и глубинный, предполагающий разносторонне сложные объяснения и обстоятельность разработки. Не это было предметом нашего интереса и рассмотрения, в связи с чем мы не будем касаться ни каузирующей, ни мотивирующей стороны в контекстах хронологической, общественно-политической, идеологической, исторической, системоценностной концептуально-оценочной, как меняющейся, так и не изменяющейся в чем-то существенном, ретроспективы. Все это там, во внутреннем смысле и отношении к выражаемому в языковых единицах, заложено, и как таковое может быть выведено, расставлено по рядам и порядкам и определено, но все это в немалой, если не очень значительной степени, не задача, пусть и концептуальной лингвистики. Понятное дело, что об этом всем и писалось, и говорилось, много и неоднократно, впрочем, обычно и чаще не с позиций лингвистики и уж тем более не в затрагиваемой нами связи. Соотношения одного и другого, того, что составляет суть, скажем, так социально-исторической и политической философии, предмет которой вращается вокруг мировоззренческих и оценочно-побуждающих составляющих движущихся в своей истории социально-этнических масс, и лингвистики, изучающей смыслы, находящие свое не случайное выражение в

том, что связано с этими составляющими, – эти соотношения, важные для понимания также и нами затрагиваемого предмета, оставим без рассмотрения, по вполне понятным причинам, сводимым к тому, что никак невозможно объять необъятное. Задача предпринимаемого обобщения будет сводиться к тому, чтобы представить частотные и регулярные виды и формы бега в определенных подразделяющих для большей наглядности группах, не задаваясь при этом целью сколько-нибудь полного и уж никак не исчерпывающего и ранжирующего описания. Сказанное перед этим в качестве идейно-методологического предвещения будет присутствовать имплицитно, в подразумеваемом сопровождении.

Еще раз о ментальной дифференциации видов бега

Первое, на что представляется имеющим смысл обратить внимание в разбираемой дифференцирующей связи, это на подразделение, о котором уже говорилось при рассмотрении видов езды с выделением предикативов, сигнификативов и коммутативов, отображающих применительно к бегу, – бег совершаемых действий (предикативы), бег воображения, своего рода застывших в сознании предикативов, имеющих часто сигнализирующий и знаковый смысл (сигнификативы), и бег перемен, отмечающий переменную (коммутативы). Последняя, проявляя себя как следствие метонимизации производимого бега, способна предполагать переменную действительно производимую, происходящую, как чем-то вызванную и физически наблюдаемую в осуществляемой перемене мест (каузативы), так и переменную переживаемую, отмеченную в изменении положения, состояния, ощущения (сенситивы), не обязательно связываемую с перемещениями в пространстве (*бежать от забот, от мира, от суеты*, например).

Опустим, в мысль группирующего по своему характеру обобщения, различного рода подробности допустимого в каждом представленном случае описания, обратив внимание только на то, что можно рассматривать как ведущие, магистральные, признаки. Памятуя при этом о том, что стратегия описания состоит в необходимости погружения в выражаемый смысл каждой рассматриваемой единицы, что предполагает не только восприятие и понимание группы ее обобщающих признаков, но и дальнейших, последовательно уточняющих и все более конкретизирующих, вплоть до ее собственных, описывающих в своем комбинаторном составе ее для нее самоё. Поскольку подобная процедура последовательно погруженного описания уже была представлена ранее, показываясь и определяясь с разных сторон, мы не будем к этому возвращаться. Попутно стоит только заметить, что группа, к которой та или иная единица способна быть отнесена, предполагает для нее (единицы) возможность актуализации разных позиций и точек, в различных для них сочетаниях, нередко с различными, далеко не всегда однозначно определяемыми, наполнениями, что в результате и создает представление для искомого смысла. Позиции, или точки, равно как и соотносимые с ними семантические признаки, категориальные и субкатегориальные, представляя наборы некоторых обобщенных значений, имеются, существуют исходно, представляя собой что-то вроде парадигматически отображаемого в сознании «словаря», обладающего для своего, оформляющего их, синтагматически сочетая, в «высказывания», «языка» своей такой же парадигматически существующей в том же сознании «грамматикой».

Все это можно и лучше не только метафорически воспринимать, ибо речь идет о механизмах манифестации, являющихся общими или, по крайней мере, изоморфными у естественного языка, определяемого в понятиях и представлениях первичной знаковой системы, и последующих, или вторичных, системах, как правило и нередко, базирующихся на этой самой первичной. Рассматриваемая область имеет к сказанному прямое и непосредственное отношение, с тем уточнением, что является, в основном и в первую очередь, языковой, хотя и способной иметь как вербальное, так и не только вербальное (но находящей свое также вербальное) выражение. Речь может идти о художественных изображениях в виде образов на плакатах, картинах, в скульптуре, в кинематографе и т.п. Не будем далее развивать этот, несомненно, существенный с точки зрения определяемого предмета, аспект, перейдя к обобщенно дифференцирующей характеристике тех разновидностей бега, которые обнаруживают себя как значимые и регулярные в различных контекстах исследуемой ментальной действительности, намеренно не затрагивая при этом те единицы, которые были рассмотрены ранее.

В сознании носителей языка бег, как действие, производимое ради каких-либо целей, помимо спасения, часто выглядит как осуществляемый по принуждению или нужде, либо такой, который имеет место и производится без каких-то существенным образом оправдывающих причин, по мысли *Да что я дурак, чтобы бегать! Что я вам мальчик (девочка), чтобы бегать? и Бегают только одни дураки.* Связывается подобное представление, в первую очередь, с тем, что бег как действие, требующее приложения немалых усилий, по сравнению с обычным образом осуществляемой ходьбой, будучи отклонением от ходьбы как от нормы, должен предполагать столь же сильную, как и он сам, мотивацию.

Итак, бег может быть проявлением спешки, бегут, чтобы куда-то поспеть и не опоздать, не оказаться в хвосте и среди отстающих. К этой группе относятся единицы, отчасти бывшие уже предметом нашего рассмотрения: *бежать (бежать по надобности) на работу, в школу, в кино, на занятия, в университет, за трамваем, на поезд, на автобус, на самолет* и т.п.

Бег может быть, как уже говорилось, тренировочным элементом, предполагающим подготовку к чему-либо, как разновидность отчасти спортивного бега: *бег в армии в полной экипировке, бег на месте, разминочный бег, бег с препятствиями.*

Бег может обозначать проявление какой-то необходимости, что может быть неоднозначным и на что следует обратить внимание при дифференцирующем описании. Одно дело, скажем, *бежать по надобности, бежать в туалет (бежать по надобности, в туалет, по туалетам)*, когда срочно нужно, и другое *бежать по инстанциям, по магазинам, бежать в кассу, чтобы занять очередь за чем-нибудь* и т.п., что также вызвано необходимостью, но совершенно иного рода. Необходимость может предполагать представление о том, что надо бежать, потому что иначе просто нельзя, равно как и то, что также надо бежать, но по другому поводу, потому что, если не побежать, можно упустить какую-либо возможность, что-то не сделать, не получить, пропустить. При дифференциации, следовательно, той, которая будет предметом данного рассмотрения, представляется важным учет наслаивающихся на некое общее как исходное уточняющих и, фактически, определяющих заложенный смысл, профилирующих, представлений. Попробуем вывести этот определяющий смысл на каких-то отдельных примерах, с тем чтобы все остальные аналогичным образом расписать.

Возьмем для этого *бег с препятствиями* и *бег в армии в полной экипировке* из той же группы. Бег с препятствиями, как разновидность спортивного бега, производится с тем, чтобы выиграть, опередив по возможности многих других и тем показав свое совершенство, свою подготовку и превосходство над остальными. Оттенком первого значения с пометой *спорт.*, согласно МАС, как уже говорилось ранее, было то, что передавалось словами «Участвовать в соревновании по бегу». Становясь предметом соревнований, бег обращается в средство доказательства своего, физического в данном случае, превосходства. Тот, кто выиграл, победил, пришел первым воспринимается как наиболее достойный, лучший по сравнению с другими.

Спортивный бег, таким образом, можно определять как средство не просто физической тренировки, таким скорее будет оздоровительный бег, а также бег на занятиях физкультуры, сколько, через посредство физической подготовки, установления, градуированного выявления лучших и среди них наилучшего. Со стороны тех, кто следит, наблюдает и определяет. И доказательства – для того, кто бежит, себя как этого лучшего, одного из лучших и наилучшего, своей победы и превосходства над остальными.

Физические усилия, определяющие собою бег как производимое действие, становятся первоначально средством физической подготовки, которая далее становится средством определения лучших и наилучшего среди остальных. Идея спортивного бега, следовательно, сводится к средству, инструментативу, достижения средства, инструментативу инструментатива, – установления приоритетов физически лучших и наилучшего среди них: Instr[Instr(PhysPrior)].

Это исходное, далее, может себя проявлять как достаточное и самоцельное, и как такое, которое становится либо средством чего-то еще и другого, либо чем-то другим. Бег в армии в полной экипировке, соответственно, являясь средством усиленной, выматывающей физической подготовки, как правило, начинающих проходить военную службу призывников, может выглядеть и представляться и как необходимый элемент такой подготовки, и как излишне производимое над молодыми армейское издевательство.

Подобным образом бег с препятствиями может восприниматься, в контексте спортивных соревнований, как бег, усложненный дополнительными к необходимому преодолению трудностями в виде прыгания через преграды. И как бег переносно, который по существу и не бег, а связанная с необходимостью более или менее длительного и однократного либо постоянного преодоления трудностей деятельность, последовательность совершаемых действий, во имя осуществления, ради достижения или получения чего-либо (езда на работу в переполненном транспорте, получение разрешения, допуска, документов на что-л., хождение по магазинам в поисках чего-л. нужного и т.п.).

Бег в армии в полной экипировке, равно как и бег с препятствиями, тем самым, становятся, в первом случае из перечисленных двух, первое – средством усиленной физической подготовки к чему-то другому, к трудностям армейской службы и воспитанию молодых солдат: Instr(GravPhys). Второе – таким же средством, как и спортивный бег, но дополняемый такими же, как и первое, трудностями: Instr[Instr(GravPhys/Prior)]. Из чего можно сделать вывод о подключениях признаков одного в другое для получения представлений о третьем. Однако не это будет предметом определения, а возможные группы регулярных и актуальных в характеризуемой ментальной действительности разновидностей.

Во втором, соответственно, случае, бег в армии в полной экипировке предстает как оценочно-обобщенное отношение к организации и порядкам в

ней через акцентировку бессмысленности производимой муштры, становящейся средством не столько физической их подготовки, сколько их подавления и унижения с демонстрацией своей доминации и превосходства над ними со стороны проводящих такие занятия подофицеров (как метафора власти). Инструментатив тяжелой физической подготовки переходит в инструментатив подавления и демонстрации своего превосходства, – подавления со стороны того, кто, демонстрируя, добивается своего превосходства над теми, кто, выступая объектом физической подготовки, оказывается в итоге тем, кого подавляют: [Instr(GravPhys)]>Instr(Oppress/Prior). Подавление, которое строится на мысли о разрешаемой, дозволяемой (Permiss) допустимости: «делаю над тобой то и то, потому что могу, потому что ты в моей власти (Potest), потому что прерогатива власти и существующая, данная власть (Dominat), предоставляет, дает мне такую возможность».

На основе выводимых соотношений имеет смысл говорить о важных для характеризующей ментальной действительности составляющих, связанных с определением видов и типов общественных установлений – зависимой подчиненности, дозволенности и недозволенности, возможностей достижения, разрешения имеющихся проблем, производственной деятельности и пр. Всего того, что себя отражает в различном образом соединяемых признаках (только из выведенных), таких, как Instr, Grav, Phys, Oppress, Prior, в том числе и Permiss, Potest, Dominat и т.п. Однако не это было предметом данного рассмотрения.

Итак, первую группу, точнее одну из групп, к которой следует относить охарактеризованный бег с препятствиями как первого, так и второго случая, и бег в армии в полной экипировке, можно охарактеризовать как бег (статусного, ранжирующего) достижения, при котором осуществляемый физически либо мыслимый переносно, метафорически, через действия и проявления, уподобляемые бегу, 'бег' становится средством приобретения положения – над другими, лучше, достойнее, выше других. Определим эту группу, чисто формально, как супрематив, с возможными внутри нее дальнейшими подразделениями (лат. *supremus* 'высший, высочайший').

Другой такой группой было бы то, что можно обозначить как бег проявления (эмоционального, психического) состояния (памятуя критерий определения групп в отношении побуждающей к его совершению регулирующе-задающей мотивировке). Особенность данной группы состоит в таком представлении действий, не обязательно связанных с бегом, при котором с помощью бега подчеркивается интенсивность и значимость переживаемого состояния, либо выражаемого в мечущемся, нередко туда-сюда, не специально направленном, но достаточно быстром пространственном перемещении. Перемещение это служит не средством, как в предыдущей группе, а выражением, способом проявления и, тем самым, обнаружения и обозначения интенсивности состояния: Project(IntensEmot).

Данную группу можно определить в связи с этим как остентатив (лат. *ostendo, ostentum* 'показывать, выставлять напоказ'; 'проявлять, обнаруживать'), с отнесением к ней таких выражений, как *бегать (за кем-л.) с ножницами, с топором, с ножом, с пистолетом, с вилами* (угрожая, будучи в неуравновешенном состоянии, желая убить); а также *бегать на свидания, бегать на стадион, бегать по театрам, бегать по комнате, из угла в угол* (в ожидании, в нетерпении), *бегать за девочками (за мальчиками, за каждой юбкой), бегать за кем-то* (добиваясь внимания с его стороны), *бегать (носиться) по улицам (как угорелый)* и т.п. К этой же группе следует отнести и передаваемое в строчках

известной песни из кинофильма 60-х годов состояние влюбленности, эмоциональной приподнятости и возбуждения: *Пароход белый-беленький, Черный дым над трубой, Мы по палубе бегали Целовались с тобой.*

Следующую разновидность можно представить как бег (острой физиологической) необходимости. Данная группа по своему характеру и побуждающей мотивации похожа во многом на предыдущую, так же, как и она, представляя с помощью и при посредстве бега необходимость, мыслимую как значимую и сильную, а потому находящую свое выражение с помощью интенсивного перемещения в пространстве с помощью ног: Project(IntensNecess). Данную группу можно определять как нецесситатив (лат. necessitas, atis 'необходимость, неизбежность; принуждение, непреодолимость'), значение которой находит свое отражение в таких оборотах, как *бегать / бежать по надобности, по нужде, в туалет, по врачам, к врачу, от врача к врачу, по (врачебным) кабинетам, в поликлинику, в аптеку, за лекарствами.*

Бег (выражаемой) зависимости и подчиненности, использования кого-то, в том числе и в корыстных целях, находит свое выражение в таких оборотах, как *бегать по поручениям, мальчик на побегушках*, во фразах типа *Что я вам, мальчик, чтоб бегать? Бегаю тут за вами за всеми!* (убирая, ухаживая) *Бегать ищи себе дурака! Не собираюсь я тут за ними бегать! Не молода я, чтобы как раньше-то бегать!* Та же семантика обнаруживает себя и в названии известного американского фильма 70-х годов, ставшем употребительным, фигурируя в виде фразы, отмечающей бег, совершаемый не по собственной воле: *Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?* Данную группу, как и две предыдущих, можно определять в отношении проектива, с помощью бега подчеркивающего характер зависимости и услужения (к о м м о д а т и в, лат. commodum, commodatum 'угодить, оказать услугу, услужить кому-л.'): Project(IntensCommod).

Бег получения, совершения, осуществления следует, в свою очередь, относить к разряду инструментативов, что было отмечено для единиц той группы, которая была охарактеризована первой. К данной группе, в свое время описанной как а к к в и з и т а т и в, следует отнести выражения типа *бегать по инстанциям, по магазинам, по очередям, по начальству, по делам, по работе*, в том числе и с представлением подразумеваемого бега: *Я мигом; одна нога здесь другая там* и т.п. Бег в этом случае выступает как средство и способ быстрого, не терпящего отлагательств либо предполагающего необходимость в краткие сроки, вызванные объективными (потом будет поздно) либо субъективными (чтобы скорее избавиться) побуждающими обстоятельствами, решения каких-то насущных проблем. Интенсивность, придавая акценты и значимость, подчеркивает необходимость как можно более скорого достижения цели: Instr(IntensExit).

Бег отделения / присоединения, выключения / подключения, ухода и оставления либо, напротив, вхождения представляет собой контакт-дисконттакт, с отделением от одного (своего либо чужого) и присоединением к другому (чужому либо своему). Это встречавшийся также и ранее отодвигающий и отделяющий с е п а р а т и в (р е м о т и в а) – отрыв, исключение себя из состава, исчезновение из этой действительности, уход. К этой же группе относится также неоднократно характеризовавшийся фугатив, с уточняющим для данного описания представлением его и всего остального с позиции производимого либо предполагаемого бега как средства (инструментатива) интенсифицируемого разделения с одним для соединения с чем-то другим, что находит свое выражение в семантике обрывания, или отрыва (абруптива): Instr(IntensAbrupt).

Иллюстрируют данное положение единицы типа (уже отчасти упоминавшиеся) *бежать из лагеря, из тюрьмы, с каторги, с поселения, с места ссылки, из дома, от родителей, от людей, от семьи, от жены, от детей, от мира, на волю, на свободу, за границу, в Америку, в леса, в тайгу, в Сибирь, на Дон, куда подальше, ко всем чертям, на Камчатку*. Сюда же и то, что относится к ментально-оценочным и крайне значимым для советской действительности представлениям о *беженцах*, как тех, кого еще надо проверить на благонадежность и кому не следует доверять, и *перебежчиках*, как несомненных предателях и шпионах. Из чего можно сделать вывод о том, что такой убегающий, куда бы он ни бежал, туда ли отсюда либо оттуда сюда (если он не идейный, в советском значении этого слова, революционер), всегда подозрителен в своем абруптиве. Как явный или скрытый (что еще хуже) враг, изменник и диверсант, либо, в лучшем случае, крайне неблагонадежный, поскольку не свой, не проверенный и соответствующим образом не обработанный. Не случайными в этом контексте выглядят анекдоты 70-80-х годов о тех, кто бежит – на Запад, в Израиль, в Америку, лишь бы только отсюда, и перестроечный, широко известный, о Горбачеве, который, проснувшись однажды утром в Кремле, узнает, что в стране никого не осталось, – все убежали, после того как открыли границу.

К этой же группе следует отнести и разновидность, определявшуюся ранее как бег преследования, или персекутив (поскольку речь идет об отрыве, отделении и удалении от того, кто преследует), находящую свое выражение в оборотах типа *разбежаться в стороны* (чтобы поймали не всех), *Спасайся кто может!* (с мыслью о том же, поспешном и в разные стороны, уходе и разделении), а также в таком анекдоте советского времени: «Бежит по пустыне тысяча арабов, а за ними один еврей с автоматом. Их останавливают и спрашивают: „Куда вы бежите, вас много, а он один?“ „А мы не знаем, за кем он гонится.“» В названиях известных в те же 70-е годы иностранных фильмов о тех, кто бежит от преследователей, фигурировавшие как устойчиво значимые обозначения объектов длительно не прекращаемого гона: *Погоня; Бег зайца по полям; Беги, малыши, беги*. В названии и смысле советского фильма, снятого по пьесе Л. Леонова, «Бегство мистера Мак-Кинли», с его идеей ухода, бегства (с замораживанием и размораживанием через много лет) от настоящей действительности как таковой, в неопределенное отдаленное будущее, лишь бы только подальше отсюда, но не куда-то, а на сей раз во времени, т.е. когда-нибудь.

Бег самоосуществления, самоценный отчасти и самоцельный бег, допускающий, в силу своей самоцельности, наслоения различной оценочно-когнитивной природы. Данная разновидность примыкает во многом к бегу, определенному в отношении статусно-ранжирующего достижения, основываясь на общем для них переосмысливаемом представлении спортивного бега. В известном смысле их можно было бы и не различать, рассматривая в составе общего для них представления о статусном достижении, хотя не во всех внешне похожих случаях это было бы верным. Достаточно определенное отличие одного и другого заключалось бы в том, что если общий для них обоим, лежащий в основе, спортивный бег применительно к статусно-ранжирующему достижению предполагает вполне очевидную, достигаемую в результате, цель, проявляемую в двух взаимосвязываемых аспектах: 1) повышение уровня физической подготовки и 2) улучшение показателей, ведущее к выигрыванию и всё более высоким местам, – то для бега самоосуществления нечто подобное, если и предполагается, то отступает на задний план.

Статусно-ранжирующее достижение претворяет указанную спортивную установку в показатели высшего, лучшего и достойного (на примере рассмотренных бега с препятствиями и в полной армейской экипировке) в отношении представлений о социально-психологических местах и порядках. Либо выигрывающий, либо задающий соответствующий бег, удовлетворяясь достигнутым им результатом, сводящимся к представлению о своем превосходстве через физическое и психологическое подавление других, ведущее к ощущению себя на их фоне лучшим, реализует, тем самым, свои желания о достойном его социальном статусе. В то время как то, что было названо бегом самоосуществления, по внешнему виду производя себя как тот же спортивный бег, т.е. вроде бы предполагая установление рангов и обретение с ними статуса, внутренне, в результате, отодвигаясь не достигаемым либо как бы задуманном, но не осуществляемом и не осуществимом, выглядит совершенно иначе. Собственно говоря, это безрезультатный бег, ни к чему не ведущий, ничего осязаемого и важного не достигающий, а потому самоцельный. По этой причине *само-* в составе бега самоосуществления, касаясь по внешнему виду того, кто его совершает, по существу определяет бег. Как своего рода замкнутый на себе, производимый ради него самого, бег ради бега: бежать, чтобы бежать, по известной формуле жить, чтобы жить. Как жизнь производится, существует, осуществляет себя ради жизни, цель и смысл жизни заключается в ней самой, так и, с перенесением далее на обогащение, деньги – деньги к деньгам, обогащаться, чтобы обогащаться, реализуя и находя в этом цель, – так же и бег, о котором речь, реализует и производит себя ради себя самого. Что это может, применительно к анализируемому предмету, обозначать? Рассмотрим это на некоторых примерах.

В самом начале предпринимаемого обобщения говорилось о беге на месте, цель которого состоит в тренировочной, подготавливающей к большим и основным нагрузкам, разминке всего организма и действующих, используемых во всем дальнейшем мышц. Представим себе, что мы снимаем эту, оправдывающую его применение цель. Бег на месте начинает производиться не для того, чтобы подготовить и разогреть организм и мышцы к чему-то последующему и основному, но тогда для чего? Становится ли он при этом самостоятельным и тренировочным? Вполне может быть. Непротиворечивым будет, видимо, представление о том, что с помощью этого бега, не ведущего к передвижению и изменению исходно занимаемого положения, не подготавливающего к тому же к чему-то большему, результативному и эффективному, и достигается цель, заключаемая в нем самом. А поскольку бег этот неизменно изо дня в день повторяется, и это еще одно из его характерных свойств, то и цель эту следовало бы искать в нем самом.

Если это бег, осуществляемый и производимый ногами физически, по принципу гимнастических упражнений, то его оздоровительная и физкультурная цель очевидна. Если же это такой же бег, но обобщаемый и переосмысливаемый, в контексте ежедневно производимой житейской возни-суеты, работы, карьеры, беготни по служебным и прочим делам, то его, но уже не оздоровительная и не физкультурная, а заведенная кем-то когда-то цель становится целью самоосуществления. Работать, чтобы работать, ничего или почти ничего не имея и не получая взамен. Стремиться к карьере ради самой карьеры, поскольку то, чего может достигнуть стремящийся к этому, не имея первоначального социального капитала, почти ничего или очень немного что в результате дает, во всяком случае далеко не то, что предполагалось.

Подобным образом самоцельными неизменно становятся все другие возможные, в спешке и в беге, преследуемые, служебные, материальные, социальные и всякие прочие, миражи. Данную разновидность по этой причине можно было бы определить как аутоперсекутив – бег следования (как преследования) за самим собой (чтобы себя понять как поймать). Он же бег вращения и верчения, как лисы, собаки, змеи, за своим хвостом, поначалу маячащим, а потом исчезающим, в изо дня в день повторяющемся, однообразно бесцельном занятии, изнуряющем, отбивающем в человеке в конечном счете его самого для него самого.

Данный вид относится к инструментативам, бег (как бег и не бег) становится средством, интенцифицирующим существование, житейски обыденное, повседневное бытие: Instr(IntensExist). Примерами, иллюстрирующими данное представление могут быть известные слова из песен Высоцкого, внутренне связываемые с заложенным в них смыслом и авторским отношением: *Бег на месте общеукрепляющий* (из «Утренней гимнастики»), *Я бегу, бегу, бегу по гаревой дорожке*; аналогичным образом отражающие действительность и подчеркивающие бесконечную длительность производимого регулярно действия слова из песни «Зеленый свет» Н. Зиновьева в исполнении В. Леонтьева *Все бегут, бегут, бегут... А он им светит. Все бегут, бегут, бегут, бегут, бегут... А он горит*. То же самое можно увидеть в названии фильма Г. Данелии начала 80-х годов с отображением передаваемого в нем основного смысла житейского и служебного бега и суеты «Осенний марафон», снятому по сценарию и пьесе А. Володина; в фильме примерно того же времени В. Трегубовича по сценарию А. Гребнева «Прохиндиада, или Бег на месте». Представление о таком бесцельно выматывающем беге, осуществляемом фактически не ради чего, воплощают в себе единицы, подчеркивающие пустоту и напрасность усиленно производимых в интенсивном движении действий: *бегать по кругу* (в поисках чего-л., в стремлении что-то достичь с сомнительным либо не достигнутым результатом); *устать (прибежать, прискакать, а также бегать, носиться, бежать) как взмыленная лошадь (как взмыленный конь), как загнанная лошадь (загнанный конь); как собака (с вываленным / высунутым языком); метаться (носиться, кидаться) как (загнанный) заяц (загнанный зверь)*.

Бег выдвигания (выступления, выхода из рядов, выставления себя на вид) предполагает идеей проявление нетерпения, неумения либо нежелания себя сдерживать. Это бег своего рода внутренней спешки, свидетельствующий о неспособности, в силу психологических обычно причин, себя подчинить какому-либо распорядку, последовательности, организации. Оценочно-когнитивным сопровождением таких проявлений может быть и нередко бывает социально окрашиваемая мысль о потенциальном дезорганизаторе, не подчиняющемся общепринятым представлениям о существующей норме в отношении того, что следует и полагается делать совместно. Это еще не нарушитель и не разрушитель порядков, но уже доставляющий беспокойство и требующий особого к себе отношения, поскольку обращающий на себя внимание своим выставлением. В желании быть первым, раньше, если не лучше, других, излишне, нередко не к делу и неуместно торопящий события, стремящийся себя как можно скорее и с ожидаемой стороны проявить. Формулой подобного представления может быть относимое к проявлениям, отчасти эмоционального, интенсивного эксцессива Project(IntensExcess) (лат. excedo, excessum ‘выступать, выдаваться вперед, торчать; выходить за пределы, переступить’), а иллюстрациями выражения типа

забегать вперед, бежать впереди поезда (впереди лошади, паровоза, впереди остальных, всех других).

Бег искательства (заискивания, искания) следовало бы рассматривать, относя к инструментативам, как средство достижения внутренне скрытой, не объявляемой, но легко представляемой цели – быть у вышестоящего (вышестоящих) на хорошем счету, представляя в его (их) глазах определенную, нередко незаменимую, ценность, что, в конечном итоге, должно найти свое воплощение в получении каких-либо выгод, поправок, повышения по службе и пр.

Внутренне то же самое может быть не инструментативом, а проективом – проявлением склонностей, если не к пресмыкательству, то к преувеличенному почитанию вышестоящих, проявляющемуся в заискивании, чиновничестве, готовности к самопожертвованию с пренебрежением к себе самому, но не ради идеи, а ради руководителя и вождя, как воплощенной в отдельном своем представителе власти. При этом втором представляемая цель с получением выгод может как быть, так и не быть, нередко приписываясь, не будучи свойственной для субъекта, другими со стороны (исходящая, иными словами, от наблюдателя). В связи с этим оказывается возможным двойное определение того, что может быть названо кверитативом (лат. quaerito, quaeritatum ‘усердно разыскивать’; ‘искать, добиваться’; ‘зарабатывать, снискивать’), в отношении инструментатива и проектива, с допустимо возможным неразграничением или объединением того и другого: InstrProject(IntensQuaerit). Проявляется сказанное в таких единицах, как *выбежать навстречу* (кому-то); *бежать (следом) за кем-л.* (в определяемом смысле) *как (послушная) собачка, как паж, как лакей, как (верный) слуга; бежать (прыгать, скакать, ходить) перед начальством (на цыпочках, на пальцах).*

Бег помощи, выручки, чьей-то поддержки может выглядеть как проявление соучастия, сопровождаемое желанием либо обязанностью прийти (приходить) на помощь, либо, что также возможно, как проявление любопытства, собравшись, сбежавшись, в толпе поглазеть. Последнее может быть камуфлировано стремлением оказания помощи и совместного выражения сочувствия. Как и предыдущая разновидность, данный вид бега способен быть определен и как проектив, и как инструментатив, при котором бег становится средством как можно более скорого несения помощи, представляясь при этом как мизеритив: InstrProject(IntensMiserit) (лат. misereor, miser(i)tus sum ‘иметь сожаление, испытывать сострадание, сочувствовать, соболезновать, жалеть, сжалиться’). Единицами иллюстрации могут быть выражения: *бежать на помощь, бежать (кого-то) спасти, бежать (лететь, нестись) по первому зову, бежать к кому-л. сломя голову, бежать к раненым (раненому),* отображаясь также в словах известной иронической песни о лежащем на поле боя, призванном в армию, не пригодном к ней, а потому сразу же и на составные части снарядом разбитом, юном бойце: *Бежит по полю санитарка, звать Тамарка, с большою клизмой в руках.*

Уже встречавшийся ранее бег пробегания мимо (транскурсив) исходно можно определять как инструментатив интенсивного продвижения: Instr(IntensMot). Довольно распространенный в анекдотах советского времени с известными сказочными зачинами типа *Бежит заяц (волк, лиса, свинья, кабан, стадо кабанов) по лесу / верблюд (черепаха) по пустыне,* в широко известной новогодней песенке про елочку *Трусишка зайка серенький под елочкой скакал, Порою волк, сердитый волк под нею пробежал,* во фразах, мотивирую-

щих ненарочную неожиданность встречи, вхождения куда-либо, появления где-либо: *Проходил (пробежал) тут (ненароком) мимо, да и зашел (забежал) на минутку (Мимо пробежал, что ли?)*; *Пробежал мимо, ну и зашел (забежал, в магазин, в кино)*, – этот вид в них имеет свою дополнительную нагрузку.

Этот бег мотивирует, объясняет некий контакт, который, не будучи обусловлен производившимся кем-то в близлежащем пространстве достаточно быстрым перемещением, не мог бы осуществиться и произойти. Это бег импульсирующего, внезапно и ненароком, вдруг, возникающего развития дальнейших событий, нередко обманно используемый как такой мотиватор, по принципу «Представляешь, бегу себе как обычно – и вижу (встречаю, наталкиваюсь), как думаешь, кого (или что)?». Внутренним обоснованием такой мотивации может служить нередко идея скрываемого навязывания себя как соучастника, действующего, интересующегося, присутствующего наблюдателя в чем-то, при чем-то, у кого-то дома, при ком-то. По этой причине отчасти (возможно, с этим связывается интегральная регулярность рассматриваемой разновидности в отношении определяемой ментальной действительности) ее можно воспринимать в контексте волюнтаривно организуемого партиципированного обсерватива. Что можно представить как свойственное данной действительности в отношении целого ряда ее представителей, если не прямо желание, то внутреннее, не обязательно осознаваемое, устремление так обустроить, воздействуя на окружающих, их и свои обстоятельства, существующее положение вещей, чтобы оказаться, если не в центре происходящего, то поблизости, рядом, при всём и при всех. Для того чтобы быть всего, что происходит, произойдет или может произойти, если не действующим лицом и соучастником, то, по крайней мере, а иногда и лучше, присутствующим при этом всём наблюдателем. Из любопытства, на всякий случай, способный в дальнейшем от неприятностей оградить, либо ради того, что нередко, чтобы иметь при способности случай кому-нибудь навредить.

И, наконец, последний вид из просматриваемых, также уже встречавшийся ранее – бег устремления (прокурсив). В контексте сказанного, представляясь отчасти как средство (инструментатив) наиболее скорого достижения цели – ф и н и т и в : Instr(IntensFinit), – способен себя проявлять, по крайней мере, в двух важных для характеризующей ментальной действительности отношениях. Как интенсивное устремление куда-то, без представления «откуда куда» и даже не то, чтобы прочь и отсюда, но как душевный порыв к чему-то – светлому, доброму, лучшему и другому. Своего рода развитие и продолжение заложенного в Катерине из «Грозы» А.Н. Островского не то чтобы бунта и неприятия, а диссонансной несогласованности, невжитости, невхождения в мир, который ее окружает и в котором она, пребывая, не ощущает себя собой. Как не от мира сего, как из другого мира, а потому и потустороннее в нем существо, представляя себя в постоянном «не здесь», в полете, улете, уходе, убоге из этого «здесь» как не своего. Не случайно поэтому данный инструментатив сочетается с представлением о фугативе, но как о стремлении к нему как к отрыву, не будучи реализованным в нем. Иллюстрацию сказанному можно увидеть в названии романа и шхуны у А. Грина *Бегущая по волнам*, косвенно также, через заложенный внутренне бег, в названии и в самом романе Р. Фраермана «Дикая собака Динго, или повесть о первой любви».

Вторым проявлением было бы то, что можно воспринимать как не достигаемое либо достигаемое наскоком, пользуясь замешательством и неожиданностью, устремление, далеко не всегда согласованное в своих целях и средствах.

Как предприятие по этой причине случайное либо мало реальное, возможно требующее не соразмерных или ненужных затрат, оно подвергается соответствующей когнитивной оценке. Иллюстрацией могут быть конструкции, предполагающие в своем значении сказанное, типа *Ишь разбежался!* (т.е. чего-либо захотел, чего не следует или что не светит), со скрытой семантикой бега *Катись колбаской (по Новой Спасской); Мотай (вали, катись, крути) отсюда (отсюда-ва); Чтоб я вас (тебя) здесь больше не видел!*; *Чтоб твоего (вашего, его) духа здесь больше не было!*, а также *с разбегу (с пылу, с жару, на лету, на скаку, на ходу), в беге, бегом, на бегу* (что-либо сделать, взять, захватить, получить, отхватить).

Зависимость видов бега от ориентирующих форм бытия

Достаточно беглый и далеко не полный просмотр наиболее активных и употребительных форм и видов, бывших привычными для советской ментальной действительности, дает возможность увидеть акценты как социального, так и эмоционально-психологического характера. Указанные формы и виды еще не могут, в силу их неполноты, а также отсутствия включающей и описывающей системы, служить основанием соответствующих выводов о советской природе вещей, но могут свидетельствовать о наличии в ней определенных тенденций, имеющих далеко не случайный, если не обусловленный и закономерный, смысл и характер. В каждом из перечисленных в обобщении видов можно усматривать значимый для описываемой ментальной действительности заряд, который, в соединении с другими, будучи выведен на близкий категориальному уровню, может быть элементом действующей системы, со своей парадигматикой и синтагматикой. Возможно, также системы действовавшей, а не действующей, однако, поскольку различие парадигматического и синтагматического состава прошлого и настоящего не составляло предмет обсуждения, хотя таковое в принципе место иметь должно, обратим лишь внимание на то, что время, прежде всего социальное, т.е. такое, в котором следует отмечать движения и переходы значимо мыслящих, объединенных каким-то концептуально-оценочным образом, масс, это время способно в своем течении как менять, так и не менять ту основу, которая составляет парадигматику и синтагматику, но не вербальных, как в отношении языка, а мировоззренческих, в первую очередь, реакций и восприятий, отображаемых, находящих свое выражение как в вербальных, так и в невербальных проекциях представителей данного национально-ментального объединения, чтобы не сказать коллектива, поскольку коллектив это нечто более тесное и сплоченное, чем во многом разрозненный и не во всем сочетающийся, скорее конгломератный, хотя и единый в какой-то значимой части, состав. В одном характерном случае социальное время, влияя, меняет что-то в системе, преобразуя и переориентируя, отчасти переоформляя ее, в какой-то важной продуцирующей, производящей основе. В другом то же самое время, внося коррективы и дополнения, расширяет, распространяет и приспособливает, при этом ту же основу, что и была, не изменяя ее каким-либо значимым и очевидным образом. Делается ли это стихийно, полустихийно либо сознательно, значения не имеет, важен себя объявляющий результат.

Прежде чем оставить затрагиваемый темпорально-социальный аспект, по-разному себя отражающий в ходе развития и эволюции ментальных обосо-

ваний языка как эксплицируемой и выражающей себя в оценочно-ориентирующем отношении к окружающему системе, имеет смысл лишний раз напомнить о разграничении, по крайней мере, трех состояний, единой ли в своем основании по этой причине ментальной системы? Вопрос, который за неимением достаточных аналитических данных и руководствуясь только общими мнениями и представлениями, придется также оставить. Трех состояний русского языка и связанных с ним представлений ментальной действительности, совместной для говорящих на нем. Трех состояний последнего времени. Последнего в том отношении, которое предполагает некий сложившийся, получившийся, действующий и активно себя проявляющий для современности результат, понимаемой широко, как последовательность взаимосвязываемых одно с другим переходов и состояний.

Этими тремя состояниями банально-привычным, но вполне объяснимым, образом следовало бы считать досоветское (XIX век, возможно и скорее всего, вторая его половина, и начало XX века), советское (начиная с 20-х годов XX века, вплоть до его конца) и постсоветское время (конец XX – начало XXI века). В центре стоящее время советское управляет, в известном ментальном смысле, как временем до себя, так и после. Первым, поскольку преобразовало и перестроило, существенным образом также и переработав его, для сознания говорящих. Отодвинутое в далекое и давно забытое прошлое, к тому же во многом оборванное и профильтрованное, оно и воспринимается, и существует, имея смысл, для сознания говорящих, в интерпретации и в профилировании, замечаемом и не замечаемом, советских ментально-корректировочных установок, даже в случае неприятия их. Третьим, т.е. постсоветским, оно управляет, как не изжитым, не пройденным и не пережитым, возможным и существующим как наследие и последствие все того же советского состояния, мыслей, оценок, значимостей, идей.

Ментальная сила воздействия на сознание и язык того, что советское и от советского, к тому же, будучи обусловлено идейно-интеллектуальным и деятельностно-организующим, не хотелось бы говорить насильем, но унитаризмом и доминированием патерналистского типа, в отличие, скажем так, от разобщенных сплоченностей досоветского и постсоветского времени (не вдаваясь в детали), эта ментальная сила идейного унитаризма не могла, не сказавшись, себя не проявить как все та же регулирующая и управляющая, в отношении двух других, тех, что до и после, оказавшись по объективным, пусть и субъективно организуемым, причинам, в центре оценочно-концептуальных событий современной русской ментальности и языка. Невозможно понять поэтому его и ее состояния двух последних, туда и сюда, веков без учета и понимания всего того, что вошло в него и в нее от советского состояния и ментального социального времени. Но без оценки, оценивания и переоценивания в какую-либо из возможных сторон, ибо не это предмет объективного описания. Вошло, с одной стороны, и не вышло, и вышло ли? А пришло, чтобы войти, с другой, из того, что было во многом и до, прикипевши, пристав к языку и ментальности, не единственно по воле и указанию сверху, но также и снизу, а возможно, и изнутри. Однако оставим все это без объяснений, лишь обозначив причины возможных последствий и связанных с ними проблем. Вернемся к интересующему нас предмету.

Бег статусно-ранжирующего достижения, или супрематив, был бы связан с аспектами социально-психологического обнаружения, проявляя в отношении себя представления о допустимом, может, не столько для подключающегося к нему, сколько управляющего им, и видимом, а также желаемом, превосходстве

кого-то (ментального «я») над другими. Речь идет об участии, совместном участии в каком-либо действии, при котором один, выступая и проявляя себя, может быть, оказаться первым, лучшим, а также вторым и третьим, т.е. не худшим, а также и наоборот, последним, среди отстающих и в самом конце. Подобный вид бега, тем самым, может служить идее организации иерархического общественного устройства, дающего представление субъекту о своем месте в нем, а тем самым, и о своем «я», в отношении его социальной и психологической, как неизбежное следствие, значимости – для себя, а с этим, возможно также и как такое же следствие, для других.

Можно было бы говорить на этой основе о возникающем отождествлении, или о причинно-следственном соответствии, социального и психологического, индивидуального, группового и общего, с добавляемыми к этому проективными представлениями о доминации и подчинении, организуемости, совместности и партиципированности, в отношении общего и индивидуального ментального «я», составляющих в своей комбинируемой, составляемой определенным образом совокупности некий фрагмент той ментальной действительности, которую следовало бы определять как советская, характерная для советского состояния сознания и языка. Из чего следует целый ряд важных выводов, представляющих для нас интерес.

1. Имеется парадигматика, отображающая себя в релевантных, подобных категориальным, признаках, способных быть переданными набором (социальное, психологическое, индивидуальное, общее, групповое, доминирование, подчинение, организуемость, партиципированность и т.п.) и в группах, располагаемых в уровнях большего / меньшего, высшего / низшего, включающего / включаемого и т.п.

2. Имеются некие организованности, что-то вроде предшествующих собственно синтагматике парадигм, представляющие собой структуры связанных между собой пучками и спайками все тех же, похожих на категориальные, признаков, имеющие изначально в них существующий, воспринимаемый и воспроизводимый в своих повторениях смысл. Таковую парадигматическую, предшествующую синтагматическому проявлению, организованность представляет собой тот ментальный, советской действительности, фрагмент, который стоит за представлениями о статусно-ранжирующем в своем достижении беге. Как предшествующий, он не равен ему, будучи обобщенным и общим и способным поэтому себя проявлять не в одном только данного вида беге.

3. Имеются парадигматико-синтагматические образцы (модели) организованных определенным образом все тех же структур, но уже ориентированных и подстроенных к предполагаемому, имеющемуся в сознании, ментально-вербальном речевом опыте, выражению, представляющие собой варианты проявления более общих по своему характеру парадигм, обозначенных в предыдущем пункте. Это те образцы, которые представляют модели статусно-ранжирующего достижения в беге, не в беге, в чем-то другом, не только достижения, но статусно-ранжирующего, не только, может быть статусного и ранжирующего, но и какого-то сходно другого и пр. Каждое из таких, подцепляемых к общей для них парадигме, имеет способность быть выраженным с помощью значимого представления чего-то для советской ментальности и ее языка.

4. Реализация этих самых парадигматико-синтагматических моделей и образцов может иметь отвлеченный и контекстуально-конситуативный характер, применительно к правилу (для данного общества и ментального его языка) и его употреблению в каких-то определенных условиях. Иными словами, син-

тагматическое имеет, способно иметь два равновозможных и равно употребительных уровня – обобщенный, относимый к своему виртуальному и прямо связанный с ним, и ситуированный, посаженный в ситуацию, прямо связанный с ней, представляющий собой проявление виртуального в реализованном как актуальном. Второе при этом, не отрицая первого, соотносится с ним, либо его подтверждая, либо уточняя и объясняя, либо корректируя, расширяя и исправляя, либо, в конечном счете, нарушая и искажая его, но имея при этом его в виду и совершая это по принципу столкновения.

5. И последнее, чтобы до бесконечности не продолжать, оставаясь в пределах анализируемого предмета. Выделявшиеся в начале и в продолжении, названные узуальными мотивами, утверждения, умозаключения и представления, имеющие оценочно-концептуальный характер и смысл, проявляют себя для тех единиц характеризуемой, поскольку не описываемой все же, системы, которые получили свое объяснение в пункте (2), а их уточнение узуальными обстоятельствами – в пункте (4).

Узуальным мотивом, подкрепляющим бег статусно-ранжируемого достижения было бы нечто вроде такого предположения: «В беге, как в жизни, если не можешь быть первым и среди первых, лучше, по крайней мере, хотя бы не отставать. Для собственного спокойствия и защищенности. Начальство, да и не только начальство, не сможет с тобой не считаться или начать тобой помыкать.». Данный узуальный мотив соотносится с идеей социалистического соревнования, с поощрением победителей-передовиков и наказанием отстающих; с представлениями о необходимости быть на хорошем счету у начальства, что дает ощущение безопасности, позволяя чувствовать себя, если не в привилегированном, то хотя бы не в прямо зависимом положении, будучи, когда надо и выгодно, на виду и одновременно не на виду, когда это может грозить неудобствами и неприятностями.

Что касается узуальных обстоятельств, они зависели бы уже от того, реализует ли себя определяемый вид как бег с препятствиями, как спортивный бег, как бег в армии в полной экипировке или как что-то другое. Поскольку их представление требует довольно подробных и обстоятельных обсуждений и рассуждений, с определением возможных для каждого вида бега форм и их разновидностей, отчего они будут зависеть, а характер их и процедура уже были показаны ранее, при разборе как бега, так и езды, опустим это при производимом теперь обобщении.

Последующие виды бега, представленные в коротком своем описании, как и охарактеризованный бег статусно-ранжирующего достижения, содержат признаки, которые, будучи выделены, организованы и акцентированы, могут способствовать описанию парадигматического и синтагматического целого русской ментальной действительности советского времени ее состояния. Не все из них, что вполне объяснимо, имеет смысл наделять какими-то специфически советскими показателями, поскольку и бег проявления эмоционально-психического состояния, и бег проявления физиологической необходимости, впрочем, как и бег выражаемой зависимости как услужения, бег получения, бег отделения и т.п., таковых специфических признаков могут и не содержать. Единство советского с досоветским и постсоветским было бы неразумно, в ментальном, прежде всего, отношении, подвергая сомнению, отрицать. Как единым был и остается язык, таким же единым следует признавать и его ментальные основания, проявляющие себя в данном случае в представлениях о производимом

беге в его побуждающей и объясняющей части, т.е. иницирующей и мотивирующей.

Как уже отмечалось раньше, бег, представляя себя для сознания как действие по перемещению в пространстве с помощью ног, будучи действием, требующим приложения особых усилий, по сравнению с нейтрально производимой ходьбой, предполагает необходимость наличия особых условий для реализации. Для того чтобы бегать или бежать, надо иметь к тому основания. Одно дело, *Куда вы (мы, он, они) идете (идем, идет, идут)?* Как вопрос об обыденном, в принципе, проявлении, задаваемый с акцентом на смысле «куда» применительно к положению «здесь и сейчас», означая цель направляемого передвижения. *Куда вы и т.д. идете?* – то есть с какой направляетесь целью, что собираетесь совершить? И совершенно другое дело – *Куда (это) он (и т.д.) (так) бежит?*, предполагающее не только и даже не столько цель направления, сколько, едва ли не в первую очередь, то, что побудило, что могло вызвать такое стремительное подхватывание и спех. Цель «куда» должна содержать в себе некий существенный импульс, если не быть неожиданной, чтобы вызвать подобного рода необходимость, активизацию усилий и ускорение производимого перемещения в пространстве. Из этого самого уже следует мысль о том, что, если для какой-то ментальной действительности семантика видов бега становится актуальной, то жизнь и ее условия переживают какой-то такой поворот, который требует от человека больших, чем ранее, а может, чем следует, чем достаточно или необходимо, усилий, ускорения темпа производимых, осуществляемых действий, побуждаясь к этому обстоятельствами и опосредуясь не всегда обстоятельным и продуманным в своем достижении результатом.

Возьмем для примера лишь несколько случаев из четырех последующих разновидностей – бега проявления (эмоционального и/или психического) состояния, бега физической необходимости, бега выражаемой зависимости и бега получения. С тем чтобы рассмотреть их в неориентированном и в ориентированном к советской действительности отношении.

Бегать (за кем-л.) с ножницами, с топором, с ножом, с пистолетом, с вилами (угрожая, будучи в неуравновешенном состоянии, желая убить), соответственно, можно рассматривать как проявления того, что указано в скобках, ничего специфического при этом не имея в виду. Единицы становятся характеристиками аномального поведения осуществляющего то или иное из перечисленных действий лица, вызванное его чересчур возбужденным (зашкаливающим), либо психически отклоняющимся, либо озверело отчаянным состоянием, толкающим его на столь крайнее средство реализации накопившихся неразрешимых проблем.

Сопровождающее подобные действия состояние, тем самым, можно признать как тяжелое, давящее, толкающее человека на убийственно неотвратимый, отчаянный шаг либо такой же, но при этом демонстративный, жест, рассчитанный на соответствующее впечатление со стороны окружающих и производимый эффект, предполагающий по своей скрытой либо явной направленности какого-то рода шантаж, домогательство, если не провоцирование. Эмоциональная сфера описанного, какой бы она ни была и какими причинами ни вызывалась, должна быть охарактеризована как критическая и экстремальная (эмоциональный, психологический и/или психический экстремум).

Если же все это перенести в соответствующую обстановку, порождаемую советскими бытовыми, а также межличностными, как следствие их, обстоятельствами, получим картину моделей и их значений (примеры и процедура

подобного рода были показаны ранее, поэтому мы их опустим), типичных и характерных для характеризующей ментальной действительности советского времени ее состояния. То есть, из этого следует вывод: не виды и формы бега как таковые во многих случаях и даже не только и не столько актуализация их, а узуальные обстоятельства, находящие свое выражение в моделях возможной реализации, делают специфическими в том или ином ментальном отношении тот или иной из рассматриваемых и описываемых в отношении своих разновидностей бег.

Чтобы закончить указанное представление в каком-то конкретном своем проявлении, с учетом перенесения в обстановку, можно представить 'бегать (за кем-л.) с ножницами, с топором, с ножом' как действие, протекающее в советской коммунальной квартире, в условиях бытовых и всяческих неудобств, в тесноте, во взаимной ненависти, в накале не разрешенных и не разрешимых проблем. Либо не обязательно в коммунальной, но также не слишком способствующей к относительно независимому и располагающему к родственной близости и взаимной любви бытию, в условиях нередких свар, неурядиц, взаимных обид, оскорблений и пр., высказываемых и не высказываемых, но накапливающихся и вызывающих в результате подобного рода взрыв.

Такое же, хотя, может, несколько и другое, укрытое представление можно увидеть в значении 'бегать за кем-л. с вилами', с перенесением места действия из городской квартиры в деревню или на пригородный, называемый, скорее по недоразумению, дачным, участок, раздававшийся в свое время с тем, чтобы, в условиях постоянного продуктового недостатка, трудящиеся имели возможность, работая на этих самых участках, хоть как-то себя поддержать. Условиями и советской колхозно-совхозной деревни, и этих самых садовых участков, с их территориальной ограниченностью (не более 600 м²), труднодоступностью (за городом, иногда далеко, куда транспорт почти не ходит), необеспеченностью (совсем или почти без воды либо вода два-три раза в неделю и по часам, к тому же и не всегда в то время, иногда без электричества и удобств), создавалась и постоянно воспроизводилась почва как внутрисемейных, так и межсоседских конфликтов.

Конкретизацией указанных обстоятельств как узуальных, т.е. типичных и постоянных, отображаемых в моделях с определяемой в отношении видов семантикой, можно было бы получать представления, характерные для ментальной действительности как в отношении ее советской реализации, вызываемой соответствующими условиями, так и не только, не специфически, не отмеченной, общей и как таковой.

Подобным образом, в зависимости от условий реализации, типично советскими, либо нет, будут выглядеть модели а) бега по надобности, по нужде, в туалет, б) по врачам, к врачу, от врача к врачу, по (врачебным) кабинетам, в поликлинику, в аптеку, за лекарствами; в) бега по поручениям, мальчика на побегушках, бегания тут за всеми (убирая, ухаживая); г) бега по инстанциям, по магазинам, по очередям, по начальству, по делам, по работе и пр.

Советскими их могут делать такие условия (узуальные обстоятельства):

а) отсутствие соответствующих мест отправления в городах либо их крайняя редкость, что вызывает необходимость во исполнение соответствующей надобности куда-то как можно скорее бежать, чтобы «успеть добежать»;

б) необходимость срочного получения медицинской справки, проведения обследования, покупки дефицитного средства, лекарства и т.п., в условиях крайне низкого не только качества, но, в первую очередь, уровня организации

соответствующей сферы, что также вызывает необходимость также куда-то и с чем-то как можно скорее поспеть, чтобы не пропустить, не опоздать, не выпасть из очереди, застать, поймать, захватить и т.д.;

в) известная загнанность, постоянная спешка, вызванная спускаемыми сверху заданиями, планами, соревнованиями, трудовыми и прочими вахтами, обязательствами, перспективами повышения, назначения, перевода по службе, премий и наказаний, а также зависимостями, подчиненностями, с необходимостью бегать за кем-л., перед кем-л., услуживая, выслуживаясь и угождая (по известному принципу «Я начальник, ты дурак, ты начальник, я дурак»), а также с учетом особой роли в советское время таких специальностей, как дворник, уборщица, нянечка, медсестра, секретарша, вроде бы и поставленных для того, чтобы обслуживать и ухаживать, а на деле четко осознающих над вверенными их попечению свою силу и власть, использующих необходимость бегать в качестве средства психологической манипуляции, давления и шантажа;

г) бюрократические и служебные постоянные трудности и проволочки, нередко намеренно создаваемые, как препятствия, которые надо преодолевать («чтобы жизнь не казалась медом» и чтобы в голову не пришло, по незанятости и безделью, что-нибудь несоответствующее, какой-нибудь крамольный наклон и кивок, чтобы не было на это ни времени, ни желания, ни сил, в то время как остальные, забеганные и задействованные, сами проконтролируют, чтобы никто из них не выбивался, не отклонялся и для спокойствия коллектива «волны не пускал»), а также постоянные трудности со снабжением, порождающие не ослабевающий, но только усиливающийся во времени дефицит, понуждающий бегать в поисках необходимого, чтобы поспеть, чтобы успеть, не оказаться в хвосте всех остальных, стоящих в какой-нибудь очереди или очередях, нередко нескольких одновременно.

В каждом подобном отдельном случае можно было бы говорить о модели реализации тех или иных обуславливающих данное проявление бега узуальных, по своему характеру, обстоятельств. На той же основе следует говорить о возможности выделения признаков, подобных категориальным, связываемым между собой в конструкции, выражающие значения того или иного фрагмента характеризуемой ментальной действительности, о чем, впрочем, уже говорилось.

Бег, как получилось вследствие представленного короткого описания, способен себя в интересующем нас отношении проявлять либо как средство, позволяющее в реализации какой-либо цели, внутренней или внешней, в зависимости от побуждающих ее обстоятельственных причин, либо как проявление каких-либо состояний субъекта или его намерений, либо одновременно как то и другое, совмещение средства и проявления.

Отвлечемся от всех возможных включений, распространений и рассуждений, опустим также все опосредуемые, пусть и уместные, уточнения, равно как и ранее сказанное и обобщенное, с тем чтобы, в качестве заключения, показать, наглядно, в таблице, двенадцать полученных разновидностей в их соотношениях и связях. Как пример, далеко не полного и даже не представительного, состава того, что, имеясь в характеризуемой ментальной действительности, советского времени ее состояния, в первую очередь и в основном, может быть показателем признаков, свойственных, если не в целом ее системной природе, хотя подобное не исключено, но требует расширения, то, по крайней мере, одному из ее, также системно устроенных, предметно-концептуальных фрагментов.

Что касается времени состояния, то подобный фрагмент может быть характерен отчасти и для постсоветского, и для досоветского воплощения (хотя в значительно меньшей части), в отношении ментальной действительности, в чем-то общей, но и одновременно различной для них. Теоретически следовало бы предположить необходимость коррелятивно-аппликативного изучения каждого состояния из перечисленных трех, делая вследствие этого изучения и на основе его, вывод о том, можно ли и допустимо ли признавать единство ментальной системы равно действующего во всех своих состояниях языка в отношениях его временных состояний. Точнее было бы говорить о его социально-темпоральных периодах, т.е. периодах тех общественно-идеологических проживаний, которые характеризуются, отмечаясь, специфическими чертами ментальности ориентиров и установок.

В известной мере данное положение как нельзя более относится к русской ментальности и ее языку (не хотелось бы говорить о его и ее исключительности в этой связи, не имея достаточных оснований для сопоставления с другими) в силу того, что собой представлял для его и ее когнитивной действительности, как основание, советский период существования. Резко менявший прошлое, вплоть до разрыва с ним, интенсивно, последовательно и сознательно действовавший на общественное сознание, включая сюда как действительность, так и язык, преобразуя и переворачивая то и другое в унитарно-идеологическом, единственно правильном и потому допустимом, систематическом и системно организованном отношении.

Рубеж или рубец, скажем так, поиграв словами, произведенный этим периодом социального времени в русской ментальной действительности и ее языке, вряд ли когда-нибудь в обозримом будущем преодолется и заживет, постсоветское состояние, по крайней мере, было бы верным рассматривать не как преодоление и отход, а скорее, как его продолжение, переход к новой фазе. Ничто или мало что указывает на освобождение от советского прошлого (говоря публицистическим стилем), но не столько в силу очередного навязывания общественному сознанию и его бытию, как хотелось бы, может быть, думать, того, как следует все окружающее интерпретировать и понимать, сколько в силу внутренних двигателей и пружин, которые нечто подобное не только допускают и разрешают, но предполагают и даже требуют, ради удовлетворения потребностей, существующих в них, знакомых в принципе, но, видимо, еще недостаточно и не системно, не в парадигмах, скажем так, характерных для них управляющих и модулирующих значений.

Из этого следует представление о языке ментальности, ментальной действительности и ее языке. Не входя в подробные объяснения своего понимания связанных с тем и другим положений, поскольку не в этом состояла задача на данный момент, а в показе того, что им свойственно, хотелось бы лишь обозначить, что та действительность, которая составляет некий условно переживаемый и проживаемый период носителями данного социального состояния и общего для них языка, отмеченный сзади и спереди (темпорально) некими общими свойствами и потому выделяемый в сопоставлении и на фоне других, как ему предшествующих и для него последующих, эта действительность находит свое отражение и выражение в сознании этих самых носителей, ее проживающих в данный период. А с этим, но во взаимосвязи, в которой невозможно и было бы некорректным по этой причине установить, что первое, что второе, что третье, что порождает что и что следует из чего, она же, действитель-

ность переживаемого и отраженного, находит свое (повторяясь) выражение и отражение в языке.

Это тот язык, в его коммуникативном, сциентивном и сенситивном, реагирующем и воздействующем отношении, которым пользуются названные носителями соответствующего сознания говорящие, проживающие в данной, определенным образом представляемой ими, действительности в данный момент, который по внешнему виду может быть другим (как носителям, так и нет) и понятен, но не по смыслу и существу. Будучи замкнут на воображаемую и существующую только для них и только в их общем сознании коммуникативно устроенную ими действительность, он в этом смысле непроницаем и герменевтичен.

В сказанном ничего принципиально нового нет, то же можно воспринимать и в понятиях всем известной языковой картины мира, языковой модели мира, и в понятиях языковой ментальности, языкового сознания, когнитивной семантики, знаковых моделирующих систем и т.п. Речь идет, может быть, лишь о большей, если не непосредственной, связи с тем состоянием общественного сознания (может быть, не столько общественного, сколько общего массового, которое если и не создает, то движет язык), которое находит свое выражение в ментальностных, с идейно-оценочной подоплекой, ориентирах.

Что касается того коррелятивно-аппликативного изучения трех перечисленных состояний, о которых шла речь, только для уточнения, без достойной внимания обстоятельности, следовало бы сказать о том, что заключенная в данном положении мысль сводилась к необходимости

1) при выведении некоей общей системы, в парадигматике ее виртуальных и синтагматических категориальных значений, моделей, форм, парадигм, предполагать, что эта общность может быть иллюзорна, и парадигматика, в результате полученная, должна коррелироваться к каждому из своих состояний, не только в порядках, акцентах, позициях, но, возможно, и в их значениях;

2) в связи и вследствие предыдущего, но также и в силу самого положения дел, иметь неизменно в виду, что собственно синтагматика, т.е. виды и формы употребления, вербального и невербального, предполагающего отображение стоящего за ними "ментального" языка, неизменно должны отличаться, как внутренне, так и внешне, для каждого из состояний (как и его собственных подпериодов), что, с одной стороны, предполагая коррелятивность к видимой общей системе, с другой, допускает и требует подключения в систему элементов, аппликативной, по своему существу, релевантности, данного проявления к данному, а не общему, состоянию вроде бы общего, возможно лишь представляющегося таковым.

Если более просто выразить мысль, то следовало бы сказать, что при единстве того же, в данном случае русского, языка вряд ли возможно и следует говорить о единстве во времени ментальных его состояний как языка (если они себя так проявляют во времени). Находит это свое воплощение не только в характере употреблений, характере его речевого использования, но и в устройстве его как коммуникативной системы, с позиции порождения и восприятия, т.е. в аспекте генеративно-перцептивной базы и такой же генеративно-перцептивной "грамматики". А раз так и поскольку так, то и изучать и описывать данные состояния имеет смысл и более верно как в принципе разные в своем устройстве и проявлениях "языки".

Что касается фрагментов характеризуемой ментальной действительности, к которым имеет отношение рассматривавшийся нами бег, следовало бы

сказать, что, поскольку в целом ее (характеризуемой ментальной действительности) систему описать и представить никак невозможно, о чем многократно писалось и говорилось в литературе применительно к языковой картине мира (а это, в общем и целом, почти что одно), то следует говорить об условно, "на глаз", определяемом каждый раз том или ином фрагменте ее органического устройства.

К какому фрагменту относится определявшаяся нами в отношении русской ментальной действительности "языковая картина" бега, на этот вопрос отвечать не беремся. Во-первых, в силу того, что для того, чтобы вписать ее в общее, отнеся к какому-то из его фрагментов, необходимо иметь более или менее ясное представление об их более или менее полном и ясном составе, чего, по существу и практически нет, хотя теоретически и в какой-то исследовательской перспективе когда-нибудь будет возможно. Сказать же, почти наугад, что бег следует относить к фрагменту (или фрагментам), имеющему отношение к чему-нибудь вроде перемещения в пространстве с преодолением его, к действиям, если шире, к каким-либо видам деятельности, было бы верным только отчасти, поскольку, как показало исследование, он, этот бег, вбирает в себя очень многое из очень многого, входя и включаясь, своим столь же многим, в различное что-то еще, определяя его собой и окрашивая. По этой причине, во-первых, и по еще одной, во-вторых, обусловленной заданной самому себе задачей, ограниченной представлением частного без представления общего, вопрос этот, о том, к какому фрагменту советской (как в разбираемых случаях под самый конец) ментальной действительности относится бег, оставляем без обсуждения.

Двенадцать рассмотренных в обобщении разновидностей в группирующем их представлении

И, возвращаясь собственно к бегу, точнее к двенадцати его перечисленным как характерные для советского, в первую очередь, состояния разновидностям, первоначально распределим их по группам, без уточнения в признаках, позициях этих признаков и их порядках, с тем чтобы только поверхностно попытаться увидеть, что же они (разновидности) представляют, какое дают, точнее могут дать, понимание, интерпретативный облик и вид того, к чему они имеют свое отношение, проявляя его собой (этим не определяемым далее чем-то должен быть в предыдущем абзаце затрагивавшийся фрагмент обобщаемого целого характеризуемой ментальной действительности). Основаниями групп будут ранее выделенные представления о беге как средстве (инструментативы), о беге как проявлении (проективы) и о беге как средстве и проявлении одновременно (инструментальные проективы либо, возможно, в каких-то случаях, для нас несущественных, и наоборот – проецирующие, равно как и проецируемые, инструментативы). Порядки, в последовательности которых по группам означенные разновидности будут даваться, должны быть свидетельством закономерностей, выведение которых позволит задуманную таблицу организовать.

Инструментативы можно было бы дать, руководствуясь сказанным, в такой допустимой последовательности:

- бег статусно-ранжирующего достижения	супрематив Instr(Grav/Prior)
- бег получения	акквизитив Instr(IntensExit)
- бег отделения	сепаратив Instr(IntensAbrupt)
- бег самоосуществления	аутоперсекутив Instr(IntensExist)

- бег пробегания мимо
- бег устремления

| транскурсив Instr(IntensMot)
| прокурсив Instr(IntensFinit)

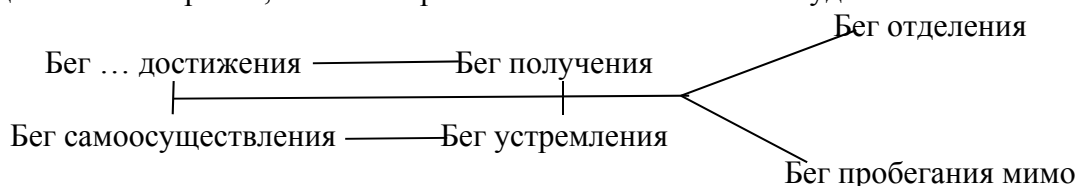
От одного, через второе, третье, четвертое и т.п., к чему-нибудь там в конце, полагая, но не выявляя в такой, равным образом возможной другой, какую-то логику. Всякая комбинация, по этой причине, может быть в своем каком-то раскладе получена и с точки зрения действующей системы тем или иным образом объяснена. По-разному, следовательно, можно было бы в сочетаниях представлять эти шесть разновидностей, в зависимости от оснований, вводимых в качестве избираемых показателей. В зависимости от тех или иных сочетаний разными в соответствующих аспектах представлялись отображаемые ими фрагменты целого. В связи с чем можно было бы говорить об отношении представляемых шести видов бега, в своей совокупности и по отдельности, к разным фрагментам этого целого. Не будем, однако, входить в перебор заложенных в данные виды иллюстративные, а также входящие и подключаемые, возможности к целому в зависимости от выбираемых оснований, предложив лишь одну из таких, в качестве демонстрации, с одной стороны, и, с другой, для того, чтобы попытаться увидеть, что может следовать для системы из подобного предложения.

Не будет не слишком корректным или натянутым предположить, что шесть представленных разновидностей можно объединить в три пары, внутри которой две их составляющие будут находиться в более близком соотношении, а вместе они, три по две, могут представить какую-то группу, которую можно рассматривать как имеющую определенное и не случайное для задачи значение. Получаемые пары представляли бы в результате такое образование: бег статусно-ранжирующего достижения объединялся бы с бегом самоосуществления, как наиболее близкой себе разновидностью; бег получения с бегом устремления, а бег отделения, не объединяясь, расходился бы с бегом пробегания мимо, каким-то образом одновременно и коррелируя с ним: семантика того и другого, предполагая в своей основе нечто в принципе сходное, одновременно разводит эти две разновидности в исходном мотиве и результате.

Не вдаваясь в подробности и детали предполагаемого сходства, выразить его можно было бы схематично, а потому и условно, хотя и непротиворечиво, в виде векторов и направленностей. Для бега статусно-ранжирующего достижения и самоосуществления можно принять направление внутреннего ориентирующего себя «я» вверх (стрелкой вверх: ↑) к поставленному или ведущему как цель достижения или самоосуществления стать выше, лучше, достойнее, впереди других и т.п. Бег получения с бегом устремления объединяет вектор горизонтальной направленности (ментально-пространственной) от этого самого «я» на целевой объект (горизонтальная стрелка с точкой целевого объекта: → •).

Бег отделения и бег пробегания мимо объединяет какая-то, важная для первого и предполагаемая для второго, не столько значимая, сколько имеющаяся у него для сознания, точка исходного отправления с дальнейшим перемещением, предполагающим прохождение рядом и вдоль (для второго) либо через и сквозь (для первого) какого-либо объекта как значимой для обеих границы, с преодолением которой для первого наступает момент отделения с удалением к целевому объекту (если имеется таковой), а для второго заканчивается, исчерпывает себя в своем значении пробегание мимо, и удаление в пространстве дальнейшего перемещения не имеет как обозначенной и осознаваемой цели, предполагающей тот или иной объект. Схематически это можно выразить в виде стрелки из точки исхода с пересечением границы, отделяющей данное состо-

яние от другого, для первого, с продолжением ее в дальнейшем, с направленностью либо нет, на конкретный объект: • --|--> (•), и прохождением возле границы объекта, который минуют, задерживаясь при нем или нет, для второго, с продолжением стрелки, но без направленности на что-либо и куда-либо: • >>•>>.

Инструментальная часть рассматриваемого состава устройства целого в отношении бега, тем самым, может быть представляема как такая, для которой правое (бег отделения и пробегания мимо), в избранной нами вариации, без далеко идущего обобщения, было бы чем-то итогово-результативным (уйти куда-нибудь прочь либо, минуя, пройти, «стороной как косой дождь», по известному определению С. Есенина).

Соответственно, то, что левое (бег статусно-ранжирующего достижения и самоосуществления), было бы мотивирующим и побуждающим в отношении предполагаемой самореализации и жизненно важной, экзистенциональной деятельности, воспринимаясь как необходимость не просто чего-то достичь, а статуса и положения быть лучше или, по крайней мере, не хуже других, по сравнению с ними, в отличие от них и на их фоне (семантика эксклюзива), с типично возможной как предоставляемой реализации к этому в замкнутой, не выходящей из себя самоцельности (исчерпывающем беге по кругу) амбиционных своих устремлений, не обретающих выхода вне самих себя.

И, наконец, теми формами, которые обеспечивают левое и направляют к правому были бы, осуществляемые в беге (осевые по месту) направленности к тому, чтобы что-нибудь там для себя получить (в материальном смысле, а потому и материальная сторона осевой), либо, мечтая о чем-то, устремляясь в мыслях, в мечтаниях и, возможно, делах, находить себе успокоение в том, что может быть, может ждать, где-то там и не здесь (как «Бегущая по волнам», а тем самым, и идеальная сторона осевой). Выход в 'пройти мимо' либо 'уйти отсюда, от этого' правого, как завершение, разрешение и результат всего предыдущего, левого побуждающего и правого реализующего его, выглядит в этой связи позиционно уместным и неотвратимо логичным.

Не хотелось бы поднимать все сказанное до ранга высокого обобщения, был предложен лишь один из возможных интерпретативных подходов с учетом выведенного нами материала. То же самое можно и следует представлять в каких-то других отношениях и вероятных связях, однако, как уже говорилось, бóльшая объективность подобного рассмотрения требует большего и обширного материала, с точки зрения как выводимых фрагментов целого, так и количества характеризующих разновидностей, т.е. видов и форм изучаемого, в нашем случае, бега.

Две следующих группы – проективы и проективы-инструментативы, с учетом такого же их в сумме числа (четыре плюс два), рассмотрим совместно, что в принципе нисколько не умаляет достоинства получаемой схемы, поскольку те и другие с таким же успехом можно было бы с первой шестеркой в общую схему также объединить (но мы не будем ставить перед собой такую задачу, имея намерение не столько описывать, сколько показывать внутренние возможности и получаемые следствия из какого-нибудь подобного описания).

Проективы и проективы-инструментативы представим сначала также в какой-то последовательности, логичной по-своему, но для нашей задачи неважно какой. После чего попытаемся выявить форму возможного их сочетания между собой, как одну из предполагаемых и не противоречащих допустимому вариаций, предложив способную быть приемлемой интерпретацию. Закончив все это соотношением двух совместных групп из шести разновидностей с первой, из такого же их числа состоящей.

- бег проявления эмотивного состояния	остентатив Proj(IntensEmot)
- бег физиологической необходимости	нецесситатив Proj(IntensNecess)
- бег выражаемой зависимости	коммодатив Proj(IntensCommod)
- бег выдвижения	эксцессив Proj(IntensExcess)
- бег искательства	кверитатив InstrProj(IntensQuer)
- бег оказания помощи	мизеритив InstrProj(IntensMiser)

Наиболее простым и не требующим медиативного соотнесения с другими возможными группами и элементами общего целого видится следующее смысловое расположение в парах. Бег проявления эмотивного состояния в корреляции с бегом физиологической необходимости, как выход, заместительное, компенсаторное, объявление вовне того, что сидит внутри (для первого), и проявляемый внешне поиск, обеспечивающий удовлетворение потребности (для второго). Векторность и направленность (которые могут быть и не быть), как в случае с группой инструментативов, для проективов представляются не вполне релевантными, по природе того, чем является проявление в отличие от средства и инструмента.

Общим для бега эмотивного состояния и бега физиологической необходимости следовало бы считать побуждение к бегу (выход и самозапуск «я»), вызываемое определенным толчком. В первом случае «я», видя либо избирая объект своего негативного эмотивного состояния, нейтрализацию представляет в его достижении и нападении на него. Во втором, приблизительно в том же, с тем отличием, что это может быть также и поиск (для первого поиск возможен, но не типичен). Само состояние при этом, скорее, беспокоящее, чем негативно окрашенное, и настигаемый объект выступает объектом удовлетворения, а не уничтожения либо агрессии.

Вторую пару составили бы бег выражаемой зависимости и бег искательства, связанные между собой мотивирующим их проявлением, по необходимости и положению (для первого) либо сознательно и добровольно (для второго), стараться удовлетворить своим 'бегом' (осуществляемыми действиями) стоящее за всем этим заинтересованное лицо (каузирующего диспонента).

И, наконец, третью пару составят бег выдвижения и оказания помощи как то, что предполагает стремление быть на передовой, впереди, поспеть, не отстать (для первого) либо вовремя, так, чтобы успеть, быть кому-то полезным, выручить и спасти (для второго).

В отличие от шестерки инструментативов, вторая не представляется связанной парами по горизонтали. Вид ее можно выразить через три вертикали: обеспечения выхода (в отношении первой пары), осуществляемого достижения (для второй) и намеряемого устремления (применительно к третьей):

Бег эмотивного состояния	Бег ... зависимости	Бег оказания помощи
Бег ... необходимости	Бег искательства	Бег выдвигания

В силу того, что между парами не выводится связей, объединяющих их в какую-то общую комбинацию, эту группу необходимо признать не организованной и принципиально открытой. По сравнению с группой инструментативов, которые объединились в представленную, в целом логичную, комбинацию не потому, что образуют единство и не потому, что закрыты в этом своем составе, а потому, что позиционно оказались посажены на какие-то, обусловленные внутренней логикой целого, хотя и не проявленные в своей определенности и достаточности, места.

Соотношение шести проективов (плюс проективов-инструментативов), не составляющих никакого единства, с группой инструментативов, объединенных представленным образом, видится в вертикалях. Обеспечение выхода (в беге эмотивного состояния и физиологической необходимости) ближе всего по смыслу соотносимо с результативной, правой, частью инструментативов (бег отделения и бег пробегания мимо). Здесь и там разумеется внутренне выходная, разрешающая и результирующая составляющая комбинаторной системы целого в его валентных взаимных соположениях. Осуществляемое достижение (бега выражаемой зависимости и бега искательства) наиболее явным образом связывается с осевой частью инструментативов, также предполагающих достижение, видимо-материальное либо воображаемо-идеальное (в беге получения и устремления). И, наконец, намереваемое устремление (другое по смыслу, чем в беге устремления, поскольку в нем, если и есть намерение, нет намереваемости, в силу абстрактности, отвлеченности воображаемо-идеального) ближе всего по смыслу к бегу статусно-ранжирующего достижения и бегу самоосуществления (как мотиву и побуждению), предполагающих устремление как внутреннее исходное состояние, ищущее и последовательно находящее в беге реализуемую для себя направленность.

Представленное необходимо рассматривать как возможный в дальнейшем подход, способный описывать целое, в соотношении его составляющих, а также как открывающий перспективу вывод из ранее проделанного анализа. А тем самым, и как его завершение. Все остальное, обобщавшееся и последовательно уточнявшееся, как по ходу исследования, так и в конце его разных частей, было в общем и целом сказано и повторения по этой причине не требует. Автор, во всяком случае, в этом не видит особого смысла.

Литература³⁴

- Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, 252 с.
- Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28, М., 1986. – С. 5-33.
- Апресян Ю.Д. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск, 2-е изд., исправл. Под общим руководством Ю.Д. Апресяна, М., 1999. – С. XVI-XXXIV.
- Арутюнова Н.Д. Событие // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., исправл., М., 1999. – С. 507-519.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988, 341 с.
- Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология. Под ред. В.Н. Нерознака. М., 1997. – С. 267-280.
- Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977, № 3. – С. 47-54.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, 416 с.
- Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985, 180 с.
- Бескова И.А. Проблемы соотношения ментальности и культуры // Когнитивная эволюция и творчество. М., 1995. – С. 76-100.
- Библиотека русского фольклора. Сказки. Книга I, М., 1988, 544 с.
- Богуславский И.М. О понятии сферы действия предикатных слов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39. – С. 359-368.
- Бондарко А.В. Носитель предикатного признака // Вопросы языкознания. 1991, № 5. – С. 27-41.
- Борщев В.Б., Кнорина Л.В. Типы реалий и их языковое восприятие // Язык логики и логика языка. Сб. статей к 60-летию В.А. Успенского. М., 1990. – С. 106-134.
- Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. – С. 7-85.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Персональный дейксис. Общие замечания // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. – С. 194-207.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Темпоральный дейксис. Общие замечания // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. – С. 236-242.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997, 576 с.

³⁴ Приводимый список, сам по себе не полный и не достаточный, имеет смыслом дать самое общее представление о проблематике, скорее лишь номинально связанной с проведенным исследованием. В связи с чем далеко не все из него, не бывши использованным, получило в работе свое надлежащее отражение.

- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000. – С. 277-288.
- Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М., 1981, 184 с.
- Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь, репринт V-го издания 1899 г. М., 1991, 1370 с.
- Верицагин Д.С., Титов К.В. Эгрегоры человеческого мира. Логика и навыки взаимодействия. СПб., 2008, 336 с.
- Вольф Е.М. Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. М., 1982. – С. 320-354.
- Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975, 283 с.
- Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982, 264 с.
- Гак В.Г. Номинация действия // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. – С. 77-84.
- Григорьян Е.Л. Действие и деятель // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. – С. 96-102.
- Григорьян Е.Л. Синтаксические структуры как способы представления ситуаций // Филологический вестник Ростовского гос. университета. 2000, № 2. – С. 25-32.
- Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и координатах интерпретации текста // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1983. Т. 42, № 4. – С. 320-329.
- Джонсон-Лэард П.Н. Ментальные модели // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Барнаул, 2001. – С. 148-149.
- Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988. – С. 6-17.
- Дьяконов В.П., Борисов А.В. Основы искусственного интеллекта, Смоленск, 2007.
- Ельмслев Л. Язык и речь // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965. – С. 56-66.
- Ерофеева Е.В. К вопросу о соотношении понятий норма и узус // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. статей. Отв. ред. Т.И. Ерофеева. Вып. 2. Пермь, 2003. – С. 3-8.
- Зализняк Анна А. О понятии «факт» в лингвистической семантике // Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988. – С. 107-120.
- Зализняк Анна А. Контролируемость ситуации в языке и жизни // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. – С. 138-145.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. статей. М., 2005, 544 с.
- Золотова Г.А. Синтаксический словарь. М., 1988, 440 с.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору (Сборник статей памяти В.Я. Проппа). М., 1975. – С. 44-76.
- Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. Серия: „Актуальные проблемы прикладного языкознания”. М., 1987, 54 с.
- Кибрик А.Е. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания, 2009, № 2. – С. 2-21.

- Кильдибекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке: Опыт функционально-семантического анализа. Саратов, 1985, 160 с.
- Клещев А.С. Семантические порождающие модели. Общая точка зрения на фреймы и продукции в экспертных системах. Владивосток, 1986, 40 с.
- Кобозева И.М. Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения, знания // Логический анализ языка: Знание и мнение. Сб. науч. трудов АН СССР. Ин-т языкознания. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1988. – С. 82-98;
- Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2007, 624 с.
- Колесов В.В. Философия русского слова. СПб., 2002, 448 с.
- Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2-х тт., СПб., 2014, 1184 с.
- Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III, М., 1963. – С. 143-343.
- Краснова Т.И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). СПб., 2002, 189 с.
- Крылов С.А. К типологии дейктических систем // Лингвистические исследования: Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. В 2 ч. Ч. 1. Отв. ред. В.И. Подлесская. М., 1984. – С. 138-148.
- Курашов В.И. Философия и российская ментальность: философская мысль России на пороге XXI века. Казань, 1999, 303 с.
- Латинско-русский словарь. Сост. И.Х. Дворецкий, Д.Н. Корольков. Под общей ред. С.И. Соболевского. М., 1949, 950 с.
- Кустова Г.И. Глаголы изменения: процесс и наблюдатель // Научно-техническая информация. Серия 2. 1994, № 6. – С. 16-31.
- Кустова Г.И. Некоторые проблемы описания ментальных предикатов // Научно-техническая информация. Серия 2. 1998, № 6. – С. 22-28.
- Кустова Г.И. Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 1999. – С. 229-238.
- Львов Л.А. К определению основных типов глагольных предикатов // Семантика и функционирование английского глагола. М., 1985. – С. 81-91.
- Мартемьянов Ю.С. (1964) Заметки о строении ситуации и форме ее описания // Мартемьянов Ю.С. Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов. М., 2004. – С. 103-126.
- Марцинковская Т.Д. Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М., 1999, 155 с.
- Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. М., 1999, 312 с.
- Минский М. Структура для представления знаний // Психология машинного зрения. М., 1978. – С. 250-338.
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979, 151 с.
- Мухамеджанов М.М. История ментальностей: вопросы трактовки и изучения // Россия на грани тысячелетий: историческая трансформация и социально-духовные поиски. М., 1998. – С. 38-48.
- Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М., 1995, 432 с.
- Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. Том 1, М., 1958, 515 с.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985, 272 с.

- Падучева Е.В. Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. – С. 69–77.
- Падучева Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 5(12). М., 2006. – С. 403-413.
- Падучева Е.В. О параметрах лексического значения глагола: отнологическая категория и тематический класс // Русский язык сегодня. Т. 3. Проблемы русской лексикографии. Ред. Л.П. Крысин. М., 2004. – С. 231-238.
- Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2000. – С. 395-416.
- Падучева Е.В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания, 1998, № 5. – С. 3-23.
- Перцова Н.Н. Формализация толкования слова. М., 1988, 83 с.
- Петров В.В. Проблема указания в языке науки. Новосибирск, 1977, 128 с.
- Петрухина Е.В. Об универсальном и идиоэтническом компонентах языкового содержания // Исследования по языкознанию. К 70-летию А.В. Бондарко. СПб., 2001. – С. 56-66.
- Подосинов А.В., Белов А.М. Русско-латинский словарь. М., 2000, 376 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999, 30 с.
- Правикова Л.В. Современная теория дискурса: когнитивно-фреймовый и аргументативный подходы. Пятигорск, 2004, 243 с.
- Проблемы концептуализации действительности и моделирование языковой картины мира. Архангельск, 2002.
- Разин Р.А. Иррациональная и рациональная ментальность // Менталитет: широкий и узкий план рассмотрения. Ижевск, 1994. – С. 21-30.
- Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. – С. 274-323.
- Розина Р.И. Движение в физическом и ментальном пространстве // Логический анализ языка: Языки динамического мира. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. Дубна; М., 1999. – С. 108-118.
- Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм. Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997, 590 с.
- Рябцева Н.К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. – С. 51-57.
- Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982. – С. 86–157.
- Словарь русского языка в четырех томах. Изд. второе, исправл. и дополн. Т. I, М., 1981, 698 с.
- Словарь сочетаемости слов русского языка. Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина, изд. 2-е, исправл. М., 1983, 688 с.
- Солсо Р. Когнитивная психология. М., 1995, 589 с.
- Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. (Семиологическая грамматика). М., 1981, 361 с.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2001, 990 с.
- Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006, 463 с.

- Татевосов С.Г. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005, №1. – С. 108–141.
- Титов К.В. Эгрегоры и архетипы энергоинформационной цивилизации. М., 2006, 100 с.
- Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке (комплексный функционально-когнитивный словарь). Уфа, 1998, 147 с.
- Туровский В.В. О соотношении значений многозначного слова // Семиотика и информатика. Вып. 26. М., 1985. – С. 83-104.
- Уланова С.Б. Фрейм как структура репрезентации знаний // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Сборник научных трудов. Рязань, 2000. – С. 133-141.
- Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003, 224 с.
- Ферм Л. Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке. К вопросу префиксально-предложного детерминизма. Упсала, 1990, 187 с.
- Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 1999, 52 с.
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1983. – С. 52-92.
- Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. М., 1997. – С. 340-369.
- Шейна И.М. Роль фоновых знаний в понимании иноязычного текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Вып. 6, 2009. – С. 111-117.
- Шенк Р. и др. Обработка концептуальной информации. М., 1980, 360 с.
- Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996, 226 с.
- Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Под ред. З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Воронеж, 2002, 245 с.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994, 344 с.
- Яцко В.А. Логико-семантические аспекты понятия отчужденного знания // Научно-техническая информация. Серия 2, 1993, № 7. – С. 19-25.
- Davidson D. The Individuation of Events // Essays in Honor of C.G. Hempel, Dordrecht, 1969. – P. 216-234.
- Haslett B. Communication: Strategic Action in Context. Hillsdale, N.J., 1987, 308 p.
- Kim J. Events and Their Descriptions: Some Considerations // Essays in Honor of C.G. Hempel, Dordrecht, 1969. – P. 198-215.
- Talmy L. Semantics and syntax of motion // Syntax and Semantics, 4, NY, 1975. – P. 181-238.
- Talmy L. How language structures space // Spatial Orientation. Theory, Research, and Application. NY, L, 1983. – P. 225-282.
- Talmy L. The fundamental system of spatial schemes in language // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin, 2006. – P. 199-234.

Научное издание

Пётр Червинский

Формы и виды бега
русской ментальной действительности:
семантика узуальных мотивов и обстоятельств

Дизайн обкладинки, верстання та макет: Юрій Завадський.
В оформленні обкладинки використаний фрагмент твору Джексона Поллока.
Мова видання: російська.

Підписано до друку 10.11.2014. Папір офсетний.
Гарнітура Times. 13,8 ум. др. арк.
Тираж 500 примірників.

Видавництво «Крок»
Свідоцтво ДК No.3538 від 30.07.2009 року
вул. Гайова, 56, Тернопіль, Україна, 46006
тел. +38 0352 248436
info@krokbooks.com
KrokBooks.com